

Л.Н. Гумилев

Конец и вновь начало

Содержание

АВТОРСКИЙ ДИАЛОГ

I. Этнос: его свойства и особенности

ЧЕЛОВЕК В БИОСФЕРЕ

МОЗАИЧНАЯ АНТРОПОСФЕРА

ЭТНОС - НЕ ОБЩЕСТВО?

ЭТНОС - НЕ РАСА?

ЭТНОС - НЕ ПОПУЛЯЦИЯ?

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ЛОГИКА

СУБЭТНОСЫ

ИСТОЧНИКИ ЭНЕРГИИ

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

УСЛОВИЕ, БЕЗ КОТОРОГО НЕЛЬЗЯ

ЭНЕРГИЯ ЖИВОГО ВЕЩЕСТВА

II. Пассионарность

НЕОБОРИМАЯ СИЛА

ПОЛЕ В СИСТЕМЕ

ИМПУЛЬС ОДИН - ЦЕЛИ РАЗНЫЕ

СТЕПЕНИ ПАССИОНАРНОСТИ

СООТНОШЕНИЕ РАЗРЯДОВ ИМПУЛЬСОВ

ЗАРАЗИТЕЛЬНОСТЬ ПАССИОНАРНОСТИ

III. Вспышки этногенезов

СОЦИАЛЬНАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИИ

КРИВАЯ ЭТНОГЕНЕЗА

СЛАВЯНО-ГОТСКИЙ ВАРИАНТ

СИРИЙСКИЙ ВАРИАНТ I ВЕКА

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВАРИАНТ

АРАБО-СОГДИЙСКИЙ ВАРИАНТ

ИНДИЙСКИЙ (РАДЖПУТСКИЙ) ВАРИАНТ

ЛЕГЕНДА К КАРТЕ ПАССИОНАРНЫХ ТОЛЧКОВ

ТИБЕТСКИЙ ВАРИАНТ

ХУННСКИЙ ВАРИАНТ

ТАНСКИЙ (ТАБГАЧСКИЙ) ВАРИАНТ

IV. А в Европе

ФРАНКИ

ФРАНЦУЗЫ И НЕМЦЫ

ВИКИНГИ

ФЕОДАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ДВА ИНДИКАТОРА

V. Акматическая фаза
ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИМПЕРАТИВ
СУБПАССИОНАРИИ
ИЗМЕНЕННЫЙ СТЕРЕОТИП ПОВЕДЕНИЯ
ПАССИОНАРНЫЙ ПЕРЕГРЕВ
СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА И ЭТНОГЕНЕЗ
БУЙСТВО УМА И СЕРДЦА

VI. Этногенез и культурогенез
СФЕРА МЫСЛИ В ЭТНОГЕНЕЗЕ
ЭЛЛАДА
ИРАН И ТУРАН
ТИБЕТ
ИНДИЯ
КИТАЙ

ТРИ ПАРАМЕТРА
НЕВИДИМЫЕ НИТИ
ПОКЛОННИКИ "ПОЛНОТЫ"
ПОКЛОННИКИ "СВЕТА"
МАРКИОН И МАРКИОНИТЫ
КАТАРЫ
ЗИНДИКИ
"СТАРЕЦ ГОРЫ"

ОСТАНОВКА В ПУТИ
ОГРАНИЧЕННОСТЬ ОТРИЦАНИЯ

VII. Пассионарные надломы
МЕХАНИЗМ НАДЛОМА
ПАССИОНАРНЫЙ НАДЛОМ В ЧЕХИИ
ПАССИОНАРНЫЙ НАДЛОМ В ГЕРМАНИИ
РЕФОРМАЦИЯ - ИНДИКАТОР НАДЛОМА
ПАССИОНАРНЫЙ НАДЛОМ В АНГЛИИ
ПАССИОНАРНЫЙ НАДЛОМ В ИТАЛИИ
ПАССИОНАРНЫЙ НАДЛОМ ВО ФРАНЦИИ
РОЛЬ ИСПОВЕДАНИЙ В ФАЗЕ НАДЛОМА
ПАССИОНАРНЫЙ НАДЛОМ В ВИЗАНТИИ

VIII. Контакты на уровне суперэтносов
ПОЛЯРИЗАЦИЯ В СУПЕРЭТНОСАХ

В АМЕРИКЕ
В ЕВРОПЕ
В СИБИРИ И НА АЛЯСКЕ
В ПОЛИНЕЗИИ И АФРИКЕ
ЗАБЫТОЕ ПРОШЛОЕ

КРЕСТОНОСЦЫ
ПОЛОВЦЫ НА НИЛЕ
СИДОНСКАЯ ТРАГЕДИЯ
ПУТЬ К БЕДСТВИЮ
ГИПОТЕЗА ЭТНИЧЕСКОГО ПОЛЯ
ДИАХРОНИЯ КАК ПРИНЦИП

IX. Золотая осень цивилизации
ОТ НАДЛОМА К "РАСЦВЕТУ"
ИЗДЕРЖКИ "РАСЦВЕТА"
ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЕВРОПЫ
В СЕРДЦЕ АЗИИ
"РАСЦВЕТ" НАЧИНАЕТ МЕРКНУТЬ
ПОКОРЕНИЕ ПРИРОДЫ
РАСПРАВА С ИНДЕЙЦАМИ
МЕСТЬ ПРИРОДЫ
И ТАК БЫЛО ВСЕГДА

X. Когда надвигается тьма
СМЕНА ФАЗОВЫХ ИМПЕРАТИВОВ
НОСИТЕЛИ ОБСКУРАЦИИ В РИМЕ
СУБЭТНОС ПРОТИВ СУПЕРЭТНОСА
ИМПЕРИЯ ПРОТИВ ВЕЧНОГО ГОРОДА
УГАСАНИЕ ИРАНА
НЕИСТРЕБИМАЯ ЖИЗНЬ
ВОЗВРАЩЕНИЕ УТРАЧЕННОГО "РАЯ"
УТРАТА МЕЧТЫ

XI. Скрытые силы
ЭТНИЧЕСКАЯ РЕГЕНЕРАЦИЯ КАК ПРИНЦИП
ПРОВЕРИМ СЕБЯ
ВОЛЯ К СПАСЕНИЮ
ПОСЛЕ КОНЦА

Схемы этногенеза нескольких суперэтносов (фазы)

Вверху луна бежит неудержимо,

Внизу бежит подземная вода.

Уходят вдаль года, года проходят мимо,

И часто мнится - навсегда.

Но бурых туч встревоженные пятна

И серный огонь подземных родников

Зовут на землю вновь, зовут сюда обратно

Мечты давно в земле зарытых стариков,

Утраченные дни сильнее поколений.

Детей не упасут от пращуров отцы.

Истоки ваших чувств, восторгов и стремлений

Хранят в глухих гробах седые мертвецы.

Досель вся ваша жизнь служила для ответа

Вопросу грешника, скорбящего в гробу.

Л.Н.Гумилев.

Зимняя сказка. Поэма. Норильск. 1942 г. Лагерь.

АВТОРСКИЙ ДИАЛОГ

Редактор: Ваша книга так насыщена историческим материалом, и так легко и свободно Вы с ним обращаетесь, что читатель, уйдя в интереснейшую фактологию, подчас теряет логику Вашей научной мысли. Может быть, есть смысл сформулировать ее отдельно и кратко?

Автор: Эта книга посвящена описанию той общей схемы процесса, которая одинаково присуща ходу любого этногенеза в биосфере Земли. Известно, что человечество как вид едино и

в данном аспекте представляет собой антропосферу нашей планеты. Однако внутривидовое этническое разнообразие позволяет нам рассматривать мозаичную антропосферу как этносферу - часть биосферы Земли.

Этническое разнообразие легко объяснить адаптацией групп людей в разных ландшафтах: в разных климатических условиях географической среды образуются разные этносы и разные культурные традиции. Так в географических условиях проявляется этническое многообразие. Но чем же определяется единство разнообразных этногенезов?

Оказывается, что в их основе лежит только одна модель этногенеза, проявляющаяся в последовательности фаз. Эта модель иллюстрирует частный случай проявления второго начала термодинамики (закона энтропии) - получение первичного импульса энергией системой и затем последующая растрата этой энергии на преодоление сопротивления среды до тех пор, пока не уравниваются энергетические потенциалы. Переведем эти слова на язык житейского примера. Костер от спички вспыхивает с одного края. Тяга вначале увеличивается и пламя разгорается, затем горение замедляется из-за нехватки кислорода внутри костра, и огонь продолжает бушевать по краям. Наконец, сгорает все топливо, угли затухают и превращаются в остывающий пепел. Эта модель знакома кибернетикам, но для объяснения этнической истории применена впервые. Установление наличия природной закономерности прояснило характер взаимоотношения человечества с природной средой. Мы, люди, часть природы, и ничто натуральное нам не чуждо. В природе все стареет: животные и растения, люди и этносы, культуры, идеи и памятники. И все, преображаясь, возрождается обновленным; благодаря этому диалектическому закону развивается наша праматерь - биосфера.

Редактор: Пусть так, природа подчинена своим законам и не в силах их изменять. Значит, по-Вашему, люди как природный феномен тоже не могут проявить самостоятельность даже в тех вопросах, которые их непосредственно касаются? Автор: Да, именно так.

Редактор: Тогда есть ли в Вашей теории практический смысл?

Автор: Есть. И огромный! Людей окружают различные природные системы, среди коих управляемые - редкость. Но многие неуправляемые явления предсказуемы, например циклоны, землетрясения, цунами. Они приносят бедствия, которые нельзя полностью предотвратить, но уберечься от них можно. Вот потому нам и нужны метеорология, сейсмография, геология и гидрология. Этнология подобна этим наукам. Она не может изменить закономерностей этногенеза, но может предостеречь людей, не ведающих, что они творят. Но, как всегда, фундаментальная наука, ищущая только истину и бескорыстно накапливающая знания, предшествует практическим выводам. Зато когда наука становится практикой, эта последняя компенсирует все затраты труда, таланта и жизненной энергии. Как здание не устоит без уходящего в землю фундамента, так и практическое применение научной теории или гипотезы невозможно без предварительного изучения предмета. Мысль первооткрывателя долгое время бывает расплывчатой и туманной. Только соприкосновение идеи автора с восприятием читателя позволяет ей воплотиться в научную концепцию.

Редактор: Как Вы объясняете Ваш не совсем привычный для научного академического издания способ изложения исторического материала - большие диалоги при ограниченном числе ссылок на источники, эмоциональность, не свойственную текстам научных трудов?

Автор: Есть два способа изложения новой мысли. Один считается "академическим". Это значит, что нужно насытить текст специальными терминами и ссылками настолько, что не всякий специалист сможет его понять без словаря. Не буду осуждать этот способ, хотя он мне представляется не столько "научным", сколько "научообразным". При написании диссертаций он очень полезен, но ведь диссертацию читают три оппонента и два рецензента.

Второй способ - это "забавный русский слог", т.е. простой разговорный язык. Нет научной

идеи, которую нельзя было бы изложить ясно и кратко человеку со средним образованием, но, разумеется, тут необходимо применять литературные приемы: метафоры, гиперболы, эпитеты и даже вымышленные диалоги. Впрочем, к последнему приему прибегал еще Геродот; зато его любили читать и переписывали, так что его "История" дожила до нашего времени, а труды оскучнителей науки забыты.

Редактор: Я вижу. Вы сторонник второго способа, но Вы рискуете стать жертвой критиков. Они не любят того, к чему не привыкли.

Автор: Я больше думаю о читателях. Надо, чтобы они уяснили содержание работы и не бросили книгу не дочитав. Условимся считать мой стиль экспериментальным. Какое значение имеет стиль и язык, если содержание передано адекватно? Я старался также не перегружать книгу отсылочными сносками, поскольку монография - не статья. Тезисы любой монографии должны опираться уже не на первичный материал непроверенных источников, а на верифицированные выводы своих и чужих работ.

Но даже монографическое исследование - лишь необходимая опора для "философского обобщения" или изложения научной идеи, возникшей путем синтеза многих научных дисциплин. Таковы работы В. И. Вернадского^{А1} (в том числе "Биосфера", "Химическое строение биосферы Земли и ее окружения"), Л. С. Берга^{А2} ("Климат и жизнь", "Номогенез"), Н. И. Конрада^{А3} ("Запад и Восток"), А. Тойнби^{А4}, О. Шпенглера^{А5} и др. Здесь авторы обращаются к образованному читателю, который знает факты настолько, что делать сноски нет необходимости.

Моя работа лежит между монографией и философией. Она - "эмпирическое обобщение" тридцати статей и четырех монографий^{А6}, а еще четырех трактатов, выражающих суть диалектики природных процессов антропосферы^{А7}. Словом, это, образно говоря, некая кариатида. Но в основе сюжета данной книги - возрасты этноса, описание особенностей, характера фаз этногенеза, закономерности взлетов и увяданий этносов, цикличности, названной мною "Конец и вновь начало". Почему?

История - способ изучения свойств и событий времени, а историческая география - совмещения времени с пространством. Если считать, что история не имеет ни начал, ни концов, то изучение ее было бы невозможно, потому что изучение есть сравнение соразмерных явлений и выявление их взаимосвязей. Если явление одно, то оно несравнимо. Поэтому фраза "Конец и вновь начало" констатация дискретного исторического времени.

Эту трудность подметил и сформулировал великий историк древнего Китая Сыма Цянь и предложил условное деление известной ему истории на периоды. Более того, он открыл в этих периодах реальную сущность исторического времени, которое не сходно ни с циклическим календарем, ни с физическим линейным временем. Историческое время - это, по его мнению, цепочка событий, связанных причинностью. Они конечны: начавшись с какого-то, иногда даже незаметного, факта, события текут как лавина, до тех пор, пока не иссякнет инерция, а остатки "материала", вовлеченного в процесс, не улягутся в покое. Тогда, по Сыма Цяню, начнутся новые процессы, неповторимые в деталях, но сходные в общих чертах^{А8}.

Развитие науки за 2000 лет позволило уточнить мнение китайского мыслителя. "Толчки", порождающие этнические процессы, возникают в разных регионах Земли, беспорядочно чередуясь. Идея "квантованного времени" сохранилась, но и усложнилась. Ради изложения ее на глобальном материале трех тысячелетий, с применением диалектического метода, и написана эта книга.

(Комментарии - *N - написаны: Александром Мироновым - (АМ), Александром Родионовым - (АР) в попытке растолковывать отдельные факты для публики, а где-то и откорректировать выводы автора, в тех областях науки, где Лев Николаевич был не так силен.)

I. Этнос: его свойства и особенности

ЧЕЛОВЕК В БИОСФЕРЕ

Поставим вопрос так: почему эта проблема нам интересна? Ведь простое коллекционирование каких-либо сведений никогда не западает человеку в голову и не вызывает интереса. И если уж мы учим что-нибудь и тратим на это силы, то надо знать - для чего? Ответ, по-моему, прост.

Человечество, существующее на Земле совсем немного, каких-нибудь 30-50 тысяч лет, тем не менее произвело на ее поверхности перевороты, которые В. И. Вернадский приравнивал к геологическим переворотам малого масштаба. А это очень много. Каким образом один из видов млекопитающих сумел до такой степени видоизменить, и не в лучшую сторону, Землю, на которой живет?

Эта проблема актуальна для нашего поколения, а особенно актуальной станет она для наших потомков, потому что если мы не вскроем причины тех перемен, которые ныне совершаются на всей Земле и которые всей мыслящей частью человечества считаются проблемой номер один, то тогда незачем выходить замуж, жениться, рожать детей, ибо биосфера погибнет, и погибнут все и вся. Но для того, чтобы разобраться в этом вопросе, нужно исследовать его историю.

Человек как существо биологическое относится к роду Номо. Для этого рода при его появлении на Земле было характерно довольно большое разнообразие видов. Это касается и тех видов Номо, которые мы, строго говоря, не вправе считать за людей, а именно: питекантропов и неандертальцев.

Почему же вид Номо sapiens распространился по всей суше Земли и всю ее превратил в свою Ойкумену - место, где он живет? За счет чего человек смог распространиться повсюду? Ведь все животные живут в определенных для каждого вида условиях. Так, волк - степной зверь. Он живет в степи или в перелесках, где скрывается, но в глухой тайге волка нет; медведь - лесной зверь, в степи ему делать нечего. А белый медведь? Это другой вид, относящийся к роду медвежьих. Он настолько уже отделился от своего какого-то прапрапредка, что к современному лесному бурому медведю относится так же, как человек к неандертальцу. Белый медведь приспособился жить в арктических льдах, питается тюленями и рыбой.

Но, кроме того, есть гималайский медведь, который так приспособился есть плоды, что живет только на деревьях.

Итак, мы констатируем, что животные, для того чтобы занять другие ареалы, чтобы жить в иных ландшафтных условиях, эволюционируют за пределы вида. Человек же остался в пределах одного вида. Все люди, ныне живущие на Земле, относятся к одному виду, но тем не менее они распространились от Арктики до тропиков. Они живут и в сухих местностях, и в высокогорных, и во влажных, в лесах Севера и в тропических джунглях - где угодно, везде адаптируясь в ландшафте.

И ведь человек сумел добиться победы не только за счет техники. В период палеолита техника была еще небогатой. Надо признать, что у человека есть какая-то особая способность - не только социальная, но и природная, которая также отличает его от животных. Эту способность мы можем характеризовать как повышенную лабильность, пластичность, даже способность к реадaptации, повторному приспособлению. За счет чего такая мобильность?

МОЗАИЧНАЯ АНТРОПОСФЕРА

Обратим внимание на одно обстоятельство. Антропосфера мозаична^{В1}, и правильнее называть ее "этносферой". Антропосфера делится на сообщества, которые мы называем попросту народами, либо нациями, либо этносами, "Народ" - термин неудобный, он слишком полисемантичен. Термин "нация" принято применять только к условиям капиталистической и

социалистической формаций, а до этого считается, что наций не было. Не будем спорить о термине. Но термин "этнос" очень пригоден для того, чтобы им обозначать сообщества, на которые распадается все человечествоВ2.

Когда мы сталкиваемся с этой проблемой, кажется, что никакой загадки нет, все очень просто - есть немцы и французы, англичане и итальянцы. Какая разница между ними? Какая-то есть. Когда возникает вопрос, какая же именно разница, то оказывается, что найти ответ сверхтрудно.

Конечно, на то и существует Институт этнографии, и возник он тогда, когда сложность проблемы не стала еще очевидной; каждому было ясно, что есть разные народы и надо их изучать.

Но наука развивается. Многое, ранее ясное, сейчас надо объяснять. Поэтому было избрано самое легкое решение. Как известно, человек - животное общественное. Никто этого оспаривать не собирается. Но верно ли все отношения людей между собой определять только как общественные, т.е. социальныеВ3? Раз люди делятся на этносы, рассуждают этнографы, то и это тоже явление социальное.

На первый взгляд, это как будто звучит убедительно и логично. Но что мы при этом подразумеваем под социальными отношениями? Классики марксизма нас учат, что человек развивается сообразно с развитием производительных сил. Верно. Сначала человек жил в первобытнообщинной формации, потом появились рабовладельческая, феодальная, капиталистическая... Но мы говорим о другом о развитии этносов. Но при таком формационном делении есть ли место для этнических делений? Феодалом может быть и француз, и англичанин, и сельджук, и китаец, и монгол, и русскийВ4.

Точно так же и с крепостными, рабами, наемными рабочими. Словом, социально-экономическая характеристика человека игнорирует этническую. Но значит ли это, что нет ни французов, ни китайцев, ни персов, что разница между ними иллюзорна, что есть только феодалы и крепостные, буржуа и наемные рабочие - все остальное не существенно? Если так, то зачем нужен Институт этнографии? Да и сама этнография? И все-таки оказывается, что этнография нужна.

Итак, что такое этнос? Каковы переходы из одного этноса в другой? Какова разница между этносами? Некоторые говорят, что никакой разницы нет. Мол, что написано в паспорте, то и хорошо. Но ведь в паспорте можно написать все, что угодно. Скажем, любой может записаться малайцем, но от этого он малайцем не станет.

Есть еще одно определение - лингвистико-социальное. "Все люди говорят на каких-то языках, и поэтому, - сказал мне член-корреспондент АН СССР А. А. Фрейман, - французы - это те, которые говорят по-французски, англичане - те, которые говорят по-английски, персы - те, кто говорит по-персидски, и т.д.". "Прекрасно, - сказал я ему, - а вот моя собственная родная мама в детстве до шести лет говорила по-французски, а по-русски научилась говорить уже потом, когда пошла в школу и стала играть с девочками на царскосельских улицах. Правда, после этого она стала русским поэтом, а не французским. Так была ли она француженкой до шести лет?" "Это индивидуальный случай", - быстро нашелся ученый. "Ладно, - говорю я, - ирландцы в течение 200 лет, забыв свой язык, говорили по-английски, но потом восстали, отделились от Англии и крови не пожалели на это отделение - ни своей, ни чужой. Если судить "по языку", то эти 200 лет они были настоящими англичанами?"

Итак, что есть разные этносы - все знают. Этносы - это французы, немцы, папуасы, масаи, эллины, персы. Но на вопрос: что же это такое? - толкового ответа не было. И я его сразу дать не могу. Если бы я мог это сразу сделать, я ограничился бы небольшой статьей, а не предложил бы вниманию читателя книгу.

Поставим и другой вопрос: имеет ли проблема этноса практическое значение? В бытовых случаях мы не путаемся. Если к нам, допустим, приедет английский ученый, мы сразу видим, что это человек иной, чем мы: хоть он говорит по-русски, но не по-нашему, и костюм он носит по-иному. Но в тех случаях, когда эти внешние различия скрадываются, возникает сомнение в значении этнической принадлежности. Например, в трамвай входят четыре человека - одинаково одетых, одинаково хорошо говорящих по-русски и т.д. Допустим, один из них русский, а другие: кавказец, татарин и латыш из Прибалтики. Есть между ними разница или нет? Казалось бы, каждому понятно, что есть. Однако один мой оппонент заявил, что если между ними не произойдет какого-нибудь глупого, надуманного национального конфликта, никто и не узнает, что между ними есть разница, и вообще, реально ее нет. "Нет, ответил я, - никакого национального конфликта здесь может и не быть. Просто любое событие может вызвать у этих людей разную реакцию, разный стереотип поведения". Влезает, например, в тот же трамвай буйный пьяный и начинает хулиганить. Что произойдет? Ну, русский, допустим, посочувствует, скажет: "Ты, земляк, выйди, пока не забрали". Кавказец, скорее всего, не стерпит, может и ударить. Татарин, по всей вероятности, отойдет в сторону и не станет связываться. Западный человек попытается прибегнуть к милиционеру.

Итак, именно стереотипы поведения у разных этносов всегда более или менее различны, но и эти различия при близких условиях жизни часто скрадываются либо исчезают постепенно.

У нас около Ленинграда живет большое количество финских племен: карелы, ближе к Онеге - вепсы, чухны (чудь белоглазая). Как будто они внешне от русских не отличаются и говорят по-русски правильно. Когда карел или вепс идет по Литейному - его не узнаешь. Но стоит попасть в их родные деревни, и этнические различия выявляются без труда.

На что это похоже? Поставим вопрос: какого цвета воздух? В комнате цвета воздуха не видно, потому что его относительно мало, а посмотрите в окно - голубое небо - это цвет воздуха. Так и здесь: этническая характеристика лучше воспринимается и улавливается в больших массах, нежели в единичных случаях. Но все-таки этнический стереотип выявляется иногда и в единичных случаях.

ЭТНОС - НЕ ОБЩЕСТВО?

Что такое социальный? Это латинское слово "socium", переводимое как "общество", "общественный"; в таком значении употребляется во всех западноевропейских языках применительно к формам как животной, так и человеческой организации. В советской науке характеристику "социальный" принято относить только к человеческому обществу. Для обозначения животных коллективов применяется термин "сообщество" - комбинация нескольких видов животных и растений, взаимосвязанных "цепью питания". Такое разделение представляется обоснованным, поскольку социальная форма развития свойственна только человеку. Это развитие является спонтанным и прогрессивным, идет по спирали и связано с развитием техники и отношением к труду. Ни техники, ни труда у животных нет... Так является ли этнос феноменом, общим с животными, или нет? Об этом и возник у меня спор с моими московскими оппонентами: они утверждают, что этнос - явление социальное. Я говорю: каким же это образом? Разве этнос развивается спонтанно и по спирали и связан однозначно с развитием способов производства? Разве хоть какой-нибудь этнос существует с самого начала развития человека? Разве есть такая карта, где бы этносы были показаны, ну хотя бы от начала исторического периода? Нет их! Были сарматы нет их, на месте сарматов были половцы (куманы) - и их нет.

Говоря об этносах, мы говорим все время "было". Никакого развития по спирали у этносов нет. Если употребляем слово "социальный" в нашем, марксистском смысле, мы должны понимать под этим форму коллективного бытия, связанную с производством, - "общество". А

существуют ли у человека коллективы, не являющиеся социальными? Коллективы, кроме и помимо общества? Маркс по этому поводу высказывался довольно точно и определенно. Он называл общество немецким словом Gesellschaft, а кроме общества выделял первичные коллективы. Их он называл Gemeinwesen (Gemein - общий; Wesen - суть, суть дела, существо, основание; по-русски нет такого слова, но смысл понятен). Эти-то первичные коллективы, существовавшие еще до появления у человека материального производства, Маркс считал предпосылкой появления общества.

Первоначальные образования, первоначальные коллективы, особи вида Homo sapiens действительно никакого отношения к еще не существующим производительным силам не имели, просто люди жили коллективами-группами, потому что никто не смог бы выжить один. И это групповое деление с появлением общества, естественно, не исчезло, а наоборот, постепенно развиваясь, создало те целостности, которые мы называем этносами.

ЭТНОС - НЕ РАСА?

Этнос у человека - это то же, что прайды у львов, стаи у волков, стада у копытных животных и т.д. Это форма существования вида Homo sapiens и его особей, которая отличается как от социальных образований, так и от чисто биологических характеристик, какими являются расы.

Рас, по В. П. Алексееву, шесть В5. И по внешнему виду, и по психофизическим особенностям представители различных рас весьма отличаются друг от друга. Раса является относительно стабильной биологической характеристикой вида людей, но при этом нам важно здесь подчеркнуть, что она никак не является формой их общежития, способом их совместной жизни. Расы различаются по чисто внешним признакам, которые можно определить анатомически.

Какую-то роль в биологическом процессе видообразования они, видимо, играют, но в отношении того, как людям при этом жить и как устраиваться, как работать, как процветать и как погибать, расовые характеристики значения не имеют.

Посмотрим, как распределяются эти расы на поверхности Земли и какое это имеет значение для судьбы биосферы.

По антропологическим находкам древнейшие представители так называемой белой расы - европеоиды появились в Европе и распространились из Европы в Среднюю и Центральную Азию, в Северный Тибет, и, наконец, перевалив через Гиндукуш, попали в Индию и захватили северную ее часть. Также они издавна населяли северную часть Африки и Аравийский полуостров. В наше время представители этой расы пересекли Атлантический океан, заселили большую часть Северной Америки и значительную часть Южной Америки, Австралии и Южной Африки. Все это - результаты переселения.

Негры, как ни странно, представляются всегда насельниками тропического пояса, потому что считается, что меланин, придающий их коже черный цвет, препятствует ожогам от палящего тропического солнца. Однако, когда летом жарко, какое мы надеваем платье - белое или черное? Известно, что черный цвет слабо отражает солнечные лучи. Следовательно, надо полагать, что негры появились в тех условиях, где было относительно облачно*1.

И действительно, древнейшие находки так называемой расы Гримальди негроидной расы, относящиеся к верхнему палеолиту, были обнаружены в Южной Франции, в Ницце, в пещере Гримальди, а потом оказалось, что вся эта территория была в верхнем палеолите заселена негроидами - людьми с большими губами, с черной кожей, с шерстистыми волосами, которые позволяли обходиться без шапки. Это были стройные, высокие, длинноногие охотники за крупными травоядными. А в Африку как же они попали? Да в результате таких же переселений, подобно которым европейцы попали в Америку*17. Причем Южная Африка была заселена негроидами - неграми банту, теми классическими, которых мы знаем, в очень позднее время;

экспансия банту началась в I в. до н.э. - I в. н.э., т.е. первые негритянские лесопроходцы - современники Юлия Цезаря! Уже давно-давно угасли Афины, забыт век Перикла, Египет стал колонией, а они только-только начали захватывать леса Конго, саванны Восточной Африки, вышли на юг к большой реке Замбези и к мутной илистой реке Лимпопо.

Кого же они оттуда вытесняли? Ведь и до них население в Африке существовало. Это третья раса, относящаяся тоже к разряду южных рас, которую называют условно "койсанская". ("Койсанская" - это еще и особая группа языков.) К койсанской расе относятся готтентоты и бушмены. Причем они отличаются от негров, во-первых, тем, что они не черные, а бурые; у них монголоидные черты лица, сильно развитое веко, у них иначе устроена глотка они разговаривают не так, как мы, не на выдохе, а на вдохе*18, т.е. они резко отличаются и от негров, и от европейцев, и от монголоидов. Их считают остатком какой-то древней расы Южного полушария, но в смысле этническом ничего цельного, несмотря на то что их очень мало осталось, они не представляют.

Бушмены - это тихие и робкие охотники, вытесненные неграми-бечуанами в пустыню Калахари. Там они доживают свой век, забывая свою древнюю, некогда богатую культуру; мифы и искусство у них есть, но уже в рудиментарном состоянии, потому что жизнь в пустыне настолько тяжела, что им не до искусства, надо думать, как утолить голод.

А готтентоты (голландское название этих племен), жившие в Капской провинции, прославились как невероятные разбойники, проводники купцов и большие любители крупного рогатого скота - быков. Когда один миссионер, обративший готтентота в христианство, спросил: "Ты знаешь, что такое зло?", тот ответил: "Знаю, это когда зулусы уводят моих быков". - "А что такое добро?" - "Это когда я у зулусов угоню быков". Вот на этом принципе они существовали до прихода голландцев.

С голландцами они довольно быстро нашли общий язык, стали их проводниками, переводчиками, рабочими на их фермах. Когда англичане, захватив Капскую колонию, вытеснили голландцев, то готтентоты примирились и с англичанами, а сейчас они там - "самые бурлящие элементы". Готтентоты не похожи на бушменов. Да, расовые черты и у тех, и у других одинаковые. Но при этом они так же мало похожи друг на друга, как, например, испанцы мало похожи по поведению на финнов.

Четвертая раса, тоже очень древняя, - австралоиды, или австралийцы. Неизвестно, как они попали в Австралию, но живут там издавна*4. Доевропейское население Австралии (до той поры, пока не захватили ее европейцы) состояло из огромного количества мелких племен с разными языками и совершенно различными обычаями и обрядами. Причем они старались жить друг от друга как можно дальше, потому что ничего, кроме неприятностей, они от соседей не ждали.

Жили они крайне скудно и примитивно, но не вымирали, потому что в Австралии исключительно здоровый климат (там любая большая рана заживает быстрее, чем у нас царапина).

Итак, австралоиды - это особая раса, которая не похожа ни на негроидов, ни на европеоидов, ни на монголоидов - ни на кого (они похожи сами на себя!). У них при черном цвете кожи огромные бороды, волнистые волосы, широкие плечи, исключительная быстрота реакции. По рассказам, мной не проверенным, но которым я доверяю, кино австралийцам-аборигенам показывают в два раза быстрее, чем нам, потому что, если с нашей скоростью пустить ленту, они видят пробелы между кадрами*5. Они обладают и другими специфическими чертами, о чем будет сказано далее.

Факт остается фактом, что единая раса, заселяющая единый изолированный континент, попавшая туда при каких-то условиях явно по морю и, по-видимому, из Индии, потому что

ближайшие их родственники живут в Деккане (в южной части Индии), составляет огромное количество самых разнообразных этнических группировок.

Пятая раса, самая многочисленная - это монголоиды, которые разделяются на целый ряд рас второго порядка (подрас): сибирские монголоиды, северокайские, южнокитайские, малайские, тибетские; причем ни одна из этих подрас не составляет самостоятельного этноса.

Нетрудно заметить, что каждый этнос, развивающийся, создающий свою культуру, расширяющий свои возможности, состоит из двух и более расовых типов. Монорасовых этносов я не знаю ни одного. Если даже сейчас они составляют единый расовый тип, то это в результате довольно длительного отрицательного отбора, а вначале они всегда состоят из двух и более компонентов. Таковы американоиды - последняя, шестая раса.

Сегодня они заселяют всю Америку - от тундры до Огненной Земли (эскимосы-народ пришлый). Огромно количество языков, так что даже невозможно провести их классификацию. Сейчас сохранено много мертвых языков, потому что племена, языки которых были записаны, вымерли. Американоиды, в общем, совершенно различны и по своему характеру, и по своему культурному складу, и по своему образу жизни, несмотря на то что все принадлежат к одной расе первого порядка.

Иными словами, расы, на которые распадается вид *Homo sapiens*, это условные биологические обозначения, которые могут иметь некоторое значение для нашей темы, но только вспомогательное, как любая классификация, которая ни в коей степени не отражает специфики этнического феномена.

И вместе с этим еще одно важное замечание. Эти расы, как я уже говорил вначале, стабильны по отношению к виду. Мы знаем, что вид *Homo sapiens* кроманьонский человек (а мы с вами - кроманьонские люди) существует 15 тыс. лет на европейском континенте, и за это время названные расы хотя и менялись местами, но не появилось ни одной новой и не исчезло ни одной старой*6.

Вы спросите, почему я упустил пигмеев? Это те же негроиды, только живут они в очень плохих условиях тропических лесов, вследствие чего у них сократился рост от недоедания.

Этим, казалось бы, все исчерпано, и если бы расовый момент имел значение для развития и становления этносов, т.е. был инструментом взаимодействия между обществом и природой, то тогда истории никакой бы не было, а была бы заранее заданная картина.

ЭТНОС - НЕ ПОПУЛЯЦИЯ?

Так же как не совпадает этнос с расой, не совпадает он и с другой биологической группировкой особей - популяцией. Популяция (цитирую учебник биологии) - "это сумма особей, живущих в одном ареале и беспорядочно между собой скрещивающихся". Например, два роя мух залетели в одну комнату. Они сразу образуют единую популяцию и не борются между собой. Разве этносы сосуществуют таким образом? Во-первых, борьба между этносами - это явление довольно частое, хотя и не обязательное. Между популяциями борьбы быть не может - раз они сбежались в один ареал, как мыши, или слетелись, как мухи, они сразу сольются в одну популяцию. У них нет ограничения при скрещивании, отсюда генетики выводят свои закономерности, которые справедливы для животных.

В этносе всегда есть брачные ограничения. Два этноса могут сосуществовать на одной территории веками и тысячелетиями. Могут взаимно друг друга уничтожать или один уничтожит другой. Значит, этнос не биологическое явление, так же как и не социальное. Вот почему предлагаю этнос считать явлением географическим*7, всегда связанным с вмещающим ландшафтом, который кормит адаптированный этнос. А поскольку ландшафты Земли разнообразны, разнообразны и этносы.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ЛОГИКА

Таким образом, при изучении этноса мы рассматриваем явление природы, которое, очевидно, как таковое и должно изучаться. В противном случае мы пришли бы к такому количеству противоречий (логических внутри системы и фактических при изучении действительности), что практически само народоведение потеряло бы смысл.

Инструмент в науке - это методика, способы изучения. Как же можно определить, что такое этнос, и понять, в чем его значение и смысл? Полагаю, что только благодаря применению современной системы понятий, современной системы взглядов.

Древние египтяне, дабы определить, кто есть кто, рисовали негров черными, семитов - белыми, ливийцев - коричнево-красными, себя - желтыми. И им, очевидно, было понятно, кто нарисован. В наше время мы знаем не четыре народа, а значительно больше - не хватит красок! Кроме того, нам уже ясно, что цвет еще мало о чем говорит.

Греки ставили вопрос гораздо проще: есть эллины - "мы" и есть "варвары" - все остальные: "мы" и "не мы", свои и чужие. Но когда Геродот попробовал написать "Историю в 9 книгах", посвященную девяти музам, то он столкнулся с недостаточностью этой классификации. Когда он описывал греко-персидские войны, рассуждал: персы, конечно, варвары, а его земляки афиняне, спартанцы, фиванцы и прочие - эллины. Но куда отнести скифов? Они не персы и не греки. А куда отнести эфиопов или гарамантов (племя тиббу, и сейчас живущее в южной части Триполитании)? Тоже и не персы, и не греки. Варвары, конечно. Но эта классификация стала явно недостаточной.

В дальнейшем, когда римляне завоевали весь мир, т.е. то, что они считали всем миром, они усвоили это же самое понимание термина: римляне римские граждане, все остальные - либо провинциалы (завоеванные варвары), либо еще не завоеванные варвары, т.е. хотя, может быть, и не всегда дикари, но не римляне. Все было просто.

Когда же Римская империя пала во время Великого переселения народов, то оказалось, что такая система определения народов не работает: все они оказались разными, друг на друга непохожими. И вот тогда впервые родилась идея социально-культурного определения людей - средневековая концепция. Согласно этой концепции, все люди в принципе одинаковы, но есть верующие в истинного Бога и неверующие, т.е. исповедующие истинную религию и неисповедующие. Истинной религией в Европе считался католицизм, в Византии и на Руси - православие, на Ближнем Востоке - ислам и т.д. А в остальном считалось, что люди делятся по известным социальным градациям. И поэтому тюркских эмиров крестоносцы считали баронами и графами, только турецкими, а тюрки считали крестоносцев эмирами или беками, только неверными, т.е. французскими. Если же этим эмирам приходилось знакомиться с произведениями такого философа, как Платон, то они считали, что Платон - это просто маг. У них ведь были свои маги. Все получалось очень хорошо: такое "профессиональное" (тоже социальное!) дополнительное деление, очевидно, их устраивало. И даже больше. Когда испанцы попали в Америку и столкнулись там с высокоорганизованными в социальном отношении государствами ацтеков, инков и муисков, то они всех вождей индейских племен зачисляли в идалго, давали им титул "дон", если те были крещены, освобождали от налогов, обязали служить шпагой и посылали в Саламанку учиться. И хотя инки и ацтеки, понятно, не становились испанцами, испанцы закрывали на это глаза. Они женились на индейских красавицах, породили огромное количество метисов и считали, что испанский язык, католическая вера, единая культура, единая социальная общность обеспечивали единство империи. Какой там Анагуак - это Новая Испания, Чибча - Новая Гренада и т.д. Но заплатили они за это умозрительное заблуждение в начале XIX в. такой резней, по сравнению с которой все наполеоновские войны меркнут. Причина была в том, что на место естественных процессов и явлений, которые следует изучать, испанцы поставили свои собственные несовершенные

представления, которые были, с их точки зрения, логичны, но которые никак не отвечали действительности.

Итак, распространенное мнение, будто этносы сводятся только к тем или иным социальным явлениям, мы считаем гипотезой недоказанной, хотя к этой гипотезе мы будем еще возвращаться неоднократно. Дело в том, что социальные явления при постановке нашей проблемы изучать мы обязаны, ибо, изучая наш предмет, мы только их и видим. Но это не значит, что они исчерпывают проблему.

Поясню свою мысль. Она довольно сложна, хотя мне и казалась совершенно простой до тех пор, пока я не столкнулся с моими оппонентами. Вот, например, электрическое освещение. Феномен, казалось бы, социально-технический: и проводку сделали на каком-то заводе, и монтер - член профсоюза ее провел, и обслуживает она, скажем, работников университета. И это все важно учесть, рассматривая этот феномен. Но, понимаете, никакого света здесь не было бы, если бы не имело места физическое явление - электрический ток. Электричество же мы никаким образом не можем отнести к явлениям социальным. Это сочетание природного явления с теми социально обусловленными, искусственно созданными условиями, при которых мы природное явление можем констатировать, изучать и использовать. Так же и с этносами.

СУБЭТНОСЫ

Структура - вторая особенность этноса - всегда более или менее сложна, но именно сложность обеспечивает этносу устойчивость, благодаря чему он имеет возможность пережить века смятений, смут и мирного увядания. Принцип этнической структуры можно назвать иерархической соподчиненностью субэтнических групп, понимая под последними таксономические единицы, находящиеся внутри этноса (как зримого целого) и не нарушающие его единства.

На первый взгляд, сформулированный нами тезис противоречит нашему же положению о существовании этноса как элементарной целостности, но вспомним, что даже молекула вещества состоит из атомов, а атом - из протонов, электронов, нейтронов и т.п. частиц, что не снимает утверждения о целостности на том или ином уровне: молекулярном или атомном или даже субатомном. Все дело в характере структурных связей. Поясним это на примере.

Карел из Тверской губернии в своей деревне называет себя карелом, а приехав учиться в Москву - русским, потому что в деревне противопоставление карелов русским имеет значение, а в городе не имеет, так как различия в быте и культуре столь ничтожны, что скрадываются. Но если это не карел, а татарин, то он будет называть себя татарин, ибо бывшее религиозное различие углубило этнографическое несходство с русскими. Чтобы искренне объявить себя русским, татарин должен попасть в Западную Европу или Китай, а в Новой Гвинее он будет восприниматься как европеец не из племени англичан или голландцев, т.е. тех, кого там знают. Этот пример очень важен для этнической диагностики и тем самым для демографической статистики и этнографических карт. Ведь при составлении последних обязательно нужно условиться о порядке и степени приближения, иначе будет невозможно отличить субэтносы, существующие как элементы структуры этноса, от действующих этносов.

Теперь остановимся на соподчиненности этносов. Например, французы (рис. 1) - яркий пример монолитного этноса - включают в себя бретонских кельтов, гасконцев баскского происхождения, лотарингцев - потомков алеманнов и провансальцев - самостоятельный народ романской группы. В IX в., когда впервые было документально зафиксировано этническое название "французы", все перечисленные народы, а также другие - бургунды, норманны, аквитанцы, савояры - еще не составляли единого этноса и только после тысячелетнего процесса этногенеза образовали этнос, который мы называем французской нацией. Процесс слияния не вызвал, однако, нивелировки этнографических черт. Они сохранились как местные

провинциальные особенности, не нарушающие этнической целостности французов.

Но во Франции мы наблюдаем результаты этнической интеграции, потому что ход событий эпохи Реформации привел к тому, что французы-гугеноты - продукт дифференциации - вынуждены были в XVII в. покинуть Францию. Спасая жизнь, они потеряли этническую принадлежность и стали немецкими дворянами, голландскими бюргерами и в большом числе бурами, колонизовавшими Южную Африку. Французский этнос избавился от них как от лишнего элемента структуры, и без того разнообразной и сложной. (Может показаться странным то, что мы приписываем этносу способность к саморегуляции, но ведь ее имеют почти все биологические системы, в том числе биоценозы.) Этнос в историческом развитии динамичен и, следовательно, как любой долго идущий природный процесс, выбирает посильные решения, чтобы поддержать свое существование. Прочие отсекаются отбором и затухают.

Все живые системы сопротивляются уничтожению, т.е. они антиэнтропийны и приспосабливаются к внешним условиям, насколько это возможно. А коль скоро некоторая сложность структуры повышает сопротивляемость этноса внешним ударам, то неудивительно, что там, где этнос при рождении не был столь мозаичен, как, например, в Великороссии XIV-XV вв., он стал сам выделять субэтнические образования, иногда маскировавшиеся под сословия, но отнюдь не классы (рис. 2). На южной окраине выделились казаки, на северной - поморы. Впоследствии к ним прибавились землепроходцы (как будто просто род занятий), которые, перемешавшись с аборигенами Сибири, образовали субэтнос сибиряков, или челдонов.

Раскол церкви повлек за собой появление еще одной субэтнической группы - старообрядцев, этнографически отличавшихся от основной массы русских.

В ходе истории эти субэтнические группы растворялись в основной массе этноса, но в то же время выделялись новые.

Назначение этих субэтнических образований - поддерживать этническое единство путем внутреннего неантагонистического соперничества. Очевидно, эта сложность - органическая деталь механизма этнической системы и как таковая возникает в самом процессе этнического становления, или этногенеза.

При упрощении этнической системы в фазе упадка число субэтносов сокращается до одного, что знаменует персистент(пережиточное) состояние этноса.

Рис. 1. Структура этносферы во Франции

Но каков механизм возникновения субэтносов? Чтобы ответить, необходимо спуститься на порядок ниже, где находятся таксономические единицы, расклассифицированные нами на два разряда: консорции и конвиксии. В эти разряды удобно помещаются мелкие племена, кланы, корпорации, локальные группы и прочие объединения людей всех эпох.

Рис. 2. Структура этносферы в России

Условимся о терминах. Консорциями (от лат. sors - судьба) мы называем группы людей, объединенных одной исторической судьбой. В этот разряд входят кружки, артели, секты, банды и нестойкие объединения. Чаще всего они распадаются, но иногда сохраняются на протяжении жизни нескольких поколений. Тогда они становятся конвиксиями, т.е. группами людей с однохарактерным бытом и семейными связями.

Конвиксии малорезистентны. Их разъедает экзогамия и перетасовывает сукцессия, т.е. резкое изменение исторического окружения. Уцелевшие конвиксии вырастают в субэтноты. Таковы упомянутые выше землепроходцы консорции отчаянных путешественников, породивших поколение стойких сибиряков; старообрядцы - консорции ревнителей религиозно-эстетического канона, в числе которых были боярыня Морозова, попы, казаки, крестьяне, купцы. В XVII в. они еще не выделялись внешне из прочего населения. Во втором поколении, при Петре I, они уже составили изолированную группу, в конце XVIII в. сохранившую обряды, обычаи, одежду,

отличавшуюся от общепринятой. Консорция превратилась в конвиксию, а в XIX в., увеличившись до 8 миллионов человек, стала субэтнотомом. В XX в. она "рассасывается".

И землепроходцы, и старообрядцы остались в составе своего этноса, но потомки испанских конкистадоров и английских пуритан образовали в Америке особые этносы, так что именно этот порядок можно считать лимитом этнической дивергенции. И следует отметить, что самые древние племена, очевидно, образовались тем же способом, только очень давно. Первоначальная консорция энергичных людей в условиях изоляции превращалась в этнос, который мы ныне именуем "племя".

На этом порядковом уровне заканчивается этнология, но принцип иерархической соподчиненности в случае нужды сможет действовать и дальше. На порядок ниже мы обнаружим одного человека, связанного с его окружением. Это может быть полезно для биографов великих людей.

Спустившись еще на порядок, мы встретимся не с полной биографией человека, а с одним из эпизодов его жизни.

ИСТОЧНИКИ ЭНЕРГИИ

Следует помнить, что бесконечное дробление, лежащее в природе вещей, не снимает необходимости находить целостности на заданном уровне, важные для поставленной задачи. В частности, нам еще более важны суперэтнические целостности, стоящие на порядок выше этносов, поскольку наша наука тоже ставит целью достижение практических результатов, а именно: охрану природы... от человека (!), спасение биосферы, в которой мы живем.

Как известно, человек является частью биосферы. Что такое биосфера? Это не только биомасса всех живых существ, включая вирусы и микроорганизмы, но и продукты их жизнедеятельности - почвы, осадочные породы, свободный кислород воздуха, трупы животных и растений, которые задолго до нас погибли, но обеспечили для нас возможность существования. Все это - энергия, нас питающая. Максимальное количество энергии, которую потребляет Земля, согласно В. И. Вернадскому^{В7}, - это энергия Солнца. Она аккумулируется путем фотосинтеза в растениях, растения поедают животные, эта солнечная энергия переходит в плоть и кровь всех живых существ, которые есть на Земле. Избыток этой энергии создает тепличные эффекты, т.е. условия очень неблагоприятные. Нам не нужно ее больше, чем требуется, нам нужно столько, сколько мы привыкли осваивать.

Второй вид энергии - это энергия распада внутри Земли радиоактивных элементов. Когда-то давно этих элементов было много. Постепенно идет радиораспад внутри планеты, планета разогревается, и когда-нибудь, когда все эти элементы распадутся, она либо взорвется, либо превратится снова в кусок камня. Радиоактивные элементы действуют на наши жизненные процессы весьма отрицательно (все знают, что такое лучевая болезнь). Тем не менее эти явления внутри Земли, так называемые хтонические, оказывают на нас большое воздействие, но локально. Дело в том, что скопления урановых и прочих руд распределены по Земле неравномерно. Есть большие пространства, где радиоактивность ничтожна, а там, где руды близко подходят к поверхности, она очень велика; поэтому воздействие этого вида энергии на животных и людей совершенно различно.

И есть третий вид энергии, который мы получаем небольшими порциями из космоса, - это пучки энергии, приходящие из Солнечной системы, иногда пробивающие ионосферу, достигающие дневной поверхности планеты и ударяющие нашу Землю, как, скажем, ударяют плеткой шарик, обхватывая какую-то часть ее, молниеносно производят свое энергетическое воздействие на биосферу, иногда большое, иногда малое. Приходят они более или менее редко, во всяком случае неритмично, а время от времени, но не учитывать их, оказывается, тоже невозможно.

Этот последний вид космической энергии стал исследоваться совсем недавно, и поэтому те ученые, которые привыкли представлять Землю как совершенно замкнутую систему, не могут привыкнуть к тому, что мы живем не оторванными от всего мира, а внутри огромной Галактики, которая тоже воздействует на нас, как и все другие факторы, определяющие развитие биосферы.

Описанное явление и есть механизм сопричастности каждого человека и каждого человеческого коллектива с космосом. Разумеется, это относится не только к людям, но тема наша - народоведение - заставляет нас сосредоточить интерес именно на людях и посмотреть, как влияют эти энергетические воздействия на судьбы каждого из нас и тех коллективов, к которым мы относимся. Что нужно для того, чтобы решить этот вопрос? Оказывается, нужно тут, как ни странно, знание истории - этнической и обыкновенной.

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Слово "история" имеет огромное количество значений. Можно сказать "социальная история" - история социальных форм. Можно сказать "военная история" - история сражений и походов, и это будет совершенно другая история, с другим содержанием и с другим подходом к материалу. Может быть история культуры, история государств и юридических институтов, может быть история болезни, в конце концов. И в каждом случае слово "история" должно иметь прибавку - история чего?

Нас должна интересовать история этническая, этногенез - история происхождения и исчезновения этносов. Но так как происхождение и исчезновение этносов - во-первых, процесс, который до нас вскрыт не был, во-вторых, процесс, который мы должны вскрыть, то нам нужно иметь тот материал, тот архив сведений, отталкиваясь от которого, мы подойдем к решению нашей проблемы. А таковым является история событий в их связи и последовательности.

Тогда что же считать "событием" применительно к этнической истории? На первый взгляд, вопрос не заслуживает ответа. Но вспомним, что так же очевидны такие явления, как свет и тьма, тепло и холод, добро и зло. Обывателю все ясно и без оптики, термодинамики, этики. Но поскольку мы вводим понятие "событие" в научный оборот, то следует дать дефиницию, т.е. условиться о значении термина.

Однако здесь таится еще одна трудность: нам надлежит применять термин в том же значении, что и наши источники - древние хронисты, иначе чтение их трудов станет чрезмерно затруднительно, а часто и бесперспективно. Зато, научившись понимать их способ мысли, мы получим великолепную информацию, усваиваемую читателем без малейших затруднений.

Легче всего определить понятие "событие" через понятие "связи". Рост и усложнение этноса представляются современникам нормой, но любая потеря или раскол отмечаются как нечто заслуживающее особого внимания, т.е. событие. Но коль скоро так, то событием именуется разрыв одной или нескольких связей либо внутри этноса, либо на границе его с другим этносом. Последствия разрыва могут быть любыми, иной раз весьма благоприятными, но для теоретической постановки проблемы это не имеет значения. Так или иначе событие - это утрата, даже если это то, от чего полезно избавиться.

Значит, этническая история - наука об утратах, а история культуры - это кодификация предметов, уцелевших и сохраняющихся в музеях и частных коллекциях, где они подлежат каталогизации. В этом основная разница этих двух дисциплин, которые мы впредь смешивать не будем.

События истории известны нам с того момента, когда письменные источники стали излагать события связно во всей Ойкумене или по крайней мере в Старом Свете. Если мы будем забираться в более глубокую древность, с этим неизбежно будет связана абберрация дальности, расплывчатость или исчезновение границ событий. Как следствие - мы будем выдумывать, вместо того чтобы изучать. Этого надо избежать, потому что выдумать почти никогда нельзя

адекватно действительности. Но надо избежать и aberrации близости - некорректируемых ошибок преувеличения. Современные этнические процессы не завершены; сказать, как они пойдут дальше, мы не можем. А устанавливать закономерности, что является нашей целью, мы можем только на законченных процессах.

Поэтому мы возьмем тот самый средний период, где факты известны, соразмерность их очевидна, достоверность их установлена двухтысячелетним изучением первоклассных историков, работавших до нас, и используем этот средний период как образец, на базе которого мы будем строить все наши соображения и гипотезы.

Хронологические рамки этого периода: примерно с X-XI вв. до н.э. до начала XIX в. н.э., или от падения Трои до капитуляции Наполеона. Между этими датами совершенно достаточно материала для того, чтобы разобраться во всей сложности проблемы.

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

Одного материала для понимания проблемы - недостаточно. Необходим инструмент - методика. Что составляет основу нашей методики?

После Второй мировой войны появилось одно замечательное открытие, правда, не у нас, а в Америке, но принято оно у нас на вооружение тоже полностью. Это то, что называется системным подходом, или системным анализом. Автор его, Лео фон Бергаланфи - американец немецкого происхождения, биолог Чикагского университета. В 1937 г. на философском семинаре он выступил с докладом о системном подходе для определения понятия вид. Доклад был совершенно не понят, и автор "сложил все свои бумаги в ящик стола". Потом он поехал воевать. К счастью, его не убили⁸. Вернувшись в Чикаго, он достал свои старые записки, повторил свой доклад и обнаружил совершенно новый интеллектуальный климат.

А что же он предложил? Никто из биологов не знает (Бергаланфи был биологом), что такое вид. Каждый знает, что есть собака, и есть ворона, и есть лещ, фламинго, жук, клоп... Все это знают, но определить, что это такое, никто не может, кроме узких специалистов-ученых. И почему животные одного вида и растения одного вида связаны каким-то образом между собой? Бергаланфи предложил определение вида как открытой системы.

Системный анализ - это такой метод анализа, когда внимание обращается не на персоны, особи, которые составляют вид, а на отношения между особями.

Условимся о значении терминов и способах их применения на практике. Слишком большое стремление к точности не полезно, а часто бывает помехой в процессе исследования. Ведь рассматривать Гималаи в микроскоп бессмысленно. Поэтому для планетарных явлений следует принять первичные обобщенные категории системных связей, исключив детализацию, которая ничего не даст для понимания целого. Разделим системные связи на четыре типа, которые для применяемой методики необходимы и достаточны. Разделим системы на открытые и замкнутые (или закрытые), жесткие и корпускулярные, или, как их иначе называют, дискретные. В чем смысл такого деления?

Открытая система - это, допустим, наша планета Земля, которая все время получает солнечные лучи, благодаря им происходит фотосинтез, а излишек энергии выбрасывается в космос. Это и то или иное живое существо, которое получает запас энергии в виде пищи. Животные эту пищу добывают, размножаются, дают потомство, умирают. В итоге возвращают свое тело Земле. Словом, открытая система получает энергию извне, обновляется.

Примером закрытой системы может стать печка. Она стоит в комнате, а в ней дрова. Холодно. Затапливаем печку, дров больше не подбрасываем, закрыли ее, дрова сгорают, печка раскаляется, в комнате температура поднимается, уравнивается с печкой, потом они вместе остывают. В данном случае запас энергии в виде дров получен единожды. После этого процесс кончается. Эта система - замкнутая⁸.

Пример жесткой системы - хорошо слаженная машина, где нет ни одной лишней детали, она работает только тогда, когда все винтики на месте; она получает достаточное количество горючего или, наоборот, стоит и служит, как микроскоп, каким-то целям. В чистом виде жесткой системы никогда не может быть. Например, машину все-таки надо красить; но можно ее покрасить и в синий цвет, и в желтый, и в зеленый - цвет как бы не имеет значения. Но в идеале в жесткой системе все должно иметь значение, тогда такая машина эффективнее работает. Но при поломке одной детали она останавливается и выходит из строя.

Корпускулярная система - это система взаимодействия между отдельными частями, не связанными между собой жестко, но тем не менее нуждающимися друг в друге. Биологический вид корпускулярной системы - семья; она основана на том, что муж любит свою жену, жена - мужа. А дети (их может быть пятеро или трое), теща, свекровь, родственники - все они являются хотя и элементами этой системы, но и без них можно обойтись. Важна только связующая ось любовь мужа к жене и жены к мужу - любовь взаимная или односторонняя. Но как только кончается эта невидимая связь, система разваливается, а ее элементы немедленно входят в какие-то другие системные целостности.

Зато культура - создание рук и ума человека - система жесткая, хотя замкнутая, неспособная к самостоятельному развитию. Любой предмет, будучи создан человеком, обретает форму, которая консервирует материал: камень, металл или слово и музыкальную мелодию. Создание рук человеческих выходит за пределы природного саморазвития. Оно может либо сохраняться, либо разрушаться.

Пирамиды стоят долго; за такое же время горы разрушаются, ибо слагающие их породы от воздействия перепадов температуры и влажности трескаются и превращаются в щебень. Реки меняют свои русла, подмывая берега и образуя террасы. Лес во влажные периоды наступает на степь, а в засушливые отходит обратно. Это и есть торжествующая жизнь планеты, и особенно биосферы, самой пластичной из ее оболочек. А произведения техники и даже искусства взамен жизни обрели вечность. И если закрытые системы превращаются в открытые, то они погибают. Железо окисляется, мрамор крошится, музыка смолкает, стихи забываются. Жестокий старик Хронос пожирает своих детей.

Какой же системой является этнос? По моему мнению, этнос - это замкнутая система дискретного типа - корпускулярная система⁹. Она получает единый заряд энергии и, растратив его, переходит либо к равновесному состоянию со средой, либо распадается на части.

Именно как системы такого типа существуют в биосфере природные коллективы людей с общим стереотипом поведения и своеобразной внутренней структурой, противопоставляющие себя ("мы") всем другим коллективам ("не мы"). Это явление противопоставления связывает социальные формы со всеми природными факторами. Это как раз тот механизм, при помощи которого человек влияет на природу, воспринимает ее составляющие и кристаллизует их в свою культуру. Вот тезис, который я буду защищать в дальнейшем и который, как мне кажется, благодаря 20-летнему опыту (20 лет тому назад вышли первые мои работы на эту тему), не был поколеблен.

Теперь зададимся вопросом: как рождаются и созревают такие системы, как этносы?

УСЛОВИЕ, БЕЗ КОТОРОГО НЕЛЬЗЯ

Ставя проблему первичного возникновения этнической целостности из особей (людей) смешанного происхождения, разного уровня культуры и различных особенностей, мы вправе спросить себя: а что их влечет друг к другу? Очевидно, не принцип сознательного расчета и стремления к выгоде, так как первое поколение сталкивается с огромными трудностями - необходимостью сломить устоявшиеся взаимоотношения, чтобы на их месте установить новые, отвечающие их запросам. Это дело рискованное, и начинателям редко удастся воспользоваться

плодами победы. Также не подходит принцип социальной близости, так как новый этнос уничтожает институты старого. Не означает ли это, что человеку, дабы войти в новый этнос, в момент становления надо дезинтегрироваться по отношению к старому? Нет, все иначе!

Люди объединяются по принципу комплиментарности. Комплиментарность это неосознанная симпатия к одним людям и антипатия к другим, т.е. положительная и отрицательная комплиментарность. Когда создается первоначальный этнос, то инициаторы этого возникающего движения подбирают себе активных людей именно по этому комплиментарному признаку - выбирают тех, кто им просто симпатичен.

"Иди к нам, ты нам подходишь" - так отбирали викинги юношей для своих походов. Они не брали тех, кого считали ненадежным, трусливым, сварливым или недостаточно свирепым. Все было очень важно, ибо речь шла о том, чтобы взять его к себе в ладью, где на каждого человека должна была пасть максимальная нагрузка и ответственность за собственную жизнь и за жизнь своих товарищей.

Так же Ромул и Рэм отбирали себе в помощь крепких парней, когда они на семи холмах организовали группу, способную терроризировать окрестные народы. Эти ребята, по сути бандиты, потом стали патрициями, основателями мощной социальной системы.

Так же поступали и первые мусульмане; они требовали от соплеменников признания веры ислама, но при этом в свои ряды старались зачислить людей, которые им подходили. Надо сказать, что от этого принципа мусульмане довольно быстро отошли. Арабы стали брать всех и за это заплатили очень дорого, потому что как только к ним попали лицемерные люди, те, которым было в общем абсолютно безразлично - один Бог или тысяча, а важнее выгода, доходы и деньги, то к власти пришли последние - эти лицемеры.

Их возглавил Моавия ибн Абу-Суфьян - сын врага Мухаммеда. Он добился власти и объявил примерно так: "Вера ислама должна соблюдаться, а вино я выпью у себя дома, и каждый желающий тоже может выпить. Молиться все обязаны, но если ты пропустил намаз, то я не буду на это обращать внимания, и если ты хапаешь государственную казну, но ты мне симпатичен, на это я тоже не буду обращать внимания". Следовательно, как только принцип отбора по комплиментарности заменился принципом всеобщности, система испытала страшный удар и деформировалась.

Принцип комплиментарности фигурирует и на уровне этноса, причем весьма действенно. Здесь он именуется патриотизмом и находится в компетенции истории, ибо нельзя любить народ, не уважая его предков. Внутриэтническая комплиментарность, как правило, полезна для этноса, являясь мощной охранительной силой. Но иногда она принимает уродливую, негативную форму ненависти ко всему чужому; тогда она именуется шовинизмом.

Но комплиментарность на уровне культурного типа всегда умозрительна. Обычно она выражается в высокомерии, когда всех чужих и непохожих на себя людей называют "дикарями".

Принцип комплиментарности не относится к числу социальных явлений. Он наблюдается у диких животных, а у домашних известен каждому как в позитивной (привязанность собаки или лошади к хозяину), так и в негативной форме. Если у вас есть собака, то вы знаете, что она относится к вашим гостям избирательно - почему-то к одним лучше, к другим хуже. На этом принципе основано приручение животных, на этом же принципе основаны семейные связи.

Но когда мы берем этот феномен в исторических, больших масштабах, то эти связи вырастают в очень могучий фактор - на комплиментарности строятся отношения в этнической системе.

Итак, рождению любого социального института предшествует объединение какого-то числа людей, симпатичных друг другу. Начав действовать, они вступают в исторический процесс, сцементированные избранной ими целью и исторической судьбой. Как бы ни сложилось их

будущее, общность судьбы "условие, без которого нельзя".

Такая группа может стать разбойничьей бандой викингов, религиозной сектой мормонов, орденом тамплиеров, буддийской общиной монахов, школой импрессионистов и т.п., но общее, что можно вынести за скобки, - это подсознательное взаимовлечение, пусть даже для того, чтобы вести споры друг с другом.

КАРТА. СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ во II в. до н.э. - III в. н.э.

Поэтому эти зародышевые объединения мы называли консорциями. Не каждая из консорций выживает; большинство при жизни основателей рассыпается, но те, которым удастся уцелеть, входят в историю общества и немедленно обрастают социальными формами, часто создавая традицию. Те немногие, чья судьба не обрывается ударами извне, доживают до естественной утраты повышенной активности, но сохраняют инерцию тяги друг к другу, выражающуюся в общих привычках, мироощущении, вкусах и т.п.

Эту фазу комплиментарного объединения мы называли конвиксией. Она уже не имеет силы воздействия на окружение и подлежит компетенции не социологии, а этнографии, поскольку эту группу объединяет быт. В благоприятных условиях конвиксии устойчивы, но сопротивляемость среде у них стремится к нулю, и тогда они рассыпаются среди окружающих консорций.

ЭНЕРГИЯ ЖИВОГО ВЕЩЕСТВА

Из всего вышесказанного очевидно, что этносы являются биофизическими реальностями, всегда облеченными в ту или иную социальную оболочку. Следовательно, спор о том, что является первичным: биологическое или социальное, подобен тому, что первично в яйце - белок или скорлупа? Ясно, что одно невозможно без другого и поэтому диспут на эту тему беспредметен.

Однако существует иная точка зрения: "Социальные факторы, образующие этнос, этническое самосознание в том числе, ведут к появлению сопряженной с ним популяции, т.е. перед нами картина, прямо противоположная той, которую дает Л. Н. Гумилев"^{В10}. Таким образом, дискуссия идет о том, лежит ли бытие в основе сознания или, напротив, сознание в основе бытия? Действительно, при такой постановке вопроса предмет для спора есть. Разберемся.

Ю. В. Бромлей имеет право выбрать для своего логического построения любой постулат, даже вполне идеалистический, согласно которому реальное бытие этноса не только определяется, но и порождается его сознанием. Правда, он рискует оказаться в положении Тейяра де Шардена, которого отвергли и французские коммунисты, и католики. Ситуация аналогична.

Акт творения материальной реальности приписан человеческому сознанию, поставленному выше Творца мира или на его место. С этим не согласятся католики. А философы-материалисты не примут тезиса о первичности сознания.

Но даже ученые-эмпирики не имеют права на согласие с тезисом Ю. В. Бромлея, ибо он нарушает закон сохранения энергии. Ведь этногенез - это процесс, проявляющийся в работе (в физическом смысле). Совершаются: походы, строительства храмов и дворцов, реконструкция ландшафта, подавление несогласных внутри и вне создающейся системы. А для совершения работы нужна энергия, самая обычная, измеряемая килограммометрами или калориями. Считать же, что сознание, пусть даже этническое, может быть генератором энергии это значит допускать реальность телекинеза, что уместно только в фантастике.

Поясню. Каменные блоки на вершину пирамиды были подняты не этническим самосознанием, а мускульной силой египетских феллахов по принципу: "Раз-два, - взяли". И если канат тянули, кроме египтян, ливийцы, нубийцы, хананеяне, то дело не менялось. Роль

сознания, и в данном случае не этнического, а личного - инженера-строителя, была в координации имевшихся в его распоряжении сил, а различие между управлением процессом и энергией, благодаря которой процесс идет, очевидно.

Какая же это форма энергии? Ясно, что это не механическая, хотя она проявляется в механических передвижениях - миграциях, походах, строительстве зданий. Ясно совершенно, что это и не электрическая энергия (электричество ведет себя совершенно иначе, и его можно было бы засечь приборами). Совершенно ясно, что и не тепловая. Какая же?

У нас в Советском Союзе вышла замечательная книга - это посмертная работа В. И. Вернадского "Химическое строение биосферы Земли и ее окружения", где эта самая форма была описана^{В11}. В. И. Вернадский назвал ее биогеохимической энергией живого вещества биосферы. Это та самая энергия, которая получена растениями путем фотосинтеза и затем усвоена животными через пищу. Она заставляет все живое расширяться путем размножения до возможного предела^{*10}. Один лепесток ряски в большом озере при благоприятных условиях может закрыть все озеро ряской и остановиться только там, где есть берега. Одно семечко одуванчика, если не уничтожать его потомства, покроеет всю землю. Медленнее всех размножаются слоны. В. И. Вернадский в своей книге подсчитал, сколько времени потребуется для того, чтобы слоны при нормальном темпе размножения наняли всю сушу Земли, - 735 лет^{В12}.

Земля не переполнена живым только потому, что эта энергия разнонаправленна, и одна система живет за счет другой, погашает другую. "Убивая и воскрешая, набухать вселенской душой - в этом воля земли святая, непонятная ей самой"^{В13}. Теперь название этой вселенской души мы знаем; это - биогеохимическая энергия живого вещества биосферы.

Но если двигатель событий - энергия, то она должна вести себя согласно всем энергетическим законам. Прежде всего она должна отвечать энергетическому эквиваленту, т.е. переходить в другие формы энергии, скажем, в механическую, в тепловую. И она переходит. В электрическую? Вероятно, тоже. Где эта энергия содержится, в каких органах человеческого тела? На это пожалуй, могут ответить физиологи.

Очевидно, сама живая личность создает вокруг себя напряжение, обладает каким-то реальным энергетическим или сочетанием полей, подобно электромагнитному, состоящему из каких-то силовых линий, которые находятся не в покое, а в ритмическом колебании с разной частотой^{*11}.

Закономерен вопрос: какое отношение имеет энергетическое поле человека к интересующей нас проблеме этноса и этногенеза? Для ответа на него вспомним, что в основе этнического поля лежит разница поведения особей, составляющих этнос. Нас интересует прежде всего то влияние, которое оказывает наличие поля особи на ее поведение.

Так как особи нового настроя взаимодействуют друг с другом, то немедленно возникает целостность - однонастройная эмоционально, психологически и поведенчески, что, очевидно, имеет физический смысл. Скорее всего, здесь мы видим одинаковую вибрацию биотоков этих особей, иными словами, - ритм (частоту колебаний). Именно он воспринимается наблюдателями как нечто новое, непривычное, не свое. Но как только такое пассионарное поле возникло, оно тут же оформляется в социальный институт, организующий коллектив пассионариев: общину, философскую школу, дружину, полис и т. д. При этом охватываются особи не пассионарные, но получивший тот же настрой путем пассионарной индукции. Консорция преобразуется в этнос, который при расширении покоряет (политически или морально) другие этносы и навязывает им свой ритм. Поскольку ритм накладывается на иные ритмы, полной ассимиляции не происходит и возникает суперэтнос.

При сочетании данного ритма с другими теоретически может возникнуть либо гармония,

когда фазы колебания идут в унисон, либо дисгармония, своего рода какофония. В первом случае идет этническое слияние, ассимиляция; во втором - нарушение ритма одного или обоих полей, что расшатывает системные связи и ведет к аннигиляции.

Нарушенные структуры не поддаются длительной эволюции. При упрощении они выделяют свободную энергию, рассеивающуюся в пространстве, а сами аннигилируются. Значит, лимит эволюций этнических структур - некрогенез.

В социальной форме движения материи таких ограничений нет. Лимит прогресса неизвестен и вряд ли существует. Лишь напряженность обоих типов эволюции в процессе линейного времени ограничивает возможности спонтанного движения, направленного в сторону усложнения структур. Но эта проблема лежит за пределами не только географии и этнической истории, но и вообще природоведения. Ее могут решить только философы.

II. Пассионарность НЕОБОРИМАЯ СИЛА

На людей, как особей вида *Homo sapiens* и как на все организмы биосферы, влияют физические силы. Но если тепловые или электромагнитные флуктуации ощущаемы на уровне организмов, то интересующие нас биохимические факторы поддаются описанию только на популяционном уровне, т.е. на уровне этносов. Хотя они проявляются в поведении отдельных людей, но только эмпирическое обобщение широкого круга наблюдений позволяет дать дефиницию, необходимую для понимания процессов этногенеза, а также связи этнических феноменов с биосферными.

Для начала отметим один несомненный факт. Неравномерность распределения биохимической энергии живого вещества биосферы за длительное историческое время должна была отразиться на поведении этнических коллективов в разные эпохи и в разных регионах. Эффект, производимый вариациями этой энергии, как особое свойство характера людей, мы называем "пассионарностью" (от лат. слова *passio* - страсть).

Пассионарность - это характерологическая доминанта, неодолимое внутреннее стремление (осознанное или, чаще, неосознанное) к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели (часто иллюзорной)*12. Заметим, что цель эта представляется пассионарной особи иногда ценнее даже собственной жизни, а тем более жизни и счастья современников и соплеменников.

Пассионарность отдельного человека может сопрягаться с любыми способностями: высокими, средними, малыми; она не зависит от внешних воздействий, являясь чертой психической конституции данного человека; она не имеет отношения к этике, одинаково легко порождая подвиги и преступления, творчество, разрушения, благо и зло, исключая только равнодушие; она не делает человека "героем", ведущим "толпу", ибо большинство пассионариев находятся в составе "толпы", определяя ее потентность в ту или иную эпоху развития этноса.

Модусы пассионарности разнообразны: тут и гордость, стимулирующая жажду власти и славы в веках; тщеславие, толкающее на демагогию и творчество; алчность, порождающая скупцов, стяжателей и ученых, копящих знания вместо денег; ревность, влекущая за собой жестокость и охрану очага, а примененная к идее - создающая фанатиков и мучеников. Поскольку речь идет об энергии, то моральные оценки неприменимы: добрыми или злыми могут быть сознательные решения, а не импульсы.

Хотя мы можем обнаружить феномен пассионарности и на отдельных людях (ярких и тусклых), но нагляднее она на примерах этнической истории. Когда прочие факторы взаимно компенсируются, выявляется статистическая закономерность, отличающая этногенез от социогенеза и культурогенеза. При всем различии эпох и стран модель пассионарности в этногенезе одна и та же. Проследим ее на разных примерах этнической истории Востока и

Запада.

Древние люди приписывали возникновение этносов полубогам или героям. Племенами эллинов были: доряне (потомки Геракла), ионяне (наследники Тезея) и эоляне (потомки Кадма, пришельца из Финикии)*13. Японцев породила богиня Аматарасу, монголов - серый волк и пятнистая лань... Но за всеми этими мифологическими персонажами просвечивают образы предков, искаженные манерой передачи, хотя в древности люди, видимо, понимали мифы точнее, примерно так, как мы читаем исторические тексты. Нас не удивляет и не шокирует, что в середине VIII в. до н.э. в Италии вокруг Ромула собрались 500 бродяг, положивших начало римлянам; так же собрались "верные" вокруг царя Давида в XI в. до н.э., а люди "длинной воли" - вокруг Чингисхана, бароны - вокруг Карла Великого.

Из этих и подобных консорций постепенно вырастали сначала субэтноты, потом этноты и, наконец, суперэтноты - своего рода этнические галактики, объединяющие группы этносов в целостности высшего порядка. Так, римские граждане объединили Средиземноморье в *Romania* (Римский мир); франки стали ядром "Христианского мира" (католического), реформированного в "цивилизацию" с заокеанскими продолжениями; евреи распространились по всей Ойкумене, выделив несколько этносов: сефардов, ашкинази, фаллашей; монголы создали оригинальный "Кочевой мир". Эта целостности столь же реальны, как и этноты, наблюдаемые непосредственно.

А теперь вернемся к энергии, которая создает этнические системы.

КАРТА. ДРЕВНЯЯ ПАЛЕСТИНА

ПОЛЕ В СИСТЕМЕ

Большая система может создаться и существовать только за счет энергетического импульса, производящего работу (в физическом смысле), благодаря которой система имеет внутреннее развитие и способность сопротивляться окружению. Назовем этот эффект энергии пассионарным толчком и рассмотрим историко-географические условия, облегчающие его активизацию.

Согласно наблюдениям, новые этноты возникают не в монотонных ландшафтах, а на границах ландшафтных регионов и в зонах этнических контактов, где неизбежна интенсивная метисация. Равно благоприятствуют пусковым моментам этногенеза сочетания различных культурных уровней, типов хозяйства, несходных традиций. Общим моментом тут является принцип разнообразия, который можно интерпретировать с наших позиций.

Представим себе этносферу как сочетание нескольких широких плит, соприкасающихся друг с другом. По этой конструкции наносится удар по вертикали. Естественно, наиболее деформируются не плиты, а контакты между ними, а там уже идет цепная реакция, деформирующая сами плиты. Например, Византия и Иран в VI- VII вв. были устойчивыми системами, а пограничная область между ними, заселенная арабами, испытывала их воздействия. Пассионарный толчок перетасовал арабов так, что выделилась группа (консорция) сторонников Мухаммеда. За четыре поколения создан сначала этнос, а потом суперэтнос от Инда и Памира до Луары (732 г.). Система, вначале резистентная, быстро стала терять стойкость. Несмотря на цветущее хозяйство и блестящую образованность, в XI в. Халифат как политическое целое распался, а оборону страны пришлось передоверить иноземным гулямам (турки и зинджи) и реликтовым этносам внутри суперэтноты (дейлемиты, берберы). Сравнительно с Римом, Византией, античным Китаем и Китаем средневековым это срок короткий, несмотря на благоприятную внешнюю ситуацию - отсутствие сильного и организованного противника. Так за счет чего ослабел этнос арабов завоевателей, раньше чем политическая система Халифата и задолго до кризиса "мусульманской культуры"?

Ю. В. Бромлей доказал, что эндогамия консервирует этноты. Значит, экзогамия действует

наоборот. Арабы помещали в гаремы грузинок, гречанок, индусок, согдиек, эфиопок и других, но дети их считались полноправными членами этноса (по линии отца). Однако они наследовали от матерей не только расовые черты, что большого значения не имело бы, но и традиции, верования, вкусы и все то, что определяет стереотип поведения. Следовательно, они превращали свою вначале монолитную систему в зону этнического контакта, где резистентность понижается, а лабильность возрастает. Вот поэтому уже в XI в. территория Халифата превратилась в поприще борьбы греков и крестоносцев против туркмен-сельджуков и берберов, а арабы неуклонно отходили на задний план. И во всех аналогичных ситуациях возникает та же коллизия. Значит, это не случайность.

Можно думать, что механизм этих процессов выглядит так: взрыв пассионарности (или флуктуация ее) создает в значительном числе особей, обитающих на охваченной этим взрывом территории, особый нервно-психический настрой, что является поведенческим признаком. Возникший признак связан с повышенной активностью, но характер этой активности определяется местными условиями: ландшафтными, социальными, а также силой самого импульса. Вот почему все этносы оригинальны и неповторимы, хотя процессы этногенеза сходны.

ИМПУЛЬС ОДИН - ЦЕЛИ РАЗНЫЕ

Обратимся к более поздним временам - периоду завоевания Испанией Америки. Кто шел в конкистадоры, кто ехал после Колумба за море с Кортесом, Писарро, Кесадой, Карвахалем, Вальдивией в страшные американские джунгли Юкатана, в нагорье Мехико, в перуанские оснеженные Анды, в благословенное Чили, где арауканы победили испанцев и сохранили свою независимость до освобождения Америки и до создания Чилийской республики? Самое опасное место было в Чили. Туда женщин не брали, поэтому все чилийцы сплошь метисы. Индейские женщины очень красивы, и поэтому испанцы, которые воевали против арауканов - насельников Южного Чили, женились на местных женщинах.

Но зачем они туда шли? Я посмотрел статистику. Статистика эта, правда, касается не Америки, а Филиппин - другой испанской колонии. Так вот: 85% приезжавших испанцев умирало в первый же год - от болезней, от недоедания, некоторых убивали в стычках с туземцами, некоторых - в скандалах с начальством, потому что в этих отдаленных местах произвол был невероятный, и любой неугодный человек мог быть осужден за что угодно и казнен.

В общем, 85% шли на смерть, а из тех 15%, которые возвращались, вероятно, 14% были безнадежно больны, потому что они не выдерживали такого переутомления, когда уже любой грипп может человека свалить и дать хроническую болезнь.

Да, золото они привозили, но это золото им было не на что тратить, потому что золота стало столько, что в Испании подскочили цены и на вино, и на оливки, и на хлеб, и на ткани... Всех их точила алчность, стремление получить золото, которое само по себе и не нужно, но важно как знак твоих подвигов, как знак свершения.

Бывало и по-другому. В свое время меня, например, очень удивили описания путешествий Орельяны - это испанский капитан, открывший Амазонку. Он воевал с индейцами в районе современного Эквадора, на склонах Анд. Орельяна спустился на восток и увидел, что текут большие реки, и решил узнать, куда эти реки текут. И увлек за собой свой отряд. Пищи почти не было, снабжение там было очень плохое, переходы были длинные. Индейцы, из которых они делали носильщиков, от непосильного труда умирали в большом количестве. Но тем не менее Орельяна увлек весь свой отряд, а там были интеллигентные люди, которые оставили записи (например, патер-капеллан отряда, Гаспар де Карвахаль, который вел дневник, и это было его главное занятие. Сейчас этот дневник опубликован)С1. Они спустились по Амазонке, причем

им встречались там разного рода индейские деревни.

По рассказам Карвахалья, это были большие поселения, не такие, как сейчас, а гораздо больше, но там жили самые примитивные индейцы, у которых никакого золота не было. Откуда в Амазонке золото? "Так мы, - писал этот падре, - золото особенно и не искали, мы искали, что покушать, голодные плыли на лодках и на плотках по реке, самой большой и многоводной в мире", и наконец выплыли - больные, усталые, замученные, напуганные страшными аллигаторами, огромными анакондами, которые заглатывают и больших аллигаторов, а уж человека большой анаконде ничего не стоит проглотить. В общем, выплыли в море, добрались до испанских колоний на остров Кубагуа, к поселку Новый Кадис и отдохнули. Орельяне дали титул маркиза за открытие этой огромной реки, дали наградные, потому что у него никаких своих богатств не было, он вернулся нищим и голодным. Что же сделал Орельяна после этого? На полученные деньги снарядил новую экспедицию и отправился снова на Амазонку. Но уже не вернулся. Зачем он ехал навстречу гибели?

Теперь обратим внимание, как проявляют себя такого типа люди в зависимости от тех целей, к которым они стремятся. Ведь не все они хотят лидерствовать и быть вождями. Вот Ньютон. Он потратил свою жизнь на решение двух кардинальных научных проблем - создание механики и толкование Апокалипсиса, только это его и интересовало. Жены не завел, богатства не накопил, ничем не интересовался, кроме своих идей, жил дома с экономкой и работал. И когда король Англии Карл II сделал его пэром он, как добросовестный человек ходил в парламент и высиживал там все заседания, но за все это время он сказал там только два слова: "Закройте форточку". Все остальное его не интересовало*14.

Вот пример человека, который отнюдь не стремился к лидерству, но вместе с тем он вел полемику, спорил, доказывал свою правоту. Он был искренний протестант и враг католиков, т.е. у него были все человеческие качества, но целью его жизни была жажда знаний, которую мы можем назвать модусом алчности. Скупой рыцарь собирал деньги, а Ньютон - знания: тот и другой были алчными, но не тщеславными.

И наоборот, мы можем найти сколько угодно актеров, которые безумно тщеславны, или поэтов, которые ради своей популярности готовы пожертвовать всем, чем угодно.

История зафиксировала и крайне экстремальные случаи поведения людей, когда они до такой степени влюбляются в свой идеал, что жертвуют ради него своей жизнью, а это совсем нецелесообразно с нормальной точки зрения. Жанна д'Арк было девушкой очень впечатлительной и очень патриотичной. Несмотря что она по-французски плохо говорила, она решила спасти Францию и, как известно, она ее спасла. Но все-таки после того как она освободила Орлеан и короновала Карла в Реймсе, превратив его из дофина в законного короля, она попросила, чтобы ее отпустили. Она не стремилась к тому, чтобы занять место при короле, но ее не отпустили, и дальнейшая ее судьба была печальна.

Я попытался показать, что есть люди, которые стремятся в большей или меньшей степени к идеальным иллюзорным целям. Мнение, что все люди стремятся исключительно к личной выгоде и что если они рискуют жизнью, то только ради получения денег или прочной материальной выгоды, - это мнение не Маркса с Энгельсом, а барона Гольбаха, французского материалиста XVIII в., который считается вульгарным материалистом и никакого отношения к марксизму не имеет. Это тот материализм, который Марксом и Энгельсом был преодолен.

А если так, то мы можем совершенно спокойно поставить вопрос о том, как же понять это самое "что-то", т.е. пассионарность - качество, толкающее людей на следование иллюзорным целям, а не реальным. Что это за страсть, которая иногда оказывается даже сильнее самого инстинкта самосохранения?

СТЕПЕНИ ПАССИОНАРНОСТИ

Несомненно, что подавляющее число поступков, совершаемых людьми, диктуется инстинктом самосохранения либо личного, либо видового. Последнее проявляется в стремлении к размножению и воспитанию потомства.

Однако пассионарность имеет обратный вектор, ибо заставляет людей жертвовать собой и своим потомством, которое либо не рождается, либо находится в полном пренебрежении ради иллюзорных вожделений: честолюбия, тщеславия, гордости, алчности, ревности и прочих страстей. Следовательно, мы можем рассматривать пассионарность как антиинстинкт, или инстинкт с обратным знаком.

Как инстинктивные, так и пассионарные импульсы регулируются в эмоциональной сфере. Но ведь психическая деятельность охватывает и сознание. Значит, нам следует отыскать в области сознания такое деление импульсов, которое можно было бы сопоставить с описанным выше. Иными словами, все импульсы должны быть разбиты на два разряда: а) импульсы, направленные к сохранению жизни, и б) импульсы, направленные к принесению жизни в жертву идеалу - далекому прогнозу, часто иллюзорному.

Для удобства отсчета обозначим импульсы "жизнеутверждающие" знаком плюс, а импульсы "жертвенные", естественно, знаком минус. Тогда эти параметры можно развернуть в плоскостную проекцию, похожую на привычную систему Декартовых координат, причем отметим, что положительные не значит "хорошие" или "полезные", а отрицательные - плохие" (ведь в физике катионы и анионы, а в химии - кислоты и щелочи качественных оценок не имеют).

Вообще надо отметить, что только в общественной форме движения материи есть смысл противопоставлять прогресс - застою и регрессу. Поиски осмысленной цели в дискретных процессах природы - неуместная телеология. Как горообразование в геологии ничем не "лучше" денудации, или зачатие и рождение - такие же акты жизни организма, как смерть, так и в этнических процессах отсутствует критерий "лучшего". Однако это не значит, что в этногенезе нет системы, движения и даже развития - это значит лишь, что нет "до" и "после". В любом колебательном движении есть только ритм и большая или меньшая напряженность. Так условимся же о терминах.

Положительным импульсом сознания будет только безудержный эгоизм, требующий для осуществления себя как цели рассудка и воли. Под рассудком мы условимся понимать способность выбора реакции при условиях, допускающих это, а под волей - способность производить поступки согласно сделанному выбору. Следовательно, из этого разряда исключаются все тактильные и рефлекторные действия особей, равно как и поступки, совершенные по принуждению других людей или достаточно весомых обстоятельств. Но ведь внутреннее давление императив либо инстинкта, либо морали, либо пассионарности - также детерминирует поведение. Значит, и его надо исключить наряду с давлением этнического поля и традиций. Для "свободных" или "эгоистичных" импульсов остается небольшая, но строго очерченная область, та, где человек несет за свои поступки моральную и юридическую ответственность. Тут мы опять сталкиваемся с невозможностью дать дефиницию, практически ненужную. Коллективный опыт человечества четко отличает вынужденные поступки от преступлений. Убийство при самозащите отличается от убийства с целью грабежа или мести, обольщение - от изнасилования и т.д. В середине прошлого века делались попытки отождествить такие поступки, но это было беспочвенное резонерство. В наше время очевидно, что сколь бы ни была разумна забота человека о себе, она не дает ему основания сознательно нарушать права соседей или коллектива.

"Разумному эгоизму" противостоит группа импульсов с обратным вектором. Она всем хорошо известна, как, впрочем, и пассионарность, но также никогда не выделялась в единый

разряд. У всех людей имеется искреннее влечение к истине (стремление составить о предмете адекватное представление), к красоте (тому, что нравится без предвзятости) и к справедливости (соответствию морали и этике). Это влечение сильно варьируется в силе импульса и всегда ограничивается постоянно действующим "разумным эгоизмом", но в ряде случаев оказывается более мощным и приводит к гибели не менее неуклонно, чем пассионарность. В сфере сознания оно как бы является аналогом пассионарности и, следовательно, имеет тот же знак. Назовем его аттрактивностью (от лат. *attractio* - влечение).

Природа аттрактивности неясна, но соотношение ее с инстинктивными импульсами самосохранения и с пассионарностью такое же, как в лодке соотношение двигателя (мотора) и руля. Равным образом соотносится с ними "разумный эгоизм" - антипод аттрактивности.

Поэтому мы можем положить выделенные нами разряды импульсов на координаты: подсознание на абсциссу, сознание - на ординату (рис. 3). Тогда мы получим психологическую классификацию, пригодную для решения нашей задачи. Но нужно ли такое сложное построение и для чего?

СООТНОШЕНИЕ РАЗРЯДОВ ИМПУЛЬСОВ

В биологической природе инстинктивных импульсов можно не сомневаться. Как желание долго жить, так и тяга к воссозданию себя через потомство биологический признак, свойственный человеку. Но если так, то его величина (в смысле воздействия на поступки особи) должна быть стабильна. Это значит, что тяга человека к жизни у всех людей - живущих, живших и имеющих жить, в каждом отдельном случае одна и та же. На первый взгляд, это противоречит наблюдаемой действительности.

В самом деле, есть сколько угодно людей, не ценящих жизнь настолько, что они идут добровольно на войну; бывают случаи самоубийства; родители сплошь и рядом бросают детей на произвол судьбы, а иной раз и убивают. И это наряду с дезертирами, уклоняющимися от войны; с теми, кто ради спасения жизни терпит всевозможные оскорбления, унижения и даже рабское состояние; родителями, отдающими жизнь за детей, часто недостойных и неблагодарных. Огромный разброс данных! Кажется, что никакой системы в сумме наблюдаемых явлений нет.

Не напоминает ли это мнение древних о том, что тяжелые тела падают быстрее легких? Только опыт Галилея доказал, что сила тяжести равно действует на пушинку и чугунное ядро, а разница в скорости падения зависит от постороннего явления - сопротивления воздушной среды. То же самое имеет место в проблеме, занимающей наше внимание.

На той же линии (рис. 3) лежит обратный импульс пассионарности. При алгебраическом сложении он погашает ту или иную часть положительной абсциссы, а иногда даже всю. Величина импульса Р (пассионарного напряжения) может быть меньше импульса инстинкта (величина, которую удобно принять за единицу), равна ему и больше его. Только в последнем случае мы называем человека пассионарием.

При равенстве величин - идеально гармоничная личность, что-то вроде Андрея Волконского. Я беру в качестве примера такого литературного героя, который все выполняет очень хорошо. Он и прекрасный полковник, и заботливый помещик, хранитель своей дворянской чести, верный муж своей первой жены, верный жених своей новой невесты. Абсолютно гармоничная личность, причем и работает он хорошо - не за страх, а за совесть, но ничего лишнего он не сделает; это вам не Наполеон, который так же, как и Александр Македонский, неизвестно для чего завоевывал страну за страной и даже такие страны, которые он явно не мог удержать, например Испанию или Россию.

Наполеон бросал людей на смерть ради иллюзии, ради славы Франции, как он говорил, а по существу - ради собственного властолюбия. Андрей Волконский ничего такого не сделает. Он хороший человек, у него все приведено в ажур, он делает только то, что надо, и делает хорошо;

достойный уважения человек, гармоничная личность.

Но есть еще и субпассионарии, у которых пассионарность меньше, чем импульс инстинкта. Для иллюстрации опять-таки приведу литературные образы, всем хорошо известные, - это герои Чехова. У них как будто все хорошо, а чего-то все-таки не хватает: порядочный, образованный человек, учитель, но... "в футляре"; хороший врач, много работает, но... "Ионыч". И самому ему скучно, чеховскому герою, и кругом него всем скучно. Все чеховские персонажи, или почти все, которых я помню, это образы субпассионариев. У них также есть кое-какие пассионарные замыслы. И такие герои мечтают... выиграть, например, у соседа партию в шахматы, это удовлетворяет их тщеславие.

Наличие субпассионариев для этноса так же важно, как и наличие пассионариев, потому что они составляют известную часть этнической системы. Если их становится очень много, то они начинают резко тормозить своих духовных и политических вождей, твердя им: "Что вы, что вы, как бы чего не вышло". С такими людьми совершенно невозможно предпринять какую-нибудь крупную акцию. Об акции агрессивного характера здесь уже и говорить нечего, равно как и оборонительного: эти люди и защищать-то себя не могут.

Впрочем, и субпассионарии разные. Доза пассионарности может быть столь мала, что не погашает даже самых простых инстинктов и рефлексов. Носитель такой пассионарности готов пропить последний рубль, ибо его тянет к алкоголю, и он забывает обо всем. Таковы босяки из ранних рассказов А. М. Горького. Еще ниже дебилы и кретины.

А если пассионарное напряжение выше инстинктивного? Тогда точка, обозначающая психологический статус особи, сместится на отрицательную ветвь абсциссы. Здесь будут находиться конкистадоры и землепроходцы, поэты и ересиархи и, наконец, инициативные фигуры вроде Цезаря и Наполеона. Как правило, их очень немного, но их энергия позволяет им развивать бешеную деятельность, фиксируемую везде, где есть историческая литература письменная или устная. Сравнительное изучение кучности событий дает первое приближение определения величины пассионарного напряжения.

Ту же последовательность мы наблюдаем в сознательных импульсах, отложенных на ординате. "Разумный эгоизм", т.е. принцип "все для меня", имеет в лимите стабильную величину. Но он умеряется аттрактивностью, которая либо меньше единицы (за которую мы принимаем импульс себялюбия), либо равна ей, либо больше ее. В последнем случае мы наблюдаем жертвенных ученых, художников, бросающих карьеру ради искусства, правдолюбцев, отстаивающих справедливость с риском для жизни, короче говоря - тип Дон Кихота в разных концентрациях. Значит, реальное поведение особи, которое мы имеем возможность наблюдать, складывается из двух постоянных положительных величин (инстинктивность и "разумный эгоизм") и двух переменных отрицательных (пассионарность и аттрактивность). Следовательно, только последние определяют наблюдаемое в действительности разнообразие поведенческих категорий.

ЗАРАЗИТЕЛЬНОСТЬ ПАССИОНАРНОСТИ

Пассионарность имеет еще одно качество, которое чрезвычайно важно: она заразительна! Пассионарность ведет себя как электричество при индуцировании соседнего тела. Это еще Толстой отметил в "Войне и мире", что когда в цепи солдат кто-то крикнет: "Ура!", то цепь бросается вперед, а когда крикнут: "Отрезаны!", то все бегут назад. Я воевал и могу вам сказать, что во время боя никаких криков не слышно. И тем не менее наблюдение Толстого совершенно правильно. В чем же дело?

Приведу простой пример. Мы знаем, что есть полководцы очень опытные, стратегически подготовленные, но которые совершенно не умеют увлечь солдат в битву. Я беру военную историю, потому что это самая яркая иллюстрация. Там, где человек рискует жизнью, там все

процессы обострены до предела, а нам надо понять крайности, для того чтобы потом вернуться к бытовым ситуациям. Вот был у нас генерал Барклай-де-Толли-Веймар, очень толковый, очень храбрый человек, очень умный, составивший план победы над Наполеоном. Все он умел делать. Единственное, чего он не мог, - это заставить солдат и офицеров себя любить, за собой идти, слушаться.

КАРТА. ФРАНЦУЗСКАЯ ИМПЕРИЯ ПРИ НАПОЛЕОНЕ I И ЕЕ КРУШЕНИЕ

Поэтому пришлось заменить его Кутузовым, и Кутузов, взяв план Барклая-де-Толли и в точности его выполнив, сумел заставить солдат идти бить французов. Поэтому совершенно правильно у нас перед Казанским собором памятники этих двух полководцев стоят рядом. Они оба одинаково много вложили в дело спасения России в 1812 г., но Барклай-де-Толли вложил свой интеллект, а Кутузов - свою пассионарность, которая у него бесспорно была. Он сумел как бы наэлектризовать солдат, он сумел вдохнуть в них тот самый дух непримиримости к противнику, дух стойкости, который нужен для любой армии.

Этим качеством в избытке обладал Суворов. Когда Павел бросил русскую армию в Италию против стойких французских армий, которыми командовали лучшие французские генералы - Макдональд, Моро, Жубер, - Суворов одержал три блестящие победы при помощи небольшого русского корпуса и вспомогательных австрийских дивизий. Причем одержали победы именно русские части, хотя австрийцев никто в то время не мог обвинить в трусости или слабой боеспособности, это ведь были такие же славяне: хорваты, словаки, чехи; и воевать они могли. Но решающими ударами, которыми были опрокинуты французские гренадеры, руководил Суворов, и сделаны они были русскими. Он вдохнул в своих солдат волю к победе, как говорят обычно, а на нашем языке свою пассионарность, которая была у него самого.

Вы скажете: а может быть, дело не в Суворове? Просто русские солдаты были такие хорошие? Ладно. А Аустерлиц? А Фридланд? А Цюрих, где нам "наклеили" по первое число? У Суворова было 30 тысяч солдат, а у Римского-Корсакова - 60. Надо сказать, что Корсаков тоже был полководец толковый, но вся армия капитулировала около Цюриха, окруженная французами. Так что дело, очевидно, не только в числе. Но почему же австрийцы сражались хуже? Очевидно, потому, что русские были Суворову понятны, и он был им понятен, а австрийцам он был не понятен. Это гипотеза, но применим ее дальше...

Австрийцы потребовали, чтобы Суворов, вместо того чтобы вторгнуться во Францию и вызвать там восстание роялистов и жирондистов, пошел воевать в Швейцарию. Дело было безнадежное, и он там оказался окружен французами. Суворов протестовал против этого похода, но не мог повлиять на австрийских чиновников гофкригсрата. Потеряв в Швейцарии все свои пушки, сохранив только знамена, потеряв четвертую часть своих людей, Суворов вывел остальную армию из окружения и был в Вене удостоен императорских почестей, потому что в войне против французов это был настоящий успех, хотя и при тактике отступающей армии.

Но ведь Суворов не мог провести ни одного своего начинания среди австрийцев и немцев. И надо сказать, что и немцы с трудом проводили, как мы видели на примере Барклая-де-Толли, свои очень умные начинания среди русских. Так с чем же связана индукция пассионарности? Очевидно, с каким-то настроем, который является связующим этнос началом. Что это за настрой?

И тут мы вспомним то, о чем говорили ранее. Каждый живой организм обладает энергетическим полем, теперь мы уже можем сопоставить его с описанием особенностей этноса и, следовательно, назвать этническим полем, создаваемым биохимической энергией живого вещества.

Так вот. Если принять эту энергетическую модель, модель силового поля, и применить ее к проблеме этноса, то этнос можно представить себе в качестве системы колебаний

определенного этнического поля. А если это так, тогда мы можем сказать, в чем различие этносов между собой. Очевидно, в частоте колебаний поля, т.е. в особом характере ритмов разных этнических групп. И когда мы чувствуем своего, это значит, что ритмы попадают в унисон или строятся в гармонию; когда в унисон ритмы не попадают, мы чувствуем, что это чужой, не свой человек.

Эта гипотеза на современном уровне наших знаний удовлетворительно объясняет все наблюдаемые этнические коллизии. Даже если она будет заменена какой-либо другой, дело не изменится. Наша задача - описание феномена, а интерпретация его причин может в будущем варьировать, что, по-видимому, не будет влиять на полученные нами результаты*15.

III. Вспышки этногенезов

СОЦИАЛЬНАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИИ

Предмет социальной истории, согласно теории исторического материализма, - это прогрессивное развитие производительных сил и производственных отношений от нижнего палеолита до научно-технической революции и дальше. Поскольку это - спонтанное развитие, причиной его не могут быть силы природы, которые действительно не влияют на смену формаций, и если протянуть плавную кривую от добывания огня трением до полетов космических кораблей, то линия должна отобразить эволюцию человечества.

При этом остается непонятным только, во-первых, откуда взялись так называемые "отсталые" народы и почему бы им тоже не развиваться? Во-вторых, почему наряду с успехами техники и науки фиксируется огромное количество утрат культурных ценностей? И, наконец, в-третьих, по какой причине этносы создатели многих древних культур - бесследно исчезли с этнографической карты мира, а те, которые ныне конструируют сложные машины и создают для них искусственный спрос, возникли совсем недавно?

Видимо, социальная история отражает прошлое человечества односторонне, и рядом с прямой дорогой эволюции существует множество зигзагов, дискретных процессов, создавших ту мозаику, которая просматривается на исторических картах мира. Поскольку у этих процессов есть, как мы уже говорили, "начала и концы", то они не имеют касательства к прогрессу, а всецело связаны с биосферой, где процессы тоже дискретны.

Таким образом, социальная и этническая истории не подменяют друг друга, а дополняют наше представление о процессах, происходящих на поверхности Земли, где сочетаются "история природы и история людей".

КРИВАЯ ЭТНОГЕНЕЗА

Во всех исторических процессах - от микрокосма (жизни одной особи) до макрокосма (развития человечества в целом) общественная и природные формы движения соприсутствуют и взаимодействуют, подчас столь причудливо, что иногда трудно уловить характер связи. Это особенно относится к мезокосму, где лежит феномен развивающегося этноса, т.е. этногенез, если понимать под последним весь процесс становления этноса от момента возникновения до исчезновения или перехода в состояние гомеостаза. Но значит ли это только то, что феномен этноса - продукт случайного сочетания биогеографических и социальных факторов? Нет, этнос имеет в основе четкую и единообразную схему.

Несмотря на то что этногенезы происходят в совершенно разных условиях, в разное время и в разных точках земной поверхности, тем не менее путем эмпирических обобщений удалось установить кривую этногенеза. Вид ее несколько непривычен для нас: кривая равно не похожа ни на линию прогресса производительных сил - экспоненту, ни на повторяющуюся циклоиду биологического развития. Видимо, наиболее правильно объяснить ее как инерционную, возникающую время от времени вследствие "толчков", которыми могут быть только мутации, вернее микромутации*16, отражающиеся на стереотипе поведения, но не влияющие на фенотип.

Рис. 4. Изменение пассионарного напряжения этнической системы

Как правило, мутация почти никогда не затрагивает всей популяции своего ареала. Мутируют только отдельные относительно немногочисленные особи, но этого может оказаться недостаточно для того, чтобы возникла новая консорция, которая при благоприятном стечении обстоятельств вырастает в этнос. Пассионарность членов консорции - обязательное условие этого перерастания. В этом механизме - биологический смысл этногенеза, но он не подменяет и не исключает социального смысла.

Как видно из рисунка, по абсциссе отложено время в годах. Естественно, на ординате мы откладываем форму энергии, стимулирующую процессы этногенеза.

Но перед нами встает другая трудность: еще не найдена мера, которой бы можно было определять величину пассионарности. На основании доступного нам фактического материала мы можем говорить только о тенденции к подъему или спаду, о большей или меньшей степени пассионарного напряжения. Однако для поставленной нами цели это препятствие преодолимо, ибо мы рассматриваем процессы, а не статистические величины. Поэтому мы можем описать явления этногенеза с достаточной степенью точности, что послужит в дальнейшем базой новых уточнений.

Рис. 4. Изменение пассионарного напряжения этнической системы (обобщение)

По оси абсцисс отложено время в годах, где исходная точка кривой соответствует моменту пассионарного толчка, послужившего причиной появления этноса. По оси ординат отложено пассионарное напряжение этнической системы в трех шкалах:

1) в качественных характеристиках от уровня Р2 (неспособность удовлетворить вождение) до уровня Р6 (жертвенность). Эти характеристики следует рассматривать как некую усредненную "физиономию" представителя этноса. Одновременно в этносе присутствуют представители всех отмеченных на рисунке типов, но господствует статистический тип, соответствующий данному уровню пассионарного напряжения;

2) в шкале - количество субэтносов (подсистем этноса). Индексы $n, n+1, \dots, n+3$ и т.д., где n - число субэтносов в этносе, не затронутом толчком и находящемся в гомеостазе;

3) в шкале - частота событий этнической истории (непрерывная кривая). Предлагаемая кривая - обобщение 40 индивидуальных кривых этногенеза, построенных нами для различных этносов, возникших вследствие различных толчков. Пунктирной кривой отмечен качественный ход изменения плотности субпассионариев в этносе. Снизу крупным шрифтом выделены названия фаз этногенеза соответственно отрезкам по шкале времени: подъем, акматическая. надлом, инерционная, обскурация, регенерация, реликт.

В любой науке описание феномена предшествует его измерению и интерпретации; ведь и электричество было сначала открыто как эмпирическое обобщение разнообразных явлений, внешне несхожих между собой, а уже потом пришли к таким понятиям, как сила тока, сопротивление, напряжение и т.п.

Теперь перейдем к описанию основных фаз того процесса, который отображает в общем виде приведенная нами кривая, и попытаемся показать, как происходит реально процесс постепенного расходования первичного заряда пассионарности.

Мы уже говорили, что исходный момент любого этногенеза - специфическая мутация небольшого числа особей в географическом ареале. Такая мутация не затрагивает (или затрагивает незначительно) фенотип человека, однако существенно изменяет стереотип поведения людей. Но это изменение опосредованно: воздействию подвергается, конечно, не само поведение, а генотип особи. Появившийся в генотипе вследствие мутации признак пассионарности обуславливает у особи повышенную по сравнению с нормальной ситуацией абсорбцию энергии из внешней среды*17. Вот этот-то избыток энергии и формирует новый

стереотип поведения, цементирует новую системную целостность.

Возникает вопрос: наблюдаются ли моменты мутации (пассионарного толчка) непосредственно в историческом процессе? Разумеется, сам факт мутации в подавляющем количестве случаев ускользает от современников или воспринимается ими сверхкритично: как чудачество, сумасшествие, дурной характер и тому подобное. Только на длительном, около 150 лет, отрезке становится очевидным, когда начался исток традиции. Но даже это удастся установить не всегда. Зато уже начавшийся процесс этногенеза, или набухание популяции пассионарностью и превращение ее в этнос, нельзя не заметить. Поэтому мы можем отличить видимое начало этногенеза от пассионарного толчка. Причем, как правило, инкубационный период составляет около 150 лет. Возьмем самые очевидные примеры на хорошо известном материале и перейдем к рассмотрению этого вопроса. Прежде всего посмотрим внимательно, когда и где происходили подъемы этносов.

СЛАВЯНО-ГОТСКИЙ ВАРИАНТ

Один из них имел место в начале нашей эры, во II в. Но где? Только на одной полосе: примерно от Стокгольма, через устье Вислы, через Средний и Нижний Дунай, через Малую Азию, за Палестину, до Абиссинии. Что же здесь произошло? В 155 г. племя готов с острова "Скандзы" D1 выселилось в низовья Вислы. Готы довольно быстро прошли до берегов Черного моря и создали здесь могущественное государство. Несмотря на то что этногенезы происходят в совершенно разных условиях, в разное время и в разных точках земной поверхности, тем не менее путем эмпирических обобщений удалось установить кривую этногенеза. Вид ее несколько непривычен для нас: кривая равно не похожа ни на линию прогресса производительных сил - экспоненту, ни на повторяющуюся циклоиду биологического развития (рис. 4). Видимо, наиболее правильно объяснить ее как инерционную, возникающую время от времени вследствие "толчков", которыми могут быть только мутации, вернее микромутации, которое ограбило почти все римские города в бассейне Черного и Эгейского морей, потерпели поражение от гуннов, двинулись на запад, взяли Рим, подчинили себе Испанию, потом подчинили себе всю Италию и открыли эпоху Великого переселения народов. Я не рассказываю сейчас об этом подробно, а даю общую картину для постановки вопроса.

Если идти вдоль этой полосы, то мы обнаружим, что южнее готов впервые во II в. появились памятники, которые мы относим к славянам. Были ли славяне до этого? Да, очевидно, были какие-то этносы, которые в эту эпоху синхронно с готами создали тот праславянский этнос, который византийцы называли антами, древнерусские летописцы - полянами D2 и который положил начало какому-то этническому объединению, в результате чего маленький народ, живший в современной Восточной Венгрии, распространился до берегов Балтийского моря, до Днепра и вплоть до Эгейского и Средиземного морей, захватив весь Балканский полуостров. Колоссальное распространение для маленького народа!

Говорил я об этом с профессором Мавродиным - специалистом по этим вопросам, и он спросил: "А как же это объяснить с точки зрения демографии? Как же они могли так быстро размножиться, потому что это произошло за какие-нибудь 150 лет?"

- Да очень просто. Эти праславяне, захватывая новые территории, очевидно, не очень стеснялись в отношении побежденных женщин, а детей они любили и воспитывали их в знании своего языка, с тем чтобы они могли добиться высокого положения в своих племенах. Ведь при таком процессе много мужчин не требуется. Важно, чтобы было много побежденных женщин, и демографический взрыв будет обеспечен. Так оно, видимо, и произошло.

КАРТА. ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТА ЕВРОПЫ I - II вв. н.э.

В IV в., как мы уже точно знаем, славяне являются соперниками готов, а союзниками - гуннов и росомонов D3. А пока поставим вопрос: что произошло еще южнее вдоль указанной

полосы?

Племя даковD4поднялось против Рима и повело жесточайшую войну. В кинокартине "Даки" римляне воюют с даками, и кажется, что это естественно. Но естественно ли это? Ведь Римская империя в эпоху Траяна включала в себя не только Италию, но и современную Югославию, Болгарию, Грецию, Турцию, Францию, Испанию, Сирию и всю Северную Африку. И представьте себе, что эдакая махина воюет с одной Румынией, причем Румыния побеждает до тех пор, пока ее, наконец, не задавливают числом. Ведь сегодня это казалось бы нам очень странным. Но это было странно и тогда. И тем не менее факт: даки в конце I в., на рубеже I и II вв. соперничали со всей этой машиной, значит, у них появился какой-то мощный импульс, уравнивающий численное превосходство противника.

СИРИЙСКИЙ ВАРИАНТ I ВЕКА

Аналогичный феномен произошел и в Палестине, где обитал древнееврейский этнос, уже разложившийся, рассеянный, в значительной степени вывезенный в Вавилон и застрявший там и в других персидских городах. Евреи были в Ктезифоне и в Экбатанах, были они в Ширазе. Была большая колония на западе; в Риме было много евреев. И вдруг небольшой этнос, состоявший из оставшихся в Палестине евреев, создал весьма сложную систему взаимоотношений внутри себя (четыре партии, борющиеся друг с другомD5) и тоже оказался мощным соперником Римской империи. Что там изменилось?

В это время в Сирии и Палестине появилось большое количество пророков, которые говорили от лица того или иного бога, иногда и от своего собственного лица. Иисуса Христа все знают*3. Но был тогда и Аполлоний Тианский, и Гермес Триждывеличайший (Гермес Трисмегист), якобы живший в Египте. Был Филон Александрийский - еврей, который изучил греческую философию и создал свою систему на базе вариантов платонизма. В это время двумя крупными раввинами (Шамаи и Гамалиил) был завершен Талмуд, т.е. произошла реформа древней иудейской религииD6. Религия стала тем выходом, в который устремилась пассионарность. Ведь пассионарность, как жидкость, которая находится в каком-то сосуде и изливается из него там, где образуется дыра, а дыра в то время образовалась именно в вопросах религиозных, не потому, что люди в то время были так уж религиозны, а потому, что в условиях всеобщего административного гнета Римской империи считалось, что это безвредно.

В I в. римляне фактически были безбожниками, потерявшими веру в древних своих богов - Юпитера, Квирина, Юнону и других. Они стали относиться к ним как к пережитку своего детства, как к симпатичным реминисценциям, но никто всерьез не придавал этим богам никакого значения. Боги эти уже тогда начали превращаться в некие опереточные персонажи, что завершил уже в XIX в. Оффенбах своей "Прекрасной Еленой". Этот культурный процесс упадка римлян несколько их дезориентировал и обусловил то, что они проглядели важные вещи: появление пассионарных людей, которые занимались, впрочем, вполне невинным дозволенным делом - составлением и изобретением новых культов. Римляне считали, что это можно. Пожалуйста, кто что хочет, то и говорит, лишь бы он соблюдал законы. Христианство, которое нам кажется монолитным, таким в I в. еще не было. Тот случай, который имел место в 33 г. на Голгофе, стал известен всему миру, но все его воспринимали очень по-разному: одни считали, что это просто казнь человека, другие говорили, что это снисхождение духа бесплотного, который не может страдать, и это просто видимость, что он на кресте умер; другие говорили, что это мог быть человек, в котором обитал Дух Божий, и т.п. Течений было огромное количество, но инициативу в этом движении взяли евреи.

Именно они со свойственной им горячностью и подняли шум, что повешен ничтожный человек, и казнен правильно, но не в этом дело, а в том, что римляне на священную еврейскую землю пригоняют - кого бы вы думали? свиней! И едят их! Ведь римские legionеры получали

паек в виде свинины и привыкли к нему, поэтому гарнизоны, которые были расположены в Палестине, оскорбляли чувства евреев.

Вы спросите: "А как же до этого?" И до этого евреи видели, как римляне едят свиней, но они относились к этому безразлично. А тут началась настоящая иудейская война. Очевидно, она могла бы быть и успешной, если бы не произошел этот самый пассионарный толчок, в результате которого евреи (древние евреи относятся к современным так же, как римляне к итальянцам, т.е. современное еврейство - это другой этнос, сохранивший в значительной степени культурные традиции предыдущего) разделились на четыре группы, которые терпеть не могли друг друга.

Те, которые соблюдали старый закон и старые обычаи, назывались фарисеями. Они занимались торговлей, носили длинные волосы, прекрасные расчесанные бороды, золотой обруч на голове, длинные одежды, изучали Тору, читали Библию, соблюдали все посты и обряды и терпеть не могли саддукеев, которые ходили в хитонах, брились или изящно подстригали себе бородки, причесывались по эллинскому образцу, дома говорили по-гречески, имена давали детям такие, как Аристомах или Диомид, но никак не еврейские. Саддукеи владели землей, деньгами и командовали войсками.

Фарисеи и саддукеи ненавидели друг друга, но при этом и те и другие презирали простых пастухов, земледельцев, которые собирались где-то в пещерах Палестинских гор около Ливана, читали друг другу пророчества и говорили: "Этих фарисеев вообще не поймешь, что они говорят; саддукеи уже почти не наши, а вот здесь в пророчествах написано о борьбе духов света и духов тьмы, когда духи света победят и явится Спаситель Мира, то он всех спасет, римлян выгонит, а этих подлых фарисеев и саддукеев усмирит". И они ждали пришествия Спасителя. Христос пришел к ним, но "свои его не признали".

Были еще и сикарии (кинжальщики), или зилоты, т.е. ревностные. Их было мало, но они имели очень большой вес, потому что организовывались в террористические группы и убивали всех, кого хотели, а убивать они научились, секретами конспирации овладели полностью, и поэтому они на всех наводили страх.

Потребовалась 10-летняя война всей империи против одной Палестины, оставшейся без поддержки. А когда победа была наконец одержана, то римский полководец получил триумф, т.е. почести, оказываемые обычно за победу над очень серьезным противником.

А где же были евреи до этого? Надо сказать, что они никакой опасности для соседей не представляли, в лучшем случае вели мелкую партизанскую войну против македонских захватчиков (во II в. до н. э.) и довольно удачно (Маккавеи). Никто на них большого внимания не обращал. И вдруг!.. Мутация всегда мгновенна.

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВАРИАНТ

Одновременно тут произошло еще более важное событие, о котором надо сказать особо, - возник совершенно новый этнос, который проявил себя впоследствии под условным названием "византийцев". Образовались первые христианские общины. Можно возразить, что это, мол, не этнос, что это были единоверцы. Но что мы называем этносом? Вспомните, что этнос - это коллектив, отличающийся от других этносов стереотипом поведения и противопоставляющий себя всем другим.

Христиане, хоть и состояли из людей самого разного происхождения, твердо противопоставляли себя всем остальным: мы - христиане, а все остальные - нехристи, язычники. Языцы - это по-старославянски, а греческий аналог - этносы. Так христиане выделили себя из числа всех этносов Ближнего Востока и тем самым образовали свой самостоятельный этнос. Стереотип поведения у них был диаметрально противоположен общераспространенному.

Что делал нормальный классический грек римской эпохи, или римлянин, или сириец? Как

он проводил свой день? Утром он вставал с головной болью от вчерашней попойки (и богатые, и люди среднего состояния, и даже бедные, потому что они норовили пристроиться к богатым в виде подхалимов, которых тогда называли "клиенты"). Рано утром он пил легкое вино, разведенное водой, закусывая чем-нибудь, и, пользуясь утренней прохладой, шел на базар, чтобы узнать новости (агора - рынок, а я говорю по-русски - базар). Там, конечно, он узнавал все нужные ему сплетни, пока не становилось жарко; потом он шел к себе домой, устраивался где-нибудь в тени, ел, пил, ложился спать и отдыхал до вечера.

Вечером он вставал снова, купался в своем аквиуме или, если были какие-нибудь бани поблизости, ходил туда тоже новости узнавать. Взбодренный, он шел развлекаться, а в Антиохии, Александрии, в Тарсе, не говоря уже о Риме, было где поразвлечься. Там были специальные сады, где танцевали танец осы - это древний стриптиз, и выпить было можно, и после этого танца можно было получить удовольствие за весьма недорогую плату. Потом он сам доползал или его доставляли, совершенно расслабленного и пьяного, домой, и он отсыпался. А на следующий день что делать? То же самое. И так пока не надоест.

Может, кто-то и радовался такой жизни, а кому-то и надоедало - сколько можно? И вот те, кому надоедало, искали какого-то занятия, с тем чтобы жизнь приобрела смысл, цель и интерес, а это было очень трудно в эпоху Римской империи во II и особенно в III веке.

Политикой заниматься было рискованно. А чем же еще? Наукой? Философией? Не все способны. Кто был способен, тот занимался, но надо сказать, что во II-III вв. с наукой было примерно, как у нас сейчас: когда делаешь посредственные работы, то тебя все хвалят, даже дают всякие награды, пособия, говорят: "Вот постарайся, мальчик, вот хорошо, вот перепиши, вот переведи". Но если человек сделал какие-нибудь открытия, то у него были все неприятности, какие только можно было устроить в древнем мире.

И поэтому с наукой было не так легко. И, кроме того, человек, занимавшийся наукой, был в общем одинок, потому что, когда он учился, его обожал учитель, а когда он начинал что-нибудь от себя, то учитель его уже ненавидел и следующий учитель тоже, т.е. он опять оказывался одинок. Что ему было делать? Выпить да сходить стриптиз посмотреть, чтобы утешиться, т.е. вернуться к тому, от чего он ушел?

А тут, понимаете, оказывается, что существуют такие общины, где люди не пьянствуют - там это запрещено, где никакой свободной любви, можно только вступить в брак или хранить целибат, где люди сходились и беседовали. О чем? О том, чего он не знал: о загробной жизни. Боже мой! Да ведь каждому интересно, что после смерти будет. "А вы, оказывается, знаете, так расскажите". Рассказывать те умели и увлечь своими мнениями тоже умели. В наше время очень трудно кого-нибудь увлечь, тогда тоже было трудно. Но это были настолько опытные, настолько талантливые пропагандисты (христиане первых веков н.э.!), что они увлекали людей. Но подобные увлечения также приносили неприятности, поскольку Траян издал закон, запрещающий все общества - и тайные и явные. Даже общество пожарников было запрещено. Христиане тоже рассматривались как тайные сообщники. Почему? Потому, что они по вечерам собирались, что-то такое делали, говорили, потом ели своего бога - причастие, а потом расходились и чужих на свои собрания не пускали. Поэтому было приказано их казнить.

А в те времена в Римской империи желающих доносить на своих близких было более чем достаточно. Потек такой поток доносов на всех римских граждан и провинциалов, что Траян, испугавшись, запретил принимать доносы на христиан. "Христиан, - сказал император, - конечно, надо казнить, но только по их личному заявлению. Вот приходит человек и заявляет, что он христианин, тогда его можно казнить и следует, а если он не говорит, а на него пишут выкидывайте все анонимные доносы" D7.

К удивлению Траяна и римских прокураторов, оказалось огромное количество людей,

объявлявших себя христианами и добровольно принимавших казнь. Позже преемники Траяна перестали соблюдать даже этот закон, потому что пришлось бы казнить очень многих весьма толковых и нужных государству людей. Церковные христиане и близкие к ним гностики, а также манихеи - все подпадали под этот закон.

Христиане искали смерти, потому что в силу своей пассионарной одержимости так поверили в бессмертие души и загробную жизнь, что считали: мученическая смерть - это прямой путь в рай. Они даже требовали себе смертиD8.

Менее сильные пассионарии лояльно служили в войсках, в администрации, в правительственных органах, торговали, возделывали землю, и поскольку они не допускали разврата и соблюдали твердую моногамию, то быстро размножались. Женщина-христианка рожала мужу-христианину каждый год по ребенку, потому что считалось, что убивать плод во чреве - грешно, это равносильно убийству. А в это время язычники развлекались так, как вообще принято в больших городах всего мира, и детей почти не имели. К III в. количество христиан выросло невероятно, но принципиальность свою они сохранили.

Случилось, например, в Галлии восстание багаудов (так называли повстанцев, боровшихся против римских латифундиалов), и надо было послать хорошие войска на подавление этого восстания. Восстание было не христианским по существу, но какая-то часть этих багаудов или их вождей были христиане. А может быть, и не были, а про них только слух прошел, что они христиане, которые убивают своих помещиков-язычников, что они действительно и делали. В 268 г. против них направили для подавления один из самых лучших и дисциплинированных легионов империи - десятый фиванский легион. Те приехали в Галлию и вдруг узнают, что их посылают против единоверцев. Они отказались.

Восстания в римской армии в то время были постоянно, легионы восставали запросто, а в легионе 40 тысяч человек вместе с обслугой. Но эти не восстали! Просто 40 тысяч человек отказались подчиниться начальству, и они знали, что за то полагается казнь через десятого - децимация. Они положили копья, мечи и сказали: "Воевать не будем!" Ну что ж? Через десятого - выйди, выйди, выйди... и отрубают голову. "Пойдете воевать?" - "Не пойдем!" Еще раз через десятого... и еще раз! Весь легион без сопротивления дал себя перебить. Они сохранили воинскую присягу, они дали слово не изменять и сдержали слово, но не пошли против своей совести. Совесть была для них выше долга. Есть такой церковный праздник "Сорок тысяч мучеников" - это в память о десятом фиванском легионеD9.

Но все преследования не могли спасти империю от того, что количество людей нового склада, людей-правдоискателей, увеличивалось, и к III в. христиане заполнили администрацию, воинские части, суды, базары, села, перехватили мореплавание, торговлю, оставив язычникам только храмы. Римское мировоззрение, а вместе с ним и римский этнос уступил место новому этносу, сложившемуся... из кого? Там были все кто угодно. У нас принято говорить, что христианство - это религия рабов. Это неверно фактически, потому что большое количество христиан принадлежало к верхам римского общества. Это были очень богатые и знатные, культурные люди.

Но тогда что же это за явление - христианство? Можно ли сказать, что это был социальный протест? Отчасти да. Но почему этот социальный протест проявился только в восточной части Римской империи, где порядки были совершенно одинаковы с Западом? Он был в Малой Азии, в Египте, в Сирии, в Палестине, гораздо слабее в Греции и совершенно не чувствовался ни в Италии, ни в Испании, ни в Галлии. А порядки были одни и те же, и люди, в общем-то, были одни и те же.

Кончилось это дело тем, что во время очередной междоусобицы, после отречения Диоклетиана, его преемники схватились между собой - Константин и Максенций. Константин,

чувствуя, что у него войск меньше (он командовал галльскими легионами, а Максенций стоял в Риме), объявил, что обеспечит для христиан веротерпимость, и позволил повесить на своем знамени вместо римского орла крест. Много легенд связано с этим событием, но нас интересуют не легенды, а факты. А факт заключался в следующем: небольшая армия Константина разгромила огромную армию Максенция и заняла Рим. Потом, когда союзник Константина, владевший Востоком, Лициний, с ним поссорился, небольшая армия Константина разгромила языческую армию Лициния. Лициний сдался с условием, что ему будет сохранена жизнь; Константин его, конечно, казнил, впрочем, за дело. Лициний сам убивал всех ему поверивших.

В чем тут дело? Я думаю, что тут искать чудесных причин не надо. Дело в том, что те христиане, которые служили в войсках, знали, что это их война, что они идут за свое дело, и сражались с удвоенным рвением, т.е. они сражались не только как солдаты, но и как сторонники той партии, которую они защищали. Овладевшая их умами идея толкала на смерть, толкала, естественно, только пассионариев; инертных людей никакая идея никуда не толкает.

Идея защиты язычества никого никуда не толкала, а были очень талантливые люди, которые защищали язычество, - философы Плотин, Порфирий, Прокл, Либаний, Ямвлих и Ипатия. Все они по таланту были ничуть не ниже, чем гностики и отцы церкви.

Но в отличие от их идей, новые идеи сплотили пассионарных людей, стали символом пассионарности, пока на них не обращали внимания. Мученики и фанатики, пассионарность которых была в "перегреве", собрали вокруг себя умеренных пассионариев и победили. Константин, не ставший христианином, тем не менее позволил своим детям креститься, и христиане оказались во главе империи.

Удивительно, не правда ли? Победа была одержана через гибель! Однако если мы описываем феномен непредвзято, то мы другого ничего сказать не можем. Вот так и было, наше дело найти этому истолкование. Сколько времени просуществовал этот этнос, сложившийся из христианских общин? Очень долго! Появился он как субэтнос во II в., т.е. был тогда исторически зафиксирован, и к IV в. сформировался в этнос, который мы называем византийским, а кончился он с падением Константинополя в 1453 г. Остались маленькие реликты: в самом Константинополе - жители квартала Фанар - фанариоты, потомки византийцев, существовали до XIX в.; какие-то были островки в горах Греции, в Пеллопоннесе, в Малой Азии некоторое время сохранялись. Следовательно, византийцы прошли весь 1200-летний период настоящей этнической истории.

АРАБО-СОГДИЙСКИЙ ВАРИАНТ

В древности Аравию населяли разные народы, которые, по легенде, происходили от Измаила - сына Агари, наложницы Авраама, который в XVIII в. до н. э. эту Агарь вместе с сыном по наущению своей жены Сарры выгнал в пустыню. Измаил нашел воду, а раз он нашел воду, то и мать напоил, и сам спасся, и пошел от него народ, "арабы", хотя они сами себя так еще не называли. Арабы долгое время очень плохо относились к своим иудейским соседям, помня, что дети Сарры воспользовались всем наследством отца, а дети несчастного Измаила были изгнаны в пустыню. И жили арабы в этой пустыне с XVIII в. до н.э. (так датируется Авраам) до VII в. н. э. тихо, спокойно, никому не досаждая. Такова общеизвестная библейская легенда. На самом деле было все намного сложнее.

Аравия физико-географически делится на три части. Во-первых, берег вдоль Красного моря - это Каменистая Аравия, где довольно много источников с оазисами, около каждого оазиса - город, пусть небольшой, но с финиковыми пальмами, травой, где может пастись скот, а значит, могут жить люди.

Арабы там жили довольно бедно, но имели возможность подработать, потому что караваны

из Византии в Индию ходили через Каменистую Аравию, и они нанимались караванщиками или становились трактирщиками в караван-сараях, торговали финиками и свежей водой. Бедность своих природных условий арабы компенсировали повышением цен на товары, и все шло какое-то время довольно благополучно. Жили они и деньги наживали.

Большая часть Аравии - это пустыня, но пустыня не в нашем среднеазиатском смысле. Пустыней у арабов считается земля, где не сплошной травяной покров) а кустик от кустика отделен сухой землей, т.е., как мы бы сказали, сухая степь. Кроме того, с трех сторон у них море, так что дожди выпадают, воздух довольно влажный. Верблюдов гонять можно сколько угодно, да и не только верблюдов, но и ослов. Жили неторопливо и мирно, хотя бывали и войны между племенами. Так, случилась одна война из-за верблюдицы, наступившей на гнездо перепелки и раздавившей птенцов. Араб, хозяин земли, где было гнездо, отомстил за птенцов и ранил верблюдицу стрелой в вымя, а хозяин верблюдицы убил его ножом в спину. Племя не выдало убийцу, и родственники убитого начали войну. Война эта продолжалась лет 30 или 40, и за все время было не то два, не то три человека убитыхD11. Оригинальной и самобытной была у них культура и поэзия. У нас, например, в нашей русской поэзии, существует пять поэтических размеров - ямб, хорей, анапест, амфибрахий и дактиль, а у арабов 27, потому что верблюд идет разным аллюром и для того, чтобы приспособиться к тряске, надо про себя читать стихи в такт тряске, отсюда 27 различных размеров. Вот едет араб по пустыне сочиняет стихи и тут же их исполняет. Полезное занятие для кочевника...

И, наконец, на самом юге Аравии располагалась Счастливая Аравия Йемен. Это был тропический сад, там рос кофе-мокко (который потом перевезли в Бразилию, где он прижился, но стал хуже). Настоящий, самый лучший в мире кофе в Йемене, и арабы его пили с большим удовольствием. И жили бы в свое удовольствие, если бы не соседи - с одной стороны абиссинцы, которые их все время старались завоевать, а с другой - персы, которые выгоняли абиссинцев из Аравии обратно в Африку. Война эта была страшно кровопролитна, пленных не брали, но воевали не арабы, а абиссинцы с персами.

Во второй половине VI в. у арабов появилась плеяда поэтовD12- людей, которые стихами хотят выразить себя и свои чувства, хотят добиться исключительного уважения и преклонения за эту свою способность и умение. Их поступками, я бы сказал, руководит "страсть" - пассионарность.

К VII в. поэтов стало много, были и поэтессы, и стихи они стали писать хорошие, главным образом языческие. Стихи о любви, о вине, иногда о каких-нибудь стычках, столкновениях - навеянные случаями. А целеустремленности и быть не могло, потому что никакой единой идеологии у арабов не было. Бедуины, жившие в пустыне, считали, что боги - это звезды; вот сколько на небе звезд, столько богов, и каждый может молиться своей звезде. Было много христиан, много иудеев, были огнепоклонники; христиане среди арабов были всех толков - и несториане, и монофизиты, и православные, и армяне-яковиты, и савеллианеD13. Но так как все занимались своими насущными делами, то и религиозных столкновений совершенно не было. Арабы, повторим, жили спокойно.

КАРТА. АРАВИЯ, ИРАН и СРЕДНЯЯ АЗИЯ В VI - первой половине VII в.

И вот в начале VII в. появился человек, называемый Мухаммедом. Он был человек бедный, эпилептик, очень способный, но не получивший никакого образования, совершенно безграмотный. Занимался он тем, что гонял караван, потом женился на богатой вдове Хадидже. Она его снабдила деньгами, что и дало ему возможность стать довольно почтенным членом общества.

И вдруг он заявил, что призван исправить пороки мира, что до него было много пророков - Адам, Ной, Давид, Соломон, Иисус с Мириам, т.е. с девой Марией - и все они говорили

правильно, но люди все перепутали, все забыли, так вот он - Мухаммед -сейчас всем все объяснит. И объяснил он все очень просто: "Нет Бога кроме Бога", - и это все. А потом стали еще прибавлять, что Магомет пророк его, т.е. Бог - это Аллах, что означает "единственный", и он говорит арабам через Магомета (Мухаммеда)D14. И стал Мухаммед эту религию проповедовать.

Большинство арабов меньше всего желали с ним говорить, но образовалась кучка, сначала шесть человек, а потом несколько десятков, которые искренне ему поверили, и, главное, среди них оказались люди волевые, сильные, и из богатых, и из бедных семей.

Это были страшный, жестокий, непреклонный Абу Бекр; справедливый, негиббемый Омар; добрый, искренний, влюбившийся в пророка Осман; зять пророка - героический боец, жертвенный человек Али, женившийся на сестре Мухаммеда Фатьме, и другие. А Мухаммед все проповедовал, и мекканцам это надоело. Ведь он проповедует, что есть только один Бог, и все должны ему верить, но что же делать с людьми, которые приезжают торговать и верят в других богов? Это вообще неудобно и скучно. И они ему сказали: "Прекрати свои бредни".

Но у Мухаммеда был дядя, который предупредил мекканцев, чтобы те ни в коем случае Мухаммеда не трогали. "Конечно, - соглашался дядя, - он несет чепуху, и всем это надоело, но все равно он мне племянник, я же не могу его оставить без помощи". Тогда в Аравии родственные чувства еще ценились. Но дядя дал совет Мухаммеду: "Убегай!" И Мухаммед убежал из Мекки, где решили его убить, чтобы он не мешал людям жить, в Медину (тогда этот город назывался ЯсрибЯтриб, но после того, как Мухаммед там обосновался, он стал называться Медина-тун-Наби - город пророка, а "медина" - просто город).

В отличие от Мекки, где жили довольно богатые и зажиточные арабы, Ясриб был местом, где селились самые разные народы, образуя собственные кварталы: три квартала еврейских, еще персидский, абиссинский, негритянский - и все они не имели между собой никаких взаимоотношений, иногда ссорились, но пока войн не было. И когда появился Мухаммед с его верными, которые последовали за ним, то жители ему сказали: "Вот и живи тут один, отдельно от всех, ничего, ты не мешаешь".

Но тут случилось непредвиденное. Мухаммедане, или, как они себя стали называть, мусульмане, поборники веры ислама, развернули сразу активную агитацию. Они объявили, что мусульманин не может быть рабом, т.е. всякий человек, произносивший формулу ислама - "Ла илла иль Алла, Мухаммед расуль Алла" ("Нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммед - пророк его"), - немедленно становился свободным. Такого человека принимали в общину. Некоторые негры перешли к ним, некоторые бедуины. И все, кто принял ислам, поверили в него, зажглись тем же огнем, который был у Мухаммеда и его ближайших сподвижников. Поэтому они быстро создали общину, весьма многочисленную и, самое главное, активную. К мухаджирам, которые пришли из Мекки (их было немного), примкнули ансары (буквально "примкнувшие") - жители Медины.

Мухаммед оказался главой одной из самых сильных общин в самом городе Медина. Тут он постепенно стал наводить свой порядок и подчинил себе весь Аравийский полуостров.

Но обратимся к психологии арабов. Мухаммед не преследовал никаких личных целей, он шел на смертельный риск ради принципа, который он выдвинул. По существу, с точки зрения богословия, ислам не содержит в себе ничего нового по сравнению с теми религиями и течениями, которые в это время уже бытовали на Ближнем Востоке. Таким образом, если говорить о теологии, то разговор был беспредметен, и арабы совершенно правильно сделали, что не стали особенно спорить, поступились привычными культами, произнесли формулу ислама и зажили по-прежнему.

Разве в этом было дело? Дело-то было совсем в другом. Та группа, которая создавалась вокруг Мухаммеда, состояла из таких же фанатиков, как он. Мухаммед был просто творчески более одарен, чем Абу Бекр или Омар. Он был более эмоционален, чем даже добрый Осман. Он был

даже более беззаветно предан своей идее, чем отчаянный, храбрый Али, и поэтому никаких особых выгод он лично от этого дела не имел.

Мухаммед объявил, что мусульманин не может иметь больше четырех жен, это грешно (сам он тоже имел только четырех). А грешить арабы в то время очень любили. По тем временам четыре жены - это был минимум. Все жены жили при муже, потому что брак был гражданский, а развод очень дорог и связан с разделом имущества. Жены предпочитали оставаться со старым мужем, когда он брал новую жену; так им было выгоднее.

Еще Мухаммед ввел запрет на вино; сам он был эпилептик и поэтому не мог пить вина, оно на него плохо действовало. Мухаммед заявил, что первая капля вина губит человека. А арабы любили вино. Так что этот запрет сильно мешал распространению ислама.

Став мусульманами, арабы не переменились. Они садились в закрытом дворике в узкой компании, чужих не приглашали, ставили большой жбан с вином, опускали туда пальцы, и поскольку первая капля вина губит человека, стряхивали ее, а поскольку про остальные пророк ничего не сказал, - нашли выход...

Но при этом случилось нечто очень важное. Вокруг Мухаммеда и его группы, как водяные пары вокруг пылинки, люди стали собираться в некое единство. Образовалась община людей, объединенных не привычным образом жизни, не материальными интересами, а сознанием единства судьбы, единством дела, которому они отдавали свою жизнь. Это то, что я называю консорцией. Взрыв этногенеза, вызвавший к жизни "мусульманский мир" и его религию, прошел в широтном направлении и захватил, кроме Аравии, Тибет, Индию, Китай, Корею и Японию. О двух последних мы говорить не будем, поскольку ограничим наше внимание Евразией. Итак, что же произошло в VI в. с этими странами? О начале арабского этногенеза и сложении первичной консорции сторонников Мухаммеда мы уже говорили раньше и довольно подробно. А теперь рассмотрим эту тему в интересующем нас сейчас аспекте.

После того как Мухаммед достиг компромисса с мекканцами и они признали проповедуемую им веру ислам, перед самой своей смертью он написал два письма, т.е. не сам написал, а продиктовал, потому что он был неграмотен. Одно византийскому императору, другое персидскому шаху с требованием принять веру ислама. Византийский император даже не удостоил его ответом, а персидский шах написал очень ехидный ответ. Тогда Мухаммед решил, что надо вести священную войну и заставить всех принять веру ислама. И после этого вскоре умер.

Немедленно Аравия большей частью откололась от веры ислама, т.е. перестала подчиняться мусульманской общине и халифу, т.е. наместнику Мухаммеда - Абу Бекру. Два года пришлось подчинять в жесточайшей войне всю Аравию. Резня была жуткая. Уцелевшие мекканцы были принуждены принять веру ислама. Подчинили бедуинов, Йемен покорили. А после смерти Абу Бекра халиф Омар в 634 г. двинулся походом на Византию и Персию - на две крупнейших страны того времени.

Византия насчитывала около двадцати миллионов населения. Персия была поменьше, но все-таки границы ее доходили до современного Афганистана и Туркмении. Словом, две крупнейшие страны с регулярными армиями не обратили никакого внимания на этих никому не нужных и никому не страшных арабов, у которых даже и лошадей-то не было. Марши они совершали на ослах и верблюдах, а перед битвой спешили и так вели бой.

При Ярмуке в Сирии и при Кадисии в Месопотамии в 636 г. сначала византийское, а затем персидское войска потерпели сокрушительные поражения. Арабы заняли Сирию, вторглись в Персию, потом захватили у Византии Египет почти без сопротивления. Потом достигли Карфагена, заняли его, прошли по морскому берегу до Гибралтарского пролива, в 711 г. перебросились в Испанию, форсировали Пиренеи и были остановлены на Луаре и Роне. Так

велик был пассионарный подъем у арабов.

В Персии было точно так же. После битвы при Нехавенде (в Мидии) в 648 г., когда уже персидское ополчение, а не регулярная армия, было разбито, последний шах Йездигерд III бежал. Арабы захватили всю Персию, подчинили ее себе, запретили поклонение огню. Интеллигенты-идолопоклонники уехали в Индию и до сих пор там живут. Остальные персы приняли веру ислама. Бену-Сасан, т.е. Сасаниды, - потомки персидской царствующей династии - в арабский период стали синонимом нищего, который ходит по большим дорогам и просит милостыню.

Из Персии арабы напали на богатейшую страну Согдиану - нашу Среднюю Азию. Такие согдийские города, как Бухара, Ташкент, Самарканд, Коканд, Гургандж, были окружены крепкими стенами, имели большое население. Прекрасные оазисы кормили население этих городов. Воины там были как будто бы и очень смелые - дехкане, носили пояса с золотым шитьем, с великолепными саблями, у них были кони. А арабы явились туда небольшими кучками, со своими незначительными силами. И арабы захватывали город за городом, брали его иногда обманом, а большей частью силой. Согдийцы начали сдаваться.

Спрашивается, почему богатая сильная страна становится жертвой нищего завоевателя? Очевидно, у захватчиков был какой-то дополнительный импульс. Теперь мы его знаем: это - пассионарность.

С оазисами в Средней Азии они справились довольно быстро, но как только вышли в степь, то столкнулись с кочевыми тюрками и тюргешами (тюргеша - это одна из разновидностей западных тюрков). И тут их продвижение остановилось. Хотя арабы предлагали им принять веру ислама, но те отвечали гордо. Хан тюргешей Суду говорил: "У меня все люди воины, а у вас кто? Ремесленники, сапожники, купцы. Мы же ведь этого делать не умеем, следовательно, и ваша вера нам тоже не подходит" D15.

А надо сказать, что кочевое население севернее Ташкента и Чимкента, в горах Тянь-Шаня в Южном Казахстане, было крайне редкое. Жили в горах Тянь-Шаня тюргеша, ягма и чигили - три племени. А в степях жили предки печенегов, называвшихся кангар, и сама страна называлась Кангюй. Предки туркмен - потомки парфян жили вплоть до Сырдарьи. И этого редкого населения оказалось совершенно достаточно, чтобы остановить арабский натиск.

Тем не менее сдавшееся население Согдианы, после очень долгой войны, перипетии которой я опускаю, обязано было или платить огромный налог, или принять ислам. Они сначала платили, а потом решили, что лучше примут ислам, а платить не будут. Тогда арабский халиф в Дамаске заявил: "Нет, то, что вы приняли ислам - это хорошо, это спасет вас после смерти, это даст вам рай, но деньги платить вы все равно обязаны". Тогда они подняли восстание. Восстания сопровождалась жесточайшими экзекуциями.

В это время танская агрессия достигла своей кульминации, китайские войска вошли в Таласскую долину и столкнулись с арабскими войсками. Это был 751 год. Здесь произошла битва при Таласе, где три дня сражались регулярные китайские войска, которыми командовал кореец Гао Сян Чжи, храбрый человек, огромного роста, широкоплечий, а против него арабские войска, пополненные персидскими добровольцами из Хорасана, т.е. ставшие тоже регулярным войском; ими командовал Зияд ибн Салих. Они три дня сражались, не имея возможности одержать победу. Решило дело алтайское племя карлуков, которые ударили по китайцам (они решили, что китайцы хуже, чем арабы). После этого китайская армия побежала и уже не пыталась больше проникнуть в Среднюю Азию.

Зиял ибн Салих был казнен за участие в заговоре примерно через полгода после одержанной им грандиозной победы. Это случилось потому, что примерно за год до этой битвы у арабов произошел переворот из-за того, что принцип Мухаммеда - организация страны по

конфессиональному признаку населения игнорировал этнические признаки. Мусульманином мог стать каждый, кто произносил формулу ислама и соглашался принять обрезание. После чего его зачисляли как потенциальную силу в войска халифа, он числился там и мог служить или не служить, как ему удавалось, но многие предпочитали воевать и приносить домой добычу. А добыча была колоссальная. Например, персидский ковер шахского дворца пришлось разрезать на части, потому что у арабов не было такого дворца, где бы его можно было расстелить. Женщин они приводили в огромном количестве, причем немедленно их распродавали на базарах и по дешевке, потому что женщин-пленниц было много. Их покупали для гаремов. Правда, было сделано исключение для аристократок. Например, дочку персидского шаха Йездигерда продавали по ее выбору: кому она пожелает быть проданной. И перед ней проходили покупатели - ближайшие сотрудники Мухаммеда. Шел халиф Омар - она сказала: "Нет, он очень жестокий". Осман "Нет, он очень слабый". Али - "Очень толстый, - говорит, - не подходит"; его сын Хасан, молодой человек, племянник пророка, сын Фатьмы - она посмотрела и говорит: "У него губы нехорошие, он сластолюбив, он будет любить не только меня, но и других женщин". Когда прошел Гусейн, она говорит: "Вот этому продайте, я согласна". - Тут же оформили сделку. У арабов рабовладение в это время принимало вот такие формы, которые в наше время несколько экзотичны.

Вообще, надо сказать, такой подход был очень разумен. В персидском домострое XI в. - Кабус-намэ, принятом арабами. указано, что раба можно покупать только с его согласия, и если почему-то он поссорится с хозяином и пожелает, чтобы его продали, то лучше всего немедленно вести его на базар и продавать. Иначе можно натерпеться с ним неприятностей, каких он и не стоит. Это было больше похоже на сделку по найму, но оформлялось как купля-продажа.

И вот эти рабы, рабыни, пленницы, новообращенные - все, ставшие мусульманами, все, послужившие в мусульманских войсках, оказались огромной массой людей, связанных между собой только административно-политическими узами. А этническая сущность их ведь никуда же не девалась. Поэтому, когда ослабела власть и правоверные халифы, наследники Мухаммеда, проиграли войну с лицемерными мусульманами - потомками его врагов, и те захватили власть, то лицемеры Омейяды устроили Дамасский халифат.

Там было фактически разрешено все. Официально считалось, что господствует вера ислама, и пить вино в публичных местах запрещалось. Могли пить христиане и иудеи, а мусульманам было нельзя. Пусть молятся! Но мусульмане пили вино дома, и тут никто не смотрел и никто не выяснял, что они делают. Кроме того, молиться тоже надо было пять раз и совершать омовение. Когда за ними наблюдали, они все это выполняли, а как только переставали следить, то они пренебрегали всеми правилами, и на это смотрели сквозь пальцы.

Единство мусульманской общины исчезло; община распалась на субэтноты. И выяснилось, что существуют арабы мединские, арабы мекканские, арабы-кельбиты (южные), арабы-кайситы (северные). А все они схватились между собой и начали гражданскую войну. Если бы я рассказывал об арабах специально, то пришлось бы долго перечислять их внешние и внутренние войны, восстания и их подавления. Арабы тратили примерно половину запасов своих пассионарных сил, своей боеспособности на подавление своих собственных соплеменников, потому что внутренние войны были еще более ожесточенными, чем с христианами на западе и с язычниками на востоке. Дошло до того, что Мекку штурмовали войска Дамасского (Омейядского) халифа с применением огнеметного оружия, сожгли храм Каабы. Даже камень треснул от жары. Но они с этими мелочами не считались; они решали свои политические задачи. И вот тут-то выступил со всей силой этнический принцип.

Персы сговорились с арабами-кельбитами против арабов-кайситов и низвергли династию Омейядов, на место которой вступила Новая династия Аббасидов - дальних родственников

пророка, не Имевших никаких прав на престол. Однако она устраивала победителей. Аббасиды были все смешаны в такой степени, в какой мы даже представить себе не можем. Причем дело не в генетическом смешении. Если, например, у вас бабушка испанка, то вы или просто этого не знаете, или для интереса иногда вспоминаете. Но если у вас мать испанка, то она будет вас учить, во-первых, по-испански говорить, напевая вам испанские песни в колыбельке, потом приучать, что вы должны защищать свою честь со шпагой в руке, должны ревновать, пить шоколад и вообще делать массу других вещей. А если у вас будет мать, допустим, финка, то она вам скажет, что это все мелочи, чепуха, и через некоторое время сын финки от одного и того же отца, что и сын испанки, будет пить водку в большом количестве и ревновать не будет, и на шпагах воевать не научится, а если понадобится, то возьмет дубину и дубиной стукнет своего брата-испанца, который будет выступать со шпагой и т.д. Так вот, мы, к сожалению, не знаем генеалогии всех деятелей Аббасидского халифата, но знаем халифов. У одного мать персиянка, у второго берберка, у третьего грузинка и т.д. Там была этническая мешанина: люди с разными стереотипами поведения, с разным воспитанием. А удерживала, более или менее, Аббасидский халифат слабость его противников. Но он начал разваливаться изнутри.

Первой отпала Испания, куда убежал член Омейядской династии Абдуррахман, и, хотя туда прислали правительственного чиновника наместником, он создал себе партию, которой предложил отделиться от Халифата и жить самостоятельно. И отделились. Потом отделилось Марокко, где жили мавры-кабилы. Затем отломился Алжир, затем Тунис, Египет, Средняя Азия Хорасан, Сеистан (восточная часть Персии). Халифат развалился.

Почему здесь важны подробности? Потому что влияние мусульман и мусульманской агрессии на народы нашей страны было колоссальным. Средняя Азия, в которой правили арабские чиновники - эмиры (эмир - букв. "особый уполномоченный"), стала мусульманской страной. Когда же арабы заменились местными правителями с титулом султан (тоже арабское слово), то они уже были мусульманами. Итак, на базе страшных избиений, которые делались при завоевании (а убивали арабы по-джентльменски: только мужчин; женщин они продавали в гаремы, а в гаремах те становились полноправными женами), создалось смешанное население, названное тем же словом, что и их победители - арабы. У арабов своих терминов было мало, - и они заимствовали чужие слова, в частности персидские. По-персидски "корона" - "тадж", а коронные войска - это таджик. Так вот потомки арабов и согдийских женщин стали называться таджиками. Вот пример этногенеза в зоне контакта суперэтносов при росте пассионарности. Сложились они в VIII в. и до сих пор не потеряли ни своего этнического лица, ни своих блестящих способностей, ни своего стереотипа поведения, который они приобрели тогда в результате смешения арабов с тюрками.

ИНДИЙСКИЙ (РАДЖПУТСКИЙ) ВАРИАНТ

А теперь направим караван нашего внимания через раскаленные пустыни Белуджистана к многоводной реке Инд, орошающей окрестные сухие степи, где в VIII в. произошла так называемая "раджпутская революция". Она превратила буддийскую монархию наследников империи Гупта в разобщенную Раджпутскую Индию, связанную только кастовой системой.

Долина Инда - это территория, по климатическим и ландшафтным данным весьма похожая на нашу Туркмению. Пески, пригорки с редкой травой, большая река течет, как у нас Амударья. Инд - река мелкая с перекатами, хотя и очень многоводная; на реке масса островов и песчаных отмелей, так что индусы, даже во время английского господства, предпочитали переплывать Инд не на катере, который ходил с одного берега на другой и огибал все острова, а на бурдюке. Правда, в Инде есть крокодилы, но индусы привыкли к ним. Брали с собой длинную палку, и когда крокодил хотел напасть на плывущего, индус палкой бил его по ноздрям, и крокодил сразу исчезал. В общем Инд и окружающая пустыня являются как бы ландшафтным продолжением

Средней Азии, поэтому многие среднеазиатские племена, покидавшие родину, оседали в долине Инда. К моменту толчка их было три - кушаны, саки и эфталиты: все три - разные этносы. Но, попав на новую территорию, они забыли о своем происхождении, смешались с аборигенами, и отличить их внешне от местных жителей было очень трудно. Но по культам отличать их было еще можно: среднеазиаты почитали в качестве основного божества солнце, а индусы - змея, но споров из-за этого между ними не было.

А в центральной части Индии и в Бенгалии располагалась культурная и могущественная империя династии Гупта, очень почитавшая солнце, Адитью и Будду. Буддисты были в большом почете в империи Гупта, как и во всех деспотических империяхD17.

Деспотическим режимам был выгоден симбиоз с буддистами. Правители обирали своих крестьян и податное население, чтобы поддержать пышность двора и могущество наемного войска, поскольку буддисты проповедовали, что мир иллюзия, и поскольку у тебя отнимают иллюзорные деньги, иллюзорный хлеб или заставляют тебя работать на постройке иллюзорной дороги, то тебе все это только кажется. Ты подчиняйся, так будет спокойнее. Разумеется, индусы подчинялись: раз пассионарности нет, будешь подчиняться.

Но пассионарный толчок, захвативший долину Инда, повлиял на индусов так же, как на арабов, в смысле их консолидации, хотя религиозная концепция у них сложилась совершенно иная. Они вспомнили, что когда-то была древнеиндусская религия, о которой они забыли и думать, потому что ее теперь знали только ученые брамины, которые читали на языке санскрит, а это язык искусственный, вроде нашего церковнославянского, а простые индусы читать на нем не могли. Но они очень нуждались в какой-нибудь мудрости, чтобы выразить свое новое антибуддистское настроение, свою новую этнокультурную доминанту. И нашелся брамин Кумарилла БхатаD18. Очень почтенный человек, который громко заявил, что буддисты говорят чушь, утверждая, что мир - иллюзия. Похоже, что он говорил то же, что мой отец:

Есть Бог, есть мир, они живут вовек, А жизнь людей мгновенна и убога, Но все в себя вмещает человек,

Который любит мир и верит в Бога.

Вывод из этой концепции был крайне прост: бей буддистов и круши империю Гупта! Дело это облегчалось тем, что законная династия прекратилась, у власти стояли узурпаторы, сначала Харша Вардана, а потом Тирабхукти, изрядно уронивший авторитет власти. Поэтому империя довольно быстро рухнула под напором раджпутов - сторонников Кумариллы. Раджпуты разнесли ее своими саблями, причем Кумарилла и другие ему подобные брамины приказывали убивать всех буддийских монахов. А так как буддист в Индии - это обязательно монах, то отличать их было крайне просто, и с ними покончили быстро. Но были слои населения, которые поддерживали режим Гупта и соответственно буддизм. И тогда была перестроена система каст. Те, кто помогал раджпутам в их раджпутской революции, тех поместили в высшие касты, отличающиеся от старых варн, которых будет всего четыре. Новых каст стало много. Сторонники браминов попали в высшие касты, нейтральные - в средние, а те, кто протестовал, попали в низшие касты - "прикасаемые", но самые низшие. Но были еще и "неприкасаемые", которым было хуже всего, так им, например, запрещали даже пить воду из источников и рек, разрешали только из следов животных или слизывать росу с листьев. Они не смели ни до кого дотронуться и выполняли самые грязные и. самые низкооплачиваемые работы, а некоторые группы неприкасаемых просто подлежали уничтожению. И тогда те, которым рискованно было оставаться на родине, убежали из Индии и появились сначала в Средней Азии, потом на Ближнем Востоке, потом в Европе и в России. Они до сих пор странствуют и называются цыганами.

Единого государства раджпуты не создали. Это были люди крайне независимые, которые не

хотели никому подчиняться. Поэтому они образовали массу мелких княжеств, враждовавших друг с другом, но скрепленных единой системой каст, т.е. единым стереотипом поведения и новой единой браминской религией, которая, правда, раскололась на два исповедания, споривших друг с другом, но не боровшихся: шиваизм и вишнуизм.

Во главе новой индийской религии, которую оформил один из последователей Кумариллы, ШанкараD19, была индуистская троица: Брами, Вишну и Шива. Творящий Брами все время спит, но время от времени он просыпается, творит мир и снова засыпает; пока он спит, мир портится, тогда Брами опять просыпается, видит это безобразие, творит мир заново и засыпает до следующей реконструкции. А в самом мире действуют два начала: охраняющее начало - это Вишну; и начало уничтожающее и воссоздающее - это Шива. Жрецы Вишну назывались учителями - гуру, они учили воздерживаться от всякого рода опьяняющих напитков, которые разрушают тело, и обязаны были оказывать знаки внимания всем женщинам вишнуитского культа.

Если, скажем, пришел старичок-учитель в деревню, так он должен провести ночь со всеми женщинами здесь, иначе жуткая обида, значит, он какую-то семью обошел своими благами, и он должен всем верным оказать знаки внимания; ему, может, и неохота, но обязан - выполняй служебный долг!

Шиваитам, наоборот, категорически запрещалось соприкосновение с дамским полом, а наркотические и опьяняющие напитки вменялись в обязанность, для того чтобы как можно скорее уничтожить свою плоть, изнурить ее и тем самым подготовить к восстановлению заново. Значит, и тут, и там ничего общего с буддизмом, только идея переселения душ осталась, потому что она была в основе всей восточной мудрости.

Иногда вишнуисты с шиваитами спорили, но эти споры, как мы бы сказали, не были антагонистическими, они, скорее, походили на борьбу демократической и республиканской партии в Америке: одна дополняет другую. Порядка в это время в Индии было мало, потому что южная Индия с трудом подчинялась новому раджпутскому режиму, но раджпуты все-таки ее завоевали и ввели там свою систему.

Кончилось это довольно быстро, когда пришли мусульмане. Сначала арабы высадились в Синде, а потом среднеазиатские мусульмане начали делать походы через Гиндукуш, через удобное Хайберское ущелье, служившее воротами в ИндиюD20. Соппротивление разрозненных индусских княжеств было слабым. Объединяться раджпуты не хотели и не умели, и потому их довольно быстро подчинили себе мусульманские властители, установив в Индии мусульманскую верховную властьD21. Захватить верховную власть мусульманским султанам оказалось легко, но они ничего не могли поделать со строем жизни, со сложившимся стереотипом поведения, с местными воззрениями и всеми этническими особенностями, которые возникли здесь в результате пассионарного толчка (рис. 5). И мусульмане, и сменившие их англичане вынуждены были с этим мириться, вопреки своим прямым интересам. Ничего тут поделать было нельзя. Если какой-нибудь мусульманский султан вдруг решал нарушить обычай индусов, то его в один прекрасный момент кусала кобра. Мусульманские владыки знали это очень хорошо. Англичане с такими сюрпризами справлялись, но они спасовали перед другой коллизией. Дело в том, что когда в нашем, XX в., выросли большие торговые города, такие как Бомбей, а это город с несколькими миллионами жителей, то неприкасаемые, которые одни только могли заниматься уборкой улиц, быть дворниками (ни один другой индус, под угрозой исключения из касты, не возьмет метлу в руки), повысили цену на свой труд. А англичане и жившие там англичанки не могли даже у себя дома вытереть пыль, иначе все индусы стали бы их презирать, могли и взбунтоваться. Поэтому приходилось нанимать какую-нибудь индуску низшей касты, которая приходила, вытирала пыль и брала за это половину зарплаты мужа. Впоследствии эти

неприкасаемые устроили забастовку метельщиков и уборщиков во всем Бомбее, и ни одного штрейкбрехера!.. Да и как им было не выиграть забастовку? Лучшие адвокаты были у них. Они выбирали талантливых мальчиков из своей касты, посылали в Англию, в Оксфорд и Кембридж. Те кончали юридические факультеты, становились адвокатами, возвращались и очень дельно защищали интересы своей касты в судах. Как это ни парадоксально звучит, но быть членом низшей касты оказалось в каком-то смысле даже выгодно. И доходы, и работа неусттомительная, и притом никакой конкуренции. Так что новый стереотип поведения оказался чрезвычайно жизнестойким - с VII-VIII вв. (когда он установился) дожил до XX века.

КАРТА ПАССИОНАРНЫХ ТОЛЧКОВ

ЛЕГЕНДА К КАРТЕ ПАССИОНАРНЫХ ТОЛЧКОВ

Римской цифрой указан порядковый номер толчка, в скобках - начальный момент толчка. Арабскими цифрами пронумерованы этносы, возникшие вследствие данного пассионарного толчка, причем вначале идет историческое или условное название этноса, затем в скобках название географической или этнокультурной области появления этноса, соответствующее точке на карте. В некоторых случаях вслед за этим дается краткая характеристика или важнейшие события фазы подъема.

I. (XVIII в. до н.э.) 1. Египтяне-2 (Верхний Египет). Крушение Древнего Царства. Завоевание гиксосами Египта в XVII в. Новое Царство. Столица в Фивах. (1580) Смена религии. Культ Озириса. Прекращение строительства пирамид. Агрессия в Нубию и Азию. 2. Гиксосы (Иордания. Сев. Аравия). 3. Хетты (Вост. Анатолия). Образование хеттов из нескольких хатто-хурритских племен. Возвышение Хаттуссы. Расширение на Малую Азию. Взятие Вавилона.

II. (XI в. до н.э.) 1. Чжоусцы (Сев. Китай: Шэньси). Завоевание княжеством Чжоу древней империи Шан-Инь. Появление культа Неба. Прекращение человеческих жертвоприношений. Расширение ареала до моря на востоке, Янцзы на юге, пустыни на севере. 2.(?) Скифы (Центральная Азия).

III. (VIII в. до н.э.) 1. Римляне (Центр. Италия). Появление на месте разнообразного италийского (латино-сабино-этрусского) населения римской общины-войска. Последующее расселение на Среднюю Италию, завоевание Италии, закончившееся образованием Республики в 510 г. до н.э. Смена культа, организация войска и политической системы. Появление латинского алфавита. 2. Самниты (Италия). 3. Этруски (С.-З. Италия). 4. Галлы (Южн. Франция). 5. Эллыны (Сред. Греция). Упадок ахейской крито-микенской культуры в XI-IX вв. до н.э. Забвение письменности. Образование дорийских государств Пелопоннеса (VIII в.). Колонизация эллинами Средиземноморья. Появление греческого алфавита. Реорганизация пантеона богов. Законодательства. Полисный образ жизни. 6. Лидийцы. 7. Карийцы 8. Киликийцы. 9. Персы (Иран). Образование мидян и персов. Дейок и Ахемениды - основатели династий. Расширение Мидии. Раздел Ассирии. Возвышение Персиды на месте Элама, закончившееся созданием Царства Ахеменидов на Ближнем Востоке. Смена религии. Культ огня. Маги.

IV. (III в. до н.э.) 1. Сарматы (Казахстан). Вторжение в Европейскую Скифию. Истребление скифов. Появление тяжелой конницы рыцарского типа. Завоевание Ирана парфянами. Появление сословий. 2. Кушаны-согдийцы (Ср. Азия). 3. Хунны (Южная Монголия). Сложение хуннского родо-племенного союза. Столкновение с Китаем. 4. Сяньби. 5. Пус. 6. Когурё (Южн. Маньчжурия, Северная Корея). Возвышение и падение корейского государства Уосон (III-II вв. до н.э.). Образование на месте смешанного тунгусо-маньчжуро-корейско-китайского населения племенных союзов, выросших впоследствии в первые корейские государства Когурё, Силла, Пэкче.

V. (I в. н.э.) 1. Готы (Южная Швеция). Переселение готов от Балтийского моря к Черному

(II в.). Широкое заимствование античной культуры, закончившееся принятием христианства. Создание готской империи в Восточной Европе. 2. Славяне. Широкое распространение из Прикарпатья до Балтийского, Средиземного и Черного морей. 3. Даки (Современная Румыния). 4. Христиане (Малая Азия, Сирия, Палестина). Возникновение христианских общин. Разрыв с иудаизмом. Образование института Церкви. Расширение за пределы Римской империи. 5. Евреи. Обновление культа и мировоззрения. Появление Талмуда. Войны с Римом. Широкая эмиграция за пределы Палестины. 6. Аксумиты (Абиссиния). Возвышение Аксума. Широкая экспансия в Аравию, Нубию, выход к Красному морю. Позже (IV в.) принятие христианства.

VI. (VI в. н.э.) 1. Арабы-мусульмане (Центральная Аравия). Объединение племен Аравийского полуострова. Смена религии. Ислам. Расширение до Испании и Памира. 2. Раджпуты (долина Инда). Низвержение империи Гупта. Уничтожение буддийской общины в Индии. Усложнение кастовой системы при политической раздробленности. Создание религиозной философии Веданты. Троичный монотеизм: Брами, Шива, Вишну. 3. Боты (Южный Тибет). Монархический переворот с административно-политической опорой на буддистов. Расширение в Центральную Азию и Китай. 4. Табгачи. 5. Китайцы-2 (Сев. Китай: Шэньси, Шаньдун). На месте почти вымершего населения Северного Китая появились два новых этноса: китайско-тюркский (табгачи) и средневековый китайский, выросший из группы Гуаньлун. Табгачи создали империю Тан, объединив весь Китай и Центральную Азию. Распространение буддизма, индийских и тюркских нравов. Оппозиция китайских шовинистов. Гибель династии. 6. Корейцы. Война за гегемонию между королевствами Силла, Пэкчэ, Когурё. Сопrotивление танской агрессии. Объединение Кореи под властью Силлы. Усвоение конфуцианской морали, интенсивное распространение буддизма. Формирование единого языка. 7. Ямато (японцы). Переворот Тайка. Возникновение централизованного государства во главе с монархом. Принятие конфуцианской морали как государственной этики. Широкое распространение буддизма. Экспансия на север. Прекращение строительства курганов.

VII. (VIII в. н.э.) 1. Испанцы (Астурия). Начало реконкисты, неудачно. Образование королевств: Астурия, Наварра, Леон. Графство Португалия - на базе смешения испано-римлян, готов, аланов, лузитан и др. 2. Франки (французы). 3. Саксы (немцы). Раскол империи Карла Великого на национально-феодальные государства. Отражение викингов, арабов, венгров и славян. Раскол христианства на ортодоксальную и папистскую ветви. 4. Скандинавы (Южная Норвегия, Северная Дания). Начало движения викингов. Появление поэзии и рунической письменности. Оттеснение лопарей в тундру.

VIII. (XI в. н.э.) 1. Монголы (Монголия). Появление "людей длинной воли". Объединение племен в народ-войско. Создание законодательства - ясы и письменности. Расширение Улуса от Желтого до Черного моря. 2. Чжурчжэни (Маньчжурия). Образование империи Цзинь полукитайского типа. Агрессия на юг. Завоевание Северного Китая.

IX. (XIII в. н.э.) 1. Литовцы. Создание жесткой княжеской власти. Расширение княжества Литовского от Балтийского до Черного моря. Принятие христианства. Слияние с Польшей. 2. Великороссы. Возвышение Московского княжества. Рост служилого сословия. Широкая метисация славянского, тюркского и угорского населения Восточной Европы. 3. Турки-османы (запад Малой Азии). Консолидация беиликом Брусы активного населения мусульманского Востока с добавкой пленных славянских детей (янычары) и моряков, морских бродяг Средиземноморья (флот). Султанат военного типа. Османская Порты. Завоевание Балкан, Передней Азии и Северной Африки до Марокко. 4. Эфиопы (Амхара, Шоа в Эфиопии). Исчезновение древнего Аксума. Переворот Соломонидов. Экспансия эфиопского православия. Возвышение и расширение царства Эфиопия в Восточной Африке.

ТИБЕТСКИЙ ВАРИАНТ

Совершенно иначе толчок проявился в Тибете. Тибет из маленькой горной страны, в VI-VII вв. раздробленной, разобщенной, разноплеменной, превратился в военную монархию аристократического типа и захватил Великий караванный путь от Китая до Средней Азии, т.е. взял контроль над торговлей шелком. Правда, это продолжалось недолго. Тибет был по сравнению с Китаем очень малолюдным, там было не более 3 миллионов населения, а в Китае было около 56 миллионов, но тем не менее силы их уравнивали друг другаD22.

Тибет - страна горная и изолированная, но изолированная довольно относительно. В V в. западная часть Тибета была населена индоевропейскими племенами, близкими к индусам. Там жили дарды и моны. Они исповедовали светлую религию Митры, но очень искусились в колдовстве и волшебстве: порчу наводили, какие-то травы у них были волшебные, гипноз, телепатия, заклинания. Всего такого у них было полным-полно, и при этом сами они были европеоидного типа. А в Восточный Тибет из Южного Китая бежали от китайцев не китайские племена, они постепенно поднимались по великой реке Брахмапутре и здесь назывались кяны. В Тибете кяны встретились с дардами и монами.

О происхождении тибетцев, возникших на месте этого этнического контакта, сохранилась легенда, предвосхитившая Дарвина. Правда, в отличие от Дарвина, люди - только наполовину обезьяны, обезьяной был их предок отец. Мама-самка была ракшас, что-то вроде лешего (ракшас - это горные лесные демоны). А было якобы такD23.

Чертовка ракшас увидела прекрасного царя обезьян, который пришел в Тибет спастись по буддийской вере. Она в него влюбилась, пришла к нему и потребовала, чтобы он на ней женился. Бедный царь обезьян был отшельником, учеником Авалокиты, он знать не хотел никаких женщин вообще, он пришел сюда заниматься спасением своей души, а вместо этого, пожалуйста, явилась влюбленная ведьма и требует взаимности. Ну, он категорически отказался. Тогда она спела ему песню:

О, обезьяний царь! Услышь меня, молю.
По воле злой судьбы, я бес, но я люблю.
И страстью сожжена, теперь к тебе стремлюсь,
Со мной не ляжешь ты, я с демоном сольюсь.
По десять тысяч душ мы будем убивать,
Мы будем жрать тела, мы будем кровь лизать,
И породим детей жестоких, словно мы,
Они войдут в Тибет, и в царство снежной тьмы
У этих бесов злых возникнут города,
И души всех людей пожрут они тогда.
Подумай обо мне к милосерден будь,
Ведь я люблю тебя, приди ко мне на грудь!

Бедный отшельник, испуганный такой настойчивостью, обратился к Авалоките и стал ему молиться:

Наставник всех живых, любви и блага свет, Я должен соблюдать монашеский обет, Увы, бесовка вдруг возжаждала меня, Мне причиняет боль, тоскуя и стена,
И крутится вокруг и рушит мой обет.
Источник доброты! Подумай, дай совет.

Авалокита подумал, посоветовался с богинями Тонир и Тара и сказал: "Стань мужем горной ведьмы". А богини закричали: "Это очень хорошо, даже очень хорошо". И обезьяна с ведьмой народили детей. Дети были самые разные, одни были умные, похожие на отшельника, другие хищные, похожие на маму, но все они хотели есть, а есть было нечего, потому что отец и мать, занятые самосовершенствованием, о них не заботились, и они стали кричать: "Что же нам

есть?" Тогда бывший отшельник обратился опять к Авалоките и пожаловался ему:

Учитель, я в грязи, средь сонмища детей,
Наполнен ядом плод, возникший из страстей,
Греша по доброте, я был обманут тут,
Мне вяжет руки страсть, страдания гнетут.
Жестокая судьба и мук духовных яд
И боли злой гора всегда меня томят.
Источник доброты, ты должен научить,
Что надо делать мне, чтоб дети стали жить?
Сейчас они всегда, как босы, голодны,
А после смерти в ад низринуться должны.
Источник доброты, скажи, скажи скорей
И милосердья дар пролей, пролей, пролей.

Авалокита помог ему, дал бобы, пшеницу, ячмень и всякие плоды и сказал: "Брось в землю, они вырастут, и ты будешь кормить детей". И вот от этих детей пошли тибетцы. Древняя легенда довольно точно передает коллизию, которая исторически подтверждается: наличие двух этнических субстратов, которые в условиях пассионарного толчка консолидировались и создали единый, монолитный и весьма энергичный, хотя и многоэлементный, мозаичный внутри системы тибетский этнос. Исходными элементами этого этноса были с одной стороны, дардские и монские индоевропейские племена а с другой монголоидные кяны (кян - древнее произношение цян). Все они были духовно скреплены единой верой - митраистской религией бон, но не могли достичь политического единства, потому что каждое племя не желало признать главенства другого. Но тибетцам повезло, им удалось найти компромисс. В эпоху великого упадка Китая в V веке, когда в бассейне Желтой реки шла жуткая резня, один из побежденных вождей бежал от своих победителей табгачей (этнос, пришедший из Сибири) в Тибет. Звали его Фан-ни. Тибетцы приняли его с отрядом и выбрали своим цэнпо (не то царь, не то председатель, не то президент; словом, высшая тибетская должность с большими полномочиями и без всякой возможности их осуществления). Таким образом нейтральный пришелец Фан-ни стал главой всех тибетцев с большими прерогативами, но без реальной власти, потому что он должен был считаться и со жрецами бона, и с племенными вождями.

Тем не менее единая организация была создана, и тибетцы стали распространяться на запад, завоевая памирские земли, и на восток. Шаншун это Северный Тибет - они не захватывали, потому что жить там плохо: слишком большая влажность, муссоны с Индийского океана, достигая хребтов Северного Тибета, выпадают здесь проливными дождями, дальше через Куньлун они не переносятся, но в Северном Тибете такая сырость, что и кизяк гниет сразу же, не сохнет, и деревья, если падают, немедленно гниют, и нечем развести огонь, хотя лесов и зверей много. Поэтому тибетцы двинулись на восток и запад.

Каждый поход надо было согласовывать со всеми вождями племен и со жрецами религии бон; руки у цэнпо были связаны, а он стремился к реальной власти и поэтому обратил свои взоры к буддизму. Как я уже говорил, буддийские общины всегда ютились у подножия деспотических престолов, потому что деспот, не имеющий опоры в народе, нуждается в космополитичных интеллигентных советниках и сотрудниках, не связанных с народом и обязанных лично ему. Буддийская община по принципам своим всегда экстерриториальна; человек, вошедший в общину, рвет все прежние этнические, племенные, родовые связи. Поэтому деспоту очень удобно использовать энергичных буддистов в качестве своих советников или чиновников.

Этот опыт перенял один из цэнпо - Сронцангамбо. Он пригласил к себе буддистов и сказал

им, что разрешает проповедовать буддизм в Тибете и тем самым надеется получить оппозицию племенным вождям и жрецам бонской веры. Коллизия известная: престол выступает против традиционной аристократии и церкви. В Европе такое бывало неоднократно. Кончилось это для Сронцангамбо плохо, несмотря на его исключительную энергию. Источники сообщают о постройке им великолепного дворца Потала; его можно увидеть на многочисленных картинках, он до сих пор стоит, тогда строили надежно. Вокруг дворца тогда валялись вырванные глаза, отрубленные пальцы, руки, головы, ноги людей, которые или не хотели принимать буддийскую веру, или спорили с ней. Потом куда-то исчез сам цэнпо, буддизм оказался в гонении, потом царь появился снова. История темная. Я занимался несколько лет тибетской историей этого периода и пришел к выводу, что установить хронологию этого периода при наличии даже нескольких версий - собственно тибетской, китайской и отрывочных сведений, которые сохранились в Индии (они переведены на английский и все сейчас доступны), - очень трудноD24.

Ясно то, что в Тибете сложились две партии - монархическая, которую поддерживали буддисты и которая хотела совершить в стране переворот с ущербом для аристократии и традиционной церкви, и партия традиционалистов аристократов, сторонников бона и противников буддизма.

С одним из последних - Мажаном - произошла такая история. Он фактически был главой правительства при молодом цэнпо и ничего не боялся, потому что знал, что убить его буддисты не могут - буддистам нельзя никого убивать. Но буддисты вышли из положения. "Ладно, - сказали они, - мы его не убьем"; заманили правителя-бонца в подземную пещеру, где были могилы царей, и заперли дверь; никто его не убивал, он сам там умер. И закон буддистский был соблюден, и переворот совершен. Молодой цэнпо был объявлен воплощением Маньчжурши - бодисатвы мудрости; он вел жесточайшие войны руками своих бонских подданных, но правил ими при помощи буддийских советников. Кончилось все это трагически - бонские жрецы его околдовали, когда он изменил своей тибетской жене в пользу индусской, обиженная жена заполучила его нательное белье, через эту одежду его "околдовали", и он умер. По-видимому, его отравили.

Ясно, что пассионарное напряжение там было огромное, власть использовала иноземную культуру для объединения Тибета. Это привело к трагической развязке. Последний монарх Лангдарма вернулся к вере предков и начал истреблять всех буддийских монахов. Тогда один буддийский монах решился его убить - пожертвовал своей душой, не жизнью, которой не жаль, а бессмертием, ведь душа монаха-убийцы должна развалиться, погибнуть, и в нирвану уже никогда не попасть. Но он ради веры пожертвовал душой, застрелил Лангдарму и убежалD25. А потом началась полная анархия, государство распалось, а ведь это была крупная держава, Непал и часть Бенгалии принадлежали ей.

Каждое племя огородилось дозорами, каждый монастырь и замок - высокими стенами, выйти куда-нибудь попасть скот или поохотиться стало связано с риском для жизни, т.е. в Тибете после этой пассионарной вспышки сгорание произошло настолько быстро, что все взорвалось. Буддизм потерял Тибет полностью, тибетцы вернулись к старой вере и колдовству, которое их очень устраивало: можно околдовать врагов и опоить их зельем, навести на них порчу - очень хорошие средства борьбы. Но в XI в. явился туда новый проповедник Атиша, который стал проповедовать мягкие формы буддизма (буддизм в это время имел уже огромное количество разных форм). У него оказался талантливый ученик - поэт Миларайба, который сочинял дивные стихи. И эти стихи на родном тибетском языке дошли до сердец тибетцев. Постепенно тибетцы стали переходить в буддизм, стали принимать его принципы, и даже бон разделился на черный бон, враждебный буддизму, и белый бон, компромиссный буддизму.

Продолжалось это до XV в., пока там не появился новый гениальный тибетский мальчик Цзонхава, который создал "желтую веру" - тот буддизм, который стали исповедовать монголы, буряты и калмыки. Вера эта складывалась под влиянием несторианства, которое было принесено еще в VI в. в Восточную Азию, - все это уже подробности истории культуры, которые нас сейчас не интересуют.

ХУННСКИЙ ВАРИАНТ

Восточная Азия разделена климатическим барьером на два больших региона: Срединная равнина (Чжун-го) между великими реками Хуанхэ и Янцзы - теплая влажная страна, орошаемая тихоокеанскими муссонамиD26. Северней ее сухие степи и пустыни нынешней Монголии и Джунгарии, малопригодные для земледелия.

Еще в древности первый объединитель Срединной равнины Цинь Ши-хуанди приказал соорудить стену, разделившую оба эти региона. И хотя стена неоднократно ломалась и рассыпалась, ее возобновляли; так древние географы нашли наилучшее место для границы между двумя географическими регионами.

Севернее этой границы последовательно возникали и исчезали саки, хунны, табгачи, древние тюрки - тюркюты, уйгуры и Монголы.

А южнее историки насчитывают три витка этногенеза: архаический, древний и средневековый. Очевидно, и до архаического периода были какие-то неизвестные нам этногенезы, как, впрочем, и во всех ранее перечисленных вариантах.

Предки аборигенов бассейна Хуанхэ, которых мы в дальнейшем для простоты будем называть по привычке китайцами, постоянно вели войны друг с другом и вытеснили ряд племен на север. Беглецы, покинувшие родину и укrywшиеся за просторами пустыни Гоби, были предками хуннов. В нынешней Монголии они смешались с местными племенами, имевшими уже развитую и богатую культуру. Так сложился новый этнос - хунны.

В IV в. до н.э. хунны образовали мощную державу - племенной союз 24-х родов, возглавляемый пожизненным президентом - шаньюем и иерархией племенных князей "правых" (западных) и "левых" (восточных). Хунны были воинственны, мужественны, восприимчивы к культуре. Казалось, что хуннам предстоит великое будущееD27.

Не только хунны, но и их соседи оказались в ареале толчка, или взрыва этногенеза, на этот раз вытянутого по широте от Маньчжурии до Согдианы. Восточные кочевники, предки сяньбийцев (древних монголов), подчинили себе хуннов, а согдийцы (юечжи), продвинувшись с запада, из Средней Азии до Ордоса, обложили хуннов данью. На юге Срединная равнина была объединена грозным царем Цинь Ши-хуаном, который вытеснил хуннов из Ордоса в 214 г. до н.э., лишив их пастбищных и охотничьих угодий на склонах хребта Иньшань и на берегах Хуанхэ. А хуннский шаньюй Тумань готов был на все уступки соседям, лишь бы они не мешали ему избавиться от старшего сына Модэ и передать престол любимому младшему сыну от очаровательной наложницы.

Тумань и его сподвижники были людьми старого склада, степными обывателями. Если бы все хунны были такими, то мы бы не слышали даже имени их. Но среди молодых хуннов уже появилось пассионарное поколение, энергичное, предприимчивое и патриотичное. Одним из таких новых людей был сам царевич Модэ. Отец отдал его в заложники согдийцам и совершил на них набег, чтобы они убили его сына. Но Модэ похитил у врагов коня и убежал к своим. Под давлением общественного мнения Тумань был вынужден дать ему под команду отряд в 10 тысяч семей. Модэ ввел в своей войске крепкую дисциплину и произвел переворот, при котором погибли Тумань, его любимая жена и младший сын (209 г. до н.э.).

Модэ, получив престол, разгромил восточных соседей, которых китайцы называли "дун-ху", отвоевал у китайцев Ордос, оттеснил согдийцев на запад и покорил саянских динлинов и

кыпчаков. Так создалась могучая держава Хунну, население которой достигло 300 тысяч человек.

Тем временем в Китае продолжалась истребительная гражданская война. Если объединение Срединной равнины победоносным, полуварварским царством Цинь унесло две трети населения побежденных царств, а угнетение покоренных неизвестно сколько, то восстание всей страны против циньских захватчиков завершило демографический спад.

Циньские воины закапывали пленных живыми. Так же поступали с ними повстанцы, пока крестьянский вождь Лю Бан не покончил со всеми соперниками и не провозгласил начало империи Хань в 202 г. до н. э.

Население и военные силы Китая, даже после потерь в гражданской войне, превосходили силы хуннов. Однако в 200 г. до н.э. Модэ победил Лю Бана, основателя династии Хань, и заставил его заключить "договор мира и родства", т.е. мир без аннексии, но с контрибуцией. Этот договор состоял в том, что китайский двор выдавал за варварского князя царевну и ежегодно посылал ему подарки, т.е. замаскированную дань.

Но не только венценосцы, а и все хуннские воины стремились подарить своим женам шелковые халаты, просо для печенья, белый рис и другие китайские лакомства. Система постоянных набегов не оправдывала себя: тяжело и рискованно. Гораздо легче было наладить пограничную меновую торговлю, от которой выигрывали и хунны, и китайское население. Но при этом проигрывало ханьское правительство, так как доходы от внешней торговли не попадали в казну. Поэтому империя Хань запретила прямой обмен на границе.

В ответ на это хуннские шаньюй, преемники Модэ ответили набегам и потребовали продажи им китайских товаров по демпинговым ценам. Ведь всех богатств Великой степи не хватило бы для эквивалентного обмена на ханьских таможенных, так как необходимость получать доход на оплату гражданских и военных чиновников требовала повышения цен.

В аналогичном положении оказались кочевые тибетцы области Амдо и малые юечжи Цайдама. До гражданской войны западную границу охраняли недавние победители - горцы западного Шэнь-си - циньцы. Этот сверхвоинственный этнос сложился из шанских аристократов, высланных за границу ванами (царями) Чжоу и перемешавшихся с голубоглазыми и рыжеволосыми жунами, древнейшими обитателями Дальнего Востока. Но поражения от повстанцев унесли большую часть некогда непобедимого войска, и западная граница империи Хань осталась неукрепленной.

Мало помогла обороне и Великая китайская стена, ибо стены без воинов не препона врагу. Для того чтобы расставить по всем башням достаточные гарнизоны и снабжать их провиантом, даже в то время, когда они просто сторожат стену, не хватило бы ни людей, ни продуктов всего Китая. Поэтому стена, сооруженная Цинь Ши-хуаном, спокойно разрушалась, а ханьское правительство перешло к маневренной войне в степи, совершая набеги на хуннские кочевья, еще более губительные, чем те, которые переносили китайские крестьяне от хуннов и тибетцев.

Почему так? Ведь во II-I вв. до н.э. в Китае бурно шли процессы восстановления хозяйства, культуры, народонаселения. К рубежу нашей эры численность китайцев достигла почти 60 миллионов человек. А хуннов по-прежнему было около 300 тысяч, и казалось, что силы Хунну и империи Хань несоизмеримы. Так думали сами правители Китая и их советники, но они ошиблись. Сравнительная сила держав древности измеряется не только человеческим поголовьем, но и фазой этногенеза или возрастом этноса. В Китае бытовала инерционная фаза, преобладание трудолюбивого, но отнюдь не предприимчивого обывателя, ибо процесс этногенеза в Китае начался в IX в. до н.э. Поэтому армию там вынуждены были комплектовать из преступников, называвшихся "молодыми негодьями", и пограничных племен, для коих Китай был угнетателем. И хотя в Китае были прекрасные полководцы, боеспособность армии была

невелика.

Хунны находились в фазе этнического становления и пассионарного подъема. Понятия "войско" и "народ" у них совпадали. Поэтому с 202 до 57 г. до н. э. малочисленные, но героические хунны сдерживали ханьскую агрессию. И только ловкость китайских дипломатов, сумевших поднять против Хунну окрестные племена и вызвать в среде самих хуннов междоусобную войну, позволила империи Хань счесть хуннов покоренными и включенными в состав империи.

Однако это подчинение было, скорее, формальным. Часть хуннов откочевала на запад, в долину реки Талас и вступила в союз с парфянами. Те прислали на поддержку хуннам отряд римских военнопленных, и в 36 г. до н.э. произошла встреча римлян с китайцами. Римляне пошли в атаку сомкнутым строем, "черепажной", прикрывшись щитами. Китайцы выставили тугие арбалеты и расстреляли римлян, не потеряв ни одного бойца, после чего взяли крепость и убили всех защитников.

Этот эпизод весьма поучителен. Если китайцы I в. до н.э. были сильнее римлян, но слабее хуннов, против которых использовали численный перевес, то законно сделать вывод о том, что энергетический импульс молодого этноса уравнивает численность и организацию этносов старых, т.е. успевших создать свою цивилизацию, где бы это ни случилось: в Риме, в Англии, Аравии или на острове Пасхи. Закономерность, общая для всех.

И действительно, как только Китай перешел от деликатного обращения с хуннами к попытке вмешаться в их внутренние дела, на что посягнул узурпатор Ван Ман в 9 г. н.э., хунны восстали, отложились от Китая и помогли китайским крестьянам - "краснобровым" сбросить и убить узурпатора в 25 г. Эта авантюра стоила Китаю 70% жителей, но к 157 г. численность населения восстановилась до 56 миллионов человек. Но это были уже не те люди.

В конце II в. очередное крестьянское восстание - "желтых повязок" погубило династию Хань и древнекитайскую цивилизацию. Фаза инерции этногенеза сменилась фазой обскурации^{D28}. В III в. население Китая упало до 7-8 миллионов человек. И это были уже не мужественные, работающие крестьяне, а усталые и деморализованные люди, неспособные защитить себя от пришлых племен: хуннов, тангутов и сяньбийцев. Ханьская агрессия на запад не состоялась. И в этом заслуга хуннов перед человечеством.

Дальше, в I-II вв. последовал разгром державы Хунну, но не китайскими войсками империи Хань, а степными, лесными и горными соседями хуннов, не сумевшими установить с ними дружеских отношений.

Севернее державы Хунну, в Минусинской котловине, лежала страна динлинов. Хунны подчинили ее, и на месте "татарской" культуры возникла "таштыкская", в которой монголоидный элемент увеличился, видимо, вследствие контакта с хуннами. В 85 г. динлины восстали и участвовали в разгроме хуннов вместе с сяньби и Китаем. Разбиты сяньбийцами в 157 г.

Сяньби - древние монголы, родились как этнос вместе с хуннами, от одного "толчка". Но они отстали в развитии, и потому, когда у хуннов наступила акматическая фаза, сяньбийцы были еще в фазе подъема. Поэтому им удалось одержать победу над хуннами в 91 г., а в 155-181 гг. талантливый вождь Таншихай подчинил себе территорию современной Монголии и разгромил в 177 г. три китайские армии, пытавшиеся вторгнуться в Великую степь. После его смерти сяньбийская держава распалась. Как видно, у сяньбийцев тоже наступил пассионарный перегрев.

В отличие от патриархально-родового строя Хунну, Таншихай создал подлинную военную демократию, т.е. превратил народ в войско. Именно это помогло ему одержать победы, но потом обеспечило быстрый распад державы. Ведь воины чтут только личность вождя, а для того чтобы

охранять социальную систему, нужна еще и традиция. Вот почему побежденные и расколотые на три державы хунны пережили своих победителей. До V в. хунны были мощны и в Азии и в Европе, пока процесс этногенеза не привел их к естественному концуD29.

ТАНСКИЙ (ТАБГАЧСКИЙ) ВАРИАНТ

К III в. н.э. закончился древнекитайский виток этногенеза, а природное бедствие - вековая засуха - вытеснило хуннов из степи на берега Хуанхэ. Слишком тесный контакт с китайцами не пошел на пользу ни тем, ни другим. От войн, от голода и разрухи население Северного Китая сократилось на 80%. Но в VI в. ось пассионарного толчка прошла через Северный Китай.

Интересующий нас период совпал с VI в., когда жители Срединной равнины слова "Китай" не знали. Часть их была помесью обитателей долины Хуанхэ с пришлыми табгачами. Другая часть - их злейшие враги - были аборигенами.

Ныне мы их называем китайцами, но это часто возникающая филологическая ошибка - перенос названия с одного предмета на другой. Название "Китай" относилось к небольшому племени в Западной Маньчжурии, а древнерусские географы распространили это название на жителей Срединной равнины и даже на обитателей тропических джунглей за рекой Янцзы.

Но в VI в. существовали два этнонима: чжун-го-жень (человек Срединного государства - срединник) и табгач. Первые создали империю Суй (581-618), мы договорились называть их китайцами, а псевдотабгачи - Тан (618-907). Этих последних мы будем называть "имперцы", ибо фактический создатель империи Тан - Тай Цзун Ли Ши-минь, подобно Александру Македонскому, попытался объединить два суперэтнуса: степной и китайский. И из этого, конечно, ничего не вышло, так как законы природы не подвластны произволу царей. Зато получилось нечто не предусмотренное: вместо противостояния Великой степи и Срединной равнины возникла третья сила - империя Тан, равно близкая и равно чуждая кочевникам и земледельцам. Это был молодой этнос, и судьба его была замечательнаD30.

Окинем взглядом ход событий (рис. 6). К 577 г. тюркютский каганат расширился на запад до Крыма. Это значит, что силы тюркютов были рассредоточены. А Китай (Северный) объединился: Ян Цзянь, суровый полководец царства Бэй-Чжоу, завоевал царство Бэй-Ци, а вслед за тем подчинил Южный Китай: Хоу-Лян и Чэнь, в 587 г. и в 589 г. Китай сразу стал сильнее каганата, переживавшего первую междоусобную войну и в 604 г. расколовшегося на Восточный и Западный каганаты.

Этот раскол был тоже не случайным. В Великой степи правители вынуждены считаться с настроениями воинов, а так как все мужчины были воинами, то, значит, с чаяниями народов. А коль скоро народы Монголии и Казахстана в VI-VII вв. были разными и их интересы, быт и культура различались, то раскол каганата был неизбежен. В 604 г. погиб последний общетюркский хан, убитый тибетцами, и два новообразовавшихся каганата оказались вассалами империи Суй.

Молодая империя Суй, находившаяся в фазе подъема, была сильнее, богаче и многочисленнее каганата, уже вступившего в инерционную фазу. Казалось, что Китай вот-вот станет господином мира, но человечество спас преемник Ян Цзяня - Ян Ди. Это был человек, в котором сочетались глупость, чванство, легкомыслие и трусость. Роскошь при его дворе была безмерна; пиры-оргии с тысячами (да-да!) наложниц, постройки увеселительных павильонов с парками от Чанъани до Лояна, смыкающимися между собой; подкупы тюркютских ханов и старейшин, ибо сам император принял командование, не зная военного дела, и т. д.

Налоги возросли и выколачивались столь жестоко, что китайцы, ставшие молодым этносом, восстали. Восстал и тюркютский хан, отказавшийся быть куклой в руках тирана, восстали пограничные командиры, буддийские сектанты поклонники Майтрейи, и южные китайцы, завоеванные отцом деспота. Ян Ди укрылся в горном замке и там пировал со своими

наложницами, пока его не придушил один из придворных.

Этот пример приведен для того, чтобы показать, что личные качества правителя хотя и не могут нарушить течение истории, но могут создать в этом течении завихрения, от которых зависят жизни и судьбы их современников. Подавляющее большинство китайцев, сильно- и слабопассионарных, стремились к национальному подъему и поддерживали принципы Суй. Но коронованный дегенерат парализовал их усилия, и победу в гражданской войне 614-619 гг. одержал пограничный генерал Ли Юань, обучивший свою дивизию методам степной войны и отразивший тюркютов, пытавшихся вторгнуться в Китай.

Фамилия Ли принадлежала к китайской служилой знати, но с 400 г. оказалась в связи с хуннами, потом с табгачами и, наконец, добилась власти, основав династию Тан. Опорой династии были не китайцы и не тюркюты, а смешанное население северной границы Китая и южной окраины Великой степи. Эти люди уже говорили по-китайски, но сохранили стереотипы поведения табгачей. Ни китайцы, ни кочевники не считали их своими. По сути дела, они были третьей вершиной треугольника, образовавшегося за счет энергии пассионарного толчка.

Сам Ли Юань был просто толковым полководцем, но его второй сын. Ли Ши-минь (Тай Цзун), оказался мудрым политиком и правителем, подлинным основателем блестящей империи Тан. Когда к нему прибыли послы от наших саянских кыргызов, он им сказал: "Мы с вами родственники, соплеменники, из одного народа"^{D31}. В общем, он проявил невероятную любовь ко всему "западному", а для Китая запад - это Монголия, Средняя Азия и Индия. Индия поставляла буддизм. А в это время, в VII в., в самой Индии буддистам стало плохо, поэтому они с удовольствием переезжали в Китай, чтобы становиться там учителями. В Монголии жили древние тюрки - исключительно воинственный народ, - которые, будучи побеждены этим Тай Цзуном (а это, надо сказать, был очень хороший человек, благородный), признали его своим ханом и подчинились лично ему, но не Китаю.

А согдийцы, на которых в VII в. страшно давили арабы, бросились в Китай за помощью, они просили гарнизонов, просили полевых войск, чтобы их спасли от арабских грабителей. И вместе с их дипломатами в Китай шли и деньги, и вещи, а вместе с вещами и культурное влияние. Танская династия была самой западнической династией Китая.

По совету Ли Ши-миня его отец, командовавший войском, взяв Чанъань, объявил амнистию, кормил голодных крестьян зерном из государственных амбаров, отменил жестокие суйские законы и назначил пенсии престарелым чиновникам... Новая династия приобрела популярность.

Рис. 6. Динамика этнокультурных систем Евразии I-XII вв.

Будучи талантливым полководцем, Ли Ши-минь подавил всех соперников пограничных воевод (с 618 по 628 г.) победил восточных тюркютов в 630 г., отразил тибетцев, разгромил Когурё (Корею) в 645-647 гг. и оставил своему сыну в наследство богатую империю с лучшей в мире армией и налаженными культурными связями с Индией и Согдианой. Оставалось лишь подчинить Западный каганат - и это произошло в 658 г. С этого года империя Тан была 90 лет гегемоном Восточной Азии. Искусство и литература эпохи Тан остаются до сих пор непревзойденными.

Примечательно, что мыслители VII в. заметили смену "цвета времени", связанную с хуннской историей. Ли Ши-миню приписана формулировка: "В древности, при Ханьской династии, хунну были сильны, а Китай слаб. Ныне Китай силен, а скверные варвары слабы. Китайских солдат тысяча может разбить несколько десятков тысяч их"^{D32}.

Что Ли Ши-минь подразумевал под "силой"? Явно не число подданных и не техническую оснащенность. Он имел в виду тот уровень энергетического напряжения этносистемы, который раньше назывался "боевым духом". В III-I вв. до н. э. хунны были молодым этносом, т.е.

находились в фазе подъема, а Хань - в фазе угасающей инерции. В VII в. толчок диаметрально изменил положение: потомки хуннов и сяньбийцев находились в инерционной фазе, в этнической старости, еще не дряхлости, а Северный Китай - на подъеме, так же как его ровесник - Арабский халифат.

Оба они проходили через этот уровень пассионарного напряжения, при котором расцветают культура и искусство, и оба были сожжены пламенем пассионарного перегрева. В Китае это произошло так.

Китайские националисты, поборники Суй, ненавидели поборников Тан, не считая их китайцами. Они говорили: "Зачем нам эти западные чужие обычаи, зачем нам, чтобы юноши уходили в буддийские монастыри и, ничего не делая там, выпускали свою энергию куда-то в воздух, ради спасения души? Они должны быть или земледельцами, или чиновниками, или солдатами, они должны приносить пользу государству. Надо перебить всех буддийских монахов, запретить все западные влияния и заставить людей работать на благо своей страны" D33

Но танские монархи - наследники Тай Цзуна продолжали увлекаться индийским балетом с обнаженными танцовщицами (китайки танцуют одетыми в халаты), своими воинами, которые скакали в широких штанах на степных конях, а не так, как китайцы трусцой еле-еле, держась за лук; покровительствовали согдийцам, которые приходили с богатыми дарами и проповедовали учение Мани (это гностическое учение); переводили свои книги на китайский. Кончилось тем, что основная масса китайского населения перешла в резкую оппозицию к власти. Китайские патриоты одолели. Китайская императрица У, что означает "попугай", ввела обязательный экзамен на чин. Этот порядок сохранился вплоть до Гоминдана. Теперь, чтобы получить чиновную должность, надо было сдать экзамен по классической китайской филологии, написать сочинение и ответить устно. Экзамены были трудные, принимали в значительной степени по знакомству, но все же требования были невероятно высокие. А кто же принимал? Профессора - то все были китайцы и пропускали, конечно, только своих, да свои только и могли выучиться: китайцы - очень усидчивый народ. А тюрки, согдийцы, тибетцы, которые служили империи, или корейцы, которые служили в танское время в армии, они и кисть-то держать не умели, подписаться-то еле-еле могли. Конечно, они теряли должности и все преимущества, но так было только в гражданском управлении, в военном они держали власть в своих руках, ибо у них были сабли и они умели ими владеть лучше китайцев. Тогда возникла рознь между гражданскими чиновниками и военными. Казалось бы, военные имеют реальную силу - они могут сражаться, но китайцы стали писать доносы, и очень ловко писали. Они оговаривали всех наиболее способных полководцев, наиболее лояльных принцев танского дома, наиболее выдающихся солдат, и тех по доносам казнили; в армию засылали массу шпионов, которые должны были обо всем доносить. А тюрки протестовали и даже убивали доносчиков и предателей. Но тогда им присылали следующих. Таким образом выявлялось полное этническое несоответствие. Кончилось тем, что императрица У произвела переворот и казнила почти всех принцев танского дома, кроме собственного сына, которого загнала в ссылку. Потом ее низвергли, сына вызвали, и он, хотя и был совершенно травмирован, стал, однако, управлять страной весьма сносно. Но тогда его жена произвела очередной переворот. Китайка действовала смело и пассионарно. Ее прикончили сторонники танского дома, но за это время, пока она торжествовала, тюрки восстали, согдийцы предпочли подчинение арабам, а тибетцы бросились на западную границу.

В 682 г. Кутлуг Эльтерес-хан восстановил Тюркский каганат, и до 745 г. тюрки отражали китайские набеги на Великую степь. Борьба была неравной. Китайцы дипломатическим путем лишили тюрков союзников и подвергли истреблению, еще более страшному, чем хуннов. Но уже в 751 г. китайские армии потерпели поражения на трех фронтах: арабы победили китайцев при Таласе, чем принудили их покинуть Среднюю Азию; кидани разгромили китайский

карательный корпус в Маньчжурии; лесные племена Юньнани, освободившиеся от власти Китая в 738 г., у озера Сиэр, начисто уничтожили 60-тысячную оккупационную армию, а их союзники тибетцы вытеснили китайцев с берегов озера Кукунор.

Танская агрессия захлебнулась так же, как на 600 лет раньше - ханьская, и, что особенно важно, по тем же причинам.

Реальной силой империи Тан была наемная армия, вербовавшаяся среди иноземцев, ибо для придворных китайцев терпимость династии Тан была одиозной как по отношению к буддизму, так и в плане компромиссов со степняками. Кончилось все катастрофой. Один из генералов, Ань Лушань, сын согдийца и тюркской княжны, в 756 г. возглавил в местечке Юйянь восстание трех регулярных корпусов, составлявших ударную силу армии.

Три корпуса, 150 тысяч человек, под звуки барабанов поклялись, что они испепелят эту подлость - доноительство; лучше погибнут все, но мириться с этим не будут. И началась страшная гражданская война, которая продолжалась всего шесть лет, но унесла в могилу 36 миллионов жизней. До войны в Китае было 53 миллиона населения, после войны осталось 17. В то время каждый профессиональный воин был, по нашему счету, мастер спорта, а то и чемпион по фехтованию и верховой езде, а против них пришлось бросить необученные крестьянские толпы, горожан и императорскую гвардию, состоявшую из сынков богатых фамилий - тоже необученную, только очень шикарную. Поэт Ду Фу писал об этом так:

Пошли герои снежною зимою на подвиг, оказавшийся напрасным,
И стала кровь их в озере водою, и озеро Чэнь Тао стало красным.
В далеком небе дымка голубая, уже давно утихло поле боя,
Но 40 тысяч воинов Китая погибли здесь, пожертвовав собою.
И варвары ушли уже отсюда, кровавым снегом стрелы обмывая,
Шатаясь от запоя и от блуда и варварские песни распевая,
А горестные жители столицы, на север оборачиваясь, плачут,
Они готовы день и ночь молиться,
Чтоб был поход правительственный начатD34.

Но "поход правительственный" удалось начать, только попросив помощи у своих заклятых врагов: уйгуров и тибетцев, и когда регулярные части уйгурского хана и тибетского цэнпо пришли на помощь своему естественному противнику - императору Китая, то войска Ань Лушаня стали терпеть поражения, он сам погиб, его наследник повесился; восстание было подавлено. Но чтобы восстановить порядок, китайцам потребовалось руками своих врагов истребить собственную регулярную армию.

Идея империи Тан была потеряна. Она превратилась в банальное китайское царство, хотя и сохранила свои "западнические" симпатии: буддизм и наемную армию, комплектуемую кочевниками, по старой привычке симпатизировавшими империи Тан. Итак, феномен химерной империи не похож ни на древность, ни на соседей, ни на что. Индивидуальность таких процессов определяется местными условиями, местной этнографией, местной географией, т.е. это - явление природное, а не социальное.

IV. А в Европе

ФРАНКИ

Теперь посмотрим, как начинался этногенез в Западной Европе. Сначала, в V-VI вв., в Западной Европе был полный хаос - Римская империя, упавшая от собственной тяжести, стала добычей небольших кучек германцев и славян, которые в нее проникли. На запад пошли германцы, на восток - славяне, но дело не в этом. Какова была численность тех племен, которые захватывали территорию Римской империи? Вандалов, например, было всего 20 тысяч воинов одна дивизия. Они захватили всю Северную Африку. Правда, там их довольно быстро

уничтожили. Население было не за них, прижиться прибалтам на границе Сахары было трудно, и, попирагствовав около ста лет, они оказались завоеванными и уничтоженными византийцами.

Вестготов было в 4 раза больше - они захватили половину Франции, всю Испанию, за исключением северо-западного угла, где засели свевы. Готы выгнали вандалов. Вы представьте: 80 тысяч человек на пространство, которое простирается от современного Пуатье и Орлеана до Гибралтара, т.е. среди местного населения они были ничтожной прослойкой. Занимали они, правда, довольно высокие должности. Из их среды были короли и вельможи. А их жены, слуги из местного населения?! Дом с женой, детьми и слугами - это уже единая система. Вестготы, оказавшись поглощенными этими малыми системами, потеряли силу сопротивления и были очень быстро разбиты сначала франками на севере, а потом арабами на юге и в результате потеряли свою самостоятельность, за исключением неприступных гор Астурии.

В таком жалком состоянии находилась вся Европа, которая в VIII в. была объектом нападения всех соседей, которые того желали.

Германцы, захватившие Римскую империю и расселившиеся там, чувствовали себя крайне неудобно, хотя они были хозяевами положения. Большинство латиноязычного населения (они назывались вельски, или волохи) относилось к ним плохо, называя их хамами, дикарями, пьяницами. В свою очередь победившие германцы (франки, бургунды, готы) считали своих латиноязычных подданных трусами, подхалимами, интриганам и тоже терпеть их не могли. При таком положении, естественно, никакого единства в Западной Европе не было. Выигрывали те племена и народы, которые меньше всего успели пройти по пути прогресса, а прогрессом в это время было разложение общества, охватившее весь этот огромный полуостров. Так, франки, которые жили в низовьях Рейна на отшибе, еще сохраняли какую-то боеспособность и силу. Поэтому франкский вождь Хлодвиг захватил сначала местность между Марной и Луарой, где ныне помещается город Париж, потом выгнал готов за Пиренеи в Испанию, подчинил себе алеманнов на среднем Рейне и бургундов, которых он не покорил окончательно, но сделал их зависимыми.

Мужество трудно сохранить. Ведь разлагаться и предаваться излишествам очень приятно; это гораздо легче, чем соблюдать верность, доблесть, жертвовать жизнью ради своей родины. И поэтому франков постигла общая судьба. Они разлагались с такой энергией, что догнали в своем разложении все прочие германские племена. У потомков Хлодвиги начались невероятные распри между собой, причем, как всегда бывает при распадении, разлагаются сначала мужчины. Но потом разложение охватывает и женщин. И такие преступления, какие совершали франкские фаворитки-соперницы Фредегонда, Брунгильда, ни с чем не сравнимы. Они убивали детей своих соперниц, они отравляли претендентов на ложе короля и вообще всячески истребляли друг друга. Фредегону убили, Брунгильду захватили в плен, обвинив ее в смерти четырех королей, сорока восьми принцев и огромного количества людей, совершенно ни в чем не повинных. И поэтому ее три дня пытали, а потом привязали к дикой лошади и пустили по полю.

Словом, Западная Европа в это время не представляла опасности врагу, и арабы с ничтожными силами, не имея конницы, сумели дойти от Гибралтара до Луары, с 711 по 732 г. практически не встречая сопротивления.

Еще опаснее для Европы были степные кочевники. В VI в+ когда создавался Великий тюркский каганат, небольшая кучка туранцев (племя Хион), живших между Аральским морем и рекой Яик (сейчас это река Урал), убежала от тюрок. Бежать можно было только на запад. Туранцы прошли сначала за Дон, наводя на всех страх, потому что они объявили себя великими завоевателями с востока, и все местные жители им поверили; потом, когда обман вскрылся, было уже поздно. Затем они убежали за Днепр, потом, боясь, что тюрки их и там застанут, переправились Карпаты и захватили среднее течение Дуная - страну Паннонию.

Это был народ, известный в литературе как авары, а по-русски обры. Было их очень мало, отряд, перешедший туда первым, состоял примерно из 20 тысяч человек, а к нему присоединилось еще 10 тысяч, которые их догнали, т.е. если 30 тысяч мужчин, то это значит, что все население - около 120-150 тысяч человек, - население одного среднего города. И тем не менее своими набегами они опустошили Германию, почти всю Лотарингию, т.е. восточную часть Франции, ворвались в Италию и на Балканский полуостров, доходили до стен Константинополя.

Нас интересуют не эти завоеватели. Особых сил, как мы видим, у них не было, показательна та слабость сопротивления, которая была у тогдашних европейцев. С ними можно было расправляться как угодно. Но все это происходило примерно до 700 г., точнее - промежуток между 596 и 730 гг. И тут появились люди, которые начали оказывать сопротивление. Это были ранние Каролинги - Карл Мартел, его сын Пипин Короткий и сын Пипина Карл Великий. Они стали собирать людей, на которых они могли положиться, и этих людей они называли хорошо нам известным словом - "товарищ" ("товарищ" - по-латыни *comitatus*, отсюда "комитет", на романские языки это слово переводится как "граф", по-французски так и будет *comte*). Эти "товарищи" составили дружину короля.

Но для того чтобы управлять страной, совершенно не способной ни к самозащите, ни к самоуправлению, страной, которая даже и налоги-то почти не могла платить, потому что крестьяне делали такую маленькую запашку, чтобы только прокормить себя и семью, а вообще-то они работать не хотели - все равно отнимут, бессмысленно. Чтобы крестьяне стали работать, надо было создать для них какие-то условия.

И тогда этим "товарищам", сиречь графам, выделялись места для поселения, которые они должны были своими средствами охранять, за что они получали невиданную в древности вещь - бенефициум, т.е. зарплату ("бенефициум" значит "благоденствие"). Если он обслуживал, скажем, какой-то район, то он имел право собирать налог с жителей и брать его себе, чтобы на эти деньги себя, семью и войско свое прокормить и защищать этих жителей; он был в этом заинтересован. Иногда ему давали мостовую пошлину, иногда доход с какого-нибудь города, который числился в королевской казне. Так появились феодалы.

И тут надо внести ясность, потому что, согласно социологической школе, феодализм возник значительно раньше, и это правильно. Феодализм и феодалы той или иной страны - это понятия, далеко не всегда совпадающие. Феодализм это способ такого производства и таких взаимоотношений, при которых работающий крестьянин является хозяином средств производства, но платит ренту своему феодальному владельцу. Такой феодализм начался в Риме, в римских владениях - в Галлии, Испании, в Британии - еще в III в., когда выяснилось, что невыгодно держать рабов в тюремных помещениях или в специальных эргастериях (фабриках), а выгоднее превратить их в колонов, т.е. поселить их на земле; пусть занимаются своей работой, но только платят.

Как формация феодализм возник уже тогда и с тех пор - с III, а уже с IV в. бесспорно, существовал (тут можно спорить о разнице в десятилетиях, но для нас это не имеет значения).

Но дело в том, что вначале тех феодалов, которые известны по литературе, - таких пышных, с плюмажами, с гербами, в латах, с большими мечами, с перчатками, которыми они били друг друга по лицу, а потом тыкали друг друга копьями, - вот таких феодалов тогда еще не было, хотя феодальные отношения были. А рыцари тоже ведут свою родословную от "товарищей" Карла Великого. Ну и они, естественно, использовали ту экономическую систему, которая существовала до них. Ибо что надо служащему человеку? Чтоб ему его службу оплачивали.

Нас же, с точки зрения этногенеза, интересует, откуда Каролинги набирали этих людей? Были ли это остаточные богатыри эпохи Великого переселения народов или будущие рыцари и

бароны? Надо сказать, что, видимо, в эту переломную эпоху было и то и другое. Но тут они, так же как мухаджиры при Мухаммеде, объединились вокруг Карла Великого, и даже создан цикл поэм и баллад о рыцарях Круглого стола, или пэрах Франции. Рыцари Круглого стола группировались вокруг мифического короля Артура, а пэры Франции - вокруг Карла Великого. Король был первый между равными, он с ними вместе пировал, он с ними вместе ходил в походы, за предательство же наказывал не сам король, а Бог, помогающий на поединке правому одолеть неправого, т.е. они жили как единая, крепкая, хорошая банда, возглавлявшая страну.

Карл Великий получил свое название за огромное количество побед, которые он одержал. Но когда подсчитываешь все его победы, то приходишь к мысли, что ситуация более или менее постоянная: немцы побеждают немцев. И тогда побед очень много! Но когда они сталкиваются не с немцами, то сразу победы их кончаются. Карл Великий попробовал отобрать у арабов часть Испании, совершил поход через Пиренеи, но на обратном пути его арьергард был вырезан басками. После этого арабы заняли территорию снова.

Вторым походом он захватил Барселону и территорию, которая сейчас называется Каталонией, - арабы не сочли ее достойной завоевания. Арабы через некоторое время взяли Барселону, разграбили ее, а потом оставили снова. Это было уже много лет спустя после похода Карла.

Еще несколько побед одержал Карл Великий над аварами, но эти победы свелись к тому, что вся огромная империя Карла Великого воевала с одной маленькой Аварией и ей удалось разбить укрепленные аварские лагеря к западу от Дуная. К востоку франки уже не прошли. Тем не менее Карл Великий короновался императорской короной в 800 году.

То, что создал Карл Великий, сломалось, и сломалось очень быстро, ибо для того чтобы набрать нужное себе количество "товарищей", т.е. графов, и поставить во главе их воевод - герцогов, и снабдить их достаточным количеством рядовых, т.е. баронов (baro - значит "человек" по-саксонски), нужно было собрать все "пассионарные силы" тогдашней Европы, а она была маленькая и простиралась всего от Эльбы до Пиренеев и от Альп, примерно до Нормандии. Британия в нее не входила (там были кельты, они не считали себя причастными европейскому миру).

Графов набирали со всех германских племен, со всех уцелевших от Рима галло-римлян, приглашали посторонних, кого можно; если попадались какие-нибудь хорошие пленные, -то и их. Арабам, например, когда брали в плен, предлагали креститься и зачисляли в "товарищи". Почему? Потому что людей мало. Но из этого кавардака ничего не получилось, потому что этнос это не просто социально организуемая единица (социально ее нельзя организовать) - она должна иметь и свои природные формы.

КАРТА. ИМПЕРИЯ КАРЛА ВЕЛИКОГО ФРАНЦУЗЫ И НЕМЦЫ

Карл Великий умер в 814 г., а при его сыне Людовике Благочестивом начались распри, которые закончились к 841 г. полным развалом империи. По какому принципу она разделилась? По территориальному.

Западная часть, которая сейчас составляет большую часть территории Франции, была романоязычной. Там говорили на испорченной латыни, которую мы сейчас считаем французским языком. Восточная часть была германоязычной, там говорили на разных немецких наречиях, одно из которых мы сейчас изучаем в школе. Немцы понимали друг друга с пятого на десятое. Будущие французы понимали друг друга легче. Но самое главное, что те и другие составляли два крыла одной империи и терпеть не могли друг друга.

А посередине между Роной, Рейном и Альпами поселилось третье племя, совершенно ни на кого не похожее - бургунды. Бургунды были самыми культурными из всех германских племен.

Они были очень высокие, рыжебородые, бород не стригли, волосы тоже носили довольно густые и выпить были не прочь, но притом были очень добродушны и способны к наукам, т.е. были они германцами, хлебнувшими древнеримской культуры. Кроме того, они были ариане (это одно из ответвлений раннехристианской церкви) и поэтому выделялись среди прочих. Их потом заставили принять католичество, но они сделали это с большой неохотой и выделялись как что-то особое.

Таким образом сформировались три не похожие друг на друга породы людей. Причем друг друга они отличали великолепно. Если человек приезжал откуда-нибудь из Китая или из Персии, то такому все европейцы казались на одно лицо, но как только он там поживет, он видит, что они различны. А поскольку они были различны, то они и хотели жить различно, а империя-то была одна: от Эльбы до реки Эбро в Испании и половина Италии (другой половиной завладели византийские греки). В столь разнообразной стране управление должно было быть единым. Но кому достанется власть, было неясно.

У Карла было три внука, и они схватились между собой. Сначала двое, Людовик Немецкий и Карл Лысый, напали на старшего брата Лотаря, который носил титул императора, и разбили его в битве при Фонтенуа. Случилось это в 841 г., и это год рождения Европы. Объясню, почему.

Лотарь бежал, но что было странно, и это отмечают даже хронисты: обычно после большой битвы победители убивали раненых побежденных, а тут они говорили: "Зачем мы воюем, мы же все-таки свои, принципы у нас разные, вы вот защищали Лотаря, который был за единство империи, чего мы не хотим, но все равно мы же не чужие". И носили раненым врагам воду. Война приобрела вдруг особенности, не свойственные войнам того времени.

И кончилось это тем, что через два года в городе Страсбурге Карл и Людовик зачитали клятву друг другу, причем Людовик читал на французском языке для воинов Карла, а Карл - на немецком языке для воинов Людовика. Клятва была в том, что они делят страну пополам, немцы отдельно, французы (впервые было произнесено это слово) будут тоже отдельно. До этого не было никаких французов и немцев. Были вельски, а на востоке были всякие немецкие племена, называвшиеся тевтонами. Немцы и французы, как уже было сказано, это различные франки. Франки были и на той, и на другой стороне, ибо франки - это название того германского племени, которое возглавляло всю империю, а империя развалилась.

ВИКИНГИ

Практически одновременно с французами и немцами создались еще два народа: астурийцы - будущие испанцы - прародители нескольких испанских этносов, и викинги, которых именовали норманнами - северными людьми. Собственно говоря, викинги - это молодые люди, которые не хотели жить дома, а хотели заниматься всякого рода безобразиями. И поэтому домашние (хевдинги), считая, что в этом есть большая угроза их собственному благополучию, неугодных братцев и детей выгоняли из дома и грозились, что они их убьют. И тогда эти самые ребята создавали банды, строили укрепленные поселки, которые назывались "вик" (отсюда, по одной из гипотез, слово викинги), а потом, чувствуя, что такой поселок, укрепленный частоколом или земляным валом, взять-то ничего не стоит их собственным родственникам, они садились в ладьи и спасали свои жизни бегством. Ездили они по всем северным морям. Действовали викинги чисто по-пиратски: подплывали они к какому-нибудь пустому берегу, высаживали десант, грабили всех, кого можно было, и уходили обратно. Ярость у них была невероятная. Но надо сказать, что эта ярость не связана с их национальным характером.

Скандинавы - народ тихий и особенной храбрости и боеспособности до IX в. не проявляли. Но им до такой степени хотелось одержать победу, что они применяли биостимуляторы. А так как водки у них в то время не было (еще не умели делать), то они брали мухоморы, сушили их, разрывали потом на части, глотали и запивали водой. Этот биостимулятор лишал человека

страха, поэтому они без всякого страха шли в атаку с такой яростью, что одерживали победы.

У меня есть один оппонент. Он написал, что появился феодализм и поэтому они стали такими могучими, а при чем же здесь мухоморы? Дело в том, что, во-первых, у викингов феодализм не появился, а во-вторых, смена социального строя, скажем, рабовладельческого - феодальным, никак не делает людей более боеспособными. Если ты трус и дрянь, то ты им и останешься при любой формации. Дело было не в этом.

Ему, моему оппоненту, и в голову не пришло то, что биостимулятор - это очень важный этнографический признак. Во время моей юности басмачи ходили в атаку на пулемет, накурившись анаши и натерев опиумом морды коней: и кони и басмачи шли на пулемет; из сотни доходили два человека и одерживали победу.

Так что биостимуляторами пользуются, и очень часто. Но весь вопрос в том, когда возникает нужда для того, чтобы это делать? Тогда и стимул возник. И он создал викингам репутацию исключительно бесстрашных, боеспособных и очень мужественных воинов, каковыми они на самом деле не являлись.

Кроме того, что они ходили по северным морям, они огибали Гибралтар, грабили берега Испании, появлялись в Средиземном море, громили берега Франции и Италии и столкнулись здесь с арабами. А арабы и их союзники берберы - народ действительно мужественный, смелый, им не нужны были никакие наркотики, и они этих викингов гоняли по Средиземному морю. Викинги стали наниматься в Византию на службу, потому что гораздо лучше служить начальнику и получать зарплату, чем действовать на свой страх и риск при наличии сильного противника.

Наемники носили название, наверняка вам известное: греки их называли "варангами", а по-русски это звучит "варяг". Это не название какого-нибудь этноса или какой-нибудь лингвистической группы, а название профессии. (То, что говорю я сейчас - это не я придумал, а академик В. Г. Васильевский, который в начале нашего века исключительно глубоко исследовал весь этот вопрос.)

Кроме Испании, Франции и Италии викинги достигли Британии, на короткое время захватили Ирландию, Гренландию, вышли в Северную Америку. А по последним сведениям, скандинавские руны обнаружены в Парагвае и Боливии, значит, викинги продвигались по всему берегу Америки. И почти нигде не оставили реальных своих следов: потомков, культуру. Только археологи находят отдельные вещи и остатки зданий. Закрепиться викингам очень мало где удалось. В северной Англии, южной Шотландии и на южном берегу Ла-Манша они получили опустошенную ими же страну для поселения, и до сих пор там живут их потомки. Это Нормандия. В Британии они обританились, хотя свой норвежский язык они сохраняли до XX в. и только благодаря радио и телевидению сейчас его забыли. А в Нормандии они офранцузились, и гораздо быстрее, потому что французы, сложившиеся вокруг города Парижа, были в отличие от британцев исключительно смелыми и отчаянными людьми - пассионариями.

ФЕОДАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Вскоре после смерти Карла Великого, уже при его сыне, наряду с этнической дивергенцией началась социальная - феодальная - революция. Она спасла Европу от двух мощных противников: скандинавских викингов и арабов. Арабы успели захватить почти всю Испанию и часть южной Франции. Викинги грабили все побережье, а обры с берегов Дуная - внутренние территории. Европейские крестьяне, не обученные военному делу, сопротивляться не могли. И тогда герцоги, графы и бароны, имен которых мы не знаем, начали вдруг очень интенсивно и мужественно сопротивляться нападениям и сарацинов, и викингов, и обров; они ненавидели греков, презирали итальянцев, которые проживали последние крохи, оставшиеся от Рима, и у которых такой храбрости не было; не уважали королевства Британии, где был тоже остаток

Великого переселения народов - англ и саксы, которые уже потеряли способность к защите от тех же самых викингов и норманнов.

А вот в центре Европы эти будущие феодалы, при всех неприятностях своего характера, оказались воинами весьма дельными, потому что они продолжали кооптировать в свою среду людей толковых, смелых, верных, умеющих сопротивляться. Они все время обновляли свой состав. Кончилось это дело тем, что однажды викинги вошли в устье Сены, разграбили все, что могли, прошли до города Парижа и решили разграбить его. Париж в это время был городом не очень большим, но довольно заметным. Парижане, конечно, бросились в церкви молиться, чтобы святые спасли их от ярости норманнов, но у них оказался толковый граф - Эд. Он сказал: "Святые нам помогут, если мы сами себя не забудем, а ну-ка все - на стены!" Собрал людей и стал всех выгонять на стены защищаться, даже женщин и детей. Результат был совершенно потрясающим норманны, взявшись всерьез штурмовать Париж, - не могли его взять! Явился Карл Простоватый - король, из династии Каролингов, потомок Карла Великого, с войском, постоял, постоял и ушел - побоялся связываться с норманнами. А Париж устоял.

Это произвело на всех большое впечатление. И хотя тогда не было ни телефона, ни радио, ни телеграфа, ни почты, но узнавали люди новости не хуже, чем мы: из уст в уста. И все пришли к выводу: "Вот такого бы нам короля". И отказавшись подчиняться законной династии, провозгласили Эда королем Франции. Но это было преждевременно; история повторилась через 90 лет (к 888 г.), когда Гуго Капет, тоже граф Парижский, таким образом был провозглашен за свою энергию, за свои личные качества королем Франции. А Каролингам отказали в повиновении. Последнего из них поймали в городе Лансе и посадили в тюрьму, где он и умер.

Что это такое? Это еще один вариант бунта пассионариев, опирающихся на людей гармоничных и субпассионарных, против устаревшей системы, системы, потерявшей пассионарность. И заметьте при этом следующее обстоятельство: потомки Людовика Благочестивого, и французские, и немецкие, были люди исключительно бездарные. Спрашивается, зачем же тогда французы и немцы поддерживали таких королей? Да они не королей поддерживали, они выдвигали их просто как знамя, как лозунг, как идеограмму, как символ, как знак, за который можно сражаться, защищая свою независимость. В конце концов им было безразлично, какие ритуальные слова произносить, когда они шли в бой, - "за Карла" или за "Людовика!", "за черта лысого..." Шли-то они ради себя, ради своих святынь и своих потомков.

Так что в IX в. стала выкристаллизовываться Западная Европа в том виде, как мы ее знаем. И для нее характерно то, что неизвестно нигде в мире национальный принцип. *Natio* по-латыни - это буквально значит рождение. Рождение, язык и территория - вот что соединяется в этом термине. Но такое понимание было характерно только для западных европейцев и ни для кого больше, потому что человек, живший в Китае или в Монголии, или в Арабском халифате, руководствовался совершенно иными принципами определения "своих" и "чужих". Таким образом, "нацио" эквивалентно нашему термину "этнос" и отнюдь не эквивалентно нашему современному понятию "нация". Так что не следует путать: нации современного типа создались только при капитализме, а тогда они так назывались, но были по существу этносами.

ДВА ИНДИКАТОРА

Итак, мы рассмотрели по существу несколько вариантов начальной фазы этногенеза - фазы подъема, коснулись разных эпох и стран. Так спросим себя: а что же есть общего между Византией до Константина, мусульманами времен первых халифов, китайцами династии Тан, европейцами эпохи раннего феодализма? А ведь разница в стереотипах поведения между нами колоссальная!

Что же у них общее? Общее в двух моментах, которые нам удалось подметить, - в

отношении общества к человеку и отношении человеческого коллектива к природе.

Вот эти два индикатора для нас и будут важны.

Как мы вскрываем этнические отношения? Только исследуя модификации и изменения общественных отношений. В истории описаны общественные отношения, история - наша путеводная нить, нить Ариадны, которая помогает нам выйти из лабиринта. Поэтому нам надо знать историю не только для этого. Что же мы можем отметить для этой фазы становления этногенеза? Общество (все равно из кого состоящее; будь то арабы, монголы, древние евреи, византийцы, франки) говорит человеку одно: "Будь тем, кем ты должен быть!" В этой иерархической системе, если ты король - будь королем, если ты министр - будь министром, если ты рыцарь - будь рыцарем и не вылезай никуда; исполняй свои функции, если ты слуга - будь слугой, если ты крестьянин - будь крестьянином, плати налог. Никуда не вылезай, потому что в этой крепко сложенной иерархической системе, составляющей консорцию, каждому человеку выделяется, определенное место. Если они начнут бороться друг с другом за теплые места, а не преследовать одну общую цель, они погибнут. И если это случается, то они и гибнут, а в тех случаях, когда они выживают, действует этот же самый императив.

Ну хорошо. А если, скажем, король не соответствует своему назначению? Свергнуть его, нечего с ним цацкаться! А если министр оказывается глупым и некомпетентным? - Да отрубить ему голову! А если рыцарь или всадник оказывается трусоватым и недисциплинированным? - Отобрать лошадь, оружие и выгнать, чтобы близко и духом его не пахло! А если крестьянин не платит налог? - "Ну, это мы заставим, - говорили они, - это мы умеем". В общем, каждый должен был быть на своем месте. Из коллектива с таким общественным императивом получалась весьма сложенная этническая машина, которая либо ломалась, либо развивалась дальше и переходила в другую фазу - акматическую. Ее мы сейчас затрагивать не будем, поскольку ей будет посвящена отдельная глава.

А пока зададимся еще одним немаловажным вопросом: как отражается эпоха подъема на природе?

Как я уже сказал, арабы и их эпоха подъема никак не повлияли на пустыню, потому что арабские пассионарии довольно быстро из этой пустыни ушли и занялись своими военными делами. Европейцы в эпоху подъема были тоже заняты оформлением своих этносов в небольшие, но резистентные социальные группы, и поэтому им было в общем не до того, чтобы уничтожать животных и леса. Природа отдохнула. Редкое население, которое осталось после всех солдатских мятежей, гибели римских провинций и римского управления, после походов, варваров, которых тоже было очень немного, ограничено влияло на природу, и в Европе выросли леса. У Дорста это очень хорошо описано - в книге "До того как умрет природа"Е1. Так, 2/5 Франции заросли лесом за эти годы, расплодились, конечно, и дикие животные, и перелетные и местные птицы, куропатки, цапли, т.е. страна, обеспокоенная цивилизацией, опять превратилась в земной рай. И тут оказалось возможным производить защиту этой страны и оказалось, что имеет смысл ее защищать, потому что жить-то в ней хорошо, а враги были всюду.

Что было в это время в Византии? В Византии был в общем тот же процесс - было не до природы, и, кроме того, в Сирии, в Малой Азии, вокруг Константинополя был такой устойчивый, тысячелетиями отработанный антропогенный ландшафт, что вносить в него какие-нибудь изменения казалось глупо. Любой прогресс мог пойти только во вред, а не на пользу. "Стоп!" должен был бы мне сказать профессор В. В. Покшишевский, который занимался проблемой урбанизации. А как же построение города Константинополя? Ведь Рим-то причинил колоссальнейший вред всему Средиземноморью. Константинополь был вдвое меньше Рима, но тоже большой, от 900 тысяч до 1 миллиона жителей. В принципе, казалось бы, должно быть то

же самое... Но вот парадокс. Никакого вреда природе этот город не причинил, хотя и был окружен длинной стеной. Стена потребовала массу камня и много работы. В этом городе были великолепнейшие здания, вроде собора Святой Софии (его малая копия была у нас в Ленинграде на углу ул. Жуковского и Греческого проспекта - Греческий собор). Там были прекрасные дворцы, бани, ипподром, и люди жили в небольших домах, окруженных садами. Константинополь был городом-садом, и когда я спорил с Покшишевским о том, что не урбанизация причиняет ущерб природе, а люди определенного склада, и привел ему в пример Константинополь, он, зная дело, сказал: "Так ведь это же был город-сад". А я говорю: "А кто вам в Москве мешает заниматься озеленением?"Е2

Таким образом, в Византии создалась система, которая не нарушила биоценозов, оставшихся от древности, а только дополнила их построением великолепного города, жившего в общем за счет своих собственных ресурсов и привоза из далеких стран. Пассионарный толчок в Византии тоже унес огромное количество человеческих жизней и культурных памятников, но для природы оказался спасительным.

Итак, вспышка пассионарности - обязательное условие начала этногенеза, но характеристики этого процесса различны. Они зависят от уровня техники, которая либо развивается, либо нет, если нет металлов и глины, как на островах Полинезии. Очень большое значение имеет первичная расстановка сил. Она может и сохраниться, и измениться. Культура наиболее консервативна и устойчива, вследствие чего новые этносы наследуют знания и навыки старых, уходящих в небытие. Из-за этого часто создается иллюзия непрерывности прогресса, но надо помнить, что и он подвластен законам диалектики, или, как их называли в древности, превратности.

V. Акматическая фаза

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИМПЕРАТИВ

В предыдущей главе мы описали подъем пассионарности, но не ответили на вопрос: а почему этот подъем кончается? Казалось бы, если пассионарность как признак появилась и переносится обычным половым путем, передачей соответственного гена потомству, а пассионарии в силу своей повышенной тяги к действительности, естественно, оставляют большое потомство, не всегда законное и часто самое разнообразное, то, казалось бы, количество пассионариев должно в данном регионе накапливаться и накапливаться, пока они не сделают великие, прогрессивные дела.

Однако ничего подобного не получается. После определенного момента, некой красной черты, пассионарии ломают первоначальный императив поведения. Они перестают работать на общее дело и начинают бороться каждый сам за себя. Причем сначала, скажем, феодалы или какие-нибудь византийские купцы, или арабские завоеватели мотивируют это так: "Мы выполняем все обязательства по отношению к нашей общественной форме (Халифату ли, империи ли Византийской, к французскому или английскому королевству). Мы делаем все, что от нас требуется, а силы у нас остаются". Поэтому императив меняет свое назначение. Он звучит уже так: "Не будь тем, кем ты должен быть, но будь самим собой!" Это значит, что какой-нибудь дружинник - копьеносец, оруженосец, хочет уже быть не только оруженосцем или копьеносцем своего графа или герцога, но еще Ромуальдом или каким-нибудь Ангерраном, он хочет иметь имя и прославить именно его! Художник начинает ставить свою подпись под картинами - "Это сделал я, а не кто-то". Да, конечно, все это идет на общую пользу, украшает город замечательной скульптурой, но "уважайте и меня!" Проповедник не только пересказывает слова Библии или Аристотеля без сносок, перевирая как попало, не утверждая, что это чужие святыя слова: нет, он говорит: "А я по этому поводу думаю так-то", и сразу становится известно его имя. И так как таких людей оказывается весьма большое число, то они, естественно, начинают мешать друг

другу. Они начинают толкаться, толпиться, раздвигать друг друга локтями во все стороны и требовать каждый себе побольше места.

Поэтому повышенная пассионарность этнической, а тем более суперэтнической системы дает положительный результат, иначе говоря, успех, только при наличии социально-культурной доминанты-символа, ради которого стоит страдать и умирать. При этом желательно, чтобы доминанта была только одна, если их две или три, то они накладываются друг на друга и тем гасят пассионарные порывы, разнонаправленные так, как бывает при алгебраическом сложении разных векторов. Но даже без такой интерференции может возникнуть анархия за счет эгоистических действий сильно пассионарных особей. Усмирить или запугать их очень трудно; подчас легче просто убить.

КАРТА. ЕВРОПА И ВОСТОК СУБПАССИОНАРИИ

Уместно здесь обратиться и к роли субпассионариев, которым при первой фазе этногенеза, собственно, не было места в системе. В любые времена есть люди, которые ни к чему не стремятся, хотят только выпить и закусить, поспать где-нибудь на досках за забором и считают это целью своей жизни. В первый период этногенеза они почти никому не нужны, потому что в системе, которая ставит перед собой огромные цели, стремится к идеалу, понимая под ним далекий прогноз, - зачем такие люди? На них никакой начальник не может положиться. Они могут в любой момент предать или просто не выполнить приказания. Они не ценятся, и их не берегут. Так и было в жестокое, хотя и созидательное время подъема. А тут, когда возникает в одной системе несколько центров, борющихся между собой за преобразование, то каждому из инициативных пассионариев становится нужна своя особая банда. И он находит возможность использовать субпассионариев в качестве слуг, наложниц, наемников и, наконец, бродячих солдат - ландскнехтов. Набирают их самым простым способом - дают прохвосту золотую монету и говорят: "Милейший, возьми это, иди и говори всем, что наш герцог - добрый герцог". И этого оказывается достаточно для того, чтобы данный добрый герцог мог собрать себе такое количество сторонников, чтобы устроить великую кровавую смуту.

Конечно, это плохие солдаты, а где взять хороших? Все пассионарии или уже прилепились к кому-то, или сами выставили свою персону в кандидаты на высокое место; пассионарии находили себе применение как воины-профессионалы князей, графов, эмиров и султанов. Субпассионарии же выступали прежде всего как их вооруженная обслуга. И субпассионариям это было даже выгоднее, потому что жизнью-то они не очень рисковали, а после битвы помародерствовать, побегать, поискать в карманах у убитых что-нибудь или ограбить мирное население - это они могли, как могли быть, ворами, нищими, наемными солдатами или бродягами. В акматической фазе таких людей настолько не ценят, что дают им умирать с голоду, если не вешают "высоко и коротко" (французская средневековая юридическая формулировка). Однако эти операции оттягивают у этносоциальных систем те силы, которые можно было бы употребить на решение насущных задач.

Изменение отношения к субпассионариям со стороны коллектива показывает один из примеров того, как меняется коллективное поведение в этносе от фазы к фазе - модуляция биосферы.

И, с точки зрения географии, нам важны не способы эксплуатации крестьян, а именно характер поведения всего коллектива этноса.

ИЗМЕНЕННЫЙ СТЕРЕОТИП ПОВЕДЕНИЯ

И тут нужно сказать несколько слов об этике. Этика рассматривает отношение сущего к должному, поэтому особая форма ее вырабатывается при каждой фазе этногенеза. Существуют, конечно, социальная этика и социальная мораль - это всем известно, но мы сейчас будем

говорить не об этом, а о влиянии фаз этногенеза на этические системы. В фазе подъема, когда в силе был императив: "Будь тем, кем ты должен быть!" - этика заключалась в безусловном подчинении индивидуума принципам системы. Нарушение принципов системы рассматривалось как преступление, наказуемое безоговорочно. Хорошо значит выполнить то, что положено; плохо - значит не выполнить.

При акматической фазе, когда каждый говорил: "Я хочу быть самым собой! Я выполняю то, что положено; государству служу 40 дней в году на войне, а в остальные дни волен делать все, что мне вздумается, у меня есть своя фантазия!" - тут возникла другая этика.

Чтобы осуществлять собственные фантазии какому-нибудь, например, барону, требовалась мощная поддержка собственного окружения. Это значило, что он старался набрать побольше людей, которые зависели бы лично от него. Но ведь и он в не меньшей степени зависел от них. Если он нанимал на службу каких-то лакеев, ландскнехтов, стрелков для охраны своего дома, каких-нибудь копьеносцев для атак на противника, - то все они, конечно, зависели от него, делали что им прикажут, потому что он им платил, но он-то зависел от того, как добросовестно они будут выполнять свои обязанности, не предадут ли они его, не убегут ли в решительный момент, не откроют ли они ворота замка противнику.

Возникла система взаимообязанности и взаимовыручки, круговой коллективной ответственности. Каждый отвечал за свой маленький коллектив, в который он непосредственно входил, и за большой, в который он входил опосредованно, как член малого коллектива; таким образом он отвечал и за себя, и за своего барона, и за свое герцогство, и за свою страну. И точно так же король, герцог, граф или барон был обязан заботиться о своих вассалах. Конечно, не всегда это соблюдалось, но ведь в таких случаях разрешалось нарушить вассальную присягу. Если сеньор относился к своему вассалу недостаточно внимательно, то вассал имел право уйти от него. Обязанности были взаимные.

Было только одно законодательство, в котором эта этика записана и уцелела, - это яса Чингисхана. Она сохранилась, переведена с персидского языка на русский. Там примерно три четверти законов направлены на наказание людей, не оказывающих помощи товарищу. Например, если монгол едет по степи и встречает того, кто хочет пить, и не даст ему напиться, - смертная казнь; если он едет в строю и товарищ, едущий впереди, случайно уронил колчан со стрелами, а задний не поднял и отдал, - смертная казнь; в мягких случаях ссылка в Сибирь (монголы тоже ссылали в Сибирь)F1.

Эта этика существует и по сие время в качестве реликтовых форм. Например, никакая экспедиция в тяжелых условиях без такой этики, основанной на взаимовыручке, работать не сможет. Вот мне приходилось читать в газетах, что какие-то туристы переходили на Алтае речку и один, свалившись в воду, утонул, а остальные его не вытащили, потому что каждый думал: "Ведь это же он свалился, а не я, зачем же я полезу, я же не обязан". Так вот это тоже этика, но уже совсем другого типа. По этике ясы человек был обязан лезть в реку и выручать, а если бы не полез, то его бы судили не в 24 часа, а в полчаса, и казнили бы за неоказание помощи товарищу. Не во всех законах сохранилась эта форма этики, хотя она присутствовала и в разбойничьей банде, и в каком-нибудь полку, кавалерийском или пехотном, в экспедиции, как я уже говорил, - везде и всегда там, где людей подстерегает опасность. Это единственная спасительная форма поведения, при которой можно как-то уцелеть.

Наличие такой этики играло особую роль в акматической фазе. Оно в значительной степени обуславливало приток свежих сил молодого поколения пассионариев в уже имеющиеся консорции и субэтносы.

В условиях, когда война была повседневна, каждый, кто стремился жить не только чем-то, но и ради чего-то (а таких хватало), нуждался в соратниках и хотел быть уверен, что его не

предадут. Поэтому-то и приходилось делать выбор. Конечно, в выборе сторонников определенное значение имел и социальный момент. Но вряд ли его можно считать решающим, поскольку в акматической фазе наследственность чинов и званий была очень условной. Так, в Европе, чтобы войти в класс феодалов, стать дворянином, даже иметь титул, надо было совершить какой-то подвиг. Конечно, можно было бы поручить это звание и по наследству - дети графов, естественно, становились графами, но если, скажем, у графа одно графство и пятеро детей, то один получал наследство, а остальные-то не получали, и они назывались виконтами, т.е. второсортными графами. Но это их не устраивало, потому что никаких материальных преимуществ они при этом не имели. А кроме того, представьте себе пассионария из народа. Пассионарность - это признак природный, передающийся генетически, а во всех слоях населения есть очень симпатичные дамы. Пассионарии, занявшие высокое положение, везде оставляют потомство. Появляются пассионарии во всех слоях населения, и среди горожан, и среди крестьян, и среди невольников, даже - рабов. Они не удовлетворяются своим социальным положением, они ищут выхода. Так вот, во Франции, например, этот выход существовал вплоть до XVII в., до Ришелье, который велел все-таки пересчитать, кто дворяне, а кто нет, потому что дворянином заявлял себя каждый, кто хотел поступить на королевскую службу и делать там свою карьеру. Никто его не проверял, потому что некогда было да и незачем; считалось - раз человек хочет, ну почему его не признать дворянином, какая разница? Да, конечно, налог с него уже брать нельзя, но он же служит. А потом его, вероятно, скоро убьют, потому что служба-то в основном военная, так тогда вообще незачем огород городить. Любой пассионарии мог объявить себя дворянином, и число "феодалов" выросло колоссально. Это вызвало совершеннейшее броуновское движение, которое называется феодальной раздробленностью.

Сам принцип феодализма, экономический принцип, вовсе не предполагает огромного количества безобразий. Они могут быть и не быть, это не связано с экономическими условиями. А вот откуда стремление, например, дать по физиономии соседу, а потом убить его на дуэли? Пользы от этого никакой нет, риск большой, потому что сосед тоже может вас убить. Но желающие рисковать в Европе XI-XIV вв. находились слишком часто. Результаты уже к XII в. были следующие.

В Германии служилые латники превратились в бургграфов рыцарей-разбойников. Фридриху Барбароссе пришлось их вешать.

Во Франции королю отказывали в подчинении Бретань, Нормандия, Анжу, Мэн, Аквитания, Тулуза, Лангедок и Фландрия, не говоря о Бургундии и Лотарингии. А в Провансе не признавали даже католической церкви, так как там очень боялись альбигойцев (о них подробнее чуть ниже).

В Англии шла постоянная война с кельтами, а англосаксонское население убегало за пределы острова от королей-французов (Плантагенетов) и их феодальной армии.

В Италии Венеция воевала с Генуей, Флоренция с Пизой, Милан с Романьей и, что хуже всего, папы с императорами.

ПАССИОНАРНЫЙ ПЕРЕГРЕВ

В условиях растущей феодальной анархии правители нашли главную доминанту. Они предложили направить энергию системы вовне, на Святую Землю.

Стихийные крестовые походы 1095-1099 гг. имели "прелюдию" в Испании в 1063-1064 гг., куда направились рыцари герцогства Аквитанского и графства Тулузского, а потом туда же ринулись бургундские и нормандские рыцари.

Лозунгом первой колониальной экспансии стало "Освобождение Гроба Господня". Лозунг, конечно, мог бы быть выбран удачнее для того времени. Но папа провозгласил, что нужно

спасти из рук неверных Палестину - Святую Землю. Все закричали: "Так хочет Бог!" - и пошли. Но ведь это был только лозунг. Они пошли, потому что хотели идти. И пошли бы в другое место, с любым другим лозунгом, потому что у них был большой запас внутренней энергии.

Доказательство тому - завоевание Сицилии нормандцами в 1072 г. и их вторжение в православный Эпир в 1081 г., закончившееся поражением в 1085 г. Но самое показательное - и тоже с благословения папы - завоевание Англии в 1066 г. нормандским герцогом Вильгельмом. Ведь Английское королевство, хотя и христианское, было реликтом эпохи Великого переселения народов и не входило в европейский суперэтнос. Вот они его и завоевали.

Начались крестовые походы, во-первых, с массовых погромов евреев в прирейнских областях. Это не оказало никакого влияния на дальнейшие успехи или неудачи военных действий в Палестине. Затем такой же разгром хотели устроить в Константинополе, когда туда явились крестоносцы Первого крестового похода. Император Алексей Комнин, который там командовал в это время, был человеком очень деловым. Он окружил крестоносцев наемными печенежскими отрядами и лишил их возможности получать провиант. В результате крестоносцы согласились подчиниться императору и принести ему ленную вассальную присягу, только чтобы он их кормил и не обижал. Император переправил всех крестоносцев в Малую Азию, говоря: "Вы пришли с мусульманами воевать, ну и воюйте там с турками".

Первый удар крестоносцев был такой, что они одолели сельджукскую конницу. И так как мусульмане меньше всего ожидали такого удара, то крестоносному войску удалось достигнуть Иерусалима и даже взять его. Однако из 110 тысяч европейцев, переправившихся через Геллеспонт, до Иерусалима дошло около 20 тысяч. Таковы были потери. К тому же велики были и, так сказать, "непроизводительные расходы" Первого крестового похода. И удался он крестоносцам только потому, что для мусульман, живших в Палестине, был неожиданным. Те недоумевали: в чем они провинились? Ведь они не мешали христианским паломникам-пилигримам посещать Гроб Господень и молиться. Наоборот, они их охраняли, они их очень уважали. Иисус и Мариам у них считались пророками, равными Мухаммеду. И Инджиль шериф - Святое Евангелие, и Коран шериф - Святой Коран считались равноценными книгами. Никакого преследования за веру не было...

Добавим от себя: действительно, никакого повода для такого вторжения христиан не было, кроме внутреннего процесса пассионарного перегрева, который охватил Западную Европу в XI-XIV веках.

Феодальная Европа сто лет (1093-1192) бросала в Палестину храбрейших рыцарей, лучший флот, самых надежных союзников - армян и даже заключала союзы с исмаилитами, но тщетно: даже отбитый у Фатимидов Иерусалим был снова захвачен курдом Салах ад-Дином, под предводительством которого сражались тюрки, как купленные на базаре, так и прикочевывавшие со своими семьями и стадами. Персидский историк Раванди писал в сочинении, посвященном султану Рума (Малой Азии) Гийас ад-Дину Кай Хусрау (1192-1196): "Слава Аллаху

в землях арабов, персов, византийцев и русов слово принадлежит тюркам, страх перед саблями которых прочно живет в сердцах" F2.

Итоги крестовых походов были очень неутешительными. В 1144 г. пала Эдесса и, восстав, она снова была взята в 1146 г. Вторжения крестоносцев в Египет в 1163 и 1167 гг. были отбиты. Второй и третий крестовые походы в 1147-1149 и 1189-1192 гг. захлебнулись. Лучшие рыцари Европы спасовали перед туркменами-сельджуками. Города Палестины и Ливана перешли к обороне. Гарнизоны крестоносцев держались в них лишь благодаря тому, что венецианцы и генуэзцы морем поставляли им оружие и провиант.

И в Магрибе, на западе арабского мира, было то же самое. При Аларкосе в 1195 г. берберы-альмохады сокрушили рыцарское воинство Кастилии, куда стеклись рыцари со всех стран

Европы. Эта коллизия описана Л. Фейхтвангером в романе "Испанская баллада", и там устами арабского историка Мусы (персона вымышленная, но мысли Ибн Хальдуна) дан прогноз: христианский мир молод и может позволить себе роскошь потерпеть отдельные поражения, а мусульманский мир стар и только продляет свое существование. Арабы уже потеряли к концу XII в. пыл молодости.

Не нужно думать, что избыток пассионарности гарантирует военный успех. Вспомним, что он ведет к дезорганизации, происходящей от развития индивидуализма. Когда каждый хочет быть самым собой, то организовать значительную массу таких людей практически невозможно.

Приведем пример. Когда в 1204 г. крестоносцы взяли и разграбили Константинополь, а потом бросились на Болгарию, то половцы (куманы) в 1205 г. напали на лагерь латинян у Адрианополя, притворным бегством увлекли императора Балдуина в засаду и взяли его в плен, перебив много отважных рыцарей. Болгарский царь посадил латинского императора в башню в Тырнове, где тот и умер. Наступление латинян на православие было так же остановлено тюрками, как и нажим их на ислам, хотя тюрки ни христианами, ни мусульманами не были. Зато там, где тюрков не было, - в бассейне Балтики, немцы, датчане и шведы имели полный успех. Сопротивление полабских славян было сломлено немцами, в устье Двины построена крепость Рига (1201); Эстляндию захватили датчане, Финляндию - шведы. На очереди были пруссы, литовцы и русские, но эти "успехи" пришли уже в XIII в., когда расстановка сил изменилась.

Странно! Ведь половцы находились в фазе гомеостаза, а феодальная Западная Европа - в акматической фазе. Казалось бы, европейцы должны были идти от победы к победе, а половцы погибать, в лучшем случае героически, как дакоты, семинолы и команчи. А случилось обратное. Почему?

Беда Европы была в том, что эта новая доминанта - крестовые походы наложилась на старую - спор между папами и императорами, причем нельзя сказать, какая из сторон была хуже. Папа Иоанн XII был сатанистом^{F3}, император Генрих IV - тоже^{F4}. Произвол императорских чиновников не уступал взяточничеству и кощунству прелатов. Гонения на еретиков те и другие проводили одинаково. И однако до конца XIII в. взаимная резня не прекращалась: гвельфы сражались с гибеллинами, Капетинги - с Плантагенетами, альбигойцы - с католиками, города - с феодалами. Постоянная война в тылу губительно влияла на успехи на фронтах. Избыток пассионарности так же вреден, как и недостаток ее. А избыток энергии столь велик, что современник крестовых походов Усама ибн Мункыз писал в "Книге Назидания": "У франков, да покинет их Аллах, нет ни одного из достоинств, присущих людям, кроме храбрости". Правда, тот же Ибн Мункыз считал, что львы не менее храбры, но они звери^{F5}.

Итак, крестовые походы захлебнулись вследствие "пассионарного перегрева" этносоциальной системы, при котором неосуществима целенаправленная координация сил.

Предлагаемое мной объяснение причин возникновения крестовых походов и их неудачи оригинально. Но ведь оригинален и сам подход к этнической истории как к закономерному феномену становления биосферы.

Крестовые походы католические историки считали результатом религиозного энтузиазма, протестантские - папского своекорыстия, просветители - безумием необразованных людей, экономисты - результатом кризиса феодального хозяйства Западной Европы.

Все перечисленные подходы к предмету изучения - по отдельности и даже взятые обобщенно - очевидны, правомочны и должны приниматься во внимание, но недостаточны, на мой взгляд, для объяснения явления по одной весьма простой причине. Европейские историки рассматривают крестовые походы как явление уникальное, а это-то и неверно. Если мы сравним известные нам фазы этногенезов, то обнаружим, что при переходе фазы подъема

пассионарности в акматическую стремление к расширению ареала наступает столь же неуклонно, как закипание воды при 100°C и нормальном давлении.

А что же произошло после этого в Западной Европе? Оказалось, что когда избыток пассионариев (этих свободных атомов, создающих своего рода броуновское движение) был убран и исчез, то выделились лишь те пассионарии, которые остались на месте и которые быстро начали укреплять свои позиции. Тут им понадобились лозунги, вокруг которых они могли бы объединять своих приверженцев, а для этого стали нужны идеологи, которые сами были пассионарны и готовы были поддержать любого герцога, барона или короля, если он давал им возможность высказывать свои идеи. Речь шла уже не о том, чтобы просто толковать Священное Писание, но о том, чтобы выступать со своими точками зрения. Эти идеологи назывались либо схоластами (если они преподавали в университетах и начальство на них не сердилось), либо ересиархами - основателями ереси (если их из университета выгоняли и начальство на них почему-либо гневало). Таким образом, разница между ними была чисто административная, потому что каждый из этих представителей средневековой мысли высказывал все, что он хотел, ссылаясь, конечно, при этом на Библию, но ведь она многозначна - всегда можно подобрать соответствующую цитату.

Надо сказать, что в те времена цитаты не всегда указывались в схоластических или еретических сочинениях. Просто говорилось, что в Библии, мол, сказано так-то, а затем проповедник говорил свое, все, что ему вздумается. Заслуга университетской схоластики в том, что она ввела систему сносок, которой мы пользуемся и сейчас. Если ты ссылаешься на Библию, так укажи номер главы и стиха, иначе ссылку не принимали во внимание.

В результате деятельности идеологов характер столкновений в Западной Европе изменился чрезвычайно. Возникли различные программы: и такие, которые могли бы быть понятны тем субпассионариям, которые примыкали к своим вождям, и тем пассионариям, которые примыкали к разным королям или принцам, или тем гармоничным натурам, которые находили выгодным поддержать то или иное движение. Программы были самые разнообразные. Иногда это были программы религиозные, иногда социальные, иногда династические, но все находили своих приверженцев, пассионариев, искавших применения своей избыточной энергии. Так очередной крестовый поход возник внутри самой Франции. В XI-XII вв. во Франции и Италии возникло антипапское движение (даже не христианское) движение альбигойцев, или катаров. Эта идеологическая доктрина была дуалистична, строилась на неприятии жизни как таковой и находилась в религиозном смысле за рамками католичества. На этой идейной почве и возникло первое могучее столкновение на территории Франции. Альбигойцы повели себя настолько вызывающе, что против них был организован крестовый поход. Огонь на себя они вызвали убийством папского легата - посла Петро де Кастельно. Посол был прислан из Рима в Тулузу, не договорился, и на обратном пути его зарезали. Ну а после того, как потекла кровь, все рыцарство северной Франции, мечтавшее найти себе какое-нибудь дело, но не уехавшее в Палестину, потому что, во-первых, дорог проезд, а во-вторых, там оно уже не требовалось, бросилось истреблять альбигойцевF6.

Альбигойцы же были невероятно перемешаны на юге Франции с местными католиками. Причем, поскольку они считали, что весь сотворенный мир - зло, а против зла все средства дозволены, в том числе и ложь, то они могли спокойно лгать, будто они самые правоверные католики, а на самом деле тайно соблюдали свои альбигойские обряды. И отличить их было невозможно. Но это не помешало войне, потому что по существу произошло столкновение между северной Францией и южной.

Глава северной Франции, парижский король Филипп Август, официально в крестовом походе против альбигойцев не участвовал, ибо был отлучен от церкви за грехи (а грехи у него

были действительно омерзительные^{F7}); сам он не мог надеть крест и идти в крестовый поход, но деньги на него давал.

Его соперник граф Раймунд Тулузский был просто граф, но владений имел не меньше, чем французский король, а богатств значительно больше, и был он при этом католик, а вовсе не альбигоец. Тем не менее отлученный грешник поддерживал крестоносцев, а католик поддерживал еретиков. Как видите, дело было не в лозунгах, а в стремлении победить друг друга.

А зачем, спрашивается? Почему религиозный момент, который мог бы обсуждаться в кабинетных условиях или вовсе не обсуждаться, - дело совести вдруг стал главным? Очевидно, была такая тяга к действию, что могла выплеснуться по любому поводу, и вылилась - в формах религиозной войны.

Победил север. Тулуза была разрушена, Лион оккупирован, все замки альбигойцев, большая часть которых были феодалами, - взяты и уничтожены. Культура, богатая провансальская культура, была растоптана северными рыцарями, которые насаждали грубые нравы парижан (Париж тогда был диким городом, по сравнению с Тулузой, Марселем, Лионом).

СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА И ЭТНОГЕНЕЗ

В начале XIV в. закончилась прямая династия Капетингов во Франции. У короля Филиппа IV Красивого умерли все три сына и осталась одна внучка дочка старшего сына - Жанна. Ее выдали замуж за короля Наваррского, и она оказалась наследницей французского престола. Но французские пэры сказали: "Негоже лилиям прясть", т.е. не годится иметь женщину на престоле, и избрали ближайшего родственника короля по мужской линии - Филиппа Валуа. Ну какое нам, казалось бы, до этого дело? Однако есть! Вопрос о престолонаследии явился поводом для Столетней войны. Потому что у этих самых умерших трех братьев была сестрица Изабелла, которую французский король выдал замуж за английского короля Эдуарда II Плантагенета (Плантагенет фамилия французская, происходит из западной Франции, из Анжера). Их сын Эдуард III в потенции был королем Франции и Англии одновременно. Поэтому он заявил: "А ведь я являюсь наследником французской короны, дайте мне эту корону!"^{*19}

В это время в Англии уже существовал парламент, который очень скупно давал деньги на королевские мероприятия. Без денег воевать нельзя. Но тут парламент почему-то ассигновал большие суммы на совершенно, казалось бы, безнадежную войну. Дело в том, что в Англии в это время было 3 миллиона человек населения, а во Франции - 22 миллиона. Франция была гораздо богаче, и французы были ничуть не слабее англичан, организация и культура у них были даже выше, чем в Англии, и, однако, война все-таки началась, и тянулась она больше ста лет, почему она и называется "Столетней".

Давайте поищем причины этой войны. Экономические? - Ну, допустим, они были. Англичане хотели сбывать свою шерсть фламандским купцам, а фламандские купцы - покупать ее беспошлинно. Ну, хорошо, все это правильно, но зачем тогда воевать тем, кто никакой шерсти не продавал и доходов от этой шерсти не имел: каким-нибудь стрелкам на границе Англии и Уэльса?

Давайте разберемся в традициях, которые определили характер этой войны. Англия была завоевана в VI в. англосаксами, до этого она называлась Британией^{*20}. Англосаксы захватили восточную часть острова, а в Валиссе, который ныне называют Уэльсом, и в Корнвалиссе остались кельты. Часть ирландских кельтов перебралась в Шотландию и захватила северную часть английских владений - так называемый Лотиан, т.е. тут уже было столкновение двух этносов, двух культур и двух религиозных систем, потому что англосаксы были язычниками, кельты - православными, принявшими христианство еще из Египта. Потом, когда англосаксы приняли христианство из Рима, т.е. в противоположность православным кельтам стали

католиками, война все равно продолжалась. И добавилось еще к этому вторжение норвежских и датских викингов, которые захватывали Англию, пытались ее удержать и жестоко обижали англосаксов.

Кончилось это все в 1066 г., когда Вильгельм Завоеватель подчинил себе Англию, а был он по происхождению норвежец, но его предки уже сто лет жили в северной Франции. Он забыл свой норвежский язык и говорил по-французски. Привел он с собой очень много французских рыцарей и устроил им доходные места при дворе и в управлении. Ведь этнический момент проявляется не в форме особых социальных порядков или установления новых социальных институтов, а в том, кто кому при данных порядках поможет хорошо устроиться... Так вот, Вильгельм и его потомки нормандской династии помогали французам. А когда династия пресеклась в XII в., королем Англии стал француз Анри Плантажене - Генрих Плантагенет. Уж этот-то был натуральный француз, но стал английским королем и всюду протаскивал своих французских, и потомки его тоже. Можно себе представить, как англичане лютой ненавистью возненавидели французских! И когда англичанам те же самые Плантагенеты предложили идти бить французских, англичане с восторгом пошли.

Английская армия оказалась сильной еще за счет другой этнической коллизии. Я уже говорил об уэльских кельтах. Сопротивлялись они англосаксам отчаянно, потому что англосаксы, пришедшие еще с волной Великого переселения народов, с кельтами вели себя исключительно жестоко, и те возненавидели их, причем было за что. И когда англосаксов победили французы, кельты сказали: "Эти, пожалуй, получше. Впрочем, кто бы ни давил англосаксов, все равно мы будем их уважать". С приходом французских война между кельтами и англосаксами не кончилась, но стала как-то ослабевать и к концу XIII в. совсем приостановилась. Эдуард I вошел в Валлис, чтобы подчинить его себе.

Это было предприятие совершенно неосуществимое, потому что тяжелая рыцарская конница английского короля побеждала во всех открытых столкновениях, но валлийцы выкопали себе ямки-бункера под мхом. Там много холмов, покрытых мхом и вереском. Они делали тайные лазы, целый день сидели в этих ямах и найти их не было никакой возможности. Потом, когда англичане, утомленные дневными поисками, ставили палатки и ложились спать, выпавшиеся за день валлийцы вылезали и стреляли из своих длинных луков по палаткам и убивали спящих англичан. Те, конечно, старались побить валлийцев, но валлийцы убегали, за исключением тех, кого удавалось поймать.

Такая война могла тянуться бесконечно. В конце концов, она надоела обеим сторонам и был предложен компромисс. Валлийцы сказали Эдуарду: "Мы примем от тебя государя (по феодальному праву он должен был дать им государя, который бы ему сам подчинялся), но он должен родиться в Валлисе, быть знатного рода и не знать ни слова ни по-английски, ни по-французски". Король велел вождям кланов явиться к нему. Те пришли. Он вынес своего двухнедельного сына и говорит: "Вот вам, пожалуйста. Он родился в Валлисе две недели тому назад; он знатного рода - мой сын; и он не знает ни слова ни по-английски, ни по-французски". Валлийцы согласились его принять. Это пошло на пользу и тем и другим, потому что свои этнические особенности, даже язык, валлийцы сохранили до нашего времени⁸.

А валлийцы обладали искусством, которого не знал никто в Европе: они стреляли из длинных луков - составных, клееных, очень тугих. Они умели стрелять так, что стрела летела на 450 метров и имела хорошую убойную силу. И они этому подучили стрелков англосаксонских, но самые лучшие стрелки в английской армии были валлийские. Они достигли почти половины уровня военной техники Восточной Азии, потому что из монгольского лука стрела летела на 700 метров, а на расстоянии 450 метров пробивала насквозь любой доспех. Ну все-таки Европа как-то за Азией уже тянулась и ее догоняла. Кроме того, валлийцы получили возможность отправить

своих юношей, желавших славы и добычи, на очень выгодную французскую войну. А английские короли получили пехоту, да еще такую хорошую, как лучники, которые стреляли в три раза быстрее, чем французские арбалетчики (арбалет - это туго заряжаемый механизм). Когда война началась, то, к общему удивлению, англичане имели грандиозные успехи, захватив часть западной Франции и даже Бретань. Как мы видим, повод к Столетней войне был чисто фиктивный, надуманный. Казалось бы, французам ничего не стоило сказать: "Ты - внук нашего Железного Короля, садись на наш престол в Париже и управляй". Тем более что родной язык Эдуарда III был французский. Жена у него тоже была не англичанка, а фламандка. Он мог бы управлять из Парижа обеими странами. Ничего подобного! Французы и англичане хотели воевать друг с другом, и поводы, как мы видим, у них нашлись. Кроме того, отобрав у Плантагенетов почти всю юго-западную Францию, французские короли не сумели занять полосу вдоль Бискайского залива с городом Бордо, который долгое время был столицей английских королей, вернее, их резиденцией: они предпочитали жить в Бордо, а не в Лондоне.

В Лондоне, по уставу лондонской коммуны, т.е. городской общины, ни один дворянин не имел права ночевать в городе, даже король, который, приезжая в свою собственную столицу, должен был до заката солнца решить все дела, после чего он отправлялся в загородный дворец, специально для этого построенный, он же был дворянином. Король не имел права ночевать в своей собственной столице. Вот такие были обычаи. А Бордо - это множественное число от слова "бордель". Там жить было веселее, и поэтому английские короли предпочитали жить в Бордо.

Но удавалось им это только потому, что эта часть современной Франции вдоль берегов Гаронны и до Пиренеев была заселена не французами, а гасконцами - басками, которые по-французски ни слова не знали и ненавидели французов. Относились к ним так же, как кельты к англосаксам, и поэтому были готовы с удовольствием помогать англичанам. Не потому, что они любили англичан, а потому, что с их помощью можно было ударить по французам; и они действовали. Точно так же на хвосте у английского короля висела Шотландия. Шотландские кельты, как я уже говорил, захватили Лотиан, заселенный отчасти норманнами, отчасти даже северными саксами и ютами.

Образовался сложносоставной этнос, который очень ссорился с англичанами. Терпеть они друг друга не могли и считали, что, вообще говоря, надо только улучшить хороший момент: англичанам - чтобы захватить Шотландию, а шотландцам - чтобы разграбить северную Англию. Последнее шотландцы делали часто и очень быстро, хотя конницы у них не было, но пехота в юбках делала сверхбыстрые марши и грабила беспощадно. Конечно, юбка не повышала их боевых качеств, но во всяком случае давала стимул для того, чтобы получить больше материи, чем у них было. Единственным материалом для одежды у них была овечья шерсть. Шотландцы - скотоводческий народ, а не земледельческий. А на тех вересковых холмах много овец не разведешь, и поэтому страна была очень бедна и нуждалась в грабеже, как промысле.

Как мы видим, все пассионарные народы в этот период, период пассионарного перегрева, оказались уже не поборниками тех своих положительных идеалов, которые у них были до этого, а противниками своих соседей, и действовали они со страшной энергией, но уже под лозунгом не "за что", а "против чего". При этом этнический момент играл первостепенную роль.

КАРТА. ФРАНЦИЯ В XII - НАЧАЛЕ XIV в.

Действительно, как можно было объединиться французским феодалам с английскими феодалами? Да никак! Они и воевали друг с другом. Может быть, с испанскими? Попробовал Черный принц помочь Педро Жестокому занять престол Кастилии - половина испанских феодалов оказалась на стороне английского Черного принца, а другая половина - на стороне французского коннетабля дю Геклена и победила. Они все боролись друг с другом, даже сами

кастильские феодалы. Арагон - тоже феодальная страна. Подчиненные арагонским королям каталонцы соперничали с французскими феодалами за право грабежей в западной части Средиземного моря.

Германское королевство к XIV в. распалось, немцы убивали исключительно друг друга и поэтому в XIII-XIV вв. опасности для соседей не представляли. Благодаря этому французским королям удалось оттянуть у них Бургундию (тогда еще она считалась Германией). Что касается провансальцев то они, хоть и подчинились французскому королю, но когда Людовик Святой попал в плен к мусульманам во время крестового похода, то в Марселе звонили в колокола, служили торжественные обедни и пели "Te Deum laudamus" - "Тебя Бога хвалим", радуясь, что этого французского короля кто-то, наконец, захватил в плен.

Как мы видим, сменился вектор, сменилось направление деятельности. Повышенный индивидуализм в странах Западной Европы привел к тому, что каждый смог, используя "пассионариев", к нему примыкавших, составить тот или иной отряд и бороться за себя, включая королей английского и французского.

Но тут, конечно, мне могут возразить: все-таки англичане - нация, французы - нация, в это время они уже сложились, они боролись друг против друга. Гасконцы, бретонцы, провансальцы боролись за свои национальные права, шотландцы тоже. Но когда кончилась эта Столетняя война и английских феодалов сбросили в море, а англичане оказались у себя дома, вы думаете, они успокоились? Нет, они сразу же затеяли новую войну на 30 лет - войну Алой и Белой розы.

Одни феодалы повесили у себя на щите белую розу - это были графы Йорки и Невилли, другие алую розу - это были Суффолки и Ланкастеры, и начали убивать друг друга, привлекая к себе стрелков, копьеносцев, добровольцев, охотников. А те шли и убивали друг друга так, что Англия, в общем, опустела. Причем характер этой войны был понятен людям того времени - в последней решающей битве, когда Белая роза победила Алую розу при Тьюксбери, будущий король Англии Эдуард IV кричал своим воинам: "Щадите простолюдинов, бейте знать!"^{F9} Почему? Да потому что уже все "пассионарные люди" сумели обзавестись гербами и объявили себя знатными, а ему нужно было снизить, как мы бы сказали, их количество. Иначе он управлять ими не мог, потому что каждый знатный господин уже работал только на себя. Таково было положение дел в Западной Европе, и длилось это довольно долго.

Францию спасла Жанна д'Арк. Так все французы считают, и это справедливо. Но чем она ее спасла? Дело в том, что французы тогда делились на два сорта. Объединенная Франция (примерно в современных границах) вмещала в себя два французских этноса - северо-восточный и юго-западный. Сначала (в первую половину Столетней войны) юго-западные жители (жители Аквитании между Луарой и Пиренеями) поддерживали Плантагенетов, т.е. англичан, против ненавистных парижан. А северо-восточная Франция поддерживала Париж и национальное знамя Карла Мудрого против англичан и изменников аквитанцев. Во второй период войны было наоборот. Жанна д'Арк произнесла слова: "Прекрасная Франция" - и победила. Но даже в первый период войны Франция одержала победу, потому что у французского короля оказался гениальный полководец Бертран дю Геклен, а он был не южный и не северный француз, а бретонец, кельт. Он был мастером партизанской войны. Два раза он попадал к англичанам в плен и два раза его освобождали за выкуп, равный королевскому. Собирали деньги и выкупали. Исключительной храбрости был человек.

Вы скажете, что это был изменник своего народа, отщепенец, который перешел к французскому королю служить (мог бы и к английскому). Нет, он был бретонец и остался бретонцем. Когда после победы над англичанами Бертран дю Геклен стал коннетаблем Франции, т.е. вторым лицом после короля, и получил вдруг приказ подавить восстание своих земляков, бретонцев, он отказался. Король заявил, что если он отказывается выполнять миссии,

на него возложенные, то будет лишен звания коннетабля. Дю Геклен бросил меч коннетабля - знак своего достоинства, сел на коня и уехал в Испанию. За ним побежали вслед, чтобы упротить остаться. Ведь это был национальный герой Франции! Но вернуть его не успели, потому что по дороге он схлестнулся с какими-то разбойниками и разбил их, но они его убили в стычке. Этнический принцип, как видите, соблюдается и тут.

Бретань занимала промежуточное положение между Англией и Францией. Там были партии проанглийская и профранцузская, а точнее - антианглийская и антифранцузская, потому что и те и другие воевали за свою Бретань и за своих бретонцев, а не за англичан и не за французов. Блуа были противниками англичан, Монфоры - противниками французов, причем, хотя и те и другие были французского происхождения, войска их состояли из бретонцев, потому что бретонцы в это время были тоже весьма пассионарным этносом.

Акматическая фаза продолжалась во Франции до конца XIV в. Последовавший затем спад пассионарности был неизбежен, поскольку убыль пассионариев в ходе кровопролитий уже не восполнялась естественным приростом. Итог этого периода был подведен в XV в.: Франция была объединена Людовиком XI, который уничтожил всех феодальных вождей, снова подчинил себе Бургундию и создал единое королевство, в котором, как говорили после него: "Одна вера, один закон, один король".

БУЙСТВО УМА И СЕРДЦА

Несколько иначе сложилась ситуация в Византии. Там пассионарный перегрев не сопровождался территориальной дивергенцией. Территориальное распадение сменилось идеологическим. Произошло это следующим образом. Своим декретом римский император Константин объявил христианство официальной религией. Цель многолетней борьбы была достигнута, гонения с христиан перенеслись на язычников.

Но пассионарность продолжала расти, пассионарии стремились действовать, а действовать стало негде и незачем. Поэтому признак этот стал проявляться в весьма уродливых формах. Началось это еще во время правления Константина. Константин заявил, что, конечно, церковь он допускает. Допускает, чтобы соборы собирались, все обсуждали, но он как император желает присутствовать на этих соборах, чтобы не было какого-нибудь государственного беспорядка. А он же был язычником, его нельзя было допустить. Тогда ему присвоили чин дьякона, самый младший чин церковной иерархии, чтобы на этом основании император всей империи Римской имел право быть допущенным на собор. Константин был человек практичный, он не обиделся. Но африканские христиане, наиболее горячие, заявили: "Какое дело императору до церкви? В гражданских делах мы ему подчиняемся, а в церковные пусть не лезет". Так кричал дьякон карфагенской церкви Донат, поэтому его последователи назывались донатисты. Так как умеренные были, как всегда, в большинстве, то программа Доната не прошла и создала первый раскол в христианской церкви. Донатисты заявили, что новый слишком благополучный порядок их не устраивает - мученической смерти-то уже нет, значит затруднено спасение в загробной жизни, поэтому они создали свои группы, которые ходили по дорогам близ Карфагена, ловили какого-нибудь путника, окружали его и говорили: "Убей нас во имя Христа". Тот говорил: "Да вы что! С ума, что ли, спятили, я мухи не обижу, я курицу зарезать не могу. А вы хотите, чтобы я людей убивал, уйдите от меня". "Э-э-э, - доверили ему, - тебе же плохо будет, мы из тебя сейчас котлету делаем, если ты нас не убьешь во имя Христа!" И тому ничего не оставалось, как брать у них из рук дубину и бить их по темени, и они покорно падали и умирали, считая, что идут в рай.

Менее трагические уродливые формы эта повышенная пассионарность, при определенной конфессиональной доминанте, приняла в Египте. Там, правда, не требовали, чтобы их убивали, но говорили: "Нет, мы откажемся от всей жизни, которая нас привлекает. Мы всего хотим. Мы хотим эти вкусные финики, мы хотим это сладкое вино, мы хотим этих милых женщин, мы

хотим наслаждаться поэзией, а ведь это же все грешно! Все! Уходим в пустыню!" Уходили в Фиваиду, в Верхний Египет и сидели там на крайне постной пище - кусок хлеба и немножко воды, дабы убить свою плоть, подавить желания. Даже сами себя наполовину в землю закапывали, чтобы избежать соблазнов, если те случались. Так родилось монашество и аскеза. Было ли это плохо или хорошо? Я бы сказал, с точки зрения нашей, географической, т.е. с точки зрения охраны природы, это было очень хорошо, потому что если бы этих страшных оголтелых пассионариев да выпустить на природу или на людей напустить, так они бы столько дров наломали, что и подумать страшно! И это-то реальное ослабление пассионарности всей системы спасло Византию от полного распада, хотя от неполного не спасло. Пассионарный взлет увел у Византии Закавказье, которое ей принадлежало, Сирию с Месопотамией, всю Африку и Сицилию. Удержать эти земли оказалось невозможно, удержалась только Малая Азия и южная часть Балканского полуострова (северную часть захватили славяне). Южная часть Балканского полуострова - относительно маленькая территория, имевшая, естественно, меньше пассионариев, могла организовать их в систему защиты.

Те, кто не сидел в Фиваиде, немедленно развивали бурную деятельность, которая отнюдь не пошла на пользу ни им, ни церкви, ни Византийской империи - вообще никому. Они начали проповедовать разные учения. Вот, например, в Александрии появился один пресвитер, священник Арий, очень образованный человек, который сказал, что есть в Троице Бог-отец и Бог-сын, значит, отец раньше, сын позже, сын меньше, чем отец. "А-а-а! - сказали ему. - Ты что? Хулишь Господа Бога нашего? Отец и Сын - это просто названия, которые мы на нашем бедном языке даем, а они равны". Ну, казалось бы, поспорили и разошлись. Нет! Дикая свалка, междоусобная война, аресты, доносы, наушничество. Первых императоров обратили в арианство, они начали преследовать противников Ария. Потом император Феодосий оказался связан с противниками Ария, поддержал православных, которые победили ариан. Но арианство распространилось среди готов, вандалов, бургундов - вообще германских племен, т.е. германцы и римляне оказались разной веры, и все из-за абстрактного спора.

Но когда с арианами покончили, казалось бы, можно успокоиться. Ничего подобного! Возник спор о том, имеет ли Христос одно тело или два: божественное и человеческое или только одно божественное? О том, что у Христа тело только одно, человеческое - об этом и разговора быть не могло. Была в III в. такая идея у Павла Самосатского, но о ней не стали разговаривать. А тут еще начался спор: дева Мария, она кто - Богородица или Христородица? Созвали собор в Эфесе в 431 г. Большинство стояло за то, что у Христа два тела и вообще нечего шум поднимать, но в 449 г. в Эфес приехали египетские монахи, анахореты в рясах из верблюжьей шерсти, надетых на голое тело, подпоясанных веревками, а за поясом большие топоры; они бегали по Эфесу и кричали: "Надвое рассеките признающих два естества!"^{F10} Этот собор был назван "Эфесским разбоем".

Началось заседание собора, монахи ворвались туда, переломали писцам пальцы, митрополита загнали под стол и забили ногами, стражу разогнали. Создался такой кошмар, что пришлось перестраивать весь собор и переносить его поближе к столице, в Халкидон, отбирать депутатов специально по спискам, окружить здание войсками. Собор этот принял решение, которое и сейчас лежит в основе христианской церкви, но это решение вызвало отпадение Египта и Сирии, которые передались арабам в VII в. Была ли кому-нибудь от этого польза? Все это издержки пассионарного подъема. О "пользе" и речи не было.

В то же время западная Римская империя, где не было такого подъема, не было и издержек, стала легкой добычей варваров, повторяю - потрясающе легкой. Восточная, включавшая в себя Балканский полуостров, Малую Азию и Сирию с Египтом, держалась, сохранила большую часть своих границ, потеряв только Сирию, Египет и Африку, но зато и там христианская церковь

получила все права под властью арабских халифов. Халифы вынуждены были терпеть самостоятельность этой церкви, ибо она была монофизитская, т.е. признавала единое тело в Христе и поэтому не зависела от врага арабов Константинополя.

Итак, самое главное - это понять, что в истории этносов, в отличие от истории социальной, государственный вред и польза не имеют никакого значения. Эти понятия вообще не фигурируют, так же как в физике понятия положительного и отрицательного зарядов вовсе не означают, что один лучше, а другой хуже. Этногенезы - явления природы, которые мы наблюдаем, исследуя историю как статистический процесс. А ведь при всех этих религиозных спорах если кто-то и выиграл, так только языческие философы, которых христиане, боровшиеся между собой, оставили в Афинах без внимания. Там спокойно обучали философии Платона и Аристотеля, пока у христиан горели страсти. Эти страсти начали утихать в VI в., уже при Юстиниане, и когда Юстиниан навел "порядок" (выгнал несториан, договорился с монофизитами, поскольку их поддерживала его собственная жена Феодора), он расправился и с греческими философами, "прикончил" античную языческую мудрость и закрыл афинскую академию. Как видите, спад пассионарности для культуры сыграл роль весьма прискорбную.

Посмотрим вкратце, каковы были итоги акматической фазы в Арабском халифате, раскинувшемся от Памира до Пиренеев. Там наследственного феодализма вообще не было, там был феодализм должностной - какую человек занимал должность, тем он и считался. Самая высокая должность, которой мог достигнуть любой человек, не принадлежащий к роду пророка или халифа, это эмир, а эмиром мог стать любой мусульманин, вне зависимости от своего происхождения.

Мало того, ведь в гаремах было совсем уж все перепутано, и никто не знал своих бабушек и дедушек - представления не имели, кто есть кто. Но поскольку они рождались в арабских гаремах, то считались арабами и имели все права. Но и, кроме того, каждый перс, туркмен, армянин, сириец, бербер, курд, заявивший, что он хочет принять веру ислама, тем самым получал и право занять любую должность, до какой он дослужится, и, естественно, все стремились стать эмирами. Результат был сначала довольно положительный. Все огромное мусульманское государство, от Аравии до Памира на востоке и до Луары на западе, управлялось эмирами, которых назначал халиф. А эмиры, естественно, каждый старался обеспечить себе максимум самостоятельности, согласно императиву - "Будь самим собой!" Следовательно, каждый старался уже быть не просто уполномоченным халифа, но и Абубекром, Абдурахманом, Саидом или кем-нибудь еще. Поэтому колоссальная страна, завоеванная первыми халифами в период этногенеза, уже во второй половине VIII в. стала быстро дробиться на части, ибо эмиры, вовсе не нарушая ни присяги, ни уважения к халифу, просто не давали ему денег, которые собирали со своей области, а оставляли себе. А потом они заставляли читать хутбу, т.е. моления за правителя в мечети, не на имя халифа, сидевшего в Багдаде, а на свое, и должности свои ухитрялись передавать своим близким. Самые близкие - дети, а детей у них было много, потому что раз они занимали такие должности, у них были гаремы, так что всегда можно было выбрать подходящего ребеночка и осчастливить его. Так возникли в Магрибе (на западе) государства Аглабидов, Идрисидов и Фатимидов, Омейядов в Испании; так возникли на востоке Тахириды, Сафарины, Саманиды, Гуриды и т.д. Сирия и Египет - такие, казалось бы, близкие к столице области, тоже отделились.

Итак, пассионарность арабов сначала создала, а потом взорвала социально-политическую систему Халифата. Вместо того чтобы укрепить свое государство, пассионарный перегрев стимулировал внутренние войны, в которых пассионарии гибли так же, как в завоевательных походах. В итоге уже в X в. арабы на своей родине превратились в угнетенный этнос, а подлинными хозяевами страны стали на востоке туркмены, на западе - берберы и туареги.

VI. Этногенез и культурогенез СФЕРА МЫСЛИ В ЭТНОГЕНЕЗЕ

Ознакомившись с первыми двумя фазами этногенеза - подъема и перегрева, мы можем сделать предварительный, но важный вывод. В фазе подъема складывается, а в акматической фазе кристаллизуется оригинальный для каждого случая стереотип не только поведения, но и мировосприятия и мироосмысления, или то, что мы называем культурным типом.

Разумеется, и здесь не обходится без "пассионарности", так как для того, чтобы выработать новую, ни на что не похожую систему взглядов и воззрений, нужны огромные затраты "пассионарной энергии", пожалуй, не меньше, чем для освободительных и завоевательных войн.

И если уж мы затронули вопрос взаимовлияния культуры (творения рук человеческих и разума) и этногенеза (феномена природы), имеет смысл остановиться на этом вопросе подробнее. Надо сказать, что культура для этнолога - не предмет, а инструмент исследования, но инструмент крайне необходимый. Ведь культура - это как раз то, что мы можем изучить, это то, что лежит на поверхности. Очень сильно сказывается на культуре временной момент, момент памяти - памяти генетической, памяти традиционной - памяти прежних культур, т.е. наличие в новой культуре рудиментов, которые были для созданной заново культурной системы субстратами, исходными элементами. Этот тезис звучит довольно маловразумительно, когда его формулируешь абстрактно, но сейчас мы перейдем к конкретным примерам и увидим, что все это реально.

То, что мы уделили такое большое внимание возрастам этноса, т.е. фазам этногенеза, позволяет нам своим методом исследовать древние культуры, начальные фазы которых источниками не освещены и историкам фактически неизвестны. Но акматические фазы, как правило, освещены достаточно, а поскольку мы знаем, что акматическая фаза наступает примерно через сто пятьдесят лет после начала явного подъема, то мы можем сделать вывод, что пассионарный толчок произошел там за 300 лет, учитывая инкубационный период до зафиксированной акматической фазы.

В Древнем мире известны четыре культуры, относящиеся к VI-V вв. до н. э. Акматические фазы этносов, создавших эти культуры, изучены достаточно хорошо. Местообитания этих этносов расположены по 3-й параллели и охватывают Грецию, Северную Персию, Индию и Средний Китай. Очевидно, на этой полосе где-то на рубеже IX-VIII вв. до н. э. был пассионарный толчок. Что происходило тогда в этих странах, никто толком не знает. Есть догадки, отрывочные сведения, легенды. А вот что касается VI-V вв. до н. э., то тут мы знаем уже много. Если мы возьмем четыре основных очага - Элладу с областями ионийской культуры; Иран с Мидией и прилегающими областями Бактрии; Бенгалию, которая лежит, правда, немножко южнее, чем Иран, но, с другой стороны, в пределах допуска, и Центральный Китай, - то мы увидим, что здесь в одно и то же время, в VI-V вв. до н. э., существуют четыре хорошо изученные культуры. Это - классическая Греция с ее классической философией; Ахеменидская монархия с ее новым культурным достижением - маздеизмом, антагонистическим дуализмом; в Индии - это эпоха Будды и его проповеди; в Китае, в пределах допуска, это - Конфуций и Лао-цзы. Все четыре перечисленных региона отличаются одной общей чертой - здесь возникают философские системы, настолько остроумные, настолько логичные, настолько увлекательные, что влияние их в той или иной доходит до нашего времени. Все авторы тоже хорошо известны. Им уделяют огромное внимание. Их изучают, с ними спорят. Но как они не похожи друг на друга!

ЭЛЛАДА

Когда древние эллины заинтересовались проблемами мироздания, бытия и места человека в нем, они обратили внимание прежде всего на природу (это были натурфилософы, которых

интересовало, как устроен мир).

Первый из греческих философов, Фалес Милетский, считал, что вода источник всего живого и что "все полно демонов, т.е. мир - это не косная материя, а живые существа, которые между собой взаимодействуют. Остроумная система, увлекательная: и Земля - живой организм, и скалы, и утесы, и моря, и горы, и долины - все полно жизнью, но не похожей на нашу, которую мы просто не можем распознать.

Его младший современник Анаксимандр объявил, что в основе всего лежит апейрон - беспредельность; Анаксагор, тоже их современник, предположил, что в основе всего лежит эфир - очень тонкий газ.

Гераклит сделал еще шаг. Он предположил, что вообще нет никаких вещей это все обман чувств, обман зрения, на самом деле есть только процессы: "Никто не может вступить дважды в один и тот же поток. И к смертной сущности никто не прикоснется дважды". Это, пожалуй, близко к нашему современному диалектическому подходу, хотя другой тезис Гераклита, логически вытекающий из предыдущего, воспринимается в наше время без симпатии: "Война - отец и царь всего живущего; война сделала одних людей богами, других смертными и рабами". В самом деле, если мир - живой процесс, то естественно, что столкновение и пересечение потоков жизни должны выявляться как борьба, война. Так что с его, Гераклитовой, точки зрения - это вывод логичный.

Иная концепция мироздания была разработана Пифагором, жившим на западе, в Кротоне. Пифагор предположил, что в основе мира лежит абстракция - число. Но как ни отличны эти учения, важно, что для всех греков было характерно стремление узнать: а что же такое мир, который нас окружает? Им и в голову не приходило, что можно интересоваться чем-нибудь другим.

ИРАН И ТУРАН

В отличие от греков, персов мало интересовала натурфилософия, им интересно было другое: где друзья и где враги, что считать добром, а что злом, извечна ли вражда? Здесь Зердушт (я произношу по-новоперсидски, по-древнеперсидски будет Заратуштра), уроженец города Бальха (это на самом востоке Ирана), объявил, что дело не в том, чтобы разобраться, из чего состоит мир, - это каждый сам видит: есть реки, горы, леса, пустыни, скот, храбрые воины; дело в разнице между днем и ночью - светом и мраком. Облек он это в замечательную философскую концепцию, ставшую основой для многих видов дуализма.

По древнеарийским воззрениям, характерным и для персов, и индусов, и для эллинов, и для скандинавов, и для славян - всех древних арийцев, - было три поколения богов, т.е. три эпохи космического становления.

Первое поколение - это Уран, т.е. космос - стабильное пространство, заполненное вещами. В эпоху Урана все было в полном порядке; никто никуда не двигался, ибо не было времени, не было и движения.

Движение пришло на смену этой эпохе в "век Сатурна", или Хроноса, т.е. когда появилось время. Сатурн, как известно, изуродовал своего отца Урана, заключил его в темницу и начал свирепствовать, все изменяя. Мир превратился в светящийся калейдоскоп, в котором ничто не может удержаться надолго; тогда стали появляться чудовищные изменчивые формы - гиганты.

Греки и индусы считали гигантов чем-то омерзительным, а вот Зердушт решил, что те, которых индусы называли асурами, а греки - гигантами или титанами, это и есть амешаспента - лучшие помощники Светлого Божества. И на этом он остановился.

Это был переворот в мировоззрении. Ведь греки, например, тоже верили в гигантов, но поклонялись они третьему началу, персонифицированному в виде Зевса, т.е. Бога (Зеус и Деус - это одно и то же; "з" в "д" переходит). Сила Зевса была в электричестве - молнии. Зевс победил

Сатурна, заключил его в какую-то пещеру и навел порядок. Он установил власть олимпийских богов, которые с тех пор постоянно воюют с гигантами, так как гиганты все время нападают на них.

Точно такая же мифология существует и в Индии, где тоже уважают Дэва (Дэва, Дэус - это одно и то же). Боги воюют с асурами, а асуры стремятся победить богов, но все время терпят поражения, однако, потерпев поражение, немедленно реорганизируются и опять бросаются на богов, и так бесконечно. Нам важно отметить здесь то, что и эллины, и древние индусы стояли на стороне богов, а Зердушт предложил стать на сторону гигантов и, следовательно, считать богов дьяволами, хотя по-персидски они называются так же: Дэва - на староперсидском и Див - на новоперсидском. Таким образом Бог превратился в дьявола; Див, как это все знают теперь, просто черт.

Так вот, в V в. до н.э. Зердушту удалось победить своих противников. Он уговорил Ксеркса издать "антидэвовскую надпись" и запретить почитание Дэвов в своем государстве. Исключение было сделано только для двух бывших богов: для прекрасной Анахиты (уж очень ее полюбили персы, и поэтому поклоняться ей разрешили - это богиня любви и плодородия) и для Митры.

О Митре надо сказать особо. Митра считался братом Урана (Варуны по-индийски, т.е. Космоса). Митра - тоже космическое божество. Солнце - это только глаз Митры, однако Митра имел узкое назначение. Так как в древние времена война была постоянным занятием, которое изредка прерывалось периодами мира, то мир скреплялся клятвой. Во время войны обман и всякого рода дезинформация противника считались разрешенным - на то и война, не будь лопухом, - а вот клятву надо было беречь, и раз мир заключен, то уж, извините, никого обманывать и убивать нельзя. А так как клятвы, случалось, нарушали и в те времена, то Митра получил узкую специализацию - охранять клятвы и наказывать клятвопреступников, т.е. он боролся против предателей. И дело это было весьма актуальным по тем временам, да и для поздних времен тоже, поэтому культ Митры уцелел даже после реформ Зердушта. Уж очень важно было иметь гарантию спокойного существования, подтвержденного договором, и знать, что договор будет соблюдаться. Митра не требовал специального поклонения, он был "для верных и неверных". Он охранял любые клятвы, наказывал любых клятвопреступников. И Зердушт тоже в основу нового мировоззрения положил дуализм, борьбу света и тьмы, светлого Ормузда и темного Аримана, но Ормузд был богом только персов, которые были допущены к таинствам поклонения огню, в том числе почти все наши азиаты и парфяне. И если у иранцев священным животным была собака, то туранцы почитали змей.

А Митра был "для всех". Хотя и митраизм был системой строго дуалистической и только в этом смысле сходен с зороастризмом^{G1}.

ТИБЕТ

Митраистическая система распространилась по Тибету, Монголии, Восточной Сибири, по всей Центральной Азии. Врагом Митры (его другое название - Бог Белый Свет) был демон Длинные Руки - в персидских текстах названия этого демона не сохранилось, это тибетское название. Демон Длинные Руки,

вождь целого полчища демонов - это обман. Обман - это то противоестественное, чего нет и не должно быть в мире. Животные не обманывают друг друга. Они смело убивают, охотятся друг на друга, едят друг друга, но они никого не предают и не обманывают. Они не злоупотребляют доверием. Обман - это то, что приходит через человека, это то зло, с которым борется Митра.

Таким образом, мы видим вторую систему дуализма, распространившуюся за пределы Ирана. В Иране восторжествовал зороастризм, за его пределами религия, почитавшая Бога Белого Света, сохранившаяся в Тибете до XX в. под названием религии бон. Последние бонцы бежали из Тибета в 1949 г. сначала в Индию, потом в Норвегию, а сейчас живут даже в

Швейцарии. В Индии им показалось жарко: они привыкли к горам. Так как это были интеллигенты и работать грузчиками им было тяжело, то они начали издавать и продавать свои бонские древние книги тибетологам. На это существовали, хотя и скудно. А западные тибетологи покупали эти книги и меняли на наши, советские издания. Так концепция бона получила известность в советской литературе².

Как мы видим, и задачи и постановка вопросов в ирано-туранском и эллинском культурных мирах были диаметрально противоположны. Их интересовали разные вещи.

ИНДИЯ

Если мы обратимся теперь к Индии, то увидим, что в ту пору их мало интересовало устройство мира, почти не занимало, кто их друг, а кто враг (свет - тьма): они смирились с тем, что какие-нибудь враги все равно придут и их убьют, сопротивляться они в то время уже не умели. Поэтому их больше всего интересовало спасение своей души и обеспечение ей приличного воплощения после неизбежной близкой смерти: здесь верили в переселение душ; считали, что душа хорошего человека после смерти воплотится в человеческом теле, а если он был грешным, его душа воплотится в теле крокодила, что, конечно, уже менее приятно, или в теле асура, или дэва - это лучше, а если в теле воздушного беса (бирита) или подземного демона, то это совсем плохо. Так вот и вопрос: какие принять меры, чтобы обеспечить себе перерождение в тело человека? И имеет ли это смысл? В это время здесь уже были йоги, брамины, отшельники аскеты, и всем этим очень заинтересовался гениальный мальчик - сын княжеского (кшатрия) рода Шакья. Звали его Сиддарта, или Шидарта. Он обошел всех мудрецов-учителей, не удовлетворился их учениями и создал свое собственное. Учение его было до крайности простым вначале и стало невероятно сложным через 2000 лет.

Заклучалось оно в том, что у людей есть желания, которые при неудовлетворенности порождают страдания, а страдания ведут к смерти, к новым воплощениям и новым страданиям. Следовательно, для того, чтобы избавиться от страданий, надо ничего не желать и тогда избежешь и страданий и смерти. Он сложил ноги калачиком, сел под пальму и стал ничего не желать. Но это оказалось дьявольски трудно. Говорят, что ему это все-таки удалось, и тогда он начал других учить, как это делать, и сотворил двенадцать чудес, потому что демон Мара (не демон Длинные Руки, а демон Мара, т.е. иллюзия) насылал на него всяких чудовищ, например, бешеного слона, блудницу и т.п. Но с этим он справился и стал "Буддой", т.е. совершенным!

Гораздо труднее ему было справиться со своими ближайшими учениками. Один из них, Девадатта, усвоив учение, решил сделать побольше. Он ввел наряду с отречением от желаний строгий аскетизм. Сам Будда считал, что человек должен для спасения не страдать ни в коем случае, т.е. получать достаточно пищи, и у него была чашечка, куда ему клали рис или овощи, заправленные постным маслом. Он питался одной такой чашечкой в день; если с постным маслом, да еще хорошим, то этого действительно достаточно. Будда запрещал прикасаться к золоту, серебру и женщинам, ибо это соблазны, распаляющие желания.

А Девадатта сказал: "Нет, мы еще и поголодать можем", и это было уже искушение; это было уже ни к чему. Хоть ты и можешь перенести голод, но зачем? Это же влечет страдания! Аскетизм категорически противопоказан идее Будды. И поэтому община Будды раскололась еще при его жизни, но многие все-таки слушали, что он говорит. Дамы знатные его приглашали к себе из любопытства. "Ладно, не прикасайся, - говорили они, - но ты и нам хоть что-нибудь расскажи"; давали ему взносы на общину. Сам он ни к чему не прикасался, но ученики брали и использовали на благо дела.

Учил Будда многих, так что после него осталась довольно большая память, но ни одного записанного текста - не публиковали его при жизни. Кончилось все это для него печально, потому что, хотя он и построил свою систему абсолютно логически и, казалось бы,

непререкаемо, и действительно не впадал, видимо, ни в какие соблазны, тем не менее судьба уготовила ему такое искушение, от которого он не мог удержаться, - сострадание. Пока он сидел под пальмой и пользовался уважением всей Бенгалии, соседнее племя напало на княжество Шакья и перебило всех его родственников. Ему об этом сообщили. И восьмидесятилетний старик, самый уважаемый в Индии человек, пошел с палочкой по саду, в котором играл ребенком, по дворцу, где его воспитывали, - и везде лежали его родственники, его слуги, его друзья, разрубленные пополам, искалеченные, изувеченные. Все было залито кровью. Он мимо всего этого прошел, но не смог остаться равнодушным и впал в нирвану.

Что такое нирвана? Нирвана - это понятие, которое невозможно на Западе, вследствие логического закона исключенного третьего. У нас три закона логики: закон тождества, закон противоречия и закон исключенного третьего, основной. Согласно последнему закону, нет ничего такого, что могло бы быть одновременно и "а" и "не а", например, любая данная вещь либо существует, либо не существует, третьего не дано. Так вот, нирвана исключает этот закон. Нахождение в нирване означает одновременно и существование и несуществование. У индусов своя логика. По-нашему: впал в нирвану - значит скончался, но по буддийским учениям Будда не умер, а только переменял место своего обитания, модус своего состояния, из Сансары, вечно движущегося мира, он перешел в нирвану и там сейчас обитает. Это значит, что он ничего не знает, ничего не видит, ничего не слышит, ничего не хочет. Он находится в вечном покое. Он не счастлив, и он не несчастлив, потому что счастье и несчастье - понятия относительные, а ничего относительного в нирване нет. В общем, что он есть, что его нет - совершенно одинаково, сохранилось только его учение и память. Потом его учение восстановилось по памяти, три века спустя. Передача шла из уст в уста, наконец все это было записано, и получился первый источник, называемый Тринитака - три корзины текста, т.е. три корзины мемуаров.

Я читал мемуары, которые писали по поводу моей покойной матери, и могу оценить, как врут мемуаристы. Я думаю, что Будда не исключение. Про него тоже врал, но тем не менее три корзины мемуаров - это первый источник, датируемый III в. до н.э. Сам Будда скончался в V веке, т.е. примерно за двести пятьдесят лет до того, как эти мемуары были опубликованы. Факт тот, что буддизм широко распространялся в Индии. Как видим, там сама постановка вопросов, цели, задачи - все было совершенно отличным и от персидского, и от эллинского направления развития культуры.

Сказать, что Будда был религиозным или антирелигиозным человеком нельзя, хотя он, конечно, признавал, что есть дэвы - боги. Это, мол, каждый понимает, но молиться им он не рекомендовал, потому что они существа хотя и не вечные, но долговечные, довольно могущественные. А чего им, собственно, молиться?

Однажды какая-то старушка спросила его: "Учитель, я привыкла молиться Индре, могу я этим путем добиться спасения?" Он говорит: "Да, бабушка, молись Индре, этим путем ты тоже придешь к спасению". Словом, ему это было в общем-то безразлично. Когда же его спрашивали, как устроен мир, он отвечал вопросом на вопрос: "А какого цвета волосы ребенка нерожавшей женщины?" Ему говорили: "Учитель, что ты глупости спрашиваешь, раз она не родила, значит нет ребенка, нет волос и нет цвета". - "Так вот, - говорит, - и мира нет, что же вы глупости спрашиваете? То что вам кажется - это обман чувств". - "А что же есть?" Что он тут отвечал, этого я вам не могу сказать, да и никто не знает, но впоследствии выяснилось, по трудам последующих буддистов, что есть поток дарм.

Дарма - это слово, имеющее 47 значений, но в данном случае нужно предпочесть одно из них, один из нюансов. Дарма - квант закономерности. Это не материальный атом. Это не платоновская идея, нет. В мире существуют причинно-следственные связи, которые квантуются. Каким образом? Я объяснить не могу, я сообщаю, что так в учении. Квант закономерности

называется дармой.

Еще дарма означает закон. И вот дармы сталкиваются, иногда образуют сканды, а сканды, в сочетании по нескольку сканд, образуют душу человека, и душа эта может либо достичь нирваны, либо не достичь, потому что если она сильно нагрешила, то она разваливается на свои составные части и теряет индивидуальность. Индивидуальность души - это сочетание сканд, а если нет сочетания, тогда нет и души. Душа нагрешившего человека рассыпается, как у Пер ГюнтаG3, которому сообщили, что его душу пустят на переплавку, потому что он очень подло себя вел. Поэтому важно достичь совершенства, а совершенства можно достичь только одним способом - через человеческое существование, ибо дэвы (боги) не могут достичь совершенства, им и без того хорошо, они долго живут и поэтому не эволюционируют. Совершенства не могут достичь и асуры, которые слишком заняты тем, что готовятся к войне с богами, а после очередного поражения опять готовятся, так что им просто некогда заниматься совершенствованием. Животные? - Они неразумны и не знают, что нужно стремиться к совершенству. Демоны, живущие в преддверии ада - прета или бириты, - все время голодны; их изображают так: большущая голова и маленький ротик диаметром с булавку, тонкая шея, огромное пузище, крохотные ножки и ручки. Конечно, такой демон не может насытить свое брюхо через столь маленький рот, поэтому он страдает от голода, а если сосет что-нибудь питательное, кровь своих жертв, например, то она из него выходит огнем, и поэтому он очень недоволен. Но и это еще ничего, а в подземельях ада живут тому. Про тех ничего нельзя сказать, разве лишь то, что им уж совсем плохо, еще хуже, чем биритам, и если они так страдают, где уж им совершенствоваться!

Совершенствоваться может лишь человек. Смысл жизни в том, чтобы совершенствоваться через ряд перерождений, стать святым и наконец впасть в нирвану - труднодостижимую цель. Но если бы элину или персу, или нам с вами предложили впасть в нирвану, чтобы там мы ничего не желали, ничего не делали, не имели возможности ничего предпринять, никому помочь, и вообще не могли бы даже услышать просьбы о помощи... так мы бы, пожалуй, не пожелали такого величественного конца. Но индусам это почему-то нравилось, китайцам же - нет.

КИТАЙ

Китайцы создали два учения, совершенно не похожие на три, мной перечисленные. Китай в VIII и VII вв. до н. э. был расколот на большое количество государств. Нельзя сказать, на какое точно, потому что в каждом столетии и даже десятилетии будет свое деление. Они все время воевали, беспощадно уничтожали друг друга, стремясь овладеть землями и богатством соседей. Причем они стремились не покорить людей, нет, они убивали их и заселяли освобожденные земли своими потомками. Это безобразие продолжалось у них с VII по III в. до н.э., и даже слово было - "вырезать город", т.е. убить всех, включая детей, а потом своими детьми населить страну. Детей у китайцев женщины рожали ежегодно, и каждая женщина производила, следовательно, 15-20 детей, а в благодатном климате кормить их было чем. Болезней особых тоже не возникало, и интенсивное размножение невольно стимулировало и массовое уничтожение соседей.

Но жить в таком кошмаре было все-таки трудно, поэтому стали обсуждаться идеи выхода из такой постоянной тотальной братоубийственной войны. И в VII-VI вв. до н. э. появились два идеолога. Один из них - Кун-цзы, которого стали называть Конфуцзы (фу - это выражение уважения к нему) - Конфуций. Другой - его младший современник Лао-цзы, который был у князя библиотекарем, а потом ушел в пустыню.

Конфуций сказал, что кругом делается много безобразий. Но это потому, что люди необразованны, надо их обучать. Надо ввести просвещение, научить людей чувству долга, и тогда они будут вести себя прилично. Конфуций ввел три категории долга: высший долг - по

отношению к родственникам; второй долг, ниже рангом - по отношению к общине; третий, еще ниже - по отношению к государству, т.е. интересы родственников надо ставить выше интересов и общины и государства.

Например, рассказывают, что какой-то старикан занялся кражей не то овец, не то ослов, а сын на него донес. Так Конфуций его за это осудил, он сказал: "Конечно, нехорошо, что старик крал у своих соседей, у своей общины, но сын должен был уговорить старика, чтобы тот вернул краденое и вообще перестал бы этим заниматься, но нельзя доносить на отца".

КАРТА. ДРЕВНИЙ КИТАЙ

А если община страдала от какого-нибудь князя или вана, то надо было руководствоваться интересами общины в первую очередь.

Главной своей задачей Конфуций считал научить ванов, как правильно себя вести, как соблюдать церемониалы и обычаи, как управлять государством и как отражать иноземцев, которых было очень много и которым китайцы тоже жизни не давали. Как это воспринимали ваны (среднее между царем и князем), можно понять. Каждый человек, особенно начальник, терпеть не может, чтобы его учили, и поэтому Конфуцию все время приходилось бегать от одного князя к другому. Но бегал он вместе со своими учениками, везде оставляя свои труды, рассеивая их по Китаю в огромном количестве, создал школу. И конфуцианство просуществовало вплоть до середины XX в., пока Мао его совсем не запретил. Но теперь этот запрет снят.

А Лао-цзы пошел совсем по другому пути; он считал, что все установления человеческие - дрянь, что надо подражать природе. Надо идти в горы (а гор там было много и все они были лесистые, и климат теплый - снег южнее хребта Цинь-лин не выпадает вообще) и жить там, подражая животным и вольным птицам, изучать законы Вселенной. Надо стараться понять, как меняется погода, и вызывать дождь когда нужно (магия); надо понять, как будущее сменяет прошедшее, т.е. научиться гадать; надо изучить человеческий организм, чтобы уметь лечить его; надо наблюдать, как растут растения, изучать животных, т.е. Лао-цзы горячо рекомендовал заниматься естественными науками. А мир он представлял как "Дао" - то, что существует, и то, что не существует. Откровенно говоря, я долгое время, сколько ни читал всякой литературы, не мог понять, что такое "Дао". Но когда стал общаться с китайцами, то все-таки кое-что понял (они мне объяснили, и я нутром почувствовал). Дао - это Вселенная с диаметром в бесконечность, которая то сокращается до точки, то опять расширяется. И все существа, и все люди, через ряд перерождений, согласно даосской системе, существуют, а потом исчезают, а потом, при новом расширении, возникают заново. Вот такая пульсирующая Вселенная и есть "Дао". Понятнее объяснить не могу.

А у Конфуция все понятно. Когда его спрашивали, есть ли бог или бессмертие, он говорил: "А это неважно, это несущественно, и не о том надо думать, не тем надо заниматься". - "А как устроен мир и природа?" - "Тоже неважно, важно знать, как себя вести в данной жизни".

ТРИ ПАРАМЕТРА

Итак, четыре очага культурного творчества в полосе одного пассионарного толчка дали не только разные решения, но и разные постановки вопросов. Объяснить это исключительно влиянием ландшафта и естественными потребностями я не могу. Вероятно, строгое доказательство теоремы Пифагора и китайцам бы не повредило, хотя они и без этого умели строить прямые углы на земле, и здания воздвигали четырехугольной формы. Каким способом они это делали, тем ли, как Пифагор, или другим, - это в общем-то несущественно, главное, что умели. Но математические обобщения им были ни к чему, так же как и Гераклитово учение об огне и постоянном перерождении. А греки, напротив, были совершенно равнодушны к проблемам этики. Они сочли бы нахальством, если бы кто-то вдруг вздумал учить их, как вести

себя по отношению к родителям, к своему городу и к какому-то большому государству. Они бы сказали: "Да это мы и сами знаем, у нас законов хватает, отойдите, пожалуйста, гражданин, не мешайте нам думать о мироздании".

За счет чего такие различия? Дело в том, что на процесс создания этноса или суперэтноса влияет пространство и время, причем не в мистическом смысле, а во вполне реальном. Пространство - это окружение, ландшафтное и этническое. Ландшафтное окружение влияет на формы хозяйства, уклад данного этноса определяет его возможности, перспективы. Этническое окружение, связи с соседями, дружеские или враждебные, весьма и весьма влияют на характер создаваемой культуры.

Единственное, что мы знаем о времени, это то, что оно необратимо. Время - это фаза этногенеза и этнического окружения, определяющая варианты этнических контактов с ним. Кроме того, уровень научно-технического прогресса, свойственный данной эпохе, тоже оказывает свое влияние в рамках фактора времени, позволяя заимствовать уже имеющиеся технические достижения при создании новой культурной традиции.

Но кроме времени и пространства есть и третий компонент - энергия. В энергетическом аспекте этногенез является источником культуры. Почему? Объясняю. Этногенез идет за счет пассионарности. Именно эта энергия пассионарность и растрачивается в процессе этногенеза. Она уходит на создание культурных ценностей и политическую деятельность; управление государством и написание книг, ваяние скульптур и территориальную экспансию, на синтез новых идеологических концепций и строительство городов. Любой такой труд требует усилий сверх тех, что необходимы для обеспечения нормального существования человека в равновесии с природой, а значит, без пассионарности ее носителей, вкладывающих свою энергию в культурное и политическое развитие своей системы, никакой культуры и никакой политики просто не существовало бы. Не было бы ни храбрых воинов, ни жаждущих знания ученых, ни религиозных фанатиков, ни отважных путешественников. И ни один этнос в своем развитии не вышел бы за рамки гомеостаза, в котором жили бы в полном довольстве собой и окружением трудолюбивые обыватели. К счастью, дело обстоит иначе, и мы надеемся, что на наш век хватит и радостей и неприятностей, связанных с этногенезом и культурой.

Однако всякая энергия имеет два полюса, и пассионарная энергия (биохимическая) - не исключение. На этногенезе биполярность сказывается тем, что поведенческая доминанта может быть направлена в сторону усложнения систем, т.е. созидания или упрощения их.

Эта биполярность четко прослеживается не столько в зоологии, сколько в истории человечества и его культуры. Это происходит потому, что мы знаем историю и культуру много подробнее и обстоятельнее, чем историю происхождения и исчезновения видов.

Кроме того, в истории мы можем применять абсолютную хронологию, в то время как в зоологии хронология относительная, т.е. зоолог знает, что было раньше, что позже, но насколько - точно сказать не может.

Для определения направления доминанты нужен исключительно чуткий прибор, и таковым является история мировоззрений и философских учений, о положительном значении коих мы уже говорили. Но наряду с ними встречаются жизнеотрицающие системы, которые мы вправе называть отрицательными. Казалось бы, такие самоубийственные идеи не могут оказать воздействия на здоровые коллективы, многочисленные популяции, крепко сложенные этносы. Однако могут и оказывают. Это происходит в тех случаях, когда столкновение этносов с различной комплиментарностью насильственно связывает их в одну химерную целостность, которая всегда бывает неустойчивой. Вот в ареалах столкновений этносов, где поведенческие стереотипы неприемлемы для обеих сторон, повседневная жизнь теряет свою повседневную обязательную целеустремленность, и люди начинают метаться в поисках смысла жизни,

которого они никогда не находят. И вот тут-то возникают философские концепции, отрицающие благодать человеческой жизни и смерти, т.е. диалектического развития. Антипод материалистической диалектики - это антисистема, т.е. упрощающаяся система. Лимитом упрощения является вакуум.

И сейчас мы перейдем к примерам, иллюстрирующим правомерность этого соображения.

В начале нашей эры в Средиземноморье, когда мысль была раскована от предрассудков, осыпавшихся, как шелуха, при контакте эллинского, иудейского и персидского мировосприятий, люди излагали свои соображения без обиняков. В III- IV вв. н. э. эти концепции кристаллизовались в несколько систем: гностицизм, талмудический иудаизм, христианство, зороастризм. Все они заслуживают специального описания, которое мы отложим, чтобы не отвлекаться от главного - уяснения принципа биполярности. Этот принцип дошел до нашего времени и сформулирован уже в XX в. двумя поэтами, стоявшими, по отношению к биосфере, на двух противоположных позициях. Поскольку нам здесь нужна не история проблемы, а уяснение принципа классификации, ограничимся двумя наглядными примерами. Первая позиция - мироотрицание.

...И понял он... и под вечерним садом
Ему открылась тысяча смертей!
Природа, обернувшаяся адом,
Свои дела вершила без затей.
Червь ел траву, червя клевала птица,
Хорек пил мозг из птичьей головы,
И страшно перекошенные лица...
Ночных существ смотрели из травы.
Так вот она - гармония природы!
Так вот они - ночные голоса!
На безднах мук сияют наши воды,
На безднах горя высятся леса.
Природы вековечная давящая
Объединяла смерть и бытие
В один клубок, но мысль была бессильна
Разъединить два таинства ее.
Н. ЗаболоцкийG4

В этих прекрасных стихах, как в фокусе линзы телескопа, соединены взгляды гностиков, манихеев, альбигойцев, карматов, махаянистов - короче, всех, кто считал материю злым, а мир - поприщем для страданий. Вторая позиция - мироутверждение.

С сотворения мира стократно
Умирая, менялся прах:
Этот камень рычал когда-то,
Это плющ парил в облаках.
Убивая и воскрешая,
Набухать вселенской душой
В этом воля земли святая,
Непонятная ей самой.
Н. ГумилевG5

Сходство позиций только в одном - в иррациональности отношения персоны (человека и животного) к биосфере. Остальное - диаметрально противоположно, как в средние века и, видимо, до нашей эры.

В первой позиции - стремление заменить дискретные системы (биоценоз) на жесткие ("И снится мне железный вал турбины"), которые, по логике развития, превратят живое существо в косное; косное, при термической реакции, разложится до молекул; молекулы распадутся до атомов; из атомов выделятся реальные частицы, которые, аннигилируясь, превратятся в виртуальные. Лимит такого развития - вакуум. И наоборот, при усложнении систем, где жизнь и смерть идут рука об руку, возникает разнообразие, которое немедленно передается в психологическую сферу, создает искусство, поэзию, науку. Но, конечно, "за все печали, радости и бредни" придется отплатить "непоправимой гибелью последней".

Итак, этническая история имеет следующие три параметра:

1. Соотношение каждого этноса с его вмещающим и кормящим ландшафтом, причем утрата этого соотношения непоправима: упрощаются, а вернее, искажаются, и ландшафт и культура этноса.

2. Вспышка и последующая утрата пассионарности; этногенез - как энтропийный процесс. Диссипация биохимической энергии живого вещества биосферы с выбросом свободной энергии.

3. Выделение из этноса отдельных персон и консорций (сект), изменяющих стереотип поведения и отношение к природной среде на обратное. Идеал (далекий прогноз, желанная цель, формирующая психологическую доминанту не только на персональном, но и на популяционном уровне) меняет знак (либо усложнение, либо упрощение системы; не смешивать с обывательскими понятиями: "хорошо" и "дурно" и с умозрительными: "прогресс" и "отсталость").

Только в этом, последнем параметре решающую роль играет свободная воля человека, обеспечивающая ему право выбора, но и подлежащая морально-юридической оценке: если некто желает стать преступником и злодеем, осуждение его уместно.

В эти три формулы уместается вся теория, необходимая этнологии для объяснения, почему история народов и государств идет не прямо по пути прогресса, а зигзагами и частыми обрывами в никуда. И почему, на фоне столь трагичном, этносы существуют и радуются жизни.

НЕВИДИМЫЕ НИТИ

Никто не живет одиноко, даже если очень этого хочет. Невидимые нити связывают страны, обитатели которых никогда не видели друг друга. И как ни называть эти связи - культурными, экономическими, политическими, военными они нарушают течение этногенезов, создают зигзаги истории, порождают химеры и зачинают призраки систем, т.е. антисистемы. Так обратим на них внимание, чтобы наше представление о ведущем сюжете исследования не было ни однобоким, ни неполноценным.

Идеологические воздействия иного этноса на неподготовленных неофитов действует подобно вирусным инфекциям, наркотикам, массовому алкоголизму. То, что на родине рассматривается как обратимое и несущественное отклонение от нормы, губит целые этносы, не подготовленные к сопротивлению чужим и опьяняющим идеям. К числу таких принадлежал гностицизм как логика жизнеотрицания.

Бывают эпохи, когда людям жить легко, но очень противно. Именно таким был закат Римской империи, но с рождением Византии появились цели и интерес к жизни. Как уже было сказано, византийский суперэтнос вылупился из яйца христианской общины, социальным обрамлением которой была церковная организация. Но в этом яйце таился и второй зародыш, так называемый гностицизм.

Словом "гностицизм" мы определяем те течения той же христианской мысли, которые были не приняты церковью, восторжествовавшей несколько веков спустя. Это явление имеет свою предысторию.

Александр Македонский, завоевав Персию с ее провинциями - Малой Азией, Сирией и

Египтом, решил, что создаст из эллинов и восточных людей грандиозный этнос. Для этого он даже пережил несколько сот своих офицеров-македонян на осиротевших дочерях погибших в войне персидских вельмож. Конечно, нового этноса не возникло: по приказу не создашь этнос явление природы. Как социальная система его империя раскололась, как этнический конгломерат она превратилась в химеру. Пришлые греки и аборигены жили в одних и тех же городах, занимались теми же ремеслами и торговлей, развлекались в тех же кабаках, но упорно чуждались друг друга.

Так, в Александрии - столице Египта, где правили потомки одного из македонских полководцев - Птолемеи, 50% населения составляли греки, 40% евреи и 10%- все остальные, в том числе и египтяне.

В это время впервые греко-римский мир получил возможность ознакомиться с текстом Библии. Птолемеи, царь Египта, видел, что его философы никак не могут переспорить еврейских раввинов. Философы пришли к Птолемею и говорят: "Мы никак не можем с ними спорить, потому что мы не знаем, что они доказывают; мы опровергаем один их тезис, а они говорят: "Да это вы не то опровергаете", - и выдвигают совсем другой. Мы должны знать точно, что там написано, тогда мы будем спорить". Он ответил: "Ладно, я вам это сделаю".

В одну ночь в Александрии было арестовано 72 раввина. Когда их привели к царю, он вышел и сказал короткую речь: "Сейчас каждому из вас будет дан экземпляр Библии, достаточное количество пергамента и письменных принадлежностей и посадят вас в камеры-одиночки. Извольте перевести на греческий язык. Филологи мои проверят, и если будут несовпадения, я не стану разбираться, кто прав, кто виноват, а всех вас повешу, наберу новых и получу перевод". Но больше не пришлось никого сажать, перевод он получил. Раввинов отпустили по домам, и так получилась Библия септуагинта - Библия семидесяти толковников, греческий перевод G6.

Когда греки прочли ее, они схватились за голову: как же по книге Бытия мир-то создан? Бог создал сначала весь мир, тварей и животных, потом человека Адама, потом из его ребра Еву и запретил им есть яблоки с древа познания Добра и Зла. А Змей соблазнил Еву, Ева - Адама. Они скушали с запрещенного древа яблоки и узнали, где добро, где зло, и тем самым вызвали гнев Бога, который лишил их рая. Греки отнеслись к этому так: "Самое главное для нас познание, а еврейский бог нам его запретил; вот Змей - хороший, вот этот нам помог", - и они начали почитать Змея и осуждать этого самого, сотворившего мир, которого они называли ремесленником - Демииургом. Это, решили греки, плохой, злой демон, а Змей добрый. Представители этого течения богословской мысли назывались офиты, от греческого слова "офис" - змей.

По этой логико-этнической системе, в основе мира находится Божественный Свет и его Премудрость, а злой и бездарный демон Ялдаваоф, которого евреи называют Яхве, создал Адама и Еву. Но он хотел, чтобы они остались невежественными, не понимающими разницы между Добром и Злом. Лишь благодаря помощи великодушного Змея, посланца божественной Премудрости, люди сбросили иго незнания сущности божественного начала. Ялдаваоф мстит им за освобождение и борется со Змеем - символом знания и свободы. Он посылает потоп (под этим символом понимаются низменные эмоции), но Премудрость, "оросив светом" Ноя и его род, спасает их. После этого Ялдаваофу удастся подчинить себе группу людей, заключив договор с Авраамом и дав его потомкам закон через Моисея. Себя он называет Богом Единым, но он лжет; на самом деле он просто второстепенный огненный демон, через которого говорили некоторые еврейские пророки. Другие же говорили от лица других демонов, не столь злых. Христа Ялдаваоф хотел погубить, но смог устроить только казнь человека Иисуса, который затем воскрес и соединился с божественным Христом.

ПОКЛОННИКИ "ПОЛНОТЫ"

С более изящными и крайне усложненными системами выступили во II в. антиохиец Саторнил, александриец Василид и его соотечественник Валентин, переехавший в Рим.

Александрийские гностики представляли Бога высочайшим существом, заключенным в самом себе, и источником всякого бытия. Из него, подобно солнечным лучам, истекли второстепенные божеские существа - эоны. Чем более отдалялись эоны от своего источника, тем слабее они становились. Все они в совокупности назывались Плеромой, или "Полнотой" всего сущего. Вместе с Плеромой существует грубая, безжизненная материя, не имеющая действительного бытия, а только вид его. Она называется "Пустотой". Мир возник из соприкосновения и смешения этих двух стихий - Плеромы и материи. Самый крайний из эонов по слабости своей упал в материю и одушевил ее, благодаря чему образовался видимый мир. Противоположность божественного и материального стала причиной зла в людях и демонах.

Эона, из-за которого возник мир, гностики называли Демиургом и приравнивали к богу Ветхого завета. Они полагали, что он сделал мир неряшливо и был бы рад освободить дух из рук материи, но сделать этого не умеет. Была также гипотеза, что он злобно противится помощи, которую могут ему оказать высшие Эоны.

Высочайшее Божество постоянно заботится о жертвах Демиурга - людских душах. Оно стремится поддержать в них мысль об их высоком происхождении и укрепить их в борьбе с материей. Для этой цели оно по временам сообщало людям, к тому способным - пророкам и философам, - новые духовные элементы и послало на Землю первого эона в призрачном теле. Этот эон соединился при крещении с человеком Иисусом и показал людям путь обратно в Плерому. Раздраженный этим Демиург, а по другим представлениям - Сатана, довел Иисуса до распятия. Небесный Христос оставил человека Иисуса на кресте и возвратился к Верховному существу. Спасение души - это освобождение от материи через борьбу с ней.

Еще была и антиохийская школа, где учил Саторнил, тоже очень почтенный человек, он говорил: "Нет, материя и дух - первозданны, они всегда были, просто материя захватила часть духа и держит его; конечно, вырваться надо, материя - это плохо, а дух - хорошо, но материя, вообще говоря, тоже существует наряду с духом". Из этой сатурниловской школы вышло замечательное учение персидского пророка Мани.

ПОКЛОННИКИ "СВЕТА"

В Иране обстановка была несколько иной. Воинственные парфяне с Копетдега объединились со степными саками и выгнали македонян из Ирана. Их цари мужественно отстаивали свою землю от македонян и римлян, но обаянию эллинской культуры подчинились и они. В их столице, Ктезифоне, ставились трагедии Еврипида, шли диалоги о философии Платона, переводился на персидский язык Аристотель. И соответственно в этой химерной целостности Парфянской державе - расцвел гностицизм.

В 224 г. н. э. князь из дома Сасана Арташир Папаган изгнал парфян из "Священной земли Ирана" и восстановил учение Заратуштры. Но к участию в зороастрийском культе допускались только персы, а население Месопотамии принимало либо христианство, либо гностицизм. И вот на границе двух миров эллинского и персидского - в Месопотамии родился исключительно тонкий, талантливый художник, каллиграф и писатель Мани. В поисках мудрости он ездил даже в Индию, а вернувшись на родину, проповедовал новое учение, в дальнейшем сыгравшее огромную роль в развитии культуры, истории и даже этногенеза.

Заметим, что гностиками становились мечтатели, богоискатели, почти фантасты, стремившиеся, подобно античным философам, придумать связную и непротиворечивую концепцию мироздания, включая в него добро и зло. Гностицизм - это не познание мира, а поэзия понятий, в которой главное место занимало неприятие действительности. Гностические

системы были совершенно потрясающими по красоте, логичности, неожиданности. Но они не имели никакого отношения к научной мысли, ничего не объясняли и не считали нужным объяснять, за одним исключением: учение Мани и его последователей - манихеев объясняло людям, что такое зло.

Мани проповедовал такую идею: раньше свет и тьма были разделены между собой, и тьма была сплошная, но не одинаковая - там были облака сгущенного мрака и разреженного мрака, и они двигались в беспорядке, в таком броуновском движении, и однажды случайно они подошли к границе света и попытались туда вторгнуться.

Против них вышел "первочеловек", первый человек, под которым надо понимать Ормузда, который стал бороться и не пускать облака мрака в обитель света. Облака напали на первочеловека, облекли собой, разорвали его светлое тело на части и частицы света этого тела мучают; это и есть мир - смесь мрака со светом. Надо добиться, чтобы эти частицы были освобождены, ради чего приходил сначала Христос, а потом он, Мани-Утешитель, и вот он учит, что нужно делать.

Да, действительно, нужно вести себя очень аскетически, не есть и не убивать животных с теплой кровью (лягушек и змей можно), есть растительную пищу, воздерживаться от всякого рода плотских развлечений, потому что если женишься, это естественным образом оздоравливает твой организм, и он крепче держит душу. Но разрешались оргии с полным развратом, только чтобы было неизвестно, кто с кем, потому что это расшатывает организм и помогает душе освободиться. Система логичная. Самоубийство не помогает, потому что существует переселение душ из тела в тело, и если ты самоубьешься, то опять возродишься и надо все начинать сначала. Поэтому надо добиться подлинной смерти - потерять вкус к жизни.

Мани трагически погиб, казненный по проискам магов - зороастрийского духовенства, но его учение распространилось по всей Ойкумене, от Китая до Тулузы, и везде встречало крайне враждебное отношение, потому что в нем отчетливо проявлялась враждебность к живой природе, семье и творческой истории этносов как порождение злого начала - Мрака. В сравнение с манихеями нельзя поставить даже маркионитов.

МАРКИОН И МАРКИОНИТЫ

Большинство гностиков не стремились распространять свое учение, ибо они считали его слишком сложным для восприятия невежественных людей, и их концепции гасли вместе с ними. Но в середине II в. христианский мыслитель Маркион, опираясь на речь апостола Павла в Афинах о "Неведомом Боге", развил гностическую концепцию до такой степени, что она стала доступной широким массам христиан.

Маркион происходил из Малой Азии. Был он очень учен. Сначала был торговцем, потом занялся филологией и написал большой трактат о Ветхом и Новом заветах, доказав очень квалифицированно, что Бог Ветхого и Бог Нового заветов - это разные боги и что, следовательно, христианину поклоняться Ветхому завету нельзя⁷. А так как поклонение Богу Ветхого завета вошло в обиход, то большая часть церковников его не приняла, но церковь разделилась на две части - маркионитов и противников Маркиона. Победили тогда, во II в., маркиониты, но в III веке дуалистов одолели сторонники монизма.

Маркиона объявили последователем Сатаны и не признали его учения. Церковь его низвергла, а книгу его подвергли осторожному замалчиванию самое страшное, что может быть для ученого. Просто на эту тему считалось неприлично говорить. (Восстановил систему доказательств Маркиона только один немецкий ученый - Доллингер, который из разных текстов собрал аргументы Маркиона, доказывающие, что Бог Нового и Бог Ветхого заветов - это разные боги, противостоящие один другому, как добро и зло.)

Однако учение Маркиона все же не исчезло. Через сотни передач оно сохранялось на

родине Маркиона, в Малой Азии, и в IX в., преображенное, но еще узнаваемое, стало исповеданием павликиан (от имени апостола Павла), выступивших на борьбу с византийским православием, причем они даже заключили союз с мусульманами.

Павликиан нельзя считать христианами. Несмотря на то что они не отвергали Евангелия, павликиане называли крест символом проклятия, ибо на нем был распят Христос, не принимали икон и обрядов, не признавали таинств крещения и причастия и все материальное почитали злом. Будучи последовательными, павликиане активно боролись против церкви и власти, прихожан и подданных, сделав промыслом продажу пленных юношей и девушек арабам. Вместе с тем в числе павликиан встречалось множество попов-расстриг и монахов, а также профессиональных военных. Удержать этих сектантов от зверств не могли даже их духовные руководители. Жизнь брала свое, даже если лозунгом борьбы было отрицание жизни. И не стоит в этих убийствах винить Маркиона, филолога, показавшего принципиальное различие между Ветхим и Новым заветами. В идеологическую основу антисистемы могла быть положена и другая концепция, как мы сейчас и покажем.

Павликианство было разгромлено военной силой в 872 г., после чего пленных павликиан не казнили, а поместили на границе с Болгарией для несения службы пограничной охраны. Так смешанная манихейско-маркионитская доктрина проникла к балканским славянам и породила богомилство, вариант дуализма, весьма отличающийся от манихейского прототипа, укрепившегося в те же годы в Македонии.

Вместо извечного противостояния Света и Мрака богомилы учили, что глава созданных Богом ангелов, Сатаниил, из гордости восстал и был низвергнут в воды, ибо суши еще не было. Сатаниил создал сушу и людей, но не мог их одушевить, для чего обратился к Богу, обещая стать послушным. Бог вдохнул в людей душу, и тогда Сатаниил его надул и сотворил Каина. Бог, в ответ на это, отрыгнул Иисуса, бесплотного духа, для руководства ангелами, тоже бесплотными. Иисус вошел в одно ухо Марии, вышел через другое и обрел форму человека, оставаясь призрачным. Ангелы Сатаниила скрутили, отняли у него суффикс "ил", в котором таилась сила, разумеется, мистическая, и загнали его в ад. Теперь он не Сатаниил, а Сатана. А Иисус вернулся в чрево отца, покинув материальный, созданный Сатаниилом мир. Вывод из концепции был прост: "Бей византийцев!"

Как видно из описания, разница во взглядах у манихеев, маркионитов, богомилов и провансальских катаров была больше, нежели у католиков и православных. Однако дуалисты имели единую организацию из 16 церквей, тесно связанных друг с другом. Сходство их было сильнее различий, несмотря на то что основой его было отрицание. В отрицании была их сила, но также и слабость; отрицание помогало им побеждать, но не давало победить.

КАТАРЫ

Западная Европа несколько позже, чем Передний Восток, испытала все последствия механического смешения этносов. Подлинная химера образовалась в Лангедоке, захватив на западе Тулузу, а на востоке - северную Италию.

Бедой была в том, что Великий караванный путь, начинавшийся в Китае и шедший по бескрайним безлюдным степям, доходил до богатого, обильного всеми продуктами Лиона, затем до величественной Тулузы и заканчивался в мусульманской Испании, в Кордове. А с международной торговлей всегда связано разнообразие людей и идей, неспособных слиться друг с другом. Зато в теле такой химеры часто прорастают как паразиты жизнеотрицающие системы, примеры которых мы уже видели.

Дуалистическое учение катаров проникло в Лангедок с Балканского полуострова, где смешались уже знакомые нам навликиане, богомилы и манихеи. Катаров французы называли альбигойцами, ибо одним из их центров был город Альби.

Распространенное мнение, что пламенная религиозность Средневековья породила католический фанатизм, от которого запылали костры первой инквизиции, вполне ошибочно. К концу XI в. духовное и светское общество Европы находилось в полном нравственном падении. Многие священники были безграмотны, прелаты получали назначения благодаря родственным связям, богословская мысль была задавлена буквальными толкованиями Библии, соответствовавшими уровню невежественных теологов, а духовная жизнь была скована уставами клунийских монахов, настойчиво подменявших вольномыслие благонаравием. В ту эпоху все энергичные натуры делались или мистиками, или развратниками. А энергичных пассионарных людей во Франции было больше, чем требовалось для повседневной жизни. Поэтому-то их и старались сплавить в Палестину, освобождать Гроб Господень от мусульман, с надеждой, что они не вернутся.

Но ехали на Восток не все. Многие искали разгадок бытия, не покидая родных городов, потому что восточная мудрость сама текла на Запад. Она несла ответ на самый больной вопрос теологии: Бог, создавший мир, благо, - откуда же появились Зло и Сатана?

Принятая в католичестве легенда о восстании обуянного гордыней ангела не удовлетворяла пытливые умы. Бог всеведущ и всемогущ! Значит, он должен был предусмотреть это восстание и подавить его. А раз он этого не сделал, то он повинен во всех последствиях и, следовательно, является источником зла. Логично, но абсурдно. Значит, что-то не так. На это отвечали приходившие с Востока манихеи: "Зло извечно. Это материя, оживленная духом, но обволакивающая его собой. Зло мира - это мучения духа в тенетах материи". Следовательно, все материальное - источник зла. А раз так, то зло - это любые вещи, в том числе храмы и иконы, кресты и тела людей. И все это подлежит уничтожению.

В чем же усматривали катары (альбигойцы) и вообще все гностики-манихеи свою задачу? Они считали, что надо вырваться из этого страшного мира. Для этого мало умереть, так как смерть ведет к новому воплощению души - к новым мучениям. Надо вырваться из цепи перевоплощений, а для этого мало убить тело, надо умертвить душу. Каким путем? Убив все свои желания. Аскетизм, полный аскетизм! Есть только постную пищу, но у них оливковое масло было хорошее, так что это было довольно вкусно. Рыбу можно есть, лягушек можно есть (французы едят лягушек). Затем, конечно, никакой семьи, никакого брака. Надо изнурить свою плоть до такой степени, чтобы душа уже не захотела оставаться в этом мире, тогда она в момент смерти воспарит к светлему Богу. Но плоть можно изнурять двумя способами - или аскетизмом, или неистовым развратом. В разврате она тоже изнуряется, и поэтому время от времени альбигойцы устраивали ночные оргии, обязательно в темноте, чтобы никто не знал, кто с кем изнуряет плоть. Это было обязательное условие, потому что если человек полюбил кого-то, это уже привязанность, привязанность к чему? к плотскому миру: она его полюбила или он ее - значит, все! Они уже не смогут стать совершенными и изъяться из мира. А если просто в публичном доме плоть изнурять, то это - пожалуйста.

По учению альбигойцев, полезен сам по себе всякий акт изнурения плоти, ведущий к отвращению к жизни, но без брака и воспитания детей, потому что и дети, и любимая жена, и хороший муж - все они являются частями, составляющими этот мир, и, следовательно, соблазном дьявола, которого надо избежать. Мораль, естественно, упразднилась. Ведь если материя - зло, то любое истребление ее благо, будь то убийство, ложь, предательство... все не имеет никакого значения. По отношению к предметам материального мира было все дозволено.

Но тут средневековый христианин сразу же задавал вопрос: а как же Христос, который был и человеком? Исцелял больных, одобрял веселье настолько, что превратил в Кане Галилейской воду в вино, защитил женщину, т.е. не был противником живой материальной жизни? На это были подготовлены два ответа: явный - для новообращенных и тайный - для посвященных. Явно

объяснялось, что "Христос имел небесное, эфирное тело, когда вселился в Марию. Он вышел из нее столь же чуждым материи, каким был прежде... Он не имел надобности ни в чем земном, и если он видимо ел и пил, то делал это для людей, чтобы не заподозрить себя перед Сатаной, который искал случая погубить Избавителя"G8.

Однако для "верных" (так назывались члены общины) предлагалось другое объяснение: "Христос - творение демона; он пришел в мир, чтобы обмануть людей и помешать их спасению. Настоящий же не приходил, а жил в особом мире, в небесном Иерусалиме"G9.

Довольно деталей. Нет и не может быть сомнения в том, что манихейское альбигойство - не ересь, а просто антихристианство, и что оно дальше от христианства, нежели ислам и даже теистический буддизм. Однако если перейти от теологии к истории культуры, вывод будет иным. Бог и дьявол в манихейской концепции сохранились, но поменялись местами. Именно поэтому новое исповедание имело в XII в. такой грандиозный успех. Экзотичной была сама концепция, а детали ее привычны, и замена плюса на минус для восприятия богоискателей оказалась легка.

Следовательно, в смене знака мог найти выражение любой протест, любое неприятие действительности, в самом деле весьма непривлекательной. Кроме того, любое манихейское учение распадалось на множество направлений, мироощущений, мировоззрений и степеней концентрации, чему способствовали в равной мере пассионарность новообращенных, позволявшая им не бояться костра, и оправдание лжи, с помощью которой они не только спасали себя, но наносили своим противникам неотразимые, губительные удары.

Конечно, далеко не все в Западной Европе понимали сложную догматику манихейства, да многие и не стремились к этому. Им было достаточно осознать, что Сатана для них - не враг, а владыка и помощник в затеваемых ими преступлениях. Тайно исповедовал это учение император Генрих IV, враг папы Григория VII. А простодушный Ричард Львиное Сердце откровенно заявил, что все члены дома Плантагенетов пришли от дьявола и вернутся к дьяволу. Этим заявлением он оправдал все совершенные им преступления и предательства; по крайней мере так считал он сам.

И ведь эту доктрину, упразднявшую совесть, исповедовали в XII в. не только короли, но и священники, ткачи, рыцари, крестьяне, нищие, ученые законоведы и безграмотные бродячие монахи, причем большинство из них не отдавали себе отчета в значении своих умонастроений. Эти последние легко переходили из одного стана в другой, потому что от них не требовалось формального отречения от догматов своей веры.

Основная часть этого умонастроения - община катаров имела строгую дисциплину, трехстепенную иерархию и ни на какие компромиссы не шла. Проповедь "совершенных" во Франции и даже в Италии так наэлектризовывала массы, что подчас даже папа боялся покинуть укрепленный замок, чтобы на городских улицах не подвергнуться оскорблениям возбужденной толпы, среди которой были и рыцари, тем более что феодалы отказывались ее усмирять.

Может возникнуть ложное мнение, что католики были лучше, честнее, добрее, благороднее катаров (альбигойцев). Оно столь же неверно, как и обратное. Люди остаются самими собой, какие бы этические доктрины им ни проповедовались. Да и почему концепция, что можно купить отпущение грехов за деньги, пожертвованные на крестовый поход, лучше, чем призыв к борьбе с материальным миром?

Учение католиков было столь же логично, только с иной доминантой: католики утверждали, что мир должен быть сохранен и что жизнь как таковая не должна пресекаться. И во имя этого они очень много убивали. Казалось бы, парадокс? Нет, не парадокс. Для того чтобы жизнь поддерживалась, согласно диалектике природы, смерть так же необходима, как и жизнь, потому что после смерти идет восстановление.

А альбигойцы, отрицая жизнь и стремясь к ее уничтожению, делали очень хитрую вещь - они отказывались убивать все живые существа с теплой кровью (поэтому выяснить, кто альбигоец, а кто нет, было очень легко: велели человеку зарезать курицу, если он отказывался, то его и тащили на костер). Вы скажете, что альбигойцы лучше католиков. Они ведь такие гуманные, что даже курицу не убьют. Но ведь если бы кур не стали резать и есть, то их не стали бы и разводить, и куры совсем исчезли бы как вид. Только благодаря смене жизни и смерти поддерживаются биосферные процессы; альбигойцы это понимали, они стремились к смерти полной, окончательной, без возрождения.

А представим себе, что все люди последовали бы учению альбигойцев: жизнь прекратилась бы в одном поколении!

Вот потому-то там, где последователи антисистемы захватывали власть, они отказывались от антисистемных принципов. Не отвергая их официально, они превращали захваченную ими страну в заурядное феодальное государство.

ЗИНДИКИ

Совсем рядом с двумя уже описанными суперэтнотами, по другую сторону Средиземного моря находился третий суперэтнос, известный также по конфессиональному признаку, - мусульманский. Возник он в начале VII в. и, следовательно, был моложе византийского и старше романо-германского. Однако жизнь его проистекала столь напряженно, что состарила его преждевременно.

Грандиозные победы арабов на востоке и западе расширили границы Халифата до Памира и Пиренеев. Множество племен и народов были включены в Халифат и обращены в ислам. Так создался мусульманский суперэтнос. Негативная антисистема здесь имела оригинальные формы, но несла ту же самую губительную функцию. И если провансальские катары и болгарские богомилы были явлением импортным, то арабы, завоевавшие Сирию и Иран, получили в качестве подданных маздакитов Азербайджана, огнепоклонников Хорасана, буддистов Средней Азии, манихеев Месопотамии и гностиков Сирии.

Все эти учения, весьма различные между собой, пылали одинаковой ненавистью к поработителям мусульманам и к вере ислама. Неоднократно вспыхивали восстания, беспощадно подавляемые халифами, до тех пор пока не сложилась новая консорция - религиозная организация, поставившая себе целью борьбу против религии. Она вобрала в себя множество древних традиций и создала новую, оригинальную и неистребимую, ибо она потрясла мусульманский мир^{G10}.

Мусульманское право - шариат - позволяло христианам и евреям за дополнительный налог спокойно исповедовать свои религии. Идолопоклонники подлежали обращению в ислам, что тоже было сносно. Но зиндикам (от персидского слова "зенд" - смысл, что было эквивалентом греческого "гнозис" - знание), представителям нигилистических учений, грозила мучительная смерть. Следовательно, зиндики - это гностики, но в арабскую эпоху это название приобрело новый оттенок - "колдуны". Против них была учреждена целая инквизиция, глава которой носил титул "палача зиндиков". Естественно, что при таких условиях свободная мысль была погребена в подполье, а вышла из него преображенной до неузнаваемости во второй половине IX в. И даже основатель новой концепции известен. Звали его Абдулла ибн Маймун, родом - перс из Мидии, по профессии - глазной врач, умер в 874 (875) году.

Догматику и принципы нового учения можно лишь описать, но не сформулировать, так как основным его принципом была ложь. Сторонники новой доктрины называли себя в разных местах по-разному: наиболее известные названия в Персии - исмаилиты, в Аравии - карматы. Цель же их была одна - во что бы то ни стало разрушить ислам, как катары стремились разрушить христианство.

Видимая сторона учения была проста: безобразия этого мира исправит Махди, т.е. спаситель человечества и восстановитель справедливости. Эта проповедь почти всегда находит отклик в массах народа, особенно в тяжелые времена. А IX век был очень жестоким. Мятежи и отпадения эмиров, восстания племен на окраинах и рабов-зинджей в сердце страны, бесчинства наемных войск и произвол администрации, поражения в войнах с Византией и растущий фанатизм мулл - все это ложилось на плечи крестьян или городской бедноты, в том числе и образованных, но нищих персов и сирийцев. Горючего скопилось много; надо было только поднести к нему факел.

Свободная пропаганда любых идей была в Халифате неосуществима. Поэтому эмиссары доктрины выдавали себя за мусульман. Они толковали тексты Корана, попутно вызывая в собеседниках сомнения и намекая, что им что-то известно, но вот-де истинный закон забыт, отчего все бедствия и проистекают, а вот если его восстановить, то... Но тут толкователь замолкал, чем, конечно, разжигал любопытство. Собеседник, крайне заинтересованный, просит продолжать, но проповедник, опять-таки ссылаясь на Коран, берет с него клятву соблюдения молчания, а затем, как испытание доброй воли прозелита, сумму денег, сообразно средствам, на общее дело. Затем идет обучение новообращенного. Мир, в котором мы живем, плохой, потому что здесь всякие кадии, эмиры, муллы, халиф со своим войском угнетают и обижают бедных людей, у которых, однако, есть выход: если они достигнут совершенства через участие в их общине, то попадут в антимир, где все будет наоборот, - там они сами будут обижать кадиев, эмиров и т.д. Такая незамысловатая, казалось бы, система нашла себе большое количество приверженцев. Так как здешний мир, в котором мы живем, очень многими считался плохим, то антимир, естественно, казался хорошим.

Карматы, или, как их на Востоке называли, исмаилиты, должны были лгать всем: с шиитом он должен быть шиит, с суннитом - суннит, с евреем - еврей, с христианином - христианин, с язычником - язычник, но только должен был помнить, что тайно подчинен своему пиру - старцу. Все мусульмане - враги, против которых дозволена ложь, предательство, убийства, насилия. И вступившему на "путь", даже в первую степень, возврата нет, кроме как в смерть.

Община, исповедовавшая и проповедовавшая это страшное учение, бывшее бесспорно мистическим и вместе с тем антирелигиозным, очень быстро завоевала твердые позиции в самых разных областях распадавшегося Халифата.

Никакого духовенства у них не было, но иерархия была очень строгая. Каждая община имела своих руководителей, которым подчинялась совершенно беспрекословно. На смерть они шли, совершенно не дрогнув, потому что за мученическую смерть им гарантировалось место в антимире, где вечное блаженство. А чтобы они верили, что антимир действительно существует, что это не обман, им давали покурить гашиш - самый обыкновенный наркотик - и они его видели! Видения у них были такие красочные, что за них стоило погибнуть.

И как только на фоне меркнувшего заката на небе появлялась голубая звезда Зухра (планета Венера), исмаилиты проникали всюду и убивали ради убийства, сами оставаясь невидимыми. Ночь - символ тайны - была их стихией. Они заключали тайные сделки, тайно дружили с тамплиерами, тайно вступали в свое братство и, погибая под пытками, хранили тайну мотивов своих деяний.

Наибольший успех имела карматская община Бахрейна, разорившая в 929 г. Мекку. Карматы перебили паломников и похитили черный камень Каабы, который вернули лишь в 952 г. Губительными набегами карматы обескровили Сирию и Ирак, им удалось даже овладеть Мультаном в Индии, где они варварски перебили население и разрушили дивное произведение искусства - храм АдитьиG11.

Не меньшее значение имело обращение в исмаилизм части берберов Атласа. Эти

воинственные племена использовали проповедь псевдоислама для того, чтобы расправиться с завоевателями-арабами. Вождь восставших Убейдулла в 907 г. короновался халифом, основав династию Фатимидов, потомков сестры пророка и Али. Его потомкам удалось покорить Египет.

"СТАРЕЦ ГОРЫ"

Исмаилиты пытались также утвердиться в Иране и Средней Азии, но натолкнулись на противодействие тюрок, сначала Махмуда Газневи, а потом сельджукских султанов. Несмотря на понесенные поражения, исмаилиты в конце XII в. держались в Иране и Сирии. Честолюбивый Хасан Саббах, чиновник канцелярии сельджукского султана Мелик-шаха, выгнанный за интриги, стал исмаилитским имамом. В 1090 г. ему удалось овладеть горной крепостью Аламут в Дейлеме, и он стал называться "Старец Горы", а позже исмаилиты приобрели и десяток крепостей в горах Ливана и Антиливана.

Однако не крепости были главной опорой этих фанатиков. Большая часть подданных "Старца Горы" жила в городах и селах, выдавая себя за мусульман или христиан. Мусульмане не считали их единоверцами, и поэт XII в. Усама ибн Мункыз в "Книге Назидания" рассказывает, что во время осады его замка его мать увела свою дочь на балкон над пропастью, чтобы столкнуть девушку в бездну, лишь бы она не попала в плен к исмаилитам^{G12}. Попытки уничтожить этот орден были всегда неудачны, ибо каждого везира или эмира, неудобного для исмаилитов, подстерегал неотразимый кинжал явного убийцы, жертвовавшего жизнью по велению своего Старца.

Хасан Саббах не ощущал недостатка в искренних приверженцах. Так погиб в 1092 г. вазир Низам уль-Мульк от кинжала фидаина. Так в Исфагане ложно-слепой нищий, прося проводить его до дому, заманивал мусульман в засаду, где доверчивых добряков убивали. Но это были мелочи. Хасан нашел способ сломать не социальную, а этническую систему. Он направил своих убийц на самых талантливых и энергичных эмиров, места которых, естественно, занимали потом менее способные, а то и вовсе бездарные тупицы и себялюбцы. А эти последние, занимая низшие должности, способствовали действиям исмаилитов, ибо знали, что кинжал фидаина откроет им путь на вершину власти. Такой целенаправленный геноцид за 50 лет превратил сельджукский султанат в бессистемное скопление небольших, но хищных княжеств, пожиравших друг друга, как пауки в банке.

Наличие мощной антисистемы исмаилитов превратило борьбу христианства с исламом в трехстороннюю войну. Исмаилиты были врагами всех, но, как все, они нуждались в друзьях и искали их где могли, даже среди христиан. Православные византийцы исмаилитам не подходили: греки так "обожглись" на былом попустительстве павликианам, развязавшим восстание в IX в., что в XII в. предпочитали иметь дело с сельджуками, у которых можно было запросто выкупать и обменивать пленников.

Зато крестоносцы за полвека растеряли первоначальный религиозный порыв и поддались обаянию роскоши и неги Востока. Война из грандиозного столкновения "Христианского" и "Мусульманского" миров превратилась в серию феодальных стычек, обычных для любой страны того времени. Исмаилиты держались в своих замках, пользуясь всеобщим беспорядком, и продавали услуги своих фидаинов феодалам, желавшим избавиться от того или иного соперника. Убийства приносили секте доход.

ОСТАНОВКА В ПУТИ

А теперь остановим караван нашего внимания, для того чтобы подумать над уже сделанными описаниями. Как легко было заметить, три большие суперэтнические системы сопровождались антисистемами, вернее, одной антисистемой, подобно тому, как тени разных людей отличаются друг от друга не по внутреннему наполнению, которого у теней вообще нет, а лишь по контурам.

Как уже было показано, провансальские катары, болгарские богомилы, малоазиатские павликиане, арабийские карматы, берберейские и иранские исмаилиты, имея множество этнографических и догматических различий, обладали одной общей чертой - неприятием действительности, т.е. метафизическим нигилизмом. Эта их особенность так бросалась в глаза всем исследователям, что возник соблазн усмотреть в ней проявление классовой борьбы, которая в эпоху расцвета феодализма безусловно имела место. Однако это завлекательное упрощение при переходе на почву фактов наталкивается на непреодолимые затруднения.

Каково было поведение самих еретиков? Феодалов они, конечно, убивали, но столь же беспощадно они расправлялись с крестьянами, отнимая их достояние и продавая их жен и детей в рабство. Социальный состав манихейских и исмаилитских общин был крайне пестрым. В их числе были попы-расстриги, нищие ремесленники и богатые купцы, крестьяне и бродяги - искатели приключений и, наконец, профессиональные воины, т.е. феодалы, без которых длительная и удачная война была в те времена невозможна. В войске должны были быть люди, умеющие построить воинов в боевой порядок, укрепить замок, организовать осаду. А в X-XIII вв. это умели только феодалы.

Когда же исмаилитам удавалось одерживать победу и захватить страну, например Египет, то они отнюдь не меняли социального строя. Просто вожди исмаилитов становились на место суннитских эмиров и также собирали подати с феллахов и пошлыны с купцов. А превратившись в феодалов, они стали проводить религиозные преследования, не хуже, чем сунниты. В 1210 г. "Старцы Горы" в Аламуте жгли "еретические" (по их мнению) книги. Фатимидский халиф Хаким повелел христианам носить на одежде кресты, а евреям - бубенчики; мусульманам было разрешено торговать на базаре только ночью, а собак, обнаруженных на улицах, было ведено убивать.

И даже карматы Бахрейна, учредившие республику, казалось бы, свободную от феодальных институтов, сочетали социальное равенство членов своей общины с государственным рабовладением. "Напряженная борьба, которую вели карматы против халифата и суннитского ислама, приняла с самого начала характер и форму сектантского движения. Поэтому карматы, будучи нетерпимыми фанатиками, направляли свое оружие не только против суннитского халифата и его правителей, но и против всех тех, кто не воспринимал их учения и не входил в их организацию.

Нападения карматских вооруженных отрядов на мирных городских и сельских жителей сопровождались убийствами, грабежами и насилиями.

Уцелевших карматы брали в плен, обращали в рабство и продавали на своих оживленных рынках наравне с другой добычей" G13.

Естественно, что этот стереотип поведения оттолкнул от карматов широкие слои крестьян, горожан и даже бедуинов, которые были всегда готовы пограбить под любыми знаменами, но считали излишним убивать женщин и детей.

Ну какая тут "классовая борьба"?!

Но, может быть, это все клевета врагов "свободной мысли" на вольнодумцев, осуждавших правителей за произвол, а духовенство - за невежество? Допустим, но почему тогда эти "клеветники" не возражали на критику своих порядков? Негативная сторона еретических учений не оспаривалась, а о позитивной французы и персы, греки и китайцы отзывались единодушно, причем явно без сговора. Но выслушаем и другую сторону знаменитого поэта и идеолога исмаилизма Насир-и-Хосрова.

Мыслитель считал, что "если убивать змей для нас обязательно по согласному мнению людей, то убивать неверных для нас обязательно по приказу Бога всевышнего, и неверный более змея, чем змея.. " G14 Высшая цель его веры - постижение людьми сокровенного знания и

достижение "ангелоподобия". Средство достижения - установление власти Фатимидов, которое он мыслит следующим образом:

Узнавши, что заняли Мекку потомки Фатьмы,
Жар в теле и радость на сердце почувствуем мы.
Прибудут одетые в белое * божьи войска;
Месть Бога над полчищем черных **, надеюсь, близка.
Пусть саблею солнце из рода пророка *** взмахнет,
Чтоб вымер потомков Аббаса безжалостный род,
Чтоб стала земля бело-красною, словно хулла ****,
И истинной вере дожила до Багдада хвала.
Обитель пророка - его золотые слова,
А только наследник имеет на царство права *****.
И если на западе солнце взошло*****, не страшись
Из тьмы подземелий поднять свою голову ввысьG15.

* Цвет Фатимидов.

** Цвет Аббасидов.

*** Мустансир, халиф Египта, Фатимид (1036-1094).

**** Плащи бедуинов - белые с красными полосами.

***** Подразумевается происхождение Мустансира от Али и Фатьмы, сестры Мухаммеда.

На самом деле родоначальником Фатимидов был пасынок Абдуллы ибн Маймуна, еврей, обращенный в исмаилизм.

***** Имеются в виду успехи войск Мустансира.

Стихи недвусмысленны. Это призыв к религиозной войне без какой бы то ни было социальной программы. Следовательно, движение исмаилитов не было классовым, равно как и движения катаров, богомилов и павликиан. Последние три течения отличались от исмаилитства лишь тем, что не достигли политических успехов, после которых их перерождение в феодальные государства было бы неизбежно.

Как мы должны расценивать все сказанное выше с точки зрения географии? Казалось бы, фантазмагория какая-то, при чем тут география? Очень при чем! Мироощущение альбигойцев, манихеев, павликиан - в Византии, исмаилитов и прочих - это система негативной экологии. Не любя мир, манихеи не собирались его хранить, наоборот, они стремились к уничтожению всего живого, всего прекрасного. Вместо любовной привязанности к миру и к людям они культивировали отвращение и ненависть. Подлежала уничтожению вся жизнь и биосфера там, где возобладала бы эта система. Но, к счастью, у манихеев возможности были ограничены: победить до конца, реализовать свою идею целиком они не могли принципиально.

ОГРАНИЧЕННОСТЬ ОТРИЦАНИЯ

В самом деле, если бы манихеи достигли победы, то для удержания ее им пришлось бы отказаться от разрушения плоти и материи, т.е. преступить тот самый принцип, ради которого они стремились к победе. Совершив эту измену самим себе, они должны были бы установить систему взаимоотношений с соседями и с ландшафтами, среди которых они жили, т.е. тот самый феодальный порядок, который был естественным при тогдашнем уровне техники и культуры. Следовательно, они перестали бы быть самими собой, а превратились бы в собственную противоположность. Но это положение было исключено необратимостью эволюции. Став на позицию проклятия жизни и приняв за канон ненависть к миру, нельзя исключить из этого собственное тело.

Поэтому манихеи первым делом уничтожали свои собственные тела и не оставляли потомства, так что этим все и кончилось. Полного уничтожения биосферы в тех местах, где

манихеи побеждали, не происходило. И тем не менее это их отрицательное отношение ко всему живому явилось лозунгом для могучего еретического движения, которое охватило весь Балканский полуостров, большую часть Малой Азии, северную Италию, южную Францию и привело к неисчислимым жертвам.

VII. Пассионарные надломы

МЕХАНИЗМ НАДЛОМА

Акматическая фаза этногенеза недолговечна. Пассионарность, как огонь, и греет, и сжигает. Перегревы в акматической фазе сменяются временными спадами, когда правительствам удается навести кое-какой порядок. Но следующая вспышка пассионарности ломает установившиеся нормы, и регион событий опять становится ареной соперничества страстных и отчаянных персон, умеющих находить себе сторонников среди субпассионариев - бродяг-солдат, кондотьеров, вольных стрелков, ландскнехтов, ценящих свою жизнь меньше, чем волю, добычу, успех.

Хорошо еще, когда удастся "сплавить" таких людей за пределы страны: в Палестину, в Мексику, в Сибирь; тогда пассионарный уровень снижается, народу становится легче, правительство может координировать ресурсы страны и с их помощью одерживать победы над соседями. Внешне этот спад пассионарного напряжения кажется прогрессом, так как успехи затемняют подлинное снижение энергетического уровня. Такое, вполне поверхностное наблюдение находит подтверждение в последующем развитии культуры. При невысокой пассионарности и достаточных способностях люди самопроявляются в областях, не связанных с риском: в искусстве, науке, преподавании и технических изобретениях. В предыдущую фазу они бы с мечами боролись за свои идеалы, а теперь они читают лекции о классиках и ставят эксперименты по теории тяготения, как Ньютон и Галилей. А другие жгут женщин, объявленных ведьмами, как Шпренгер и Инститорис, и ученых, как Кальвин.

Спад пассионарности этнических систем проявляется медленно. В угасающей системе еще долго появляются пассионарные особи, тревожащие соплеменников несбыточными стремлениями. Они всем мешают, и от них избавляются. Постепенно приближается уровень "золотой посредственности" эпохи Августа, крепкой власти Македонской династии и упорядоченности великого кардинала Ришелье. Но процесс этого "умиротворения" долг и мучителен.

Первая половина этой фазы носила в Европе название "Возрождение", хотя по сути была вырождением; вторая - называлась "Реформацией", которая была не только перестройкой устарелых воззрений, но и поводом к жуткому кровопролитию и остановке в развитии наук и искусств на многие десятилетия (Лютер и Кальвин категорически не признавали открытий Коперника, потому что об этом ничего не было сказано в Библии). Но страсть охлаждается кровью мучеников и жертв. На местах пожарищ снова вырастает поросль сначала трав, потом кустов и, наконец, дубов. Эта смена фаз этногенеза столь значительна, что уделить ей особое внимание необходимо хотя бы уже потому, что меняются стереотипы поведения, нормы нравственности и идеалы, т.е. далекие прогнозы, ради которых людям стоит жить. Так, например, в былом "Христианском мире" воцарилась "религия прогресса" и суперэтнос превратился в "цивилизацию".

На примере перехода от фазы подъема к акматике мы уже видели, как чутко реагирует этническая система на изменение уровня пассионарного напряжения. Переход от акматической фазы к надлому не является исключением.

После акматической фазы характер этногенного процесса резко изменяется. Указанное явление отмечено было еще до меня, хотя и не было объяснено, поскольку пассионарность была неизвестна автору этого наблюдения - А. Тойнби. Он отметил, что в развитии, которое он

считал общественным, иногда наступает надлом ("breakdown"), после чего развитие продолжается, но как бы сместившись. Меняется знак вектора, а иногда система разваливается на две-три системы и более, где различия увеличиваются, а унаследованное сходство не исчезает, но отступает на второй план.

В романо-германской Европе фаза надлома пала на XIV век. Началось с малого: французский король Филипп IV в 1307 г. арестовал тамплиеров по вымышленным обвинениям и казнил их в 1314 г. В 1309 г. папский престол был переведен в Авиньон под контроль французской короны. Достоинство церкви и рыцарства было попорчено, а идея папской монархии уступила место политическим расчетам себялюбивых королей. Но это было еще предвестие бури.

Настоящий развал - "Великая схизма" (1370-1415) - церкви на три лагеря, во главе коих стояли три папы, проклинавшие друг друга. Наконец, в 1410 г. на папский престол вззошел Балтазар Косса, бывший пират, алчный, развратный, жестокий человек, без тени совести и искренней веры. Он был низложен Констанцским собором (1415), с которого сбежал в Австрию, и в Италии умер (1421) в сане кардинала (подробности этой детективной биографии опустим). Характерно для эпохи то, что отношение общества к преступнику было гуманным, а к искренним ученым, борцам за веру - беспощадным.

Итак, западную христианскую церковь в XIV-XV вв. разоряли папы и кардиналы, превратившие ее в источник доходов, а защищали ее профессора: Виклиф в Оксфорде, Жерсон в Сорбонне и Ян Гус в Праге. Большинство же населения Европы стало либо индифферентно к религии, либо принимало участие в "черных мессах", кощунственных мистериях оргиастического характера; они предпочитали Сатану - Христу. В чем механизм описанной здесь дивергенции?

Средневековая католическая церковь (как подсистема суперэтнуса) для нормального функционирования требовала много пассионарной энергии со строго определенной доминантой. Излишняя энергия выбрасывалась из Европы в "крестовые походы", что сообщало суперэтносу необходимую стабильность.

Снижение уровня пассионарности привело к замещению ведущих блоков подсистемы либо гармоничными особями (шкурниками), либо субпассионариями, проникшими на высокие должности благодаря nepотизму (родственным связям). Энергии для поддержания системы стало мало, и она начала давать сбои. Продажа индульгенций была выгоднее и легче войны за Гроб Господень, изучения теологии, миссионерства и аскезы. Эгоистическая этика продиктовала новый стереотип поведения, а он, в свою очередь, привел к упрощению системы, причем пассионарии были вытеснены на окраины ее социального ареала.

Упрощение системы всегда ведет к выбросу свободной энергии. Поскольку пути за границу суперэтнуса оказались прегражденными, то несостоявшимся воинам и путешественникам пришлось обратиться к деятельности интеллектуальной, к творчеству, к реформаторству (этот период XVI в. принято называть "Высоким Возрождением"). Но так как радости творчества доступны не всем, а пассионарность - феномен популяционный, то где возникали "слабые места", люди проявляли себя тем, что брались за оружие. Первый пример тому подали славяне. Традиция принесенная Св. Мефодием в Чехию, не умерла; она воскресла в начале XV века.

КАРТА. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА В XVII в.

ПАССИОНАРНЫЙ НАДЛОМ В ЧЕХИИ

В Европе пассионарный надлом начался в Чехии, на самой окраине христианского мира. Почему в Чехии? Чехия была в стороне и никакого активного участия в войне гвельфов и гибеллинов не принимала. Чехи поддерживали пап, но и с императорами не ссорились, стараясь быть подальше от всех этих немецких свар и склок, потому что чехи - все-таки славяне и

немецкие дела им были не так близки, как самим немцам. Поляки были от этого еще дальше, они вообще довольно вяло смотрели, как там немцы режут друг друга. Поэтому у них сохранился первичный заряд пассионарности, он не был еще растрочен, а ее уровень здесь с самого начала был относительно низким. И пока в Германии в эпоху Гогенштауфенов пассионарность была очень сильна, чехи помалкивали, вели мелкие войны с венграми, с австрийцами, и то неудачно: Рудольф Габсбургский разбил Оттокара II Пшемислида - чешского короля, разгромил всю его конницу. Это для чехов большого значения не имело, поскольку этот король был им чужой, убежденный западник, т.е. по образованию, воспитанию, культуре он был настоящий немец, хотя и носил славянское имя^{Н2}. После этого чехи выбрали себе королем люксембургского герцога Карла. Трудно сказать, кто он был - то ли немец, то ли француз. Да он и сам не интересовался этим, потому что Люксембург - маргинальная область, граница между французами и немцами, и там человек мог игнорировать такой вопрос. Карлу предложили престол в Чехии, он согласился и стал добросовестно заботиться о своих чешских подданных, построил им роскошный университет - один из самых лучших в Европе. Отсюда-то все и пошло^{Н3}.

Дело в том, что в средневековых университетах жизнь студентов и профессоров шла по линии внутренней самоорганизации. Они жили одной группой, одной корпорацией, а организовывались по нациям (землячествам). Голосование в ученом совете шло по нациям, студенты носили значки и кокарды тоже по нациям, трапезничали по нациям, дрались тоже, а деление по нациям устанавливалось ученым советом. И в Праге было четыре нации: баварцы, саксонцы, поляки и чехи, т.е. две нации чисто немецкие - верхненемецкая и нижненемецкая, а под поляками понимались немцы Ливонского ордена, а отнюдь не поляки, потому что польская шляхта в это время травила зайцев, пила пиво и мед и в университете обучаться не очень-то стремилась. Таким образом, три нации были немецкие, а одна чешская, т.е. чешская оказывалась в меньшинстве.

Карл очень беспокоился о своих чехах, он стремился создать им условия, чтобы они могли в своем собственном университете чувствовать себя спокойно, поэтому ректором все-таки был чех. И даже когда король умер и сменил его Венцеслав - пьяница (мало занимавшийся управлением королевства), то и тогда эта политика продолжалась^{Н4}, и ректором оказался профессор богословия чех Ян Гус, который очень хорошо преподавал на чешском языке, переводил латинские тексты на чешский язык. Он говорил: "Мы же чехи, мы в своей стране, при чем тут немцы?"^{Н5} А половина населения Праги были немцы. В Кутенберге (Кутнагора) богатый рудник, близко от Праги, - там были рудокопы-немцы, и в больших городах Богемского королевства сидели немцы. Чехи в основном представляли мелкое дворянство и крестьян, а бюргеры и крупное дворянство делились на чешское онемеченное и просто немецкое. И вот с университета началась "свалка" между чехами и немцами. Сюда добавился еще один момент: Гус, человек очень набожный и искренний, решил, что пора наконец исправить безобразия, которые творятся в церкви. Например, если священник католической церкви совершил уголовное преступление, то его надо судить на общих основаниях, а не освобождать от наказания под видом духовного суда, всегда пристрастного; осудил Гус и индульгенции, ибо, считал он, грехи за деньги не отпускаются; осудил он целый ряд таких злоупотреблений. Кончилось это дело трагически, когда был созван собор в Констанце. Созван он был для того, чтобы отрешить папу Иоанна XXIII. Туда же вызвали и Гуса, чтобы судить их обоих одновременно, первого - за уголовные преступления и за жульничество, а второго - за ересь. Результат был такой: Иоанн, увидев, что благополучный исход невозможен, убежал из Констанцы с деньгами и остаток жизни провел в Италии в полном благоденствии и благодущии, а Гуса, которому перед собором дали Охранную грамоту, большинством в один голос собор

присудил к казни, и этим одним голосом был голос императора Священной римской империи венгерского короля Сигизмунда, брата Венцеслава Чешского (1415)Н6.

Через четыре года (в 1419 г.) в Чехии вспыхнуло восстание. Поднялись студенты и потребовали, чтобы все три немецкие нации вместе имели равное число голосов с чехами, поскольку университет чешский. При этом чешские студенты отлупили немецких. Драки были и вне стен университета. Сторонники немцев и императора Сигизмунда шли по улице, на них напали, забили до смерти. Толпа чехов ворвалась в ратушу и всех католических депутатов, немецких чиновников, выкинула из окна - это верная смерть, там высоко. После этого жители Праги заявили немцам: "Мы вас не знаем, папу не признаем, папа антихрист, а вера у нас истинно Христова. И обряды истинные мы знаем: вон там, у русских и у греков, совершенно правильно из чаши причащают и мирян и священников, а вы мирянам облатку даете, а из чаши только священники пьют. Так нехорошо". Немцы, император и папа заявили, конечно, что все это ересь, и чехов надо наказать"Н7"А, - сказали чехи, - наказать?!" И пошло... С 1419 по 1438 г. шла война, состоявшая из бесконечных набегов.

Одна Чехия воевала против всей немецкой империи и даже сталкивалась с Польшей, хотя поляки старались соблюдать нейтралитет. На знамени у чехов была чаша, из которой они хотели получать причастие - хлеб и вино, а на знамени католиков был крест латинский - то и другое атрибуты христианской религии. Собственно говоря, в той же соседней Польше были православные, которые пользовались чашей при причастии, и католики-поляки, которые имели свой латинский крест, такой длинный, вытянутый, но при этом и те и другие великолепно жили в мире, так что, очевидно, не религиозные лозунги были причиной этой невероятно жестокой войны, которая унесла свыше половины населения Чехии и, соответственно, немножко меньше в окрестных немецких странах. Важно то, что чехи отбили все крестовые походы, которые были направлены против Праги, они сами вторгались в Баварию, в Бранденбург, в Саксонию, доходили до Балтийского моря, используя новую тактику - езду на телегах; эту тактику они, очевидно, через венгерских половцев заимствовали от монголов. Способ защиты с телег, способ строительства лагеря из телег чисто кочевнический. Ян Жижка сражался в польском войске, так что он великолепно знал восточные обычаи, он ввел эту новую тактику, против которой рыцарская тяжелая конница была бессильна.

Кончилось тем, что маленькая Чехия, не поддержанная ни Моравией, которая осталась католической, ни Венгрией, ни Польшей, которая избрала католицизм, удержалась против всей Германии, т.е. против почти всей объединенной Европы. Не принимали участия в крестовых походах на гуситов только французы и англичане; французы в это время предавали свою спасительницу Жанну д'Арк, а англичане ее жгли, поэтому им было некогда. Но одна маленькая Чехия удержалась против всех, значит пассионарный уровень у чехов оказался в это время гораздо выше, чем у немцев. Однако чехи немедленно разделились, как все сильные пассионарии, и перебили друг друга. В 1420 г. чехов было 3 миллиона. После битвы при Белой Горе (1420) их осталось всего 800 тысячН8. Почему? Гуситы разделились на три партии: крайние табориты, которые вообще не хотели признавать ни церковь, ни священство; "сироты", или сторонники полководца Яна Жижки (после его смерти они называли себя "сиротами"), которые признавали церковь, но категорически отрицали всякое духовенство и компромиссы с немцами; утраквисты (чашники), которые боролись за то православие, какое было на востоке - в Византии, в России. Утраквисты готовы были на любой компромисс, лишь бы найти какой-то способ существования без немцев. Это было население Праги. А были там и другие партии помельче, например адамиты, которые бегали голыми, как Адам, грабили путников и не признавали вообще ничего. Их перехватывал и всех сжег или перевешивал сам Ян Жижка - вождь гуситов. Грабили все постоянно и за счет этого питались. В 1434 г. три партии схватились

между собой. Произошел бой при Липанах, в результате которого чашники одержали победу над крайними и перебили их. Так было снижено пассионарное напряжение в Чехии и прекращены зверства, которые происходили в этой несчастной маленькой стране. Испытываешь потрясение, когда читаешь, например, о том, как немецкие рудокопы Кутенберга чешских гуситов кидали в шахты и смотрели, как они там с переломанными ногами и руками умирают. А когда их Жижка захватил и они стояли на коленях и просили пощады, то пощады им не давали. Жижка не любил щадить немцев.

Вот эта ничем не обоснованная жестокость, дошедшая до взаимоистребления, и является в этническом плане очень показательной.

Вспомним битву при Фонтенуа в 841 г. (мы уже говорили о ней, разбираясь с фазой подъема). Там немцы и французы после боя носили раненым врагам воду, мотивируя это тем, что они свои люди, хотя и принадлежат к разным партиям. Именно такой характер поведения свидетельствует о наличии суперэтнической целостности. Не зря мы говорили, что 841 г. - год рождения "Христианского мира", поскольку до того ничего подобного при войнах в Европе не было. Дело в том, что внутри любого суперэтноса, конечно, идут войны, проливается кровь, творятся жестокости, но, обусловленные самой войной, они никогда не превращаются во взаимоистребление - люди помнят, что воюют хоть и не с соседями по улице, но и не с совсем чужими, не с "дикарями".

Все так, но ведь немцы и чехи в XV в. тоже принадлежали к тому же самому "Христианскому миру"! В чем же причина этих перемен в поведении? Конечно, можно сказать, что суперэтнос-то один, но чехи - славяне, а немцы германцы. Ну, хорошо. А что же поляки - не славяне?

Немцы и чехи в XV в. почему-то утратили чувство суперэтнического единства, стали ощущать себя такими же чуждыми, как немцы и русские, и относиться начали друг к другу соответственно, тем более во время войны, что сразу стало заметно.

И действительно, гуситские войны были первой вспышкой, которая показала, что в суперэтносе начинается новый процесс - дивергенция. Недаром Гус сказал: "Я-то гусь (гус - это и есть гусь), а за мной придет лебедь". И этот лебедь пришел через сто лет. Звали его Мартин Лютер, и проповедовал он тоже только некоторые улучшения норм религии, точнее - культа.

ПАССИОНАРНЫЙ НАДЛОМ В ГЕРМАНИИ

В 1517 г. Мартин Лютер прибил к дверям церкви в Виттенберге свои девяносто пять тезисов, по которым он считал себя несогласным с католической церковью.

Если бы в наше время, в XX веке, кто-нибудь прибил бы тезис к дверям где-нибудь в Лондоне: "Я не согласен с английской конституцией и постановлением парламента" - ему сказали бы: "Ну, и иди домой". И этим все кончилось бы. Но это было средневековье - "страшная" эпоха. Все заинтересовались: "Как так, этот монах не согласен с тем, во что мы, весь христианский мир, веруем? Давайте разберем, какие у него доводы, устроим диспут, он имеет право выслушать возражения". И устроили. И кто председательствовал на этом диспуте? Император Карл V Габсбург, во владениях которого "не заходило солнце": он был императором Германии, правителем Нидерландов - это был его наследственный домен, еще было у него Испанское королевство, испанские владения в Америке, Филиппины, Неаполитанское королевство, Милан в Ломбардии. И он был председателем на этом диспуте, рядом с ним сидел папский легат - богослов, который должен был спорить с наглым монахом. По правую сторону от представителей духовной и светской власти находились магнаты германской империи и послы из соседних католических государств, по левую сторону - духовные лица. Привели Лютера и говорят: "Спорь! Отстаивай свои тезисы". Он смешался. Карл посмотрел на него и сказал: "Я думал, это человек... а он дрянь. Ну, ладно, завтра приведите его к отречению и

отпустите, чего с ним разговаривать". А Лютер за ночь-то передумал все, и когда его на следующий день привели отречься, он сказал: "Я здесь стою и не могу иначе". И пошел крыть доводами, очень вескими. Половину собрания переубедил.

Лютера решили арестовать - такое в те времена случалось. Герцог Саксонский успел его спасти, дал ему всадников, конвой, увез в один из своих замков и там спрятал. Идеи Лютера пошли по всей Европе, а сам он сидел тихонько и переводил Библию, чтобы занять свободное время, которого у него теперь было много. Отсюда пошел раскол суперэтнического поля от "Вормского эдикта" 1521 г.^{Н9} Следовательно, дело, очевидно, не в том, что Лютер говорил. Подавляющая часть европейцев была безграмотна, а у тех, кто был грамотен, тоже было не очень много времени, чтобы читать и изучать все эти принципы, взвешивать аргументы, сравнивать, что правильнее: следовать Преданию или Писанию. Для этого Писание надо было хорошо знать, а оно толстенное, да еще на латинском языке, трудно читать. Как надо понимать пресуществление во время мессы? Или предопределение? Какое учение о спасении правильнее?... Господи, да некогда! Но тем не менее вся Европа разделилась на протестантов и католиков, потому что каждый, толком не зная за что он, точно знал, против кого он. А кроме того, все без исключения - от северной Норвегии до южной Испании - все были не довольны и неудовлетворенны той системой католической средневековой мысли, которая была прилажена для эпохи подъема (т.е. хорошо работала при акматической фазе!).

РЕФОРМАЦИЯ - ИНДИКАТОР НАДЛОМА

Явно выступил на поверхность новый поведенческий императив - реактивный императив фазы надлома. Формулируется он просто: "Мы устали от великих! Дайте пожить!" И теперь им нужно было что-то другое, потому что старая система не отвечала ни накопленному уровню знаний, ни растраченному уровню доблести и мужества, ни сложившимся экономическим отношениям, ни бытовым заимствованиям и нравам, вообще ничему.

Реформы в сущности были необходимы для обеих сторон, и обо всем можно было мирно договориться. Но весь фокус в том, что договариваться никто не хотел. По существу равными реформаторами были не только несчастный Гус и счастливый его последователь Лютер, не только страшный Кальвин, обративший в свою веру Женеву и половину южной Франции, не только мечтатель Цвингли, не только убийца и предатель Иоанн Лейденский, который, провозгласив "царство Сиона", залил кровью поверивший ему город Мюнстер, но и такие католические деятели, как Савонарола - истинно верующий доминиканский монах, который заявил: "Хватит рисовать проституток в церквах под видом святых; художники шалят, а нам какво молиться?" Кончил Савонарола свои дни на костре, унеся в небытие большое количество произведений подлинного искусства из-за того, что решил бороться против неуместной в храмах порнографии. Таким же реформатором был и испанский офицер, раненный в ногу, Игнатий Лойола, который решил, что бороться с Реформацией надо теми же средствами, которыми Реформация борется с католической церковью, т.е. воспитывать жертвенных людей и учить их католицизму. Учить! Доминиканский орден - ученый орден. Доминиканцы учились сами, они сидели и зубрили латынь, Августина, Писание - сложные вещи; карты им были запрещены, все развлечения запрещены; так они, бедные, придумали костяшки - домино, это им никто не удосужился запретить, и играли в свободное время.

Францисканцы - это был нищий орден, они ничему не учились, подпоясывали свою верблюжьей рясу веревкой, ходили и проповедовали массам учение католической церкви - как в голову придет. Но проповедь ни тех, ни других не могла соперничать с обыкновенным светским школьным обучением, поэтому основатель ордена иезуитов Игнатий Лойола поставил задачу: надо учить детей католичеству, тогда они не будут падки на протестантизм, не будут протестовать. Сначала он никого не мог увлечь, его выслушивали, но отходили и занимались

своими делами. За два десятка лет у него появилось шесть искренних и верных сторонников. Только шесть человек согласились войти в основанный им орден, и он умер, оставив орден из шести братьев. Но уже его преемник, португалец Франциск Ксавье сумел дело своего учителя развернуть широко, так что в орден вошло много монахов, которые посвятили себя школьному образованию. Они стали учить детей, и по существу в ряде стран, в частности в Испании, отчасти во Франции и в Италии, им удалось остановить развитие протестантизма. Конечно, Лойола был человек незаурядный, хотя и пустил реформаторское движение не по принципу ломки, а по принципу сохранения, реставрации - это тоже переделка. Но почему именно Испания отдалась ему почти беспрепятственно? Разберемся.

Надо сказать, что Европе в этот страшный период пассионарного перегрева повезло относительно других суперэтнических целостностей. Во-первых, она находилась на окраине континента, окруженная морями со всех сторон. Она не испытала вторжений. К тому же очень полезным человеком в это время оказался Христофор Колумб. Он вовремя открыл Америку. Конечно, если бы не сделал этого он, то сделал бы это Кабот или еще кто-нибудь. Факт в том, что Америка, про которую уже знали, что она существует, и даже индейцев привозили, чтобы показать, что там жители есть, до XVI в. никого не интересовала. А тут те испанские идальго, т.е. нищие дворяне, которые обеспечили королям Кастилии и Португалии победу над мусульманами, но у которых были только плащ, шпага и, в лучшем случае, конь, оказались без дела. Вот все они и отправились в Америку и там нашли себе применение.

А в Испании оставались люди спокойные, тихие, которым меньше всего хотелось спорить с начальством, и поэтому они приняли то новое исповедание, которое под видом восстановления старого предложила католическая церковь.

Более подробно останавливаться на сюжетах, связанных с Германией и Испанией, не буду. Скажу лишь, что кончился спор, начатый Лютером, Вестфальским миром 1648 г., когда Германия за тридцать лет непрерывной войны потеряла 75% своего населения (перед началом войны в Германии было 16 миллионов человек, после конца войны - 4 миллиона¹⁰). Ну сами понимаете, что здесь люди погибли не столько в боях. В боях вооруженные люди себя берегут. Они сами на рожон не лезут и к себе близко противника не пускают; в любой войне так. Погибло несчастное мирное население, которое грабили всеми способами солдаты всех армий, потому что в то время война кормила войну. Таковы были события этой жуткой эпохи. Каждая страна Европы по-своему участвовала в них.

ПАССИОНАРНЫЙ НАДЛОМ В АНГЛИИ

Несколько позже, чем в остальных странах, начался пассионарный надлом в Англии. Объяснить такое запаздывание просто: Британские острова лежали за пределами полосы, по которой прошел "толчок" IX в. Англия получила, так сказать, пассионарность импортную: сначала на остров пришли норвежские и датские викинги, которые захватили англосаксонские королевства; долгое время держали их в своей власти, ну и, конечно, рассеяли свой генофонд по популяции. Потом Англию захватили норманны из Нормандии - это офранцузенные норвежцы. Эти повторили ту же "операцию". И, наконец, когда норманнская династия кончилась, в XII в. из Пуатье был приглашен родственник покойной королевы Матильды - Анри Плантагенет (мы его упоминали). Этот француз привез с собой массу своих галантных земляков, поскольку больше любил Францию и свои французские владения, чем Англию, которую унаследовал. Но кто же отказывается, когда дают корону! Тогда, естественно, произошло новое внедрение пассионарности в массу английского населения. В результате Англия оказалась страной с уровнем пассионарности не меньшим, чем ее соседи северная Германия или

Франция, но произошло это позже, нежели во Франции и Германии - уже в конце XVI - начале XVII в. Поэтому Англия, где прошла и страшная Столетняя война, унесшая массу жизней,

и Тридцатилетняя война Алой и Белой розы, через сто лет оправилась, и появилось здесь опять огромное количество пассионариев.

Пассионарность, которая в Англии была сначала достоянием феодалов и приносилось в страну то норманнскими рыцарями, то анжуйскими баронами, то викингами, совершенно естественно в результате случайных связей перешла в среду именов, свободных крестьян (несвободных в XV в. уже не было; они вывелись), в среду членов кланов в Шотландии, в среду горожан. В XVI в. Англия также набухла пассионарностью, как и за сто лет перед этим. Тогда появились при королеве Елизавете английские корсары. Этот пассионарный момент в значительной степени определяет политику самой Англии как державы на фоне европейских политических сил.

Самой сильной страной в XVI в. была Испания, овладевшая колоссальными территориями в Америке и посылавшая ежегодно караваны с золотом на галионах через Атлантический океан, так что испанские короли были самыми богатыми людьми - в смысле золота. У англичан золота не было, и достать им его было негде: те золотоносные места, которыми завладели испанцы, были уже заняты, а те, где можно было поселиться англичанам, были бесперспективны в смысле быстрого обогащения. Следовательно, самое выгодное и самое простое было грабить испанцев.

И англичане занялись этим с энтузиазмом и не без успеха. Такие корсары, как Вальтер Ралей, Фрэнсис Дрейк, Фробишер, Гоукинс, опустошали испанские прибрежные города, уничтожая местное население, и захватывали караваны с золотом. Причем им удалось даже объехать вокруг мыса Горн и пройти в Тихий океан, где уж испанцы никак не ожидали нападения, и ограбить там испанские города.

А это в свою очередь повлияло на общественное мнение Англии, потому что эти счастливчики, возвращавшиеся с большим количеством золота, приобретали друзей и подруг, а через таковых они уже обращали настроение английского общества (в данном случае уже не столько этноса, сколько общества) против Испании, потому что испанцев было выгодно грабить.

Конечно, для этого нужно было иметь и какую-то идейную основу. Основа нашлась: испанцы - католики, следовательно, англичанам стоит перейти в протестантизм. И протестантизм в Англии восторжествовал, хотя перед этим королева Мария, прозванная Кровавой, сестра Елизаветы, была ревностной сторонницей Испании. Марию не поддержали, и католики оказались в изоляции. И наоборот, Елизавету, которая казнила не меньшее количество людей, чем ее сестрица, поддержали, называли "Королевой-девственницей". А эта девственница принимала участие в пиратских предприятиях, вносила свой вклад и получала свои доходы. Так начала богатеть Англия.

Но и из Англии эти походы уносили большое количество людей, а так как пиратством занимались люди, близкие к королевскому двору, и они быстро гибли, то, естественно, партия, поддерживающая короля, слабела. Напротив, парламентская партия усиливалась. И парламент стремился ограничить власть короля, что в средние века, когда короли воевали во Франции и нуждались в деньгах, удавалось довольно эффективно.

По английской конституции парламент определяет сумму налогов. Без парламента ни с одного англичанина нельзя собрать ни одного фартинга. И парламент стал отказывать королю в дотациях. По этому поводу возник конфликт, король произвел революцию против парламента, т.е. выступил против конституции, против Основного Закона своей страны.

Карл I захотел быть таким же самодержавным государем, как европейские государи. И кто его поддержал? Свободные зажиточные крестьяне - иомены, бедные рыцари и некоторое количество английских католиков. Кто выступил против него? Богатеи из Сити, огромное количество бедного населения, которое нанималось служить за деньги, и протестанты, вплоть до крайних сектантов.

Судьба английской революции всем известна - король проиграл, был разбит, бежал в Шотландию, откуда он был родом. Шотландцы продали его за деньги, потому что шотландцы очень скупой народ, любят деньги, и королю отрубили голову в 1649 г.

Но победа была одержана не массами народа и не капиталами богачей из Сити; решающую роль сыграл энтузиазм небольшой кучки фанатиков-сектантов, индипендентов, отрицавших всякую церковь - и католическую, и протестантскую. Эту группу возглавил небогатый помещик Оливер Кромвель.

Очень любопытна оценка положения, данная Кромвелем. Он говорил, что парламентские войска не в состоянии разбить короля, потому что за него сражаются рыцари, которые пошли на войну ради чести, а за парламент сражается всякая дрянь, которую нанимают за деньги. Те, кто идет в бой ради чести, победят тех, кто нанялся ради денег, потому что наемники хотят заработать и остаться живыми. Это их цель, а вовсе не победа. И действительно - с такими не победишь. И поэтому Кромвель отобрал в свой отряд искренних фанатиков-протестантов, индипендентов, которые так ненавидели все церковные установления, что не жалели ради их низвержения свои жизни.

Эти люди назывались железнобокими или круглоголовыми, потому что они стриглись в кружок, а сторонники короля носили длинные волосы. И они разбивали рыцарей и роялистов, одерживали победы в решающих сражениях, например при Нэби. Они не сдавались, не уступали, никого не жалели, лозунг у них был простой - "Верь в Бога и держи порох сухим!" Когда же победа была одержана, то именно Кромвель, вопреки желаниям большинства парламента, настоял на том, чтобы королю отрубили голову за государственную измену. И после этого Кромвеля объявили лордом-протектором Английской республики (когда в Англии была объявлена республика), т.е. фактически диктатором с полномочиями, которых не имел даже тот король-деспот, которого он низверг, потому что у Кромвеля оказалась реальная сила - его железнобокие.

Казалось бы, после войны надо бы армию распустить - пусть идут домой и занимаются своим делом, но эти железнобокие категорически отказались расходиться по двум причинам (и обе причины были крайне весомы). "Во-первых, - говорили они, - как только мы разойдемся, нас крестьяне передавят поодиночке и не пощадят ни одного". Действительно, натворили они в Англии столько, что этот прогноз был похож на правду. Во-вторых, он задавали резонный вопрос: "Что же мы будем делать? Мы умеем молиться и убивать, а больше ничего..." И поэтому Кромвель их сохранил и благодаря этому спокойно царствовал (я должен бы сказать "правил", но он действительно царствовал).

Но эта кучка фанатиков-пассионариев была все-таки очень чужда слоям английского этноса, всем его группировкам. Когда Кромвель умер, власть унаследовал его сын Ричард - человек очень веселый, добродушный пьяница, который терпеть не мог фанатиков своего папаша и дружил с уцелевшими роялистами; они шатались по Лондону, сочиняли стихи, пили вино и вообще развлекались так, как умеет развлекаться золотая молодежь. Ричард некоторое время занимал пост лорда-протектора, но потом ушел с поста сам (с нашей точки зрения, весьма похвальный поступок и поведение человека отнюдь не пассионарного).

Власть перехватил генерал Ламберт - сторонник железнобоких и их вождь, которого низверг генерал Монк, командовавший корпусом в Шотландии. Монк хотел удержаться и применил для этого самый простой способ: он пригласил вернуться наследника престола Карла II Стюарта. Король вернулся, народ усыпал его дорогу цветами, все сказали: "Слава Богу, кончилось".

Но куда же девалась английская пассионарность? Если она оставалась, то она должна была продолжать сотрясать страну; если она исчезала, то почему, собственно говоря? Ведь она не

исчезла во время Столетней войны, она не исчезла во время войны Алой и Белой розы. Очевидно, не могла она исчезнуть и во время революционных войн, хотя потери здесь были с обеих сторон страшные, но ведь они, как мы знаем, восполняются, хотя и не целиком.

И вот тут сыграла решающую роль колонизация. Новый порядок Стюартов, а после того, как их выгнали, и Ганноверской династии, был направлен на установление в Англии такого строя жизни, при котором люди слишком мятежные, со слишком ярко выраженной индивидуальностью становились совершенно чужими. Поэтому им было предложено уезжать, куда они хотят, а Америка была рядом.

В начале XVII в., еще до революции, туда на корабле "Мэйфлауэр" переправилась группа гонимых в Англии пуритан и основала колонию Новая Англия. После этого все неудачники стали переезжать в Америку и основывать там колонии. Католики основали там Мэрилэнд, названную в честь Марии Кровавой; сторонники Елизаветы основали Виргинию (virgo - значит девственница, девственная королева); сторонники Стюартов - Каролину; сторонники Ганноверской династии основали Джорджию (короля звали Георг); баптисты - Массачусетс; квакеры - Пенсильванию; все группы населения, которые оказывались гонимыми в Англии, уезжали туда. И казалось, что если в Англии они воевали и боролись друг с другом ради лозунгов, то они должны были продолжать борьбу и в Америке. Ничего подобного - как рукой сняло. Они начали воевать с индейцами, французами и испанцами, но никак не между собой. Уже во втором поколении они перестали интересоваться, кто квакер, кто католик, кто роялист, кто республиканец - это потеряло всякое значение. А вот война с индейцами весьма интересовала их всех. И ярче всех себя проявили здесь тихие баптисты-массачусетцы, которые предложили плату за отстрел индейцев. За принесенный скальп, как за волчий хвост, они платили премию. Правда, кончилось это дело для них плохо, потому что, когда колонии начали отделяться от Англии, англичане мобилизовали индейцев, и индейцы почти всех массачусетских баптистов с удовольствием перестреляли. Но тем не менее практика премий за скальп была введена и употреблялась вплоть до XIX века.

Таким образом, произошел колоссальный отлив в Америку пассионарной части английского этноса. Эти люди назывались тогда по-английски "диссиденты", что значит "еретики". Их выселяли в Америку, и они там организовали те 13 колоний, из которых потом создались Соединенные Штаты Америки.

Чтобы покончить с американской проблемой, скажу, что колонисты вовсе не хотели отделяться от Англии, которая их выгнала, которая их преследовала, привязывая их учителей к позорному столбу, и где их забрасывало грязью простонародье; где их сажали или на галеры, или в тюрьмы, или отправляли на каторгу. Тем не менее они совершенно не хотели независимости. Они только требовали себе равных прав с англичанами, т.е. представительства в парламенте, и соглашались платить все те налоги, которые платят англичане. А отчего было не платить - денег у них было много. Коллизию легко представить себе через такой диалог.

Англичане из-за своего традиционализма сказали: "Нет, у нас есть определенное количество графств, которые присылают определенное количество депутатов в парламент, и менять это незачем. Раз вы уехали, так там и живите".

"Да, - говорят колонисты, - но, согласно вашим же английским законам, платить англичанин может только те налоги, за которые проголосовал его представитель, а у нас нет представителя; значит, вы с нас не можете брать никаких налогов".

Англичане говорят: "Да! Но мы же вас защищаем от французов, от испанцев, от индейцев".

Колонисты отвечают: "Ну и что! Вы обязаны нас защищать, мы ваша страна, а платить мы можем только то, за что проголосуют наши депутаты. Дайте место в парламенте!"

Англичане думали, думали и сказали: "Ладно, не платите, черт с вами, мы только введем

маленький налог на содержание флота - один пенс пошлины на фунт чая".

И чай, который должен был стоить два пенса за фунт, стал стоить три. Эта фраза "Чай стоит 3 пенса за фунт" и стала паролем для повстанцев в день знаменитого "Бостонского чаепития". То, что чай стал стоить три пенса за фунт, значило: "Бей англичан!" Вот таким образом, ради сохранения своего этнического стереотипа поведения, американские колонисты пошли на политическое отделение, и англичане вынуждены были примириться с потерей богатейшей колонии только потому, что не могли переступить через свои обычаи, свои привычки, свои традиции. Ибо ни один член этноса не представляет себе, как можно поступить иначе, чем так, как он привык с самого детства.

КАРТА. ВОЙНА СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКИХ КОЛОНИЙ АНГЛИИ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ПАССИОНАРНЫЙ НАДЛОМ В ИТАЛИИ

Кроме Англии, была в Европе и еще одна страна, тоже получившая инъекцию пассионарности. Это Италия, страна, прекрасная по климату, по ландшафтам, по дарам природы и совершенно беззащитная. Поэтому ее захватывали то византийские греки - люди весьма пассионарные, то арабы и берберы, тоже люди достаточно энергичные. Южную часть Италии они долго держали в руках. Затем туда вторглись вслед за ослабевшими лангобардами германские императоры Оттон I, Оттон II, Оттон III, Оттон IV; затем последующие короли Франконской династии, захотевшие стать императорами: Генрих II, Конрад, Генрих III, Генрих IV, Генрих V; потом швабские короли: Фридрих Барбаросса, его сын Генрих VI, затем Фридрих II, Манфред, Конрадин. В общем, все это были горячие пассионарные немцы из мест, которые были затронуты пассионарным толчком; их дружины в прекрасной Италии рассеивали свой генофонд по популяции.

Не теряли времени и отчаянные французы, которые всеми силами старались вытеснить немцев. Из Нормандии явились нормандцы, в которых сочеталась норвежская пассионарность с французской. Они захватили в XI в. сначала Сицилию, выгнав оттуда мусульман, потом южную Италию, выгнав оттуда греков, создали "Норманнское", точнее, Нормандское королевство в Сицилии и Неаполе оно называлось тогда просто королевство Сицилианское и Неаполитанское. Их выгнали в свою очередь немцы, немцев - снова французы: Карл Анжуйский разбил Манфреда в 1266 г. и Конрадина - в 1268 г., захватил эту территорию, и французы там держались, пока их не изгнали оттуда испанцы в 1282 г. во время так называемых "Сицилийских вечерен".

Дело было так: один француз под видом обыска на предмет оружия полез под платье сицилийской женщине, она завизжала, сицилийцы француза убили они ревнивые люди, и после этого закричали: "Бей французов!" и убили всех французов, а потом дико перепугались: "Что нам за это будет?", и пригласили арагонского короля, который явился с флотом и отстоял Сицилию от репрессий французов. Но арагонцы тоже не зевали насчет женщин. Короче говоря, в Италии оказался мощный импортный пассионарный генофонд.

Проявился он в XI, XII и XIII вв., т.е. в эпоху самого "мрачного" средневековья. В это время итальянцы продемонстрировали совершенно головокружительные наклонности. Жители небольших городов, по тем временам очень маленьких и слабых - Венеции, Генуи, Пизы, Ливорно, Флоренции бросились вдруг в отчаянные финансовые операции, занялись торговлей на Средиземном море, обслуживанием королей Европы, благодаря чему у них развились и юриспруденция, и наука о дипломатии. В результате эти города быстро превратились в исключительно богатые центры с большим скоплением всякого рода имуществ и людей.

Пассионарные итальянцы уезжали в далекие страны (как Марко Поло в Китай). Многие из них попадали во Францию, в Англию, Швецию, становились там министрами, советниками королей. Опытные проходимцы были эти пассионарии! Возвращаясь, они обогащали свои родные города. Недаром Данте писал в одной из песен "Ада": "Гордись, Фьоренца, долей

величавой. Ты над Землей и морем бьешь крылом. И самый ад твоей наполнен славой"Н11. И дальше он описывал тех жуликов, и негодяев, которых Флоренция выдала миру и которые обогатили ее за счет своей деятельности.

В XIV-XV вв. размах их деятельности начал сходиться на нет. В Италии ясно обозначился пассионарный спад. Богатые синьоры сидели в своих палаццо, следили за поведением своих жен и дочерей, выдавали их замуж и вели себя довольно пассивно по отношению к соседним городам. Активность, которая уничтожала и сжигала Италию во время войн гвельфов и гибеллинов, сменилась мелкими интригами, война стала делом рук кондотьеров - наемных солдат, которые продавали свою шпагу и очень берегли свою жизнь. Они чаще всего сражались так, чтобы сохранить свою жизнь даже ценой отсутствия победы, потому что им платили не за победу, а за то время, которое они проводили на военной службе. Этим они очень напоминали английских люмпенов, служивших парламенту в XVII в. Была в это время битва в Италии, в которой не погиб ни один человек, только один был захвачен в плен противоположной стороной, потому что пьяным упал с лошади. Его подобрали. И это было в ту самую эпоху, когда Францию сжигала Столетняя война, когда Испания выживала последние остатки мусульман, а в Германии господствовало "кулачное право", т.е. там пассионарность кипела.

В Италии пассионарность стала остывать, и, остывая, оставляла великолепные кристаллы, которые мы называем искусством Раннего Возрождения, или гуманизмом. Но сколько было гуманистов? Знаменитый историк Огюст Минье подсчитал, что за сто лет Кватроченто, т.е. на протяжении XV в., в Италии было пятнадцать гуманистов и примерно столько же хороших художников, а население страны было свыше 10 миллионов, т.е. эти гуманисты никак не отражали этнических процессов в Италии: они являлись их "отходами".

В XVI в. положение несколько изменилось: гуманистов стало совсем мало, и они занялись главным образом подготовкой к изданию (тогда уже появилось книгопечатание) тех рукописей, которые им удалось собрать в Византии, разгромленной турками. Выучив греческий язык, они перевели эти рукописи на латынь и стали их печатать в таких роскошных изданиях, с таким хорошим филологическим анализом и на таком уровне, который недоступен в наше время ни одному издательству мира; это были издательства альдов и Эльзевиров. Альды издавали большие тома, главным образом Св. Отцов - христианское чтение. Эльзевиры издавали маленькие изящные книжки для общего чтения.

Художников стало меньше, хотя они стали лучше. К этому времени относятся такие имена, как Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэль, Бенвенуто Челлини.

Невероятно пассионарным деятелем был Бенвенуто Челлини - талантливый писатель, великолепный деятель, отчаянный драчун; его постоянно хватали за какие-то убийства, совершенные ночью на улице. Но когда пришли немецкие войска грабить Рим, а руководил ими коннетабль Бурбон, ренегат, перешедший от французского короля к немецкому императору, то Бенвенуто Челлини принял участие в защите Рима. Он сам лично навел ту пушку, которая убила коннетабля Бурбона, чем он впоследствии очень гордился. Когда он позднее был во Франции, повсюду говорил об этом с огромным удовольствием, потому что во Франции убийство ренегата, изменника ценилось высоко. Но таких людей, как Челлини, становилось все меньше и меньше, французские войска вторгались в Италию и занимали итальянские города почти без сопротивления. Французы, с 1494 по 1559 г., не раз захватывали Флоренцию и всю Италию вплоть до Неаполя, встречали сопротивление не среди итальянцев, а среди испанцев или немцев, которые выбивали их оттуда и, в свою очередь, захватывали эти земли.

А теперь перейдем к обобщениям и попытаемся показать суть происшедшего более широко. Каков был итог Реформации и Контрреформации? Весь конфликт, как известно, закончился компромиссом, а не победой той или другой страны.

ПАССИОНАРНЫЙ НАДЛОМ ВО ФРАНЦИИ

Самый показательный пример - Франция, где посадили на престол Генриха IV Французского - очень энергичного, веселого, пассионарного человека, и в то же практичного. Генрих знал, что гугеноты, партия, к которой он принадлежал, не могут обеспечить ему торжества во Франции, потому что большая часть Франции была католическая. С крайними католиками, членами Лиги, поддерживающими Гизов, он, конечно, договориться не мог - те не шли ни на какие компромиссы, но подавляющее большинство населения, заявило: "Мы, конечно, католики, но мы политики, политика для нас важнее, и если король изменит свою религию, то мы его поддержим". Он ответил: "Париж стоит мессы", - и стал католиком. Все вдруг стало тихо и спокойно. Генриха поддержало подавляющее большинство Франции.

На этом кончилась трагедия, но за счет какой энергии она была? Ведь после невероятной резни в XVI в. вдруг оказалось, что гугеноты и католики могут очень мирно уживаться друг с другом, и до сих пор есть во Франции протестанты, но никто даже не интересуется тем, кто протестант, кто католик.

Кстати, католическая вера не помешала Франции в Тридцатилетней войне сражаться на стороне протестантской Швеции против Габсбургов: испанцев и австрийцев. Как мы видим, те лозунги, которые были начертаны на знаменах, довольно слабо отражали суть дела; они являлись скорее индикаторами, которые определяли то или иное направление этногенетических процессов.

РОЛЬ ИСПОВЕДАНИЙ В ФАЗЕ НАДЛОМА

На истфаке нас учили просто, что католики были феодалы, а гугеноты буржуа, и что буржуазия боролась с феодалами. Но когда я стал готовиться к государственному экзамену и прочитал литературу по этому вопросу, я, еще будучи студентом, вдруг увидел: ничего себе буржуа - эти самые гугеноты. Во главе их стоит королева Наваррская и король Наваррский, адмирал Колиньи, принц Конде, маршал Бассомпьер - это все гугеноты! Гасконские бароны типа д'Артаньяна (д'Артаньян - то был уже католиком, а вот его деда-гугеноты), бретонские вожди кланов - родовая знать. Горцы из Севенн (южная Франция), крестьяне - они все гугеноты. Но, в том числе и буржуазия, конечно, была. Ла-Рошель и Нант - замечательные торговые города - были гугенотскими. Но с другой стороны, самый крупный буржуазный центр Франции Париж - католический, Анжер - католический, Лилль - католический, Руан - католический. Герцоги Гизы - католики, крестьяне центра Франции в подавляющем большинстве католики. Словом, принцип сословности не выдерживается никак.

Посмотрим на соседние страны эпохи Реформации, например Нидерланды. Там кальвинисты-гезы - обедневшее дворянство. Зато католики в крупных городах южной Фландрии (современной Бельгии) - буржуазия. Итальянские купцы, например, остались католиками, испанские тоже. Дворяне южнофранцузские были гугеноты, северофранцузские - католики. В Швеции и Дании короли и вся масса населения с потрясающей легкостью перешли в протестантизм. Даже Ливонский орден, состоявший из братьев-монахов, запросто перешел в протестантскую веру; эти монахи-рыцари объявили, что теперь они все просто феодалы, бароны: подчинились они частью Польше, частью Швеции - в общем, с потрясающей легкостью отказались от католичества. И рядом с ними Бавария, тоже феодальная страна, отстаивала католицизм с дикой яростью.

Но попробуем положить все это на этническую карту и сразу увидим, по какому принципу строилась эта война, подогреваемая пассионарным напряжением, которое уже начало спадать. Возьмем ту же самую Францию. Северо-западная часть населена кельтами: кельты ненавидят Париж, а в Париже католики; следовательно, в Вандее гугеноты. Юго-западная - населена гасконцами; гасконцы ненавидят Париж - гугеноты. На юге провансальцы живут; они в XVI-XVII

вв. довольно вяло относятся к Парижу и - Прованс не участвует активно в религиозных войнах. В Северных дикие горцы, которые и говорят даже не по-французски, а на каком-то диалекте (здесь основа гугенотов). Центральная часть Франции, захваченная еще за тысячу лет перед этим французами, - сплошь католики.

Социальной системы здесь нет; система здесь, видимо, была чисто психологическая. Сложились два психологических рисунка, которые оказались несовместимы друг с другом.

ПАССИОНАРНЫЙ НАДЛОМ В ВИЗАНТИИ

По тому же самому конфессиональному принципу раскололась золотая Византия. Несториане ушли с родины в Китай и Монголию, монофизиты - в Африку и Армянские горы, но и оставшиеся православные раскололись на иконопочитателей и иконоборцев.

Акматическая фаза в Византии была в IV-VI вв. Значит, надлом падает на VII-VIII вв.

КАРТА. ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

Византия была в то время уже маленькая. Она охватывала Малую Азию, Грецию, небольшие части Италии, Сицилии (маленькие области) и часть Балканского полуострова. Это была Византия в узком смысле слова, но и здесь нашли повод для раскола, хотя при строгих формах православия, казалось, и спорить-то не о чем - все предусмотрено, все расписано, система стала жесткой, ортодоксальной. И тем не менее нашли из-за чего разойтись. Греки очень любили рисовать иконы, художники они были замечательные, традиции их великолепного искусства шли из Древнего Египта и с Ближнего Востока. Люди вешали в церквях и у себя дома иконы и на них молились, находя в этом утешение и удовлетворение.

Малоазиаты - народ восточный, и поэтому они склонны больше мыслить абстрактными категориями. Они говорили, что надо молиться Богу-Духу, а не видимости, изображению. Им говорили: "Да изображение нам просто помогает сосредоточиться". - "Ну, да, - говорили те, - сосредоточиться?! Вы доске молитесь, а не духу". Слово за слово. Император Лев III из Исаурийской династии, выходец из горных районов Киликии, подвел итог спорам в 718 г. "Мы, конечно, православные люди, - сказал он, - но иконам молиться нельзя; если вы хотите рисовать, рисуйте светские изображения, а не иконы". И велел сорвать самую красивую икону Божьей матери, которую жители Константинополя очень почитали. Но когда солдат полез снимать икону, то прихожане, женщины главным образом, выбили у него лестницу из-под ног, и он разбился.

И с этого началось. Воинственные, храбрые, прекрасные организаторы, императоры-малоазиаты требовали, чтобы икон не было и чтобы люди молились абстрактным идеям. Исауры считали, что иконы - это идолопоклонство. Жители европейской части империи - греки, славяне, албанцы говорили: "Как! Наши святые иконы разрушать? Что за безобразие!" Но у правительства в руках была вся власть, армия и финансы, чиновничий аппарат. Выступали против них монахи Студийского монастыря и все любители изобразительного искусства¹².

Эта война унесла очень много жизней и стоила Византии больших потерь, потому что соперники мешали друг другу сопротивляться внешним врагам: арабам, болгарам, западным европейцам, берберам, которые тем временем захватили Сицилию; тем не менее внутренняя война продолжалась. Только кончилось в Византии все это несколько быстрее, чем в Европе, потому что сам по себе массив Византии был меньше, и в 842 г. иконоборчество было отменено. Все эти споры угасли, и началась здесь четвертая фаза этногенеза инерционная, о которой разговор впереди.

Я сказал сейчас о переходе Византии в инерционную фазу как о чем-то само собой разумеющемся. А это не так, вернее, не совсем так, поскольку вероятность перейти из одного состояния в другое есть всегда. Но в этногенезе, как и каждом природном явлении, вероятность состояния - еще не предопределенность. В надломе обычно бывает короткий период депрессии

разгула субпассионариев. Надо суметь его пережить, чтобы войти в инерционную фазу. В Византии с этой задачей справился Василий Македонянин, в Риме Октавиан Август, в Древнем Китае - Лю Бан, основатель династии Хань, во Франции - Людовик XI, а вот в Арабском халифате попытки халифов-Мамуна (813-833), Мутаваккиля (убит в 861 г.) и Мутамида (погиб в 870 г.) - навести порядок кончились трагическими неудачами. Фактически уже в X в. Багдадский халифат Аббасидов перестал быть арабским по этносу, хотя и оставался таковым по языку¹³.

Ослабление, а потом и унижение такой мировой державы, как Багдадский халифат, трактовалось неоднократно и разнообразно. В аспекте этнологии мы уже говорили об этом, и проблема ясна: полигамия и привоз разных рабов из Азии, Африки и даже Европы создали в арабских странах этническую пестроту, для удержания которой в рамках системы требовалась огромная затрата энергии, т.е. высокий уровень пассионарного напряжения. Но и это не спасало, потому что дети грузинок, половчанок, гречанок и африканок наследовали пассионарность своего арабского отца и вкусы своих матерей, вследствие чего часто становились врагами друг другу. При спаде пассионарности в фазе надлома это усугубилось, и наиболее сильными оказались этнические монолиты, например дейлемиты, захватившие Багдад в 955 г. Так арабам в X- XIII вв. не повезло, хотя они сами в этом были не виноваты.

Фаза надлома - это возрастная болезнь этноса, которую необходимо преодолеть, чтобы обрести иммунитет. Этнические коллизии в предшествующей акматической и последующей - инерционной фазах не влекут столь тяжелых последствий, ибо не сопровождаются столь резкими изменениями уровня пассионарности, как при надломе, и раскола этнического поля в этих фазах не происходит.

VIII. Контакты на уровне суперэтносов

ПОЛЯРИЗАЦИЯ В СУПЕРЭТНОСАХ

Суперэтноты имеют одну интересную особенность - поляризацию внутри системы. Как монолиты они ведут себя только в фазе пассионарного подъема, а затем, подчиняясь диалектическому закону единства противоположностей, они находят направления для деятельности, "соблюдая" устойчивое равновесие в постоянной борьбе между собой. Однако по отношению к другим суперэтнотам они выступают как целостность, хотя разные половины системы ведут себя неодинаково. Поясним этот тезис на некоторых примерах.

Еще Фукидид заметил, что эллины, единодушно сражавшиеся с персами, раскололись на партии: аристократическую и демократическую, первую возглавила Спарта, вторую - Афины. Теперь, после многих исследований, ясно, что эти названия отнюдь не отражали классовых противоречий. И та и другая стороны были равно рабовладельческими, а присвоенные ими наименования - не более чем клички. То же самое наблюдается в эллинизированном "Вечном городе" - Риме. Там "демократами" были богатейшие всадники: купцы и ростовщики, а "аристократов" поддерживали обнищавшие крестьяне, ставшие ради пропитания legionarii. И вождем "демократов" был член древнего патрицианского рода Юлиев - Цезарь, а главный его противник, Лабий, начал карьеру как народный трибун, т.е. плебей. Да, дело не в названиях, а в смысле событий. Ведь когда обе партии исчезли, а остались только тихое население и legionarii, эти последние постоянно схватывались друг с другом, без каких-либо политических программ. Это была эпоха солдатских императоров (III в. н.э.).

Ту же самую коллизию можно увидеть в Византии, которая начала делиться на православных и еретиков начиная с IV в. В Арабском халифате единый ислам раскололся на три партии: суннитов, шиитов и хариджитов, причем последние впоследствии примыкали к шиитам. В средневековом Китае тоже боролись направления: имперское - династия Тан, опиравшаяся на кочевников; и шовинистическая оппозиция, победившая в X в. и погубившая свою страну.

Но самая наглядная картина - это Западная Европа, "Христианский мир", ставший в XIX в. "Миром цивилизованным". Там под христианством понимался только католицизм, причем папы имели опорой императоров. Так вот они и ссорились между собой. При кульминации борьбы в акматической фазе сторонники папы назывались в Италии - гвельфы (от фамилии своих немецких сторонников саксонских герцогов Вельфов), а их противники - гибеллины, защищавшие швабских императоров - Гогенштауфенов. Однако в крестовые походы они ходили вместе.

Но вот в фазе надлома наступила Реформация: паписты и протестанты схватились насмерть, а когда выяснилось, что силы равны и надо думать не столько об убийствах за тонкости обряда, сколько о политике и экономике, те и другие успокоились. Был провозглашен циничный лозунг: "Чья власть, того и вера"; подданным было запрещено выбирать себе исповедание.

Война в Западной Европе не утихла, но приняла иной характер, свойственный инерционной фазе этногенеза. Прошедшие бури Реформации унесли в прошлое, оставив после себя различия в этнографическом облике и психологическом складе католиков и протестантов. Внутри европейского суперэтнуса эти особенности постепенно стирались, но за океанами они ощущались настолько сильно, что обойти их вниманием неправомерно и невозможно.

В АМЕРИКЕ

Раскол единого поля в "Христианском мире" совпал с эпохой великих открытий. И представители обеих сторон этнической дивергенции, происшедшей в XV - XVI вв., устремились за пределы Европы. Устремились и католики испанцы, французы; устремились и протестанты - англичане, голландцы. На новых землях все они столкнулись с одними и теми же народами, и вдруг оказалось, что эти контакты дают совершенно различные результаты. Когда испанцы захватили Центральную и Южную Америку, то оказалось, что при всем своем зверстве, при всех ужасах и жестокостях, сопровождавших их вторжение, они нашли общий язык с местными жителями: побеждая и покоряя ацтеков, инков и муисков, они видели в них людей.

Надо сказать, что создавшиеся в XII в. государства ацтекское (Анагуак), инкское (Тахуантинсуйу) и муискское (Чибча) к XVI в. - к моменту появления испанцев - были на самых ранних фазах этногенеза. Поэтому ацтеки, инки и муиски вели себя очень жестоко по отношению к покоренным, которых сделали низшими сословиями, низшими классами. Например, муиски (это народность, которая населяла современную Колумбию), составлявшие высший, господствующий класс, т.е. господствующие племена, завоевавшие местное население, считали, что если к ним, к господину, вождю или аристократу, должен подойти по какому-то делу обыкновенный индеец, то он должен раздеться догола, сесть на карачки, ползти спиной, уткнув голову в колени, и в таком виде произносить свою просьбу, которая будет либо удовлетворена, либо нет, а если он нагло посмотрит на своего повелителя, на человека, принадлежавшего к высшему классу, то, в лучшем случае, с него могли просто снять кожу живьем, в худшем же - бросали в подземные пещеры, заполненные водой до половины, и он в полной темноте там плавал, пока его не кусала ядовитая водяная змея. Вот такие наказания были за непочтительность.

И когда Кесада завоевал эту территорию, назвав ее Новой Гренадой, то он этих аристократов, захватив в плен, конечно, крестил и сделал своими приближенными. Один из них, уже став очень образованным человеком, хорошо писавший по-испански, говорил Кесаде: "Странно, ты, Кесада, себя ведешь, я вижу, к тебе подходят твои солдаты, они тебе что-то говорят и даже смеются, а ты им отвечаешь, потом они посмеются, поговорят и отходят". Для испанца конкистадора солдаты были его боевыми товарищами, а для цивилизовавшегося индейца - низшая каста; ему непонятно было, как солдат смел взглянуть на своего предводителя,

его надо было бы убить немедленно, чтобы проучить.

Инки, которые создали хорошо продуманную административную систему, ввели одновременно с ней полицию нравов. Например, за гомосексуализм они сжигали живьем, запретили передвижение местного населения из одной деревни в другую, ввели жестокую трудовую повинность, запретили грамотность, которая была до них, уничтожили все письменные исторические документы, которые были написаны на древних доинкских языках, чтобы покоренные индейцы забыли свою историю². А ацтеки устроили службу спасения мира от стихийных бедствий. По их теории, мир четыре раза погибал и должен погибнуть в пятый раз. Один раз мир погибал от страшных ураганов, в другой - от наводнений, в третий - от землетрясений, в четвертый - от огня, и в пятый раз он должен был погибнуть от голода. Для того чтобы спастись, надо умиловать солнце, а "солнце любит цветы и песни". Под цветами ацтеки разумели кровь из живого сердца, и они хватали людей и приносили их на своих теокалли в жертву солнцу вырывали у них сердце из груди для того, чтобы спасти весь мир³. "Ну, что там, - рассуждали они, - несколько человек мы убьем, зато остальные спасутся".

Но индейцы, у которых брали юношей для принесения в жертву, относились к этому без всякого энтузиазма и поэтому предпочли поддержать испанцев⁴. Испанцы заставили этих освобожденных индейцев работать в своих гасиендах, очень сильно эксплуатировали их, так как вывозили колониальные товары на продажу в Испанию и получали большие барыши. Они загнали их в серебряные рудники, но таких издевательств, какие индейцы терпели раньше от местных своих властителей, испанцы не допускали. Вместе с тем испанцы привезли сюда скот, вьючных животных, облегчив передвижение для индейцев, они учили крещеных индейцев грамоте, а инкским и ацтекским вождям давали титул дон, т.е. причисляли к дворянству, и те не платили налогов, а должны были только оружием служить испанскому королю.

Браки испанцев с индейцами сразу стали обычным явлением. В результате в Мексике, в Колумбии, в Перу с Боливией, в части Чили образовалось метисное население, которое в XIX в. откололось от Испании, и вместо Новой Испании, какую хотели создать испанцы, завоеывая эти страны, метисы создали Анти-Испанию с испанским языком и с официальной католической религией, хотя большинство этих метисов не верили ни в бога, ни в черта. Они приняли яacobинский культ разума и европейский атеизм XVIII в. и занялись главным образом освобождением себя от Испании, для того чтобы хозяйничать в своей стране самим. Экономически они на этом ничего не выиграли, так как флота у них не было, и поэтому они попали в зависимость сначала от английских, потом от американских торговых компаний, но национально они себя освободили и весьма гордо ходили в своих сомбреро и говорили, что к испанцам они никакого отношения не имеют, что они американцы. Тем дело и кончилось⁵.

Но получилось так из-за того, что первоначально испанцы путем завоевания установили возможность контакта, а контакты этнические устанавливаются не законодательными мерами (никому нельзя приказывать хорошо относиться к другому человеку), а потому что победители относятся к побежденным как к людям, а что касается жестокости, так не меньше жестокости было и в самой Испании: постоянные заговоры, мятежи и всякого рода другие неприятности - эпоха тяжелая. Надо сказать, что французы католики, выезжавшие в Канаду, довольно быстро договорились с местными индейцами: сначала с гурунами, а когда гурунов перебили ирокезы, заполучив от англичан оружие, они установили контакты с алгонкинами, с племенами кри около Лабрадора, со всеми племенами, которые там были. Да и сами французы "обындеились", переняли их быт, сохранив только свой язык и какую-то очень абстрактную память о католической религии: ведь в лесу, понятно, в церковь не пойдешь, молиться негде, они просто считали, что они католики, и больше ничего. Таким образом в Канаде создалось население, до сих пор там существующее, - канадские метисы.

И поэтому, когда вспыхнула война между Францией и Англией, большинство индейцев были на стороне французов, кроме ирокезов, с которыми французы сумели неосмотрительно поссориться. А потом, когда уже Америка откололась от Англии и стала самостоятельной, индейцы подняли всеобщее индейское восстание.

Возглавил его некто Понтиак - вождь племени оттавов. Он объединил все племена, кроме ирокезов, и в число объединенных племен входили и канадские французы, они сражались на правах племени против англосаксов. Конечно, Понтиака убили, конфедерация разошлась, пассионарное напряжение у индейцев было слабое: они были очень храбрые, способные, умные, честные, деловые люди, но одного у них не хватало - соподчинения, умения жертвовать собой ради абстрактной цели, идеи, т.е. пассионарности, и их разбили, вытеснили за Миссисипи. Англосаксы продолжили свое проникновение в страну, беспощадно уничтожая коренных жителей⁶. Сказать, что протестантская религия благословляла их на убийства, на геноцид, было бы несправедливо, хотя, конечно, в Ветхом завете, который особенно ценили протестанты, можно найти проповедь геноцида для всех "неизбранных" и не "предопределенных" Господом к спасению. Дело не в этом. Очевидно, протестантами стали люди такого склада, которые не могли уживаться с индейцами, как они не могли уживаться дома с католиками, т.е. с ирландцами.

В ЕВРОПЕ

С ирландцами произошла очень странная история. Ирландцев обратил в христианство святой Патрик и миссионеры, которые пришли из Египта в V в., минуя Рим. Таким образом, ирландские кельты были обращены в христианскую веру, еще не католическую и не православную, ведь это случилось еще до раскола церкви. И потом, когда на Востоке и Западе религия развивалась, ирландцы сохраняли древние навыки египетских монахов.^{*1}

Создалась европейская суперэтническая целостность, возник папизм, католическая схоластика, а ирландцев все это нисколько не трогало. Причем сказать, что они были люди серые, ничем не интересовались, - нельзя. Они были люди культурные, они давали лучших учителей, прекрасных знатоков греческого языка, богословия, но они не входили в "Христианский мир" западноевропейскую целостность и боролись против нее, против католицизма вплоть до конца XV в., пока их окончательно не завоевал Генрих VII Тюдор, основатель династии Тюдоров, после войны Алой и Белой розы⁷.

А вскоре его сын Генрих VIII объявил, что Англия становится протестантской, что король создает англиканскую церковь и становится ее главой. Ирландцы, которые так долго боролись против католической церкви, казалось, должны были возликовать, но оказалось, напротив, - они быстренько объявили себя верными сынами католической церкви, лишь бы было у них идейное основание бороться против англичан. Это подтверждает тезис, что люди чаще борются не столько "за", сколько "против". Ирландцам были отвратительны англичане, а не догмы их религии, в догмах они не очень-то разбирались, да и кто в догмах разбирается? Сдают когда-то богословие в школах, а потом забывают, не в этом же дело, а вот что англичане - скверные люди, это каждый ирландец знает. И ирландцы сопротивлялись до XX в., да и сейчас продолжают сопротивление. Так вот, когда ирландские католики стали попадать в Америку, то в противоположность протестантам они прекрасно уживались с индейцами. Очевидно, дело тут в каком-то внутреннем складе, а не просто в исповедании веры.

После Реформации в Европе возникла борьба между протестантской унией и католической лигой, продолжалась она 30 лет - Тридцатилетняя война, - и в нее была втянута вся Европа; не могла остаться нейтральной и Россия. На чью же сторону должна была стать православная Россия, которой спор Лютера с папой был совершенно безразличен? Русские не признавали ни того, ни другого, у них была своя вера, святоотеческая, от Византии полученная. И все-таки...

Хотя догматика и обрядность православной и католической церкви очень четко совпадали, русские оказались на стороне протестантской унии; они сразу же бросили свои войска под Смоленск против Польши, которая с такой же категоричностью высказалась за католицизм, жестоко подавив собственную реформацию. Реформация задела и Польшу, арианами называли польских протестантов сами поляки. Ну, поляки тогда нас победили под Смоленском, заставили русскую армию капитулировать, выдать артиллерию и склонить знамена. Но наши русские люди были народ хитрый. "Ага, - говорят, - если у нас не получается прямо воевать с поляками, так как нас бьют, мы их побьем иначе". И стали давать хлеб в виде дотаций шведскому королю. Швеция была страна бедная, в ней было два миллиона населения и никаких материальных ресурсов. А тогда в Европе во время войны хлеб был, естественно, в огромной цене. Поля-то обрабатывать было некому, и некогда, и опасно, ибо надо было прятаться от солдат, чужих и своих. Поэтому русский хлеб оказался мощным фактором борьбы. Получив несколько караванов судов с хлебом в Стокгольм, шведский король немедленно снарядил 20-тысячную армию и разгромил австрийские войска на всей территории Германии, чем, собственно, и доставил победу протестантизму, хотя и неокончательную.

И, как все помнят, русские стали в это время, в XVII в., добывать себе с Запада специалистов по всем областям военного дела, техники и промышленности, но - только из протестантских стран. Принимали англичан, принимали шведов, принимали северных немцев (те ехали в большом количестве), голландцев.

Правда, англичане занимали среднюю позицию между протестантами и католиками, а голландцы крайнюю. Но в 1650 г. в Англии произошла революция, и одновременно кончился торговый договор между Россией и Англией. Торговля шла через Архангельск. На просьбу революционного кромвелевского правительства о продлении договора правительство Алексея Михайловича ответило: "Поелику оные аглицкие немцы свою короля Каролуса до смерти убили, то Великий Государь Московский и Всея Руси повелел оных аглицких немцев на русскую землю не пущать" - и заключило договор с голландцами. Таким образом, торговля пошла по линии чисто протестантских стран, заимствование происходило по линии контактов с протестантской Европой.

Правда, на Руси никогда не было единого мнения. Многие предлагали уклониться от контактов с Западной Европой, но успеха они не имели. Была партия, которая стремилась установить контакты с Австрией и Францией - то были боярин В. В. Голицын и царевна Софья. Хотя они имели временный успех, победила партия пропротестантская во главе с князем-кесарем Ромодановским, с семьей Нарышкиных и представителем этой клики - юным царем Петром, который предпочел контакт с протестантами.

Есть ли здесь связь? Имеется ли какое-нибудь соответствие в настрое между Россией и протестантской Европой? Проверим. Если протестантская Европа не гармонировала с индейцами, то как Россия должна была относиться к индейцам и индейцы к русским? Посмотрим, не будем гадать.

В СИБИРИ И НА АЛЯСКЕ

Русские землепроходцы прошли до Чукотки почти без сопротивления. С чукчами у них, правда, не заладилось - американоидные чукчи отбили казаков и на свою землю их не пустили; но правда и то, что в эту тундру никто особенно и не пытался тогда проникнуть. Проникли через Алеутские острова в Америку. Алеутские острова были богатейшей страной пушного морского зверя. Русские миссионеры обратили алеутов в православие. Там и сейчас алеуты православные, у них даже свой православный епископ есть. С алеутами русские сталкивались, вышли на берег Америки, встретили эскимосов, с ними тоже установился полный контакт. Столкнулись с индейцами. И тут началось! Первые русские матросы, высадившиеся, чтобы установить контакт

с местным населением, были все индейцами убиты. И в дальнейшем тлинкитов, которые жили по побережью Тихого океана южнее Аляски, покорить не удалось, хотя территория считалась русской Америкой. За тлинкитами, в бассейне Юкона, жили атапаски, к ним относятся, между прочим, знаменитые племена апачей и навахов, выселившиеся с севера и попавшие на границу с Мексикой. Это народ очень смелый и воинственный. Русские особенно туда не лезли, но, во всяком случае, с атапасками мира не было. Поддерживали наших только алеуты и эскимосы, и поэтому именно на берегах Берингова моря и Берингова пролива были русские поселения, там безопасно было жить русским. В Калифорнию до Сан-Франциско русские проникли, когда там еще не было, в сущности, никаких европейских поселений - ни англосаксонских, ни испанских. Испанцы потом выдвинули несколько отрядов, чтобы остановить русское движение, но никакого столкновения не было, просто испанские офицеры остались там как гасиендеры - развели стада скота и стали жить, ничего не делая. А русские не удержались в этих местах, потому что индейцы их не поддерживали, не было контакта с индейцами. Почему? Да, очевидно, потому же, почему не было контакта индейцев с англосаксами, но те, в отличие от русских, бросили огромные силы и перебили почти всех индейцев, а оставшихся загнали в резервации. Это жесточайшая операция, за которую вся англосаксонская этническая группа несет ответственность перед историей. Наши предки не пошли на такой геноцид, они предпочли удалиться в те места, где с населением был контакт, и ограничили себя Сибирью, Алеутскими островами и Аляской. Потом и Аляска была продана Америке, а в Сибири контакт с населением был полный.

Другой пример. С монголами русские устанавливали контакт начиная с XIII в., а вот китайцы не могли установить с монголами контакта никогда. Но с монголами не могли установить контакта и европейские католики. Следовательно, они должны были суметь установить контакт с китайцами? Но ведь так оно и есть! 30 миллионов китайских католиков насчитывалось в начале XX века. Католическая проповедь в Китае имела очень большой успех. Православные миссии такого успеха не имели, и если обращали кого-нибудь, то только в Северной Маньчжурии, где жили народы не китайские. Хотя мы их называем китайцами, но они не китайцы, а маньчжуры. Они легко находили способы сосуществования с русскими, и в ряде мест проходила метисация с весьма положительными результатами. Забайкальские казаки - это смесь монголов и русских, причем не только русских мужчин с монгольскими женщинами, но монгольских мужчин с русскими женщинами; русские сибирские бабы за монголов охотно выходили замуж - хорошие мужья, честные, крепкие, верить можно.

В ПОЛИНЕЗИИ И АФРИКЕ

Здесь, как мы видим, возникают какие-то странные коллизии. Почему англосаксы уничтожали индейцев? Может быть, потому что с ними вообще никто ужиться не мог? Однако когда они попали в Полинезию, они великолепно установили контакты с полинезийцами и в Новой Зеландии, и на Таити, где король Помаре II обратился в протестантизм в 1812 г., и на Гавайях, там, где они оказывались. И наоборот, французы, которые захватили Таити в 1880 г., никаких контактов не установили. Французско-полинезийских помесей в Полинезии нет, а англо-полинезийскими она полна. Тут дело скорее всего в психологии. Ведь французы и англичане, несмотря на перемешивания, все-таки имеют разный облик и разный генофонд.

Но французские гугеноты, массами покидавшие Францию в XVII в., выселялись в английские колонии и вели себя точно так же, как англичане. Когда они выселились вместе с голландцами в Южную Африку, то они вошли в состав этих голландских буров, которые с чрезвычайной жестокостью обращались с бедными неграми, т.е. они вели себя не как французы, а как протестанты, и поэтому уживались с голландцами, такими же живодерами, как и они сами.

Тут интересный вопрос: а как же Африка Центральная? А она была чужда и той и другой стихии. Добровольно она не принимала ни протестантство, ни католичество, но зато ислам там распространялся с потрясающей легкостью, даже без каких-либо насилий. Таким образом, мы видим, что характер сочетаний отнюдь не связан с расовыми моментами, а с совершенно другими - этническими. Попытка обратить негров в христианскую веру дала результаты крайне мрачные. Когда французы стали заселять Гаити и создали там массу плантаций, великолепные гасиенды, они привезли туда негров-рабов и обратили их всех в свою католическую веру. Негры католичество приняли, причем забыли свои языки. Они ведь были многоязычны, из разных мест. Поэтому они говорили между собой на французском языке, и у них даже появились негры-священники, католические, посвященные, все как следует. Но случилась французская революция, и тогда негры сразу потребовали, чтобы и им тоже дали свободу. Об этом и речи, конечно, французы не допускали. Свобода, равенство и братство были не для негров. Тогда негры восстали, и возглавил их не какой-нибудь невежда, а весьма прогрессивный, образованный человек Туссен-Лавертюр, весь пропитанный идеями Руссо и Вольтера. Он был политическим вождем, а идеологическую часть взяли на себя негритянские кюре, которые трактовали распятие Иисуса Христа следующим образом: "Бог пришел к белым, но белые убили Бога, отомстим же за Бога, убьем белых". И под этот лозунг все белое французское население было вырезано. Подать помощь из Франции было невозможно, так как Франция воевала с Англией, и английский флот не пропускал французские корабли, и выехать с острова было нельзя. До сих пор там негритянская республика; официально религия там католическая, но, кроме того, существует культ Вуду - культ Змеи. Подробно этого культа никто не знает, потому что допускаются на эти мистерии только местные негры-католики.

Но, пожалуй, наиболее наглядным примером суперэтнического контакта является коллизия, возникшая в середине XIII в. в Палестине и Египте, где столкнулись четыре, а точнее, пять суперэтносов: 1) "греки" - ортодоксальные христиане, в том числе - армяне, грузины, сирийцы и копты; 2) "франки" - так назывались все народы Западной Европы, появившиеся там в эпоху крестовых походов; 3) мусульмане - арабы, курды, турки и 4) монголы, бывшие христианами-несторианами, стремившиеся освободить Иерусалим. К этому надо добавить половцев и черкесов, проданных в рабство в Египет и именовавшихся "мамлюками". Они сыграли наиважнейшую роль в той трагедии, которая воспоследовала в результате суперэтнического контакта.

ЗАБЫТОЕ ПРОШЛОЕ

Под синим куполом Вечного Неба раскинулась от Желтого моря и Желтой реки до Черного моря и Кавказа Великая степь, пересеченная горами, покрытыми густым лесом, и серебристыми струями чистых рек. Степь окаймляют бурая пустыня Гоби и бескрайняя тайга - зеленая пустыня, но между этими пустынями много тысячелетий кипит жизнь. Растения питают травоядных животных, а тех съедают хищники, в том числе люди. И этот порядок кажется вечным, а Небо (Тенгри), Земля и Вода (Иерсу) - неизменными. Поэтому древние турки называли свою державу - "Вечный эль", подобно тому как латиняне, построив крепость на семи холмах на берегу мутного Тибра, называли ее "Вечным городом".

Но время беспощадно и всемогуще! Оно губит и возрождает все: государства и культуры, высыхающие озера и горные хребты, рассыпающиеся в осколки, потом засыпаемые пылью пустынь; и даже небо не постоянно: солнце то вспыхивает протуберанцами, сжигая травы и иссушая реки, то утихает, давая возможность Жизни - биосфере планеты заполнить погибшие регионы и обновить ландшафты и этносы.

Это понимал замечательный писатель VIII века Иоллыг-тегин, автор надгробных надписей своему отцу - Бильге-хатану и своему дяде - Кюль-тегину. Гении рождаются во все эпохи, и долг

потомков - уберечь их от забвенияJ8.

Никто не живет одиноко. Древние тюрки не были исключением. При отце Бильге-хатана, Кутлуге Эльтерес-хатане (683- 693) "справа (т.е. на юге) народ табгач (империя Тан, кит. "Тоба") был врагом, слева (т.е. на севере) народ токуз-огузов (уйгуров)... был врагом, кыргызы, курыканы, тридцать татар, кытай и татабы все были врагами"J9. Почему? Откуда такая ненависть? Чтобы ответить на этот законный вопрос, отвлечемся в сторону истории и исторической географии.

В начале нашей эры в Великой степи господствовали хунны. Это были мужественные, талантливые, свободолюбивые люди, умело отстаивавшие свою родину от империи Хань. Несмотря на то что у китайцев был двадцатикратный перевес в силах, они не могли подчинить себе Великую степьJ10. Но тут на хуннов пала немилость природы. Во II-III вв. в степи наступила Великая засуха. Пустыня Гоби на востоке и Бет-Пак-дала на западе отодвинули травянистую степь на север и югJ11, сократив площадь пастбищных угодий и культурных земель. Кони тощали, овцы падали, а хунны стали терпеть поражения. Им пришлось покинуть иссушенную родину. Часть их переселилась в Китай и там погибла, ибо смешалась с китайцами тибетцами и табгачами, не щадившими побежденных. Неукротимые хунны ушли на запад, где в V в. под предводительством Атилы потрясли Римскую империю, но после смерти своего царя были истреблены германскими племенами, гепидами, герулами, готами в 454 году.

КАРТА. КИТАЙ В XIV-XV вв.

Об этом событии сохранилась легенда, по которой последний хуннский царевич с обрубленными руками и ногами, брошенный в болото (озеро Балатон), осеменил волчицу, убежавшую на Алтай и оставившую там потомков хунновJ12.

Но этнос, как человек, должен иметь не только мать, но и отца. Отцом оказался противник табгачей и друг последних китайских хуннов - Ашина, который спас свой народ, уведя его на Алтай в 439 г. Там обе ветви хуннов объединились, и через 100 лет возник этнос тюрк (мон. "тюркют", ибо Ашина говорили по-монгольски и лишь в VI в. перешли на тюркский язык, понятный большинству потомков хуннов)J13.

Первые вожди тюрков (Бумын и Истеми) создали Первый тюркский каганат от Великой стены Срединной империи - Китая до границ Ирана, а в Крыму столкнулись с Византией. Все этносы Великой степи были объединены тюркским народом, и эта форма государства называлась "эль". Это была система объединения орды - ставки хана и подчиненных племен - оргузов. "Их силами тюрки геройствовали в пустынях севера"J14, а средства на содержание державы они получали с купцов, возивших шелк из Китая в Византию, как таможенные сборы.

Византия была союзницей Тюркского каганата, а Иран и Китай находились с ним в постоянной вражде, не умея, однако, одержать окончательной победы. Но беда пришла изнутри. Иоллыг-тегин писал: "...младшие их братья... не были подобны в поступках старшим, сыновья не были подобны отцам, сели (на царство) неразумные... трусливые каганы и их "приказные" были также неразумны, были трусливы. Вследствие непрямоты правителей и народа... и обмана... со стороны народа табгач (империи Тан) и... вследствие того, что табгачи ссорили младших братьев со старшими и вооружали друг против друга их правителей, - тюркский народ привел в расстройство свой эль и навлек гибель на царствовавшего кагана"J15.

Все описано точно. С 604 г. Великий каганат раскололся на восточный - в Монголии и западный - в Казахстане. Каганаты были завоеваны империей Тан, а их союзница - Согдиана - Арабским халифатом в VIII в. Уцелевших кочевников современной Монголии возглавил Уйгурский каганат, но и он в IX в. пал под ударом енисейских кыргызов. Мужественные уйгуры отступили на южную окраину пустыни Гоби и продолжали оказывать сопротивление врагам, но внезапно в затянувшуюся войну вступила третья сила - Природа.

В X в. сменилась система повышенного увлажнения степной зоны. Влага, приносимая циклонами с Атлантического и муссонами - с Тихого океанов, стала изливаться на тайгу, а пустыня Гоби, расширившись на север и на юг, разделила противников. Уйгуры осели в притяньшанских оазисах, а кыргызы вернулись в Минусинскую котловину¹⁶.

Итак, сочетание двух параметров: этнической старости и климатического колебания вызвало обрыв исторического времени - традиции хунно-тюркского этногенеза, продолжавшегося 1300 лет. История этой замечательной культуры оказалась забытой. Когда в XI в. дожди вновь оживили верховья Онона, Керулена и Селенги, туда пришли иные люди, сибиряки из Забайкалья, говорившие по-монгольски и представления не имевшие о тех богатырях "Вечного зля", которые жили в степи за двести лет до них. История началась заново. Поэтому-то монголы, встретившиеся только с одним этносом древней культуры енисейскими кыргызами, приписали им все сарматские, скифские и хуннские каменные курганы (корумы), назвав их "киргизскими могилами" (кыргыз ур). Но реального смысла это название не несло, являясь синонимом понятия "древние". Кое-что из элементов старинной культуры попало к монголам через полузабытые предания или заимствования у соседей, но хотя все люди имеют предков, не все получают от них наследство. Монгольские племена XI в. начали новую жизнь на пустом месте.

А тюрки? Изгнанные засухой из своей прародины, разметанные исторической судьбой по Передней Азии, Сибири, Индии, Египту, Причерноморью и Закавказью, потерявшие этническую структуру из-за энтропии, пожравшей их первичную (толчковую) пассионарность, а вместе с ней и последнюю активную фазу этногенеза - обскурацию, они не исчезли, ибо перешли в пассивную фазу мемориальную. Этот переход спас тюрков как суперэтнос, точнее - как суперэтническое поле, обладающее самым важным свойством противопоставлением себя всем остальным.

Внешних сходств между тюркскими этносами - якутами и сельджуками, куманами и уйгурами, газами и теленгитами, действительно было маловато. Но ощущение единства их не покинуло и в какой-то мере определило их поведение. В прошлом веке это называли бы "тюркская душа", как говорили "славянская душа", когда уже между поляками и сербами никаких общих черт не наблюдалось, но мы обязаны перевести этот аморфный термин на язык науки.

Да, без энергетической подпитки дискретная система существовать не может, но ведь существует импортная пассионарность, дающая тот же эффект, что и природная или толчковая. Тюрки за тысячу лет одержали много побед, захватили много женщин, дети которых становились тюрками. Особенно много смешанных браков было в XI в. и в Иране, и в Сирии, и в Грузии, и на Руси. Эта метисация не могла остановить общего процесса увядания, ибо способствовала не сплочению, а распылению этноса, но этническое поле, организованное сходной ментальностью (мировосприятием, не связанным с книжной образованностью, т.е. культурой), продолжало существовать. Тюрки в XIII-XIV вв. обрели как бы вторую жизнь, в чем активную роль играли монгольские пассионарии. Но искать виновных антинаучно. Сода и лимонная кислота, будучи смешаны в водном растворе, шипят и выделяют тепло: это реакция нейтрализации, которая идет естественным путем. Разве меньше пролили крови готы и вандалы в III-V вв., или викинги в IX-XI вв., или крестоносцы в XII в.? Конечно, нет! Но их движения были подобны расширению Римской республики, с той разницей, что римляне делали свои завоевания медленнее, отчего испанцам, галлам, нумидийцам и грекам было не легче. Арабы в VII-VIII вв. расправлялись с персами, армянами, испанскими вестготами, берберами, а согдийцев - культурный и богатый этнос уничтожили так, что от них остались только реликты в недоступных горах Гиссара и западного Памира.

На этом фоне взрывы этногенеза у чжурчженей и монголов не представляют собой ничего особенного, хоть летописцы-современники не пожалели черной краски для истории XIII века.

Этногенезы - процессы, возникающие вследствие природных явлений, а, как известно, природа не ведает ни добра, ни зла. Ураганы, ледники, землетрясения приносят людям бедствия, но сами являются частями географической оболочки планеты Земля, в состав которой наряду с литосферой, гидросферой, атмосферой входит биосфера, частью коей является антропосфера, состоящая из этносов, возникающих и исчезающих в историческом времени. Моральные оценки к этносам так же не применимы, как ко всем явлениям природы, ибо они проходят на популяционном уровне, тогда как свобода выбора, определяющая моральную ответственность, лежит на уровне организма или персоны. Этногенезы (на всех фазах) - удел естествознания, но изучение их возможно только путем познания истории, содержащей необходимый материал, подлежащий обработке методами естественных наук. Поэтому вернемся к истории XII-XIV веков.

КРЕСТОНОСЦЫ

В Средние века люди воевали много и часто, но, как правило, они твердо знали, не за что, а против чего они воюют. Отрицательная доминанта действовала эффективнее положительной. И когда папа Урбан II произнес роковые слова: "Так хочет Бог!", массы простых крестьян и рыцарей бросились в отчаянную битву с мусульманами и, потеряв девять десятых воинов, взяли Иерусалим в 1099 г. и создали там Иерусалимское королевство.

Королевство это довольно быстро стало терпеть поражения, терять города и просить защиты у европейских монархов. Второй и третий крестовые походы, имевшие целью выступить за своих земляков, были неудачны. Четвертый поход превратился в коммерческую операцию по приобретению колоний на Востоке, под руководством венецианского дожа, слепого Дандоло.

Было быстро придумано, что "греки (православные) - такие еретики, что самого Бога тошнит"J17. Константинополь был взят и разграблен, а в Греции воздвиглись замки, перемешанные с несданными крепостями византийских властителей. Устояли укрепления Никеи, далекий Трапезунд и горный Эпир, жители которых к 1261 г. выгнали латинских захватчиков из Константинополя. Но все это время шла жестокая война, и крестоносные европейцы, сначала пришедшие на помощь греческим христианам, нашли в них врагов еще более страшных и неукротимых, чем мусульмане: арабы и туркмены-сельджуки.

КАРТЫ. КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ В СТРАНЫ ВОСТОЧНОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ (1096-1204 гг.)

Несколько удачнее держались крестоносцы на восточном берегу Средиземного моря, потому что их поддерживали местные христиане: монофизиты СирииJ18и монофелиты ЛиванаJ19. Будучи отлучены от церкви в V и VII вв., они чуждались греков, хотя причины религиозных споров были забыты, и произнесенные анафемы исходили столь же от Рима, сколь и от Константинополя. Но это была слабая поддержка.

Последний серьезный крестовый поход предпринял Французский король Людовик IX в 1250 г. Еще одна полная катастрофа! А затем - анархия, взаимная резня на улицах Акры, война на море генуэзцев против венецианцев, на острове Тире - французов против венецианцев и так до безумия - все против всех! А беда близилась.

ПОЛОВЦЫ НА НИЛЕ

Египет - страна беззащитная. Стоит лишь азиатам перейти Синайскую пустыню и достичь самого восточного из рукавов нильской дельты, покорение остальной страны - дело легкое. Поэтому в древности на этом рукаве была сооружена крепость Пелузиум, имевшая целью предотвратить вторжение противника в дельту, но крепости сдаются, и толку от них мало. Поэтому египетские владыки в Средние века предпочитали иметь мобильную армию, но

поднять на войну население своей страны они даже не мечтали. Потомки героических воинов Тутмоса III и Рамзеса II без слова платили налоги, но категорически отказывались защищаться от любого врага. Поэтому фатимидские халифы и эюбидские султаны покупали воинов: кыпчаков и черкесов, а те воевали так, что выдержать их натиск не могли даже храбрые французские рыцари.

Мамлюки составляли две дивизии, скомплектованные по этническому принципу. Кыпчаки и другие степняки, расположенные на острове ар-Рауда на Ниле (Бахр), и черкесы, размещенные в цитадели Каира (Бурдж, т.е. "бург" немецко-французское слово, осевшее в Египте). Именно бахриты дважды разбили французских рыцарей и считали, что их мужество заслуживает награды. Но молодой султан Тураншах, обученный в багдадских медресе юриспруденции, диалектике, теологии и т.п., совсем не знал этнографии, т.е. не имел представления о тех людях, которые спасли его престол и изгнали наглых захватчиков. Он наградил чинами не их, а своих фаворитов, назначил эмирами филологов и однажды ночью, спьяну, велел принести себе много светильников, тушил их, срубая огонь саблей, и кричал: "Вот так я расправлюсь с бахритами". Через несколько дней - 2 мая 1250 г. бахриты напали на его шатер. Когда султан вышел, ему отрубили половину руки, он бежал в лес, окружающий Нил, и вошел в реку по горло. Тут его прикончили стрелами.

Очередной парадокс истории! Половцы, или куманы, разгромленные, преданные и проданные в рабство, стали хозяевами мусульманской страны, где большую часть населения составляли угнетаемые христиане-феллахи и копты. Казалось, что Египет превратился в этническую химеру - сочетание несовместимых элементов системы, но этого не случилось. Все эти элементы жили отдельно, в симбиозе, благодаря чему социальная структура оставалась крепкой. Однако мамлюки решили, что не они должны служить такой неполноценной стране, а заставить эту страну служить им. Они произвели переворот, убили султана Тураншаха и отдали престол султанше, вдове предшествовавшего султана, дав ей мужа - мамлюкского эмира, туркмена Айбека.

Султанша полюбила своего мужа настолько, что потеряла от ревности голову. Узнав, что у нее появилась соперница, она дождалась, когда после конной игры в шары Айбек пошел в баню, и послала своих евнухов убить мужа, а престол предложила молодому эмиру.

Бедная, глупая женщина! Она не знала, что такое степная дружба. А мамлюки были степняки и друзья. Эмир отказался от престола. Евнухов-убийц распяли. Султаншу увели из дворца в Красную башню, и там юный раб забил ее насмерть каблуками, а труп бросили в тюремный подвал. Это случилось 2 мая 1257 года.

Игнорирование этнографии, как и фантазирование на эту тему, всегда ведет к трагичным последствиям. Люди не одинаковы, а тем более разнятся этносы. Те реакции, которые естественны у арабов, нелепы у французов, оскорбительны у тюрков и монголов и противостественны для китайцев. Поэтому оптимальным вариантом этнического контакта является симбиоз, когда этносы живут рядом и порознь, сохраняя мирные отношения, но не вмешиваясь в дела друг друга. Такая система сложилась в Египте и дала отменные результаты.

СИДОНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Летом 1260 г. монгольский правитель Сирии Китбуга-нойон со своей крошечной армией (20 тысяч, по Киракосу, и 10 тысяч по Гайтону) стоял у Баальбека, считая, что он и его войско в безопасности. С востока его охраняла пустыня, на западе высились замки христианских рыцарей. Увы, Китбуга знал пустыни, но не ведал рыцарей. Он был христианин и верил христианам.

Владелец Сидона, Жюльен, унаследовал город от деда и отца, сражавшихся первый с мусульманами, а второй - с имперцами. Жюльен имел очень большие руки и ноги, был

ширококостен и толст, считался храбрым рыцарем, полностью опозоренным морально. Игра и частые развлечения сделали его должником тамплиеров, и дело дошло до того, что ему пришлось заложить им свою сеньорию - Сидон. Р. Груссе²⁰ называет его "тяжелый барон с легкой головой" и рассказывает, что он поправлял свои финансовые неудачи грабежом соседей. Так, он ограбил окрестности Тира, где правил его родной дядя. В отсутствие мамлюков он грабил Сирию, а после завоевания Сирии монголами он снова напал на незащищенное население и вернулся в Сидон с добычей и пленными, забыв, что Сирия уже год как принадлежит монголам.

Монголы были изумлены. Они полагали, что набеги можно и нужно делать на врагов, но не на союзников, а грабежом может заниматься разбойник, а не владетельный принц. Племянник Китбуги с небольшим отрядом погнался за сидонскими рыцарями, чтобы выяснить недоразумение, освободить пленных и вернуть им принадлежащее имущество. Рыцари увидели, что монголов мало, повернули коней, окружили монгольский отряд... и всех монголов убили.

Так совершилось первое предательство, надорвавшее причинно-следственную связь событий актом произвола, имевшего, в данном случае, противоестественную доминанту. Ведь грабежа и убийства, по логике вещей, могло бы и не быть.

Впрочем, произойди такое где-нибудь около Лиможа или Арраса, особых последствий не было бы. Родственники погибшего подали бы в королевский суд, где дело лежало бы долго, пока не ушло бы в архив. Может быть, брат или отец погибшего прикончил бы при случае пару убийц, а потом все было бы предано забвению. Таковы преимущества цивилизации и блага культуры.

Но Китбуга был не француз, а найман. Он знал, что за удал в бою не судят, а предательское убийство доверившегося не прощают. Не успели жители Сидона отпраздновать удачный набег, как у стен их города появились монгольские всадники. Сир Жюльен проявил франкскую храбрость. Он защищал стены, давая возможность жителям Сидона эвакуироваться на островок, куда монголы, не имея флота, попасть не могли. Потом он сам убежал туда на генуэзской галере. Материковая часть города была разрушена полностью, а стены срыты.

Можно ли считать гибель Сидона проявлением силы вещей? Нет! Бандитизм не заложен в природе взаимоотношений людей между собой. Преступления противоестественны, а потому и подлежат наказанию. Жаль Сидона, но еще больше жаль, что монголы не поймали Жюльена. Так считал даже его тесть, армянский царь Гетум I, полагавший, что его зятя надо просто повесить "высоко и коротко".

Иную позицию заняли тамплиеры, оправдывавшие разбой Жюльена и его самого. Они даже купили у него развалины Сидона, погашая тем самым долги сеньора, неудачливого и в игре, и в войне. И, что самое странное, аналогичную попытку грабежа ничьих земель предприняли сир Бейрута, маршал иерусалимского королевства, и многие рыцари храма. Они напали на туркмен, вскинувших свои шатры в Галилее, где те спасались от ужасов войны.

Туркмены разбили крестоносных бандитов, взяли в плен их вождей и вернули их домой за большой выкуп. Отсюда видно, что феодалы и рыцари-монахи руководствовались совсем не религиозными и даже не патриотическими мотивами. Их можно было бы понять и даже оправдать, если бы они не лгали. А лгали они нагло, систематически и подло.

Делами Заморской земли и особенно Иерусалима интересовались во всей Европе. Там радовались успехам восточных христиан, сравнивали монгольского хана Хулагу и его жену - христианку Докуз-хатун с Константином и Еленой, водворившими христианство в Римской империи в 313 г., ждали окончательного освобождения Гроба Господня. Но одновременно с этими настроениями были другие, им противоположные. Папа получил информацию из Палестины от тамплиеров и иоаннитов, которые открыто заявляли, что "если придут монгольские черти, то они найдут слуг Христа готовыми к бою".²¹ Зачем? Ведь монголы шли

им на выручку. Странная логика, если не сказать больше.

Когда рыцарей Акры спрашивали, почему они так плохо относятся к монголам, рыцари приводили в пример разрушение Сидона. Получалось, что если граф или барон убивает азиата, то он герой, а если тот защищается и дает сдачи - это чудовищно. Позиция эта явно хромала, хотя бы потому, что князь Антиохии Боэмунд VI был союзником монголов. Во избежание досадных недоразумений папа отлучил его от церкви.

Собственно, отсюда пошла гулять по Европе "черная легенда" о монголах, да и о византийцах, которые год спустя без выстрела вернули свою столицу и продолжали вытеснять "франков" из Латинской империи. Так же относились братья Тевтонского ордена к литовцам и русским, не дававшим себя завоевать. И даже немецкий историк XIX в. А. Мюллер писал: "Бороться с турками с такими союзниками варварами то же, что изгонять беса силою "Вельзевула"^{J22}, но французский историк XX в. Р. Груссе, наоборот, считал позицию рыцарей изменой христианству и безумием, а их версию - подлой ложью. И мы с ним согласны.

ПУТЬ К БЕДСТВИЮ

Мамлюки султана Кутуза быстро форсировали Синайскую пустыню и, используя численное превосходство, легко опрокинули монгольский заслон в Газе, но монгольский нойон Байдар успел известить Китбугу о вторжении. Китбуга стоял у Баальбека. Узнав о внезапно начатой войне, он со всеми своими войсками двинулся на юг, к Назарету, чтобы остановить противника... Китбуга правильно рассчитал, что кони мамлюков утомлены переходом и отдохнуть им негде; а в то время степень утомленности коней определяла исход сражения, как ныне наличие бензина для машин. Расчет Китбуги был правильным, но все-таки он кое-чего не учел.

То, что сирийские мусульмане ждали Кутуза с таким же нетерпением, как христиане год назад Хулагу, было понятно. Что в Дамаске загорелись церкви, как незадолго перед тем мечети, - вытекало из хода событий и расстановки сил, т.е. было очевидно. Что генуэзцы продолжали конкурировать с венецианцами, а банк тамплиеров - с банком иоаннитов, в то время когда враг подходил к стенам Акры, тоже можно было вообразить. Но то, что рыцарский совет Акры будет обсуждать вопрос о союзе с мамлюками против монголов, т.е. с мусульманами против христиан, - это лежало вне возможностей нормального воображения. А ведь обсуждали, и только магистр тевтонских рыцарей помешал заключению этого союза. Ограничились компромиссом: приняли мамлюков как гостей, снабдили их продуктами и сеном для лошадей, позволили отдохнуть под стенами Акры и даже впускали мамлюкских вождей в крепость, чтобы хорошо угостить. Кутуз, видя такое легкомыслие, хотел было захватить Акру, но жители города стали по собственной инициативе выгонять мамлюкских воинов, частью вежливо, частью грубо. Поэтому ввести в город достаточно воинов не удалось.

При всем этом безумном легкомыслии рыцари Акры заключили с мамлюками торговую сделку: мамлюки обязались продать им за низкую цену лошадей, которые будут захвачены у монголов. Мамлюки согласились, но потом не выполнили обязательства. Видимо, этим степнякам были слишком противны титулованные спекулянты.

Дав войску и коням хороший отдых, Кутуз прошел через франкские владения в Галилею, чтобы получить возможность оттуда броситься на Дамаск. Китбуга с монгольской конницей и вспомогательными отрядами армян и грузин встретил противника у Айн-Джалуда (недалеко от Назарета) 3 сентября 1260 г. Монгольские кони были утомлены форсированным маршем,^{J23} но ведь монголы еще не терпели поражений. Горящие рвением, они шли вперед, доверяя своей силе и храбрости. Надежда на победу не оставляла монголов до конца.

Кутуз, используя численное превосходство, укрыл фланги в глубоких лощинах, а против главных сил Китбуги выставил авангард, под командованием своего друга Бейбарса. Монголы

пошли в атаку и снова скрестили сабли с половцами. Бейбарс устоял. Фланговые части вышли из лощин и окружили монголов. Китбуга, спасая честь знамени, скакал по полю битвы, пока под ним не убили коня. Тогда мамлюки навалились на него и скрутили ему руки.

Разгром был полный. Беглецы с поля боя тоже не уцелели. Их усталые кони не могли уйти от свежих, мамлюкских. Желтый крестовый поход кончился катастрофой. Связанного Китбугу привели перед лицо султана Кутуза. Пленный найман гордо заявил победившему куману, что Хулагу-хан поднимет новую конницу, которая, как море, зальет ворота Египта. И добавил, что он был верным слугой своего хана и никогда не был цареубийцей. После этих слов Кутуз велел отрубить Китбуге голову²⁴.

Надежды последнего паладина восточного христианства, найманского богатыря Китбуги не сбылись. Гражданская война в Монгольском улусе затянулась до 1301 г. и погасла лишь тогда, когда монгольские богатыри перебили друг друга. Перегрев пассионарности сжег монгольские улусы и степную традицию. Улусные ханы оказались не государями, а пленниками своих подданных, которые заставили их принять свою веру: на западе - ислам, в Китае - буддизм. Гибель Китбуги и его ветеранов оказалась не отдельной потерей, а поворотной датой истории, после которой логика вещей повлекла цепь событий по иному пути.

После того как монгольская армия откатилась за Тигр, в Сирии и Месопотамии началось поголовное истребление христиан. То культурное наследие Византии, которое пощадили арабские правоверные халифы, Омейяды и Аббасиды, еретики Фатимиды, рыцарственные курды Эюбиды, было сметено мамлюкским натиском начисто. И нельзя сказать, что свирепствовали новообращенные половцы. Нет, они только разрешали мусульманам убивать христиан, а сами расширяли ареал гибели, одерживая победу за победой. В 1268 г. пала Антиохия, в 1277-м Бейбарс одержал свою последнюю победу над монголами при Альбистане, после чего его преемник султан Калаун взял в 1289 г. Триполи, а в 1291-м Акру, Тир, Сидон и Бейрут. Дольше всех держалась героическая Малая Армения (Киликия), завоеванная мамлюками только в 1375 г. Ближний Восток из христианского превратился в мусульманский, но это еще не самая большая беда. С утратой традиции ушла культура и не заменилась другой. Разбитые осколки подобрал в 1516 г. османский султан, безжалостный Селим 1. И тогда Ближний Восток, мудрый, доблестный и творческий, превратился в этнокультурную руину.

Но времена меняются, и меняются люди. Время врачует самые тяжкие болезни этносов. И наступает выздоровление, когда происходит процесс вторичной интеграции или, вернее, регенерации.

До тех пор пока кочевники, покинувшие родную землю и оказавшиеся господами своих бывших хозяев-рабовладельцев, противопоставляли себя им и беззащитным народным массам, которых они только угнетали, но не считали даже нужным защищать, страны Среднего Востока слабели. Но внуки и правнуки куманов, карлуков, канглов и найманов, родившиеся в цветущих оазисах Хорасана, на просторах Междуречья Тигра и Евфрата, в стране, которая называлась Диарбекр - Месопотамия, постепенно сливались с местным населением в новые этнические целостности. И этот процесс вторичной кристаллизации этногенеза идет в наши дни.

Этот процесс шел исподволь с XVI в. и, как всякий инкубационный период, мог быть замечен только с большого расстояния. Этноты обновляются на основе очень сложного генезиса, преодолевая инерцию распада. В настоящее время можно ждать появления обновленной культуры Передней Азии, Ирана и Северной Африки.

А тот тяжелый период, который породил 600-летний упадок, не был предначертан закономерностями истории. Он был в конечном счете и результатом трагической случайности - победы султана Кутуза над Китбугой-нойоном в долине Айн-Джалуд.

ГИПОТЕЗА ЭТНИЧЕСКОГО ПОЛЯ

Принципы "поля" и "системы" не только не противоречат, но дополняют друг друга. Первоначальный "пассионарный взрыв" создает популяцию особей весьма энергичных и тянущихся друг к другу. "Поле" - создает причину для их объединения и дальнейшей солидарности, чаще всего неосознанной. Но даже эта первичная консорция, вступая в соприкосновение со средой, организуется в систему корпускулярного типа, чем противопоставляет себя окружению. Следующий шаг - оформление себя как социальной группы, т.е. создание жесткой системы с разделением функций ее членов: это вступление в исторический процесс развития, запрограммированного локальными особенностями географического и этнического окружения, что при единстве модели этногенеза создает неповторимые коллизии в каждом отдельном варианте его.

Если можно определить психологию личности как науку об импульсах человеческой деятельности, то этнопсихологию следует считать наукой об импульсах поведения этнических целостностей, т.е. народов. Предлагаемое определение сразу же создает несколько трудностей, которых можно было бы избежать при другом подходе и аспекте, зато, как мы увидим ниже, любой другой путь заводит исследователя в тупик, тогда как принятый нами, после труднопреодолеваемого перевала, ведет в благодатную долину, изобилующую научными результатами, следствиями и возможностями применения к предельно разнообразному материалу.

Таким образом, мы видим, что вне зависимости от расового состава, от культурных связей, от уровня развития возникают какие-то моменты, которые дают возможность в одних случаях установить дружественный этнический контакт, в других - он становится нежелательным, враждебным и даже кровавым. В чем тут дело?

Если мы примем нашу гипотезу этнического поля с определенной частотой колебаний для каждой суперэтнической и этнической группы, то увидим, что здесь все можно объяснить. Представим, что "Христианский мир" существовал как некое этническое поле, в котором колебания шли в одном определенном ритме. В то время испанец и швед, англичанин и неаполитанец считали себя принадлежащими к одной целостности, к "Христианскому миру", куда не входили, конечно, ни ирландцы, ни греки, ни болгары, ни русские, - все они были схизматики, "еретики такие, что от них самого Бога тошнит" (это цитата!J25). А вот католики все составляли единство, но в результате спада пассионарного напряжения поле это раскололось на две половины с разными ритмами. В таком расколе, вероятно, и заключается то внутреннее содержание фазы надлома, которое приводит к утрате ощущения единства внутри суперэтноса. Как мы видели, разность во вновь образовавшихся ритмах поля такова, что один ритм соответствовал индейскому, другой был ближе к полинезийскому. Те звучания, которые вступали в гармонию с индейским звучанием, дисгармонировали с русским, абиссинским и монгольским, но были созвучны с китайским. И, наоборот, протестантские звучания соответствовали совершенно чуждому протестантам по культуре православному миру и далеким полинезийцам, но не соответствовали китайцам. Действительно, англичане в Китае считались плохими, колонизаторами, хотя они гораздо гуманнее, чем французы. Но французов в Китае принимали хорошо, и французские иезуиты и прочие католические миссионеры создали основную литературу по истории Китая, избавив, в частности, меня от необходимости учить китайский язык. Достаточно читать по-французски, по старой орфографии. Все переведено, целые тома, целые полки книг стоят, а английских работ такого значения по Китаю почти нет. Таким образом, концепция биофизической основы этноса дает возможность объяснить всю совокупность наблюдаемых фактов. Я не знаю другой концепции, которая могла бы все это объяснить, и никто мне ее не подсказывает.

ДИАХРОНИЯ КАК ПРИНЦИП

Синхронистический подход позволяет собрать большой и необходимый материал по этнической истории. Но это лишь подготовительная работа для главной задачи этнологии - диахронного сравнения разных этногенезов. Поэтому начнем отсчет не от того или иного условно принятого за начало летосчисления года, а от момента рождения, точнее "зачатия" этноса. Понятно, что у каждого из известных этносов такой момент индивидуален. А совпадают они, как и у людей, лишь в тех случаях, когда этносы являются ровесниками, т.е. вызваны к жизни (этногенезу) одним и тем же пассионарным толчком.

Начальную точку отсчета - сам пассионарный толчок, или микромутацию, трудно датировать, так как современники ее не замечали, а следовательно, связывать события с космическими явлениями еще не умели. Но и когда первое поколение пассионариев-мутантов начинает действовать, современникам еще невозможно заметить в их активности начало грандиозного, почти полуторатысячелетнего процесса. Так, римляне не обратили внимания на рождение в 5 г. до н.э. плеяды пассионариев (точнее, на события 30-40-х гг. н. э., связанные с деятельностью этой плеяды), были удивлены вспышкой фанатизма в Иудее в 65 г. и Дакии приблизительно в то же время, и лишь около 155 г., после апологии Юстина-мученика, поняли, что существует особая "порода людей" (как считал философ, друг Лукиана - Цельс), т.е. христианские общины-консорции как самостоятельный феномен, выросший в последующий период (II-IV вв.) в суперэтнос - Византию. Византийский этногенез - редкий случай, когда благодаря церковной истории мы можем ретроспективно определить точную дату толчка. В других случаях она вовсе неуловима.

Но толчок - не единственная опорная точка хронологизации этногенеза. Наиболее ярким, впечатляющим событием является момент рождения этноса как новой системной целостности с оригинальным стереотипом поведения. Такое явление при всем желании не может не зафиксироваться у соседей, обладающих письменной исторической традицией. С этим событием часто связано и появление нового этнонима, т.е. самоназвания этноса. Так, 20 сентября 622 г. (хиджра) - событие инкубационного периода арабо-мусульманского этногенеза. До 632-642 гг. арабы еще фигурировали как "арабы" (этнос), а сам термин применялся как синоним кочевников Аравийского полуострова. И только после того как мусульманские армии вторглись в Сирию и Иран и разбили греков и персов, арабами стали называть этнос, воодушевленный проповедью пророка²⁶. Только после грандиозного события, олицетворяющего рождение этноса, у пассионарной популяции возникает нужда противопоставления себя как системной целостности всем окружающим соседям и необходимость в названии самих себя. В дальнейшем потомки уже не помнят причин происходившего, ибо этноним часто теряет свой первоначальный смысл. Так, уже в X в. Абу Мансур ал-Азхари (ум. в 980-981 г.) писал: "...И расходятся люди во мнениях о том, почему арабов называли арабами"²⁷. Сопоставляя момент рождения этноса и дату толчка в известных случаях (толчки в I и XIII вв. н. э.), можно определить длину инкубационного периода этногенеза - 130-160 лет и тем самым "привязать" процессы этногенезов в остальных случаях к диахронической шкале.

Можно отсчитывать возраст этноса не только от начала толчка, но и от любого яркого и легко диагностируемого периода, например от фазы надлома: ее начала или конца. Ошибка при этом, для не смещенных контактами этногенезов, составит всего плюс-минус одно поколение, что в пределах допуска, необходимого для понимания закономерностей этногенеза. Надлом - фаза выразительная, и не заметить ее трудно. Пассионарное напряжение этнической системы вдруг начинает стихийно снижаться. Происходит это самым простым способом: убийством наиболее выдающихся деятелей. Сначала гибнут политики, затем идеологи: поэты и ученые, потом - толковые администраторы и, наконец, трудящиеся - приверженцы уже погибших

вождей. Остаются только предатели, постоянно переходящие на сторону очередного победителя, чтобы изменить и ему, как только он попадет в беду, и люди столь ничтожные, что их не трогают, если они не попадают под горячую руку. Начавшийся надлом замечают прежде всего современники, не все, разумеется, но наиболее патриотически настроенные и дальновидные. В Риме еще Катон Старший отметил начавшийся процесс падения нравов, Катон Младший пытался противодействовать легкомысленным римским модницам, но безуспешно, а начиная с Гракхов идеалы республики уже не владели большинством сенаторов и открыто стали попираются. Гражданские войны, кончившиеся принципатом Августа, знаменуют конец надлома и выход этноса в инерционную фазу, что по диахронической шкале соответствует 700-750 гг. от момента толчка. В Древнем Китае начало надлома совпадает с проповедью легизма, а конец - с торжеством династии Цинь. В Византии это эпоха иконоборчества, в "Христианском мире" - Реформация. В мусульманском суперэтнотопосе надлом наступил раньше запрограммированного законами этногенеза в результате активных этнических контактов и связывался с передачей халифом Мутасимом фактической власти в руки гулямов (иноземных наемных воинов). Кончился он со "смещением": захватом Багдада в 945 г. Ахмедом Бундом вождем дейлемитов. Иногда, но не всегда, удобной точкой привязки может служить фаза обскурации, сопровождающаяся распадом этнической системы. Итак, диахрония позволяет уточнить общую закономерность природных процессов этногенезов путем сопоставлений их друг с другом.

Первым историком, попытавшимся уловить принцип диахронии, был афинский архонт и жрец храма Аполлона, бывший прокуратор Греции - Плутарх (ум. около 120 г.). Из его многочисленных сочинений замечательно параллельное жизнеописание сорока шести знаменитых деятелей Эллады и Рима; сопоставления идут попарно, что является попыткой понять исторические процессы обеих стран не как беспорядочное нагромождение случайных событий, а как две закономерные линии развития, того самого, которое мы называли этногенезом. Ограниченный в эрудиции только этими двумя этносами и недлинными отрезками хронологии меньше тысячи лет, он вынужден принять за основу не суперэтнический, а этнический уровень, что повлияло на степень доказательности сопоставлений. Позже это было воспринято читателями просто как литературный прием, а не как перспективный научный метод.

Дело в том, что Плутарх сопоставлял деяния своих героев, и, следовательно, сходство их ролей в истории, т.е. в двух историях, двух процессах, проходивших по одной схеме. Это значит, что он открыл одно из свойств исторического времени: направленность через каузальность, т.е. причинную обусловленность хода событий, несмотря на разную длину фаз.

Эллада во времена Плутарха уже лежала в развалинах (фаза обскурации), ибо интенсивная колонизация увела из страны большинство пассионариев (эллинизм), а с оставшимися дома расправились местные тираны: Набис - в Спарте и римские полководцы Метелл - в Коринфе и Сулла - в Пирее и Беотии. Рим же был на гребне могущества: он избавился от излишних пассионариев, сохранил "золотую посредственность" эпохи Августа и накопленные богатства завоеванных провинций. Это была инерционная фаза этногенеза, когда Рим представлялся современникам "Вечным городом", как в XIX веке в Европе "прогресс" кажется бесконечным совершенствованием.

Плутарх чувствовал истину, но не мог ее доказать и даже объяснить. Сравнительного материала у него не хватало; что такое "энергия", тем более "энтропия", он не знал, а понятие "система" как целостность и в наше-то время известно далеко не всем. Однако он ближе всех подошел к проблеме исторического времени как функции от ряда событий, обозримого в силу дискретности и необратимого, как необратима биография организма от рождения до смерти, потому что организм, или, если угодно, звезда - тоже системные целостности.

Точность научного вывода пропорциональна количеству накопленных и учитываемых сведений. В XX в. написана событийная история человечества за три тысячи лет, а фрагментарно - даже за пять тысяч. Вряд ли кто-либо усомнится в том, что антропосфера - одна из составляющих биосферы планеты, а этногенез - зигзаг на биологической эволюции, варианты коей у растений, животных и микроорганизмов крайне разнообразны. Виды сменяют друг друга, но жизнь как явление идет, побеждая смерть, вследствие чего очевидны биологические времена (где счет идет по поколениям), особые для каждого отдельного вида. Это диалектическое отрицание отрицания; без него наступил бы обрыв развития.

IX. Золотая осень цивилизации ОТ НАДЛОМА К "РАСЦВЕТУ"

Фаза надлома, которой мы уделили столько внимания, в Европе хронологически совпала с эпохой Возрождения - временем, которое принято считать "расцветом культуры".

Как видно из приведенных примеров (а все прочие им не противоречат), эту фазу снижения пассионарного напряжения трудно считать "расцветом". Во всех известных случаях смысла явления заключается в растранижении богатств и славы, накопленных предками. И все же во всех учебниках, во всех обзорных работах, во всех многотомных "историях" искусства или литературы и во всех исторических романах потомки славят именно эту фазу, прекрасно зная, что рядом с Леонардо да Винчи свирепствовал Савонарола, а Бенвенуто Челлини сам застрелил из пушки изменника и вандала - коннетабля Бурбона.

Очевидно, широкий диапазон поступков, от подвигов до преступлений, действует на эстетические струны души исследователя и романиста. А поскольку каждому человеку свойственно помнить светлые полосы спектра и забывать темные пятна, потому-то и называют эти жуткие эпохи "расцветом".

Чаще всего такой "расцвет" вызывает реакцию - стремление к ограничению распри и убийств. Этому стремлению способствует и то обстоятельство, что представители популяции индивидуалистов столь интенсивно истребляли друг друга или гибли во внешних войнах, манивших их богатой добычей, что процент их снижается, и тогда один из них, победивший, слегка модифицирует принцип общежития, заявляя: "Будь таким, как я".

Возникает общезначимый идеал новой фазы. В некоторых случаях идеал персона, чаще - это отвлеченный идеал человека, на которого следует равняться и которому надо подражать. В том и другом случаях смысл дела не меняется, а вариации соотношения между физическим и моральным принуждением для этнологического анализа несущественны.

В Англии общезначимым стал идеал джентльмена; в Византии был идеал святого; в Центральной Азии - идеал богатыря; в Китае - просвещенного крестьянина, грамотного, читающего философские книги. Римляне сделали идеалом своего первого императора - Октавиана Августа и сказали: "Вот идеал, ему надо подчиняться". А когда Октавиан умер, его заменил следующий, причем было предложено даже переменить название месяцев, первый месяц (июль) они назвали в честь Юлия Цезаря, второй, август - в честь Октавиана Августа, третий хотели назвать Тиберий, в честь очередного цезаря (жуткие подхалимы были римляне), но Тиберий был человек сухой, очень деловитый. Он сказал: "А что вы будете делать, когда дойдете до тринадцатого цезаря? Пусть месяц останется сентябрем". Но и Тиберий принял почитание себя как бога. После этого в Римской империи от Тиберия до Константина императоры почитались как боги, кем бы они ни были, потому что император стал мерой всего, эталоном, на который должен был равняться каждый римский гражданин или подданный империи.

Любое отклонение от общепринятого императива, где бы оно ни происходило - в Европе, в мусульманском ли мире, в восточно-христианском, на Дальнем Востоке или у индейцев

Центральной Америки, - рассматривается как что-то очень одиозное и неприятное. Если человек говорит: "А я не хочу быть на него похожим", - это уже нехорошо, это уже отклонение от нормы, это или лень, или крамола, и то и другое преследуется. А если человек говорит: "Я в общем-то хочу, но у меня не получается, да и некогда", - это небрежение обязанностями, за это положено наказание. Человек должен все время стремиться к достижению идеала, он не должен стремиться быть лучше своего идеала, потому что тогда он претендует на большее, чем ему положено, выше идеала никто не может быть, а если хочет - это дерзость, и это должно быть тоже наказано. Таким образом, это порядок, который обеспечивает возможность спокойно жить и существовать в меру своих обязанностей, никогда не претендуя на достижение решающего успеха. И даже лучше вообще не стремиться к слишком большому успеху.

Этот императив является естественной реакцией на те кровавые излишества, на те ужасы, которые люди пережили в предыдущую эпоху, поэтому он встречает большое одобрение основной массы населения: подавляющее большинство предпочитает любую регламентацию, позволяющую надеяться на защиту от произвола сильных, поэтому отличительной чертой инерции является сокращение активного пассионарного элемента и полное довольство эмоционально-пассивного и трудолюбивого обывателя. Склад обывателя встречается во всех стадиях развития этноса, но на ранних стадиях он подавляется рыцарями или индивидуалистами, а здесь его лелеют, ибо он никуда не лезет, ничего не добивается и готов чтить господ, лишь бы они оставили его в покое.

И вот эту-то фазу этногенеза мы будем называть осенью, причем "золотой", в отличие от последующей, дождливой и сумрачной. В эту осень собирают плоды, накапливают богатства, наслаждаются покоем, нарушаемым только внешними войнами, расширяют территории своих государств и терпят, пусть нехотя, великих мыслителей, художников, писателей, и даже иногда не дают им умереть с голоду. Транжируется только пассионарность. Но кто на это обращает внимание!

Но если с гармоничными людьми дело обстоит просто, то факт снижения пассионарности в мирное тихое время способен вызвать удивление: "Как же так? Войны-то нет!" Попробуем разобраться.

ИЗДЕРЖКИ "РАСЦВЕТА"

Как правило, во время войны пассионарии не успевают завести семью, но они все-таки оставляют незаконных детей, которые, собственно, и поддерживают систему на довольно высоком уровне пассионарности. И, наоборот, в мирное время комплиментарность меняет свой знак. Если женщины во время войны ценят героев, а герои часто гибнут, то в спокойные эпохи они ценят положительных, основательных людей, которые способны обеспечить их и потомство.

Французский историк Вуасье написал прекрасную книгу "Оппозиция при (римских) цезарях"¹ (это ее французское название), где он показывает, что в Римской империи в эпоху самых жестоких цезарей подавляющая масса населения была довольна. Все у них было: и пища в изобилии, потому что не было техники и труд не шел на изготовление машин, а шел непосредственно на изготовление пищевых продуктов. Они ели так, как у нас не едят миллионеры, вкусно. Дома у них были исключительно удобные, потому что опять-таки без особых фокусов с водопроводами, телевизорами и всякими газами. Они имели атриум, бани, бассейн, жили в прекрасном климате, могли купаться в море. У них не было дорогостоящего мыловаренного производства, зато они натирались естественными маслами и потом смывали их - это лучше мыла действовало, укрепляло кожу².

КАРТА. СОЗДАНИЕ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ ИМПЕРИИ

Если они никуда не вылезали, ни к чему особенному не стремились и не пытались жить в

Риме, где действительно было очень плохо, ибо в столице все очень обижали друг друга, а жили в провинции, так никто их не трогал. Римская империя буквально набухла сытостью¹³, и тем не менее в эту эпоху все историки, и римские и поздние, отмечают исключительную жестокость казней, исключительное зверство, которые касались очень небольшого слоя пассионарных людей и тех, кто был с ними связан. И даже не класса какого-нибудь, нет, можно было быть сенатором, римским патрицием, но если ты живешь у себя на вилле, то тебя, пока у государства не будет нужды в деньгах, не тронут. Почему в деньгах? Потому что каждая казнь вела за собой конфискацию имущества. И когда нечем было платить легионам¹⁴, тогда сразу оказывалось огромное количество богатых преступников. А если человек в среднем достатке живет, живи себе на здоровье. Вот те, которые устремлялись в Рим и не могли удержаться от того, чтобы не принять участия в политике, в играх, в ухаживании за дамами (а это тоже было предметом спорным в Риме), они бросались в глаза, и их, конечно, казнили. Казнили исключительно нехорошо. Подробности можно найти у римских авторов эпохи империи¹⁵.

Но энергичные римляне, несогласные с мнением цезаря или недостаточно осторожные в выборе друзей и подруг, были далеко не единственным объектом преследования.

Преследовались и христиане - зародыш нового этноса - "византийского", находившегося в фазе подъема. Религиозные гонения тоже начались в инерционной для римского этноса фазе. А почему? Да потому что вели себя христиане вовсе не так, как предписывал новый императив: они не только кесарю, но и простым римлянам не подражали. Вместо того чтобы выпить, закусить или поспать в свое удовольствие, они где-то собирались, о чем-то непонятном говорили, чужих к себе не пускали. Их тоже предавали казни.

В древности повсеместно (в Риме, в Индии и в Центральной Азии) распространено было поверие, что существуют колдуны и духи покойников, вроде вампиров, которые могут нападать на живых. Верили в колдунов и колдуний, которые якобы могут летать по воздуху и наводить чары. При императорах колдунов и гадателей начали высылать за пределы Рима. А если те возвращались, то их сжигали. Обычай сжигать людей, не похожих на нас, ввела, таким образом, вовсе не христианская церковь. Он, как мы видим, родился в языческой Римской империи¹⁶.

С чем мы это можем связать? Колдун или ведьма считались людьми необыкновенными, людьми с особенными индивидуальными качествами. А поскольку после гражданских войн наступило время, когда все из ряда вон выдающееся стало раздражать массу, когда лозунгом стала "золотая посредственность" (это слова Горация, друга Августа), то и эта категория людей пострадала на общих основаниях. Знаменательно, что в предшествующую эпоху Мария и Суллы, восстаний Катилины и Брута, убийств, которые произвел Антоний, никто никого не преследовал за религиозные убеждения или за какие-то особенные качества, тогда не трогали ни колдунов, ни гадателей, которых было много. Никто ими не интересовался.

Существует соблазн подумать, что весь наступивший вслед за этим позор и ужас свойствен исключительно грубому древнему миру. А так ли это? Посмотрим в аналогичную эпоху на просвещенные европейские страны. В Европе инерция началась в конце XVI в. И что же?

Французы изгнали гугенотов, англичане резко ограничили католиков, но Германии было не до того, потому что там был такой ущерб в населении, что в городе Нюрнберге даже разрешили двоеженство, для того чтобы пополнить как-то количество людей. В Испании была учреждена инквизиция. В протестантских странах, в Голландии например, существовали суды с теми же правами и с теми же функциями, что и у инквизиции. Именно в XVI в. началась та инквизиция, о которой мы читаем в книгах и которой в Средние века еще не было¹⁷.

В Средние века была первая инквизиция, основанная для борьбы с врагами Церкви - альбигойцами и ложнокрестившимися евреями. Донос в первой инквизиции требовал доказательств, следствие не было тайным. Наряду со многими приговорами, осуждавшими

виновных к наказаниям, эта инквизиция вынесла и много оправдательных приговоров¹⁸

В XVI в. работала вторая инквизиция, которая не оправдывала ни в каком случае, а для доноса не требовалось никаких доказательств. И дожидаясь она до наполеоновских войн. Предметом ее деятельности, так же как и у юстиции римских императоров, было преследование ведьм и колдунов¹⁹.

Как видим, этот момент - важный индикатор, характеризующий сдвиги в этническом сознании, порожденные новой фазой этногенеза. Ведь в европейском Средневековье, как и в республиканском Риме, отношение к проблеме было диаметрально противоположным: ведьм и колдунов не преследовали.

Так, в лангобардском и франкском законодательстве IX в. за донос на женщину, что она летала по воздуху и наводила какое-то колдовство, доносчика наказывали: лангобарды тюремным заключением, а франки смертной казнью, т.е. такой донос заведомо считался злостным оговором и клеветой, ибо каждому нормальному человеку здесь было ясно, что женщина на помеле летать по воздуху не может. И наказывали доносчиков! В XI в., правда, перестали наказывать, но и дело к рассмотрению не принимали. В XIII в. дела стали принимать к рассмотрению, но по большей части оправдывали. Но пришла эпоха Возрождения, и всех, кто отклонялся от следования идеально-средней норме, стали истреблять. 200 лет пылали костры, и только наполеоновские войны прекратили эту охоту на ведьм в просвещенной Западной Европе: предпоследнее сожжение произошло в Севилье в 1792 г., а через два года в протестантской Швейцарии сожгли какую-то несчастную женщину (в последний раз по такому доносу)*¹.

Как видно из этого примера, занимались этим одинаково усердно и католики, и протестанты. Следовательно, причина действительно лежала не в области религиозных разногласий, а в общем поведенческом сдвиге всех членов расколотого "Христианского мира".

Таким образом, инерционный период бесспорно имел как свои отрицательные стороны, так и свои достоинства. Теперь немного о положительных сторонах. Гармоничные люди, которые удовлетворялись своей судьбой и своим положением, имели полную возможность делать великолепную карьеру. Они выполняли свои обязанности и получали за это огромную мзду: в европейский период - с колоний, в римский период - с провинций; в общем, за счет захваченных территорий. Если их число, скажем, превысило бы возможное количество благ, то что бы им оставалось делать? Англичане, как мы знаем, нашли великолепный выход - майорат. Только старший сын может наследовать имущество своего отца лорда, а остальные, пожалуйста, служите в колониальных войсках. Большая часть не вернется, а кто вернется - с деньгами, их и обеспечивать не надо.

Так определился у европейцев в этой фазе склад пассионарности и склонность к колониальным захватам, потому что при такой технике и, самое главное, при том уровне пассионарности, какие были у англичан, голландцев, французов и даже у испанцев и португальцев, они имели колоссальный перевес над народами более старыми, родившимися ранее, чем они, и поэтому еще менее пассионарными, менее энергичными.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЕВРОПЫ

Пассионарный толчок в Африке довольно четко прослеживается. Он произошел на рубеже нашей эры, тогда же, когда и в Византии. Византия, как известно, была захвачена в XV в. турками, а с XV в. Западную Африку с потрясающей легкостью захватывали европейцы, почти не встречая сопротивления.

В Индии пассионарный толчок проявился в VII в., т.е. на 200 лет раньше, чем в Европе. Но Индия - это не страна и не народ, это полуостров, вмещающий в себя несколько суперэтнических целостностей, и поэтому появление дополнительного компонента дало возможность англичанам захватить сначала Бенгалию, а затем, при помощи искусной

дипломатии, подчинить себе всю Индию. Сделали они это руками ирландцев, завоеванных ими и нанимавшихся в солдаты, лишь бы найти кусок хлеба, и местных индийских сипаев (сипай по-персидски - воин: слово это стало обозначением англо-индийского солдата), т.е. Индия была завоевана руками индусов.

Об Америке разговор особый. В Северной Америке тоже очень давно не было пассионарного толчка, и географические условия для него неподходящие: там монотонные ландшафты. Поэтому английское и французское продвижение в Америке, несмотря на сопротивление индейских племен и мексиканцев, проходило почти беспрепятственно. Разница была только в том, что французы нашли довольно быстро общий язык и общую систему быта с гурунами и индейцами кри, которые жили в лесах, а англичане с ними воевали. Но это дела не меняло. Так была захвачена Северная Америка (т.е. и колониальное движение, подобно жидкости, выдуваемой из пульверизатора, распространялось по линиям наименьшего сопротивления: где было легко, там было хорошо и удачно). Так энергичные голландцы захватили Южную Африку, где их противниками были почти совсем голые готтентоты, все состояние которых заключалось в стаде быков, а вооружение - обожженные палки, которыми они пользовались как копьями. С ними, оказалось, можно справиться, тем более что голландцы нашли с ними и какие-то контакты, использовали их в качестве проводников в продвижении дальше на север. Это была крестьянская колонизация, потому что климат там умеренный и подходящий для европейцев. А вот Малайский архипелаг - зона контактов, и поэтому большого сопротивления малайцы оказать не могли. Перед этим малайские племена были захвачены мусульманами, и значительная часть их перешла в ислам, т.е. там уже не было монолитного этнического субстрата. Поэтому захватить Яву голландцам удалось сравнительно легко - просто одни завоеватели сменили других.

Однако ни в Китае, ни в Афганистане, ни в Турции, ни в Японии европейцы долгое время не имели никакого успеха, во всяком случае в этот инерционный период, характерный для Европы XVIII и даже XIX века.

Но и в этом плане Европа инерционной фазы - не исключение. Территориальное расширение, создание грандиозных империй, обширных колоний характерно для всех этносов, сумевших дожить до фазы цивилизации. Ведь фаза надлома - возрастная болезнь этноса, катаклизм, который надо уметь пережить, что удастся не всегда и не всем. Например, арабомусульманскому суперэтносу это не удалось. Но если этнос во время катаклизма не распался и сохранил здоровое ядро, он продолжает жить и развиваться более удачно, чем во время пассионарного перегрева и раскола поля. Тогда все мешали друг другу, а теперь - выполняют свой долг перед родиной и властью. Трудолюбивые ремесленники, бережливые солдаты, исполнительные чиновники, храбрые мушкетеры, имея твердую власть, составляют устойчивую систему, осуществляющую такие планы, какие в эпоху "расцвета" казались мечтами. В инерционной фазе не мечтают, а приводят в исполнение планы - продуманные и взвешенные. Поэтому эта фаза кажется прогрессивной и вечной. Именно в этой фазе римляне назвали свою столицу - "Вечный город", а французы, немцы, англичане были уверены, что вступили на путь бесконечного прогресса, ведущего в вечность. А куда же еще? Лишь социальное развитие идет по спирали, а этническое - дискретно, т.е. имеет начала и концы.

Поэтому, чтобы подтвердить, что Европа - не исключение, перенесемся с западной окраины Евразийского континента на восточную и посмотрим, что происходило там в инерционной фазе, наступившей на 1000 лет раньше, чем в Европе.

В СЕРДЦЕ АЗИИ

Монотонный ландшафт Арало-Каспийской равнины на востоке пересечен цепью горных хребтов: Алтаем, Тарбагатаем, Сауrom и, наконец, западным Тянь-Шанем. Склоны этих гор -

одно из красивейших мест Земли, и неудивительно, что обитатели Алтая мало похожи по культуре, быту и историческим судьбам на жителей степи: гузов, канглов, карлуков и даже куманов.

По отношению к степным соседям Алтай - крепость. "Крутой скат" (Эргене кун), где при любых переменах вокруг можно отсидеться, не сдаваясь противнику. Пищи там достаточно. Для скота есть прекрасные пастбища северные склоны речных долин, опаленные южным солнцем, а для охоты - южные склоны, поросшие густым лесом, по которым солнечные лучи только скользят, не иссушая почву и не сжигая растения. В чистых речках много рыбы, на опушках леса - птицы. Короче говоря, Алтай - самое благоприятное место для сохранения культуры, даже зародившейся в совсем других местах; потому так богата и разнообразна археология Алтая. И не случайно, что именно на Алтае началась добыча и обработка железа, ранее получаемого хуннами из Тибета и Китая.

Инерционная фаза в Великой степи продолжалась 200 лет (546-747) и закончилась трагически: этнос-создатель исчез, оставив потомкам только статуи, надписи и имя этноса - тюрк, которое стало названием целого суперэтноса. А может быть, это не так уж и мало?I10

КАРТА. ГОСУДАРСТВА ЧИНГИСИДОВ

Вихрь времени ломал дубы - империи и клены - царства, но степную траву он только пригибал к земле, и она вставала неповрежденной. Жужани, разросшаяся банда степных разбойников, с 360 г. терроризировала всех соседей и после удачных внезапных набегов укрывалась на склонах Хэкгэя и Монгольского Алтая. Захваченные в плен - они находили способ убежать. В 411 г. жужани покорили саянских динлинов, вернее - остатки их, и Баргу; в 424-м разгромили столицу империи Тоба-Вэй; в 460-м взяли крепость Гаочан (в Турфанской впадине), а в 470 г. разграбили Хотан. Жужани были проклятием кочевой Азии и всех соседних государств. Но и этому осколку эпохи надлома должен был наступить конец.

Во время жестокой эпохи надлома, перемоловшей все племена в муку, военные отряды часто комплектовались из представителей разных этносов: хуннов, сяньбийцев, тангутов и прочих. Во главе такого небольшого отряда (500 семейств) стоял некий сяньбиец Ашина, служивший хуннам Хэси в 439 г. После завоевания страны табгачами Ашина увел свой отряд вместе с семьями воинов через Гоби на север, поселился на склонах Алтая и "стал добывать железо для жужаней". Это были предки этноса "тюрк". Этноним не надо путать с современным значением этого слова - лингвистическим. В XIX веке их называли по-китайски "ту-кю" и в XX "тюркют" - по-монгольски.

В конце IV в., когда повышенное увлажнение снова покрыло землю травой, на северо-запад Великой степи перекочевали теле, ранее жившие на окраине державы Хунну. Теле изобрели телеги на высоких колесах, весьма облегчившие им кочевание по степи. Они были храбры, вольнолюбивы и не склонны к организованности. Формой их общественного строя была конфедерация 12 племен, из которых ныне известны якуты, теленгиты и уйгуры. Этноним их сохранился на Алтае в форме "телеут".

В 488 г. телеуты уничтожили хуннское царство в Семиречье - Юебань, распавшееся на 4 племена. Телеуты воевали в Средней Азии с эфталитами, а в Восточной - с жужанями... и крайне неудачно. Наконец, в 545 г. телеутов покорил глава тюркютов Бумын-каган, и с тех пор "тюркюты геройствовали их силами в пустынях севера". К тюркютам примкнули и остатки хазар, болгары-утургуры (на Северном Кавказе), кидани (в Маньчжурии) и согдийцы, а жужани, эфталиты и огоры были побеждены. Так создавался Великий Тюркютский каганат.

Чтобы держать в покорности такую огромную страну, надо было создать жесткую социальную систему. Тюркюты ее создали и назвали "эль".

В центре этой социально-политической системы была орда - ставка хана с воинами, их

женами, детьми и слугами. Вельможи имели каждый свою орду с офицерами и солдатами. Все вместе они составляли этнос "кара будун", или "тюрк беглер будун", - тюркские беки и народ; почти как в Риме: "сенат и народ римский".

Термин "орда" совпадает по смыслу и звучанию с латинским "ordo" орден, т.е. упорядоченное войско с правым (восточным) и левым (западным) крылом. Восточные назывались "телес", а западные - "тардуш". Все вместе это было ядром державы, заставлявшим "головы склониться и колени согнуться". А кормили этот народ-войско - огузы - покоренные племена, служившие орде и хану из страха, а отнюдь не по искренней симпатии. Восстания племен то и дело возникали в тюркском эле, но жестоко подавлялись, пока одно из них не оказалось удачным. Тогда тюркютов не стало.

И вот что интересно. Вместе с усложнением социальной структуры идет снижение эстетического уровня. Искусство тюркютов, надгробные статуи, хотя и эффектны, но и по выдумке, и по исполнению не сравнимы с хуннскими предметами "звериного стиля". Тюркютское искусство уступает даже куманскому, т.е. половецкому, сохранившемуся в европейской части Великой степи. Но это не вызывает удивления: тюркюты все время воевали, а это не способствует совершенствованию культуры. Зато оружие, конская сбруя и юрты - все то, что практически необходимо в быту, выполнялось на исключительно высоком уровне. Но ведь такое соотношение характерно для инерционной фазы любого этногенеза.

По сути дела, каганат стал колониальной империей, как Рим в эпоху принципата (когда были завоеваны Прирейнская Германия, Норик, Британия, Иллирия, Дакия, Каппадокия и Мавритания) или как Англия и Франция в XVIII-XIX вв. Каганат был не только обширнее, но и экономически сильнее Хунну, ибо он взял контроль над "дорогой шелка" - караванным путем, по которому китайский шелк тек в Европу в обмен на европейское золото, пристававшее к липким рукам согдийских купцов-посредников.

Шелк тюркюты получали из раздробленного Китая, где два царства, Бэй-Чжоу и Бэй-Ци, охотно платили за военную помощь и даже за нейтралитет. Тюркютский хан говорил: "Только бы на юге два мальчика были покорны нам: тогда не нужно бояться бедности" (два мальчика - Чжоу и Ци).

В VI в. шелк был валютой и ценился в Византии наравне с золотом и драгоценными камнями. За шелк Византия получала и союзников, пусть подкупленных, и наемников, и рабов, и любые товары. Она соглашалась оплатить любое количество шелка, но торговый путь шел через Иран, который тоже жил за счет таможенных пошлин с караванов и потому вынужден был их пропускать, но строго ограничивал, ибо при получении лишнего шелка Византия наращивала военный потенциал, направленный против Ирана.

Обостренная экономическая коллизия повела к войнам каганата с Ираном. Тюркюты (в отличие от хуннов и гуннов) использовали изобилие высококачественного железа и создали латную конницу, не уступавшую персидской. Но победы они не достигли. Войны привели к истощению сил не столько социальной системы каганата, сколько самого тюркютского этноса, ибо от торговли шелком выигрывали согдийские купцы и тюркские ханы, а не народ. Но пока не сказал своего слова обновленный Китай, положение и расстановка сил были стабильны. Они изменились в начале VII в+ когда снова в историю вмешалась природа и произошел раскол каганата на Восточный и Западный - два разных государства и этнос при общей династии Ашина.

Восточный каганат был расположен в Монголии, где летнее увлажнение стимулировало круглогодичное кочевание, при котором пастухи постоянно общаются друг с другом. Навыки общения и угроза спланировали народ вокруг орды и хана, и держава была монолитна.

Западный каганат находился в предгорьях Тарбагатай, Саура и Тянь-Шаня. Увлажнение там

зимнее, и надо запастись сеном для скота. Поэтому летом скот и молодежь уходили на джеильяу - горные пастбища, а пожилые работали около зимовий. Встречи были редки, и навыков общения не возникло. Поэтому вместо эля там сложилась племенная конфедерация. Десять племенных вождей получили в виде символа по стреле, почему этот этнос называли "десятистрельные турки". Ханы Ашина вскоре потеряли значение и престиж, ибо их собственная тюркютская дружина была малочисленна, и вся политика определялась вождями племен. Китай был далек, Иран - слаб, караванный путь обогащал тюркскую знать, которая могла воевать друг с другом, что и ослабило Западный каганат настолько, что войска династии Тан, находящейся в фазе подъема, легко его завоевали в 757 г.

Можно привести наряду с "Вечным элем" и другие примеры инерционных фаз: эпох торжества здорового обывательского цинизма. Такая формулировка, хотя и может показаться на первый взгляд достаточно экстремальной, на самом деле содержит в себе лишь констатацию факта.

"РАСЦВЕТ" НАЧИНАЕТ МЕРКНУТЬ

Здоровый "обывательский" цинизм следует за мятежной эпохой неизбежно. В Европе он нашел словесное воплощение в тезисе "Quius regio, eius religio" ("Чья власть, того и вера"), когда католики и протестанты лишились права выбора исповедания и согласились с этим. Это высшее проявление равнодушия. В Византии такая же усталость наступила в середине IX века.

Последней трагедией пассионарного надлома, подорвавшей силы византийского этноса, было иконоборчество. Мы уже упоминали об идеологической программе и этническом наполнении этого явления: малоазиаты схватились с греками. Борьба тянулась с 718 по 842 г. Она унесла много жизней, причем погибли те люди, которые могли противостоять врагам Византии. В результате болгары захватили Фракию, арабы - Сицилию и Крит, франки Истрию. А уж о культурно-религиозном влиянии на страны Запада можно было полностью забыть.

Но как только избыток пассионариев исчез из системы и миновала эпоха последствий пассионарного надлома - пассионарная депрессия, начался восстановительный период, связанный с пассионарным оптимумом. Это значит, что пассионариев в Византии было столько, сколько надо. Уже при Михаиле III (842-867) начались победы над арабами и болгарам. Последних даже удалось крестить. Последующая Македонская династия восстановила границы Византии по Евфрату и Дунаю, добилась крещения киевских каганов (так в Древней Руси называли суверенных государей), подняла экономику и культуру Константинополя и вознесла его славу над всем миром. Но самой главной ее заслугой следует считать то, что в это время византийству удалось инкорпорировать множество славян и малоазиатов, хотя и не всех. Византийский этнос стал менее мозаичным, т.е. более монолитным.

И это явление связано с пассионарностью, вернее, со спадом пассионарного напряжения системы. Огромный и богатый Константинополь своими соблазнами притягивал и втягивал в себя самых разных людей, искавших "карьеру и фортуны". Даже императорская фамилия и ее фавориты были в IX-X вв. не греческого, а армянского происхождения. Так можно ли вообще говорить о существовании византийского этноса? Согласно нашим дефинициям, можно и нужно. Понятие "византийство" (хотя в X в. его так не называли) существовало как стереотип поведения, устойчивость которого обеспечивалась социальными и идеологическими формами: властью василевса над телами и православного патриарха над душами. И все варяги, славяне, армяне и половцы, попадавшие в столицу империи, легко входили в устоявшийся ритм городской жизни и, говоря языком этнографии, инкорпорировались местным населением. Так, несмотря на текучесть и постоянную смену населения, культурная традиция Византии сохранялась. Наличие большого пассионарного центра цементировало периферийные области - Малую Азию и Балканский полуостров. Благодаря постоянному обмену населения связь между

столицей и фемами (военными округами), как правило, не нарушалась. А империя, защищенная храбрыми славянскими солдатами и способными армянскими офицерами, богатела, жирела и... опускалась.

В культуре ислама цивилизация - это эпоха Тимуридов, Сефевидов и Великих Моголов; в Китае - время династии Юань и Мин. Для древнего переднеазиатского Востока роль умиротворителя принял на себя царь города Аншана Кир, и Ахеменидская империя была фазой цивилизации, т.е. угасания страстей и накопления материальных благ.

Как видно из краткого, далеко не полного перечня, явление "цивилизации" в указанном смысле свойственно всем народам, не погибшим до достижения этого возраста.

Казалось бы, описанная система должна быть предельно резистентна, но исторический опыт показывает как раз обратное. Именно "цивилизованное" царство Навуходоносора пророк Даниил уподобил металлическому колоссу на глиняных ногах, и этот образ сделался классическим. Все перечисленные выше "цивилизованные" империи пали с потрясающей легкостью под ударами малочисленных и "отсталых" врагов. Для каждого отдельного случая можно подыскать локальные причины, но, очевидно, есть и что-то общее, лежащее не на поверхности явления, а в причинной глубине. Разберемся.

ПОКОРЕНИЕ ПРИРОДЫ

Как бы ни свирепствовали пассионарии, но в отношении кормящей нас природы торжествующий обыватель - явление куда более губительное. В фазе подъема ландшафт старались приспособить к своим потребностям и сохранить для будущих поколений: природу организовывали. В акматической фазе, когда все убивали друг друга ради чести, славы, богатства, ненависти, злобы, мстительности и других страстей, природой заниматься было некогда. Но когда оказалось, что человекоубийство - дело рискованное, потому что можно получить сдачи и тебя самого могут убить, тогда силы большинства населения направились по линии наименьшего сопротивления - на беззащитную природу. Именно в это время в Европе сложилась теория прогресса, согласно которой природа имеет безграничные возможности, а наше дело их использовать.

Было громко объявлено, что "человек - царь природы", и он стал брать с нее дань спокойно и планомерно. Особенно преуспели в этом наиболее энергичные европейцы, переехавшие на жительство в Америку. Американские колонисты стали обрабатывать холмы - тогда еще не песчаные, как теперь, а поросшие субтропическим, очень красивым лесом: холмы Виргинии, Каролины вплоть до Миссисипи, до Луизианы. Эта местность теперь называется Диксиленд, а была она кусочком рая на земле. Климат там не очень жаркий, потому что холодное течение, которое отделяет Гольфстрим от Америки, смягчает зональное воздействие солнца. Ведь это очень южные места (Нью-Йорк там - северный город, но какому городу у нас по широте он соответствует? - Батуми!). А поскольку там такой жары, как в Батуми, нет, поэтому там росли великолепные леса, полные дичи. Там индейки водились дикими; потом их приручили и развели в Старом Свете. Там были олени. Там можно было жить небольшой легкой охотой, не испытывая боязни, что может возникнуть голод. Индейцы, которые там существовали и которые применились к местным условиям, разводили маис, который тоже вполне обеспечивал их существование. Но когда пришли туда европейцы, то они увидели, что на этих богатых землях, если свести лес, можно сажать хлопок. А хлопок - это белое серебро - потом везли в Англию, там вырабатывали хлопчатобумажные ткани, которые развозили по всему миру. Это было легкое средство обогащения.

Для того чтобы разводить хлопковые плантации, потребовались рабочие. Рабочих сначала брали в Англии из числа бедных. Законы против бедных в Англии действовали. Бедность считалась преступлением. Нормальный человек обеднеть не может, с чего он обеднеет, если у

него участок земли, он всегда прокормится, а если у него нет, значит он его пропил, и тогда, пожалуйста, на плантации. Были белые рабы, но это недолго продолжалось, потому что англичане были достаточно энергичными и предпочитали сами уезжать в Америку, чтобы их не увозили в кандалах. И тогда началась работорговля черными. Стали ловить несчастных негров, привозить их туда и заставлять работать до упаду.

Две теории в отношении использования рабов существовали в этих южных штатах Северной Америки. Одна, что купленного негра надо заставлять работать, чтобы он успел окупить затраченные на него средства, а потом пусть умирает. Другая концепция заключалась в том, что нужно создать негру лучшие условия существования, чтобы он жил, работал долго, пусть не так интенсивно, но количеством дней он покроет затраты на себя, а если у него еще окажутся и дети, то тем лучше. И так как дети негров ценились тем больше, чем они были светлее, то хозяин не жалел своих сил на то, чтобы сделать своих рабов более светлыми, а если ему не хватало своих сил, то он всем гостям, которых приглашал к себе на гасиенду, предлагал оказать ему такую услугу. Таким образом, американцы, выходит, обращали в рабство своих собственных детей.

Для природы результат был чрезвычайно плохой. Дорст в своей книге "До того как умрет природа" приводит такие данные: чтобы смыть 10 кв. см гумуса в лесу, требуется 1500-1800 лет; при сложном земледелии совсем немного несколько десятков лет; при монокультуре десяти лет достаточно, чтобы оголить основные породы и превратить богатейшую местность в песчаные бесплодные дюны. И это проделали американские рабовладельцы с той страной, которой они овладели. Вот вам последствия миграции, которые до сих пор для Америки непоправимы. При всей своей технике американцы не могут вернуть того ландшафта, в который они приехали 200 лет тому назад. Если в Южной Америке испанские конкистадоры, убивавшие большое количество индейцев, грабившие их храмы, переливавшие золотые и серебряные изделия искусства в слитки, чтобы отвезти в Испанию, действительно были людьми отнюдь не добрыми, то гораздо больше ущерба природе принесли их довольно гуманные потомки, которые устраивали капиталистического типа хозяйства-гасиенды на завоеванных землях. Правда, в испанских колониях этот процесс был несколько осложнен тем, что испанцы изменили биоценозы Латинской Америки. Они привезли туда коров, лошадей, дали индейцам железные орудия. Привезли ослов, развели мулов, и индейцы, не имевшие транспорта, получили возможность перевозить тяжелые грузы на вьючных животных. Испанцы привезли из Аравии кофе, устроили кофейные плантации, а коров развелось столько, что Венесуэла и Аргентина превратились в мировых поставщиков мяса.

Но для того чтобы развести кофейные плантации или потом каучуковые, потребовалось колоссальное уничтожение сельвы, а сельва и так сильно пострадала во время первоначального заселения ее индейцами. Они создали сельву, описание которой можно прочесть во многих книгах, тот тропический лес Амазонки или Юкатана, где нельзя жить из-за обилия вредных насекомых и невероятно тяжелого климата. Там ужасно плохо: жара и влажность, змеи, пауки-птицееды, от укуса которых можно спастись, если только сразу руку отрезать, настолько они ядовитые, - ведь это тоже результат человеческой деятельности, только более древний. Вся эта страшная сельва выросла на переотложенных почвах, после того как индейцы, впервые пришедшие сюда, очевидно, с североамериканского континента, ее заселяли, разоряя самым варварским способом, - окоряли деревья, потом ждали, когда они подсохнут, и выжигали; сажали маис, два-три года собирали урожай. Потом, когда тропические ливни смывали гумус, уходили на следующий участок, а на месте первоначальной флоры, которой мы даже не знаем, какая она была, вырастали эти грандиозные лопухи в виде современных тропических деревьев. Но среди них были каучуконосы. Для того чтобы собирать каучук, потребовались огромные

силы и средства, потому что каучук нашел себе применение в автомобильной и в целом ряде других промышленности. Для того чтобы обеспечить безопасность этого сбора, истреблялись целые племена индейцев, которые и к этой тяжелой сельве приспособились. Убивали их, высасывали соки из каучуковых деревьев, строили на этом дворцы, оперные театры там, в бассейне Амазонки. Денег плантаторам девать было некуда, до тех пор пока семена каучука не были привезены в Африку и он перестал быть их монополией. И на месте каучуковых плантаций оставалась еще худшая "зеленая пустыня".

РАСПРАВА С ИНДЕЙЦАМИ

Столь же плачевна была история прерий Северной Америки. Это было так: пока американцы продвигались через влажные леса восточной половины своего континента, пока они еще не дошли до Миссисипи, они свирепствовали главным образом над местным населением - индейцами. Индейцы были земледельцами, имели поля, строили большие дома, довольно быстро переняли у англичан и французов огнестрельное оружие, сопротивлялись как могли, но они не сумели организовать. Для того чтобы организовать, даже в условиях крайней необходимости, нужна некоторая пассионарность, позволяющая ставить идеал выше ближних непосредственных интересов. Ведь идеал - это далекий прогноз; для того чтобы защитить себя, нужно его иметь, а не жить только сегодняшним днем, как обыватели. При всех хороших качествах - личной храбрости, выносливости, честности - нужно еще суметь сообразить, что необходимо подчиняться вождю, даже если он из чужого племени, иначе конфедерации племен создать было нельзя.

Конечно, и у индейцев попадались отдельные пассионарии, потому что и у них пассионарные толчки в свое время были. Имена индейских пассионариев мы знаем. Например, Понтиак - вождь оттавов (алгонкинское племя), Оцеола вождь семинолов, возглавивший восстание во Флориде, Сидящий Бык - вождь сиу, сумевший вывести свое племя в Канаду, Хоронимо - вождь апачей, Волчий Плащ вождь чейеннов, Острый Нос - вождь арапахов и многие другие. Однако это были реликтовые персоны, а не этносы¹².

В дальнейшем последовательно племя за племенем истреблялись американцами, имевшими хорошую организацию. Эта организация заключалась в том, что белые понимали, что подчиняться своим губернаторам штатов и своим полковникам надо, в этом есть смысл, и хотя это в данный момент не принято, но потом окупится.

И вот эта пассионарная волна перешла Миссисипи и стала распространяться по американской прерии, а прерия - это примерно наша казахская степь, с той только разницей, что в ней паслись не стада сайги, а стада бизонов. Индейцы этих бизонов истребить не могли. Они не могли использовать огромные запасы бесплатного мяса до тех пор, пока у них не было лошадей, потому что с грузом пешком по степи далеко не пройдешь. Воду надо брать с собой, а она тяжелая. Поэтому они и жили по берегам рек и на охоту ходили только очень недалеко. А бизоны безопасно паслись по всей прерии от Рио-Гранде до южной Канады, до границы леса; их прирост ограничивался только эпидемиями, которые уносили их в большом количестве из-за скученности. Иногда их резали крупные серые американские волки.

Как уже говорилось, испанцы привезли в Америку лошадей; а так как они пасли их небрежно, то значительная часть лошадей убегала в прерию. Там они одичали и стали ходить по степи, как и свойственно диким лошадям, табунами. Индейцы сообразили, что это им выгодно, стали ловить этих лошадей и заново их одомашнивать - это были мустанги. Причем индейцы прерий были люди способные. Они вполне воспринимали все достижения европейской культуры. Ездить верхом они выучились гораздо лучше европейцев, потому что те племена, которые успевали поймать мустангов и приручить их, учили своих детишек верховой езде с четырех лет, так что, входя в возраст, они на лошади чувствовали себя так же, как наши монголы,

ничуть не хуже. В связи с этим у них появилась возможность отходить далеко от рек и убивать бизонов, но они делали это крайне осторожно.

Как раз в тот момент, когда европейцы проповедовали безграничность богатств природы и теорию прогресса, согласно которой надо уничтожать вредных животных и сохранять полезных (как будто кто-то знает, кто вреден, а кто полезен), индейцы исходили из убеждения, что Великий Дух не создал ничего плохого. Все, что он создал, все должно существовать. И убивать просто так, не для еды, может только сумасшедший. Мы сейчас, с наших позиций охраны природы, вполне разделяем точку зрения индейцев сиу, но в то время они эту истину доказать никому не могли. И поскольку они протестовали против бессмысленного убийства бизонов, убийства не ради мяса, а ради шкур, кож, которые вывозили промышленники, то их самих истребили¹³. Это и была в 70-х годах XIX века так называемая "индейская война".

К несчастью Америки, прогресс техники дошел до такой степени, что американцы провели трансконтинентальную железную дорогу и стали совершенно свободно ездить из Нью-Йорка в Сан-Франциско. По дороге проезжающие джентльмены развлекались тем, что стреляли бизонов, не имея возможности даже подбирать их. Просто развлекались стрельбой. Убивали и ранили животных. Бизоны падали и гибли. Иногда, когда поезд останавливался, пассажиры, перебив несколько сот бизонов, у некоторых вырезали языки, чтобы их поджарить, но мясо и даже кожи оставляли. Они были богатые, им это было не нужно. В результате стада бизонов сократились до таких пределов, что бизонов практически в степях не стало, вместе с бизонами погибли и индейцы, приспособившиеся к планомерной и регулярной охоте на бизонов.

МЕСТЬ ПРИРОДЫ

Но ведь никогда не бывает, чтобы "свято место" оставалось пусто. Нашлись предприимчивые американцы, которые привезли сюда овец и решили, что траву съедят овцы. Но если бизон не доступен мелкому волку, а доступен только крупному, то овца вполне может быть добычей шакала (их там называют койоты), и шакалы стали делать набеги на овечьи стада, весьма сокращая их численность. Пришлось перейти к крупному рогатому скоту, и тогда появились на месте индейских племен такие группы - так называемые "ковбои", причем они создали по существу субэтническую группу среди американцев.

Они жили в своих маленьких городках очень долго, иногда всю жизнь. Дети их оставались там на жительство, культуру они не воспринимали, грамоте их учить было незачем, да и ни к чему, им все было неинтересно. Они пасли скот с малых лет, учились стрелять из длинноствольных пистолетов и пить джин в большом количестве, а также убивать тех индейцев, которые еще уцелели. Потом был создан романтический образ ковбоя для литературы и кино; появились ковбойские фильмы, ковбойская литература.

Но природа мстит за себя. Пока разводили стада коров, суслики, которые там живут в большом количестве, стали поедать оставшуюся от бизонов траву, а койоты, конечно, ели сусликов. Но суслики размножаются быстрее. И количество пастбищ резко сократилось. Кроме того, норы, которые эти грызуны выкапывают в степи, очень опасны для крупных животных - для лошадей и даже для коров. Те, если попадают в нору ногой, то ломают ногу, а животное со сломанной ногой подлежит немедленному убою (т.е. суслики воспользовались преимуществом, которое для них создали первопроходцы англосаксонского происхождения). К тому же и ковбойское хозяйство не выдержало конкуренции с планомерным мясным хозяйством Штатов, конкуренции с Аргентиной и Венесуэлой, где быки и коровы попали на места более благоприятные. Пришлось перейти к земледелию.

Тогда американцы стали самым богатым вывозящим хлеб народом, перебили конкуренцию наших русских южных помещиков, которые раньше через Одессу вывозили огромное количество хлеба. Американский хлеб - маис и пшеница были в то время настолько дешевы, что они были

любую конкуренцию. Для того чтобы хоть как-то поддержать цены на них, правительство покупало этот хлеб по минимальным ценам и уничтожало его - хлеб топили в море или сжигали, для того чтобы не снижать цены и не разорять фермеров. Остаток прерии, то, что осталось после бизонов, после овец и после крупного рогатого скота, распахали земледельцы, и тогда пошли пыльные бури.

Первая их них случилась в 30-х годах нашего века и нанесла неисчислимый ущерб, потому что сильный ветер с запада, дувший от Кордильер, засыпал песком и мелкой пылью почти все сады и поля Восточной Америки. Убрать эту пыль было невозможно, а плодородия в ней никакого не было. Только тогда начали обязывать фермеров принимать меры по сохранению ландшафта, по восстановлению дернового слоя, по восстановлению почвы. Если какой-нибудь фермер отказывался это делать, то явившийся инспектор, констатируя, что работа не проведена, приводил подрядчика. Подрядчик проводил работу, а цена работ приписывалась к подходящему налогу фермера. Это они сделать сумели. И перешли к такой культуре, которая тоже оказалась крайне выгодной, - к картошке.

Картофель, как известно, растение американское, но южное, и на севере оно почти не было распространено. Но американцы посадили клубни, картошка прижилась и стала расти там. Очень хорошо! Фермеры богатели, пока не продвинули свои поля до склонов Кордильер, где обитали на каких-то кустах жучки с длинными носиками. Этим жучкам очень плохо жилось, потому что там кустов было мало, и пищи не хватало. Вот они и приспособились есть картофельную ботву. И вместе с картошкой они победным маршем прошли по всей Америке, перебрались в Европу и дошли до нас.

Выходит, что истребление индейцев, бизонов, богатейшей природы Диксиленда, Новой Англии, где леса превращены в пустоши, в песочные дюны, все это пошло на пользу главным образом колорадским жукам, которые освоили новый континент - Европу. Так что, как видите, господство спокойного обывателя, золотой посредственности бывает не всегда полезно для окружающей среды, которая нас кормит и составной частью которой мы являемся.

И не стоит думать, что подобное отношение к природе свойственно только современным представителям так называемого цивилизованного мира. И в более ранние времена у других народов встречалось такое же потребительское отношение к природе со столь же плачевными результатами. За 15 тысяч лет до нашей эры на Земле не было пустынь, а теперь куда ни глянь - пустыня. А ведь любая пустыня - это результат гибели природы из-за деятельности человека, возмнившего себя ее царем.

Именно так трудолюбивые земледельцы, думающие об урожае одного года, превратили в песчаные барханы берега Эцзингола, Хотан-дарьи и озера Лобнор, взрыхлили почву Сахары и позволили самумам развеять ее.

Сахара продолжала расти и в античное время. Дело в том, что огромные стада лошадей, которые нужны были для римской кавалерии, паслись в предгорьях Атласа на рубеже Сахары. Они вытоптали землю так, что там тоже начала воцаряться пустыня, и до сих пор она расширяется. Свидетельство тому - недавняя Сахельская трагедия.

И ТАК БЫЛО ВСЕГДА

Вообще надо отметить, что воздействие на природу в античное время со стороны Римского мира (Pax Romana) было ничуть не меньше, чем в наше время со стороны Европейского мира, разумеется, с учетом разницы в уровне развития техники.

Чтобы убедиться в этом, посмотрим, каким пришел Рим к I в. н.э. - своей инерционной фазе. Начнем для понимания механизма явления с общего обзора тех изменений в отношениях римлян с ландшафтом, которые происходили в предыдущие два столетия. Итак, что же было в это время в Риме?

А ничего хорошего. Потому что Рим превратился из маленькой деревни, где жило 500 семейств, в победоносный "Вечный город", который распространился на большое пространство и превратился в мегаполис с миллионным, полуторамилионным и двухмиллионным населением.

Сами понимаете, что такой город надо было кормить, а кормить его было очень трудно, потому что сами римские граждане не желали работать. Они завоевали столько стран вовсе не для того, чтобы потом дома заниматься скучным земледельческим трудом. Они считали себя участниками общего дела ("республика" - общее дело) и полагали, что если оно приносит доход, то они должны получать свою долю этого дохода. И потом легионеры, ходившие в далекие походы на восток - в Грецию, в Сирию, на запад - в Испанию, на север - в Галлию (современную Францию), возвращаясь с большой добычей и получая отставку и даже земельные наделы, эти земельные наделы быстро пропивали и свою добычу тоже.

Кстати сказать, они не могли поступать иначе, потому что походы требовали от них такого нервного напряжения, что отдых им был необходим, а отдых стоил дорого. Ведь отдых - это же не просто лежать под оливой. Отдых это удовольствия, а они всегда денег стоят. И они закладывали все свое имущество, пропивали его, а потом надо было или снова идти в легионы, или (если они были старые, усталые и их не брали) получать от государства средства для существования. Им давали бесплатно хлеб, так как считали, что раз у них есть хлеб, они не пропадут. Конечно, не хлебом единым жив человек, надо и оливки, и масло, и мяса поесть, и рыбки солененькой, и вина выпить. Для этого они доставали деньги, обслуживая вождей различных политических партий. И чем активнее они обслуживали своих вождей, тем больше те вожди им платили.

В результате Средняя Италия, родившая этот этнос, совершенно изменила свой ландшафт. Богатые земледельческие угодья превратились в пастбища по той простой причине, что в те старые времена холодильников не было и мясо привезти откуда-нибудь из-за моря было невозможно, оно бы протухло. Поэтому на бойни в Рим пригоняли быков и свиней, для того чтобы их тут же резали и мясо сразу же продавали.

А хлеб можно было привезти из Африки, где в долинах Атласа были фосфористые почвы, дававшие баснословно большие урожаи. Плоды можно было привезти из Испании, из южной Галлии, называемой Прованс (букв. провинция, т.е. завоеванная страна), вино из Греции, хлеб еще и из Египта везли в большом количестве, т.е. все можно было привезти, кроме двух вещей - свежего мяса и цветов для женщин, ибо женщины, я не знаю почему, очень любят цветы.

В результате город Рим с двухмиллионным населением превратился в город-паразит, который жил за счет всех завоеванных провинций и высасывал из них все соки. Казалось бы, провинции должны беднеть, нищать и превращаться в совершенное ничтожество. Ничего подобного не было! Они, при том, что их грабили целиком и полностью, богатели, увеличивали свою продукцию и выдавали на Рим столько, сколько требовало начальство, и еще себе и своим детям оставляли - не меньше, чем отдавали.

За счет чего же шло такое процветание? За счет совершенно безобразного ограбления природы. Великолепные дубовые и буковые леса Италии были вырублены, и склоны Апеннин поросли маквисом; Испания, которая была покрыта прекрасными субтропическими лесами, превратилась в степь, по которой можно было только овец гонять, как в Монголии, и испанцы стали скотоводческим народом. В Африке богатейшие долины были выпажаны. Перестали давать какие-либо урожаи, т.е. житницы Рима (Африка и Сицилия) оказались голыми каменистыми странами, почти без почвенного слоя.

Отсюда ясно, что если мы процветаем, то всегда за счет чего-то, а древние римляне, подобно нашим недавним предкам, считали, что богатства природы неисчерпаемы. Их

потомкам пришлось убедиться, что они были неправы. Вместе с тем сказать, что у них была хорошая, веселая жизнь, нельзя. Понятно, что двухмиллионное население в Риме создано не за счет естественного размножения и даже вопреки тем демографическим тенденциям, которые в это время были. В большом городе, где много всякого рода удовольствий и удовольствия эти бесплатны (не только хлеб давали, но и бесплатные представления ставились для римских жителей и приезжих), женщины не очень стремились иметь детей. Римские матроны принимали все меры, чтобы сохранить фигуру как можно дольше.

Поэтому в Риме был отрицательный прирост населения. Пополнялось же население за счет людей из провинции, которые приезжали, и поскольку прописка там не требовалась, занимали угол и находили себе какое-то применение, далеко не всегда целесообразное с точки зрения государственной. Одни становились сутенерами, другое - контрабандистами, третьи - ворами, четвертые - наемными убийцами, женщины - проститутками - кто кем. И в огромных пятиэтажных домах в Риме им сдавали комнаты или даже углы. Теснота была жуткая. Дома строились плохо, вентиляция омерзительная, здания иногда падали, погребая жильцов под собой, но их строили заново так же скверно, потому что погибших никто не считал и не жалел.

Правда, римляне сделали несколько важных технических усовершенствований, они провели клоаку - канализационную систему, используя маленькую речку, которая так и называлась (с тех пор клоакой стала называться любая канализация), а с другой стороны, сделали водопровод. Раньше они обходились акведуками, т.е. ставили желоб на подпорках и по нему пускали чистую воду, которая все время обменивалась кислородом с атмосферой. Но в город-то акведуки не проведешь, да и грязь в городе, воздух плохой. Поэтому сделали водопровод. Они умели делать водопроводы, но со свинцовыми трубами. Вино также хранили в свинцовых сосудах, а других не было. Вода стала заражаться свинцовыми окислами. Вино портилось, и люди постоянно медленно отравлялись. Короче говоря, в Риме был очень тяжелый быт, который люди терпели, лишь бы бездельничать.

Таким образом, в инерционной фазе вся система превратилась в паразитическую, существовавшую за счет ограбления природы Средиземноморья и окрестных стран, в которые шла постоянная экспансия: Цезарь захватил Галлию, получил оттуда огромное количество золота и с помощью этого золота захватил власть в Риме; Помпей захватил Сирию; Антоний, женившись на Клеопатре, тем самым ввел в римскую систему Египет, который был оккупирован, после гибели Антония, Августом. Следовательно, к I в. создалась страна, которая ограничена была Рейном, Дунаем и Евфратом, - огромная страна. Природу спасало здесь отчасти лишь то, что население этой большой страны не превышало 50-52 миллионов человек¹⁴, т.е. такого перенаселения, как сейчас, не было, но при этом неэкономное расходование природных средств изменяло ландшафты: природные биоценозы упрощались и исчезали, расширялся антропогенный ландшафт мирового города, но ненадолго.

Этот противоестественный уровень развития урбанизации - синоним инерционной фазы, когда этнос, как Антей, теряет связь с почвой, на которой он вырос. На эту тему Джон Стюарт Коллинс в книге "Всепообеждающее дерево" пишет: "Святой Павел был прав, призывая гнев Божий на головы жителей Антиохии. Правы были и другие пророки, проклинаящие города. Но, поступая правильно, они руководствовались ложными мотивами. Суть греха была не в его моральной стороне, он относился не к теологии, а к экологии. Чрезмерная гордыня и роскошь не навлекли бы кары на людей; зеленые поля продолжали бы плодоносить, а прозрачные воды нести прохладу; какой бы степени ни достигли безнравственность и беззаконие, высокие башни не зашатались бы, а крепкие стены не обрушились бы. Но люди предали Землю, данную им Богом для жизни; они согрешили против законов земных, разорили леса и дали простор водной стихии - вот почему нет им прощения, и все их творения поглотил песок"¹⁵.

Блестяще, но неверно! Безнравственность и беззаконие в городах прелюдия расправы над лесами и полями, ибо причина того и другого - снижение уровня пассионарности этносоциальной системы. При предшествовавшем повышении пассионарности характерной чертой была суровость и к себе, и к соседям. При снижении - характерно "человеколюбие", сначала прощение слабостей, потом небрежения долгу, потом - преступлений. А привычка к последним ведет к перенесению "права на безобразия" с людей на ландшафты. Уровень нравственности этноса - такое же явление природного процесса этногенеза, как и хищническое истребление живой природы. Благодаря тому, что уловили эту связь, мы можем написать историю антропогенного, т.е. деформированного человеком ландшафта, ибо скудость прямых характеристик природопользования у древних авторов может быть восполнена описаниями нравственного уровня и политических коллизий изучаемой эпохи. Именно динамика описанной взаимосвязи - предмет этнологии, науки о месте человека в биосфере.

А пока мы можем сделать жестокий, но логический вывод. То, что европейские эволюционисты называют "цивилизацией", а мы "инерционной фазой этногенеза", не так уж безобидно и прогрессивно. Оказывается, за все надо платить. И везде, где проходила инерционная фаза, цивилизация пилила сук, на котором сидела. Потому и является неизбежной следующая фаза, о которой ни один историк или географ не скажет доброго слова.

Х. Когда надвигается тьма

СМЕНА ФАЗОВЫХ ИМПЕРАТИВОВ

Характеризуя инерционную фазу, мы уделили много места анализу тех неблагоприятных изменений, которые в этой фазе происходят в отношениях этноса с кормящим его ландшафтом.

Но еще страшнее, пожалуй, те изменения, которые, происходят внутри самой этнической системы в инерционной фазе. Ведь не надо забывать и о субпассионариях. А таковые всегда были. В фазе подъема они были совершенно не нужны и не ценились вовсе. Затем, во время акматической фазы, их использовали как пушечное мясо и ценили очень мало. А вот в инерционное, тихое время начинают возникать теории о том, что всякому человеку надо дать возможность жить, человека нельзя оставить, человеку надо помочь, надо его накормить, напоить, ну, а если он не умеет работать, что же - надо научить, а если он не хочет учиться, - ну что ж, значит плохо учим. Словом, самое главное - человек, все для человека. Поэтому в "мягкое" время цивилизации при общем материальном изобилии для всякого есть лишний кусок хлеба и женщина.

Представьте себе, как люди определенного субпассионарного склада используют такое учение, которое становится этическим императивом. Они говорят: "Мы на все согласны, только вы нас кормите и на водку давайте. Если мало дадите, то мы на троих скинемся". И им находят место, и они размножаются, потому что им больше делать нечего. Диссертаций-то они не пишут. К концу инерционной фазы этногенеза они образуют уже не скромную маленькую прослойку в общем числе членов этноса, а значительное большинство. И тогда они говорят свое слово: "Будь таким, как мы!", т.е. не стремись ни к чему такому, чего нельзя было бы съесть или выпить. Всякий рост становится явлением одиозным, трудолюбие подвергается осмеянию, интеллектуальные радости вызывают ярость. В искусстве идет снижение стиля, в науке оригинальные работы вытесняются компиляциями, в общественной жизни узаконивается коррупция, в военном деле - солдаты держат в покорности офицеров и полководцев, угрожая им мятежами. Все продажно, никому нельзя верить, ни на кого нельзя положиться, и для того чтобы властвовать, правитель должен применять тактику разбойничьего атамана: подозревать, отслеживать и убивать своих соратников.

Порядок, устанавливаемый в этой стадии, которую мы называем фазой обскурации - омрачения или затухания, - нельзя считать демократическим. Здесь господствуют, как и в

предшествовавших фазах, консорции, только принцип отбора иной, негативный. Ценятся не способности, а их отсутствие, не образование, а невежество, не стойкость в мнениях, а беспринципность. Далеко не каждый обыватель способен удовлетворить этим требованиям, и поэтому большинство народа оказывается, с точки зрения нового императива, неполноценным и, следовательно, неравноправным.

Сейчас мы попытаемся охарактеризовать эту последнюю фазу существования этноса - фазу обскурации. Тут мы встречаем затруднения в выборе примеров. Дело в том, что не каждый этнос доживает до фазы обскурации. Бывают случаи, когда он гибнет раньше, и это случается настолько часто, что фаза обскурации вообще может быть прослежена только на очень небольшом количестве примеров.

Тут неуместны примеры из новой истории, из истории Европы, которая не дошла еще до этой последней фазы своего этногенеза. Чтобы описать фазу обскурации, мы должны взять древние периоды истории, где эта фаза просматривается с достаточной четкостью и полнотой. Очень характерна для этого эпоха Поздней Хань и Троецарствия^{K1} в Китае (III в.), включая эпоху Пяти варваров и Северной Вэй (IV-VI вв.). Китай мы не будем брать в качестве примера, потому что это очень экзотическая тематика. Более доступна и понятна (просто ближе к нам и к нашей эрудиции) эпоха Римской империи, которая была настолько грандиозна, что не сумела сгнить раньше, чем ее уничтожили соседи. Древнекитайская империя Хань проделала тот же самый путь^{K2}.

Как видно из вышесказанного, обскурация характеризуется преобладанием субпассионариев, которые постепенно вытесняют и гармоничных, равновесных особей, особей - "золотой посредственности", провозглашенной идеалом в инерционную фазу при Октавиане Августе в конце I в. до н.э. Вытесняют в этой фазе субпассионарии и пассионариев, хотя и те и другие сосуществуют с ними. И тут нужно задать себе вопрос: "Каким же это образом субпассионарии, не способные к сосредоточению, не способные ставить себе цели, вести себя организованно в каких-нибудь мало-мальски длительных операциях, все разваливающие, оказываются на гребне волны и начинают диктовать всем даже не свою волю (потому что воли у них нет), а свои капризы?" Ведь это крайне невыгодно, крайне неприятно и для самих субпассионариев и, конечно, для всех окружающих, и тем не менее это происходит!

Попытаемся уловить механизм этого явления. Для этого бегло просмотрим все фазы римского этногенеза и попытаемся уяснить, как изменялась роль субпассионариев в этнической системе Рима от фазы к фазе.

НОСИТЕЛИ ОБСКУРАЦИИ В РИМЕ

Мы уже упоминали раньше, что Рим в начале своего существования был городом, который населял народ-войско. Каждый римлянин был воин и в зависимости от своего состояния служил, если денег у него было много, - в коннице, если мало, то в пехоте, как тяжеловооруженный воин. Таким образом, римляне выиграли войну против Пирра - царя эпирского, захватив Тарент, против Карфагена - три Пунических войны, захватив Сицилию, Испанию и сам Карфаген, против Македонии, против сирийского царя Антиоха и против понтийского царя Митридата - против всех и вся. Эти успехи и изобилие, связанное с ними, привели к тому, что субпассионарии, приходя из походов, уже не возвращались к крестьянскому труду на своих участках, а наоборот, пропивали их и шли в город требовать, чтобы их там обеспечивали. Они не хотели жить в деревнях. Это явление довольно понятное, но тем не менее противоестественное.

Попытка братьев Гракхов повернуть ход истории вспять и посадить этих обедневших крестьян на участки не имела никакого успеха, потому что для этого надо было отобрать землю у богатых, но богатые протестовали - они эту землю купили, а бедные никак не поддерживали своих защитников, своих трибунов, оставили их на полное уничтожение. И тут вмешался в дела

административный гений вождя партии демократов Кая Мария.

Демократы в Риме отличались от аристократов только тем, что демократическая партия была партией богатых - денежных мешков, так называемых "всадников", у которых были средства, чтобы купить лошадь, и даже не одну, а аристократическая партия базировалась на еще не разорившихся крестьянах и сенате. Обе партии были, конечно, рабовладельческие. Марий увидел, что легионеры, не желающие работать на своих участках и требующие бесплатный хлеб, могут быть использованы в качестве военной силы. Он предложил нанимать их в армию с уплатой им пайка и небольшого жалованья. Таким образом народное ополчение превращалось в армию наемных солдат. Поскольку соответствующий закон был принят сенатом и деваться было некуда, субпассионарии охотно пошли на это дело, так как на свое вооружение у них средств не было, а воевать они привыкли. Благодаря реформе армия быстро стала постоянной и даже наследственной.

Почему наследственной? Дело в том, что нанимали легионера лет на двадцать, а часто он оставался там до конца жизни, если его не убивали. Обучали этого легионера военному искусству целые дни - это были спортивные упражнения с утра до вечера. Но поскольку он был обречен на то, чтобы всю жизнь служить и всю жизнь заниматься военным делом, то он, естественно, требовал себе и некоторых жизненных удобств. Интендантская служба была поставлена в Риме очень плохо, и ее довольно быстро перевели, как мы сказали бы сейчас, на общественные начала: пустили туда женщин-маркитанток, которых солдатам продавали все, что им было нужно, за соответственную часть добычи. Естественно, маркитантки беременели. Маркитантки иногда не знали, кто был отцом младенца, а иногда знали, тогда они назывались гетерами, т.е. боевыми подругами. Эти подруги рожали детей, дети считались детьми полка и воспитывались в воинских традициях уже с младенчества, с колыбели, и поступали в когорты соответствующих легионов. И таким образом за 200 лет - со II в. до н.э. к концу I в. н.э. создалась особая прослойка в римском населении - легионеры.

Как определить их классовую сущность? Сложно! Они, конечно, принадлежали к господствующему классу, потому что поддерживали существующий порядок, но назвать их рабовладельцами довольно трудно - никаких рабов у них не было. Служили они всю жизнь, иногда, если удавалось дожить, выходили "на пенсию" с минимальным обеспечением. Если им удавалось что-то сберечь и сэкономить от своей добычи, тогда у них были деньги, чтобы дотянуть жизнь, а так вообще большая часть их погибала: войны же шли постоянно, кроме этого, сами они имущества никакого не имели. Таким образом, солдаты образовали самостоятельный субэтнос, значение коего росло с каждым годом, а стереотип поведения изменялся в соответствии с условиями пожизненной военной службы.

СУБЭТНОС ПРОТИВ СУПЕРЭТНОСА

Результатом появления нового субэтноса было то, что Рим одержал целый ряд новых побед. Была завоевана Сирия, Месопотамия (Помпеем), Галлия (Цезарем). В Германию ходили римские войска, Египет и Иллирию подчинил себе Октавиан после гибели Антония. Империя стала грандиозной, охватившей половину современной Западной Европы и значительную часть Ближнего Востока. Граница оказалась длинной и труднозащищаемой, поэтому в легионах была нужда, и легионы все время пополнялись набором желающих - добровольцев, которые находили таким образом себе хлеб и вино, славу и место в жизни.

Итак, выделившись из общего населения огромного римского империума, включавшего в себя и собственно Италию - метрополию, так сказать, и завоеванные страны, называвшиеся провинциями, легионеры сначала были весьма дисциплинированы, добросовестно несли свои обязанности. Они подчинялись своим командирам, которых назначал сенат, героически сражались в гражданских войнах, защищая своих командиров, побеждая те ополчения

сторонников республики и старых порядков, которые были им неприятны; легионеры предпочитали подчиняться не чужому гражданскому сенату, а своему командиру товарищу по походам и опасностям. Так они привели на престол сначала Цезаря, потом Августа с Антонием, потом они поддерживали всех людей, которые ими командовали. А командующий армией назывался император, т.е. повелитель КЗ. Он - не царь, не глава правительства, а именно командир войска, император. И все это продолжалось довольно благополучно до 68 года, когда проявилась первая (хотя и неудачная) попытка перехода к обскурации. Дело в том, что очередной император - Нерон вел себя настолько безобразно, что вызвал всеобщее негодование во всех западных областях империи. В восточных его как-то терпели, потому

что он был далеко и благоволил к восточным людям (к грекам, и особенно к сирийцам и малоазиатам), но там тоже, вообще говоря, когда произошло восстание, за него никто не собирался заступаться. Вот на этом восстании мы и сосредоточим наше внимание.

Первое восстание против тирана возглавил командир аквитанских легионов, некто Юлий Виндекс К4. Его поддержали испанские и лузитанские легионы, которыми командовал Гальба. Не выступили в защиту императора рейнские легионы, которые возглавлял Вителлий. Таким образом, вся западная часть от рейнской границы до Атлантики отложилась от императора. А здесь были наиболее боеспособные войска, с которыми никто не мог равняться. Ведь Виндекс и Вителлий довольно быстро договорились друг с другом, а Гальба был давним другом Виндекса.

Но оказалось, что нижнерейнские легионы (они состояли не из германцев, а из тех же римлян) решили схватиться с аквитанскими легионами, и удержать их от столкновения было невозможно, хотя вожди уже достигли договоренности. В этой битве, где было убито много людей, пал Виндекс. Инициативу взял Гальба, который, захватив Рим, подчинил его себе.

В Риме существовал корпус преторианцев - гвардейцев, охранявших порядок, сенат и особу императора. Эти преторианцы, увидев, что Гальба наводит среди них порядки и усиливает дисциплину, убили его и выбрали своим предводителем одного из собутыльников Нерона - Отона. Однако нижнерейнские легионы пошли на них войной.

Я говорю "легионы", имея в виду солдат и офицеров, но не полководцев, потому что Вителлий, бывший товарищ Отона по кутежам, больше всего хотел подчиниться ему и остаться просто командующим своей пограничной линией. Но ни офицеры, ни простые легионеры не дали ему такой возможности. Ему была поставлена альтернатива - или быть убитым, или возглавить войско, наступающее на своих боевых товарищей, из другой воинской части. В первом столкновении Отон потерпел небольшое поражение, которое ничего не решало, но ему, человеку совести, это, видимо, было настолько невыносимо тяжело, что он отказался от дальнейшей борьбы и покончил жизнь самоубийством. Вителлия привели в Рим и заставили объявить себя императором.

Против него выступили восточные легионы под командованием Веспасиана Флавия, который, вообще говоря, тоже не хотел восставать, потому что у него было дел на Востоке по горло: он подчинял и умирал восставшую Иудею. Но легионеры сказали: "Ничего подобного, какой-то Вителлий, какие-то нижнерейнские ребята там, в Риме, командуют, пошли Рим спасать".

Война приняла неожиданный оборот. Восточные легионы, закаленные в постоянных боях, не из восточных людей состояли, а из тех же римлян. Они прошли через Балканский полуостров, взяли Кремону, которая не хотела сопротивляться. Однако они ее взяли штурмом и убили всех жителей этого римского города (как римские граждане они не могли быть подвергнуты продаже в рабство, поэтому их не брали в плен). После взятия Кремоны они вступили в Рим.

Вителлий потребовал, чтобы его отпустили с престола, ибо он хочет уйти в частную жизнь. Он совершенно не хотел сидеть на престоле. Его воины запретили ему это и заставили

возглавлять сопротивление: сидеть во дворце и ждать, пока они будут убивать друг друга. Сражались же они не с врагами отечества, а со своими боевыми товарищами, пришедшими из Сирии. Сирийцы победили, перебив своих ребят с Рейна и убив самого Вителлия (его казнили, хотя он кричал, что ни в чем не виноват). Так установилась династия Флавиев.

Аналогичный случай был после третьего Флавия, Домициана, который был жестоким тираном. Его убили по наущению неверной жены. Нерва и Траян в 96 г. установили свою династию Антонинов. Она просуществовала до конца II века.

Решительный перелом в судьбе римского этноса произошел в 193 г. Именно отсюда начинается фаза обскурации Рима. Последний представитель династии Антонинов, сын философа Марка Аврелия, Коммод (прозвище, соответствующее его психике) оказался вырожденцем, извергом, убийцей, самодуром. Убивал он людей главным образом из трусости, потому что боялся, что его убьют. Кончилось это дело тем, что он обронил табличку с именами приговоренных к смерти в кровати своей любовницы. Та подобрала эту табличку, прочла и увидела, что там стоит и ее имя. Тогда она передала осужденным приближенным эту табличку. Те пригласили гладиатора по имени Нарцикс, который и убил Коммода.

Нужен был новый император. Сенат предложил кандидатуру почтенного старика Пертинакса, который сразу навел кой-какой порядок, но преторианцы пошли к нему домой и убили его. После этого они стали торговать престолом с аукциона: кто больше даст. Нашелся покупатель: некий богач, мздоимец Дидий Юлиан, который в Галлии накрал массу денег. Преторианцы получили деньги в качестве "подарков", и Юлиан стал императором.

ИМПЕРИЯ ПРОТИВ ВЕЧНОГО ГОРОДА

Тут против римских легионов выступили провинциальные: в Сирии поднялся Песценний Нигер, в Британии - Клодий Альбин, в Паннонии - Септимий Север, про которого очень остроумно сказал какой-то римский сенатор: "Ему нельзя было родиться или нельзя было умирать". Это был жесточайший человек, родом из всаднической фамилии. Командовал он уже не римлянами, а вновь набранными в провинциях фракийцами и иллирийцами (иллирийцы - это те, кого сейчас называют албанцами). Это были отчаянные ребята (как и фракийцы), потому что на востоке уже произошел тот самый пассионарный толчок, который вызвал Великое переселение народов.

Север, находясь близко от Рима, вступил в "Вечный город" без боя. Дидий Юлиан, покинутый и преданный преторианцами, был убит в своем дворце после 63 дней царствования. Преторианцам их хватило, чтобы пропить полученные деньги.

Однако преторианцы, вышедшие навстречу узурпатору с лавровыми ветвями, просчитались. Септимий Север уничтожил корпус преторианцев, состоявший из римлян: преторианцев оцепили иллирийские легионеры, направили на них копья, разоружили, выслали из Рима и разослали по провинциальным частям - два человека на когарту. Весь корпус претория (основа римского могущества в социальном смысле) был заменен. Как социальный институт он остался, но людей туда назначили уже не из римлян, а из иллирийцев, фракийцев, мавров, галлов, германцев, сарматов, арабов, приходивших на службу, из кого попало.

Таким образом, покоренные некогда Иллирия и Фракия одерживали верх над Римом. После окончательной победы над Нигером и Альбином Септимий Север облегчил положение солдат и увеличил армию (так же как и корпус преторианцев) за счет уроженцев восточных провинций (все тех же иллирийцев, фракийцев, галатов, мавров, языгов, арабов и т.п.). В результате к началу III в. почти вся римская армия оказалась укомплектованной иноземцами. Это значило, что римский этнос, переставший поставлять добровольных защитников родины, потерял пассионарность. Структура, язык и культура империи по инерции еще держались в то время, когда подлинные римляне насчитывались отдельными семьями, даже в Италии, которую

заселили выходцы из Сирии и потомки военнопленных рабов - колонны.

Вот такой была Римская империя во время царствования Септимия Севера, который не верил сенаторам, не верил всадникам, ненавидел Рим, хотя сам был римлянином, опирался на провинциальные, очень надежные войска. К Риму это уже не имело никакого отношения: Рим остался просто столицей огромной системы, которая перестала быть выражением или осуществлением римского этноса. Римский этнос оказался в своей стране в положении пока еще равноправного.

Следующим актом трагедии был эдикт Каракаллы - наследника Септимия Севера. Это был убийца, изверг, развратник. Самое страшное, что он был садист и лжец. Он издал закон, по которому римскими гражданами объявлялись все свободные подданные Римской империи, все, кроме рабов, но, кстати, египтян туда не зачислили, потому что они не проявляли никакого интереса к общественной жизни. Иллирийцы, фракийцы, германцы, галлы, греки, испанцы, мавры - все они считались одинаково римлянами, поскольку они были свободными подданными империи.

Таким образом, понятие "римлянин" переменяло свое содержание. Если раньше это были потомки патрициев и плебеев, основавших город Рим и завоевавших себе Средиземноморье, то теперь это - жители того самого завоеванного Средиземноморья, которые пополняли легионы и, через легионы, командование. Самым худшим в этой Римской империи было даже не положение несчастного податного населения, которое грабили всеми возможными способами, а положение сената - людей довольно богатых и издававших указы, якобы действительные по всей империи. Сенаторов убивали когда хотели и сколько хотели. Сенат должен был раболепно ползать на животе перед императором, потому что каждая попытка самостоятельности вызывала казни. К счастью, Каракаллу зарезали в персидском походе.

Таким образом, военная диктатура Северов продлила существование римской системы всего на сорок лет, а потом началось... В 235 г. солдаты убили Александра Севера и его умную мать - Маммею, передав престол фракийцу Максимино. Проконсул Африки, исконный римлянин Гордиан выступил против него вместе со своим сыном... Оба погибли. В 238 г. солдаты убили Максимиана, а преторианцы - соправителей Пупиена и Бальбина. Гордиана III убил префект преторианцев Филипп Араб в 244 г., а этого - Деций в 249 г. После гибели Деция в битве с готами солдаты убили Галла, потом Эмилиана. Империя развалилась на части: запад, где властвовал Постум, и восток, где правил пальмирский царь Оденат, отразивший персов.

Император Постум был в Галлии довольно долго. Потом, когда он был убит своими солдатами, Галлию снова подчинили Риму. Но каким образом? Тут тоже нелишне остановиться на одном существенном моменте. От Постума унаследовал Галлию некий Тетрик - очень хороший человек, дисциплинированный, который меньше всего на свете хотел восставать против законного римского правительства. Но солдаты поставили ему, как и Вителлию, альтернативу - либо будешь нас возглавлять, либо тебя убьем и назначим кого-нибудь другого. Тетрик согласился не быть убитым, повозглавлял это войско, а потом перед решающим сражением сбежал к своему противнику Аврелиану и доложил, что, мол, так и так. Но его, конечно, никто не обижал, никто не тронул, потом его назначили на очень большую "должность" - корректора Италии (соправителя). А легионеры? Сражались, пока не были перебиты.

При каждом солдатском мятеже (а в III в. их было очень много, через каждые примерно полтора-два месяца) солдаты расправлялись со своими злейшими врагами, а кто злейший враг у солдата? - Старшина и взводный! Легионеры убивали тех младших командиров, которые поддерживали среди них дисциплину. А так как вакансии все время надо было заполнять, то все время ухудшалось качество унтер-офицерского состава - скелета армии. Легионы превращались из лучшей в мире обученной армии в банду или несколько банд, которые соперничали друг с

другом, а командованию подчинялись по собственному усмотрению.

Именно их руками были последовательно убиты императоры Таллиен, Авреол, Клавдий II и Квинтилл, царствовавший 17 дней.

Гибель императора Валериана в 260 г. произошла опять-таки по вине его собственных закаленных легионеров. Перед битвой они потребовали, чтобы император Валериан отправился к персидскому шаху и договорился о свободном отступлении. Им, видите ли, сражаться не хотелось. Ему пришлось под угрозой смерти отправиться туда, где персы взяли его в плен, изуродовали, посадили в "башню молчания" - тюрьму и издевались над ним так, что он умер. К несчастью для него, это мучение длилось девять или десять лет. А легионеров, лишенных командования, персы перерезали. После этого они захватили Малую Азию, Сирию, Египет, и императору Аврелиану пришлось выгонять и персов, и брать Пальмиру, которая овладела тоже большим количеством азиатских земель и стала самостоятельным арабским государством.

Аврелиан был крепкий человек, именно он воевал с Тетриком, помиловал его. Он помиловал и пальмирскую царицу Зенобию, но он совершенно безжалостно обращался с сенаторами, и сенаторы считали его, не без основания, палачом. Кроме того, он, иллирийский крестьянин, воин по призванию, очень не любил беспорядки и нечестность.

Когда выяснилось, что один из его министров финансов портит монету и страшно на этом наживается, он казнил этого министра финансов и велел порченную монету изъять из обращения. Это вызвало финансовый кризис, и Рим восстал. Семь дней шли бои на улицах Рима, которые умирляли легионеры, между прочим, не римляне. Аврелиан навел порядок и хотел уже идти на войну против персов, когда узнал, что один из его ближайших соратников, вольноотпущенник Мнестий - жулик. Когда это выяснилось, тот, зная характер императора, решил, что ему долго не жить. Тогда он подделал подпись императора под смертным приговором его ближайших соратников. Те убили императора. Но когда обман раскрылся, Мнестия бросили на съедение хищным зверям.

После Аврелиана были поочередно убиты старец консуляр Тацит, его брат Флориан, паннонский офицер Проб, Кар, Нумериан, Апр. Лишь в сентябре 284 г. царем был провозглашен Диоклетиан, который воспользовался тем, что его соперник Карин (сын Кара) был убит своими сподвижниками. Республика кончилась.

Это длинное перечисление цареубийств позволяет понять ход этнического развития, если мы учтем, что простых людей убивали куда больше.

При такой обстановке любая пассионарная система рассыпается. Пассионарий силен там, где его окружают или слабопассионарные люди, или народ, более сильный пассионарно, но увлеченный каким-то идеалом - далеким прогнозом, или гармоничные, равновесные особи, которые, охотно доверяя своему вождю, поддерживают его и не стремятся даже его заместить - это самое надежное.

Но когда пассионарные люди окружены со всех сторон "жизнелюбами" положение становится крайне тяжелым. У субпассионариев инстинктивные реакции (выпить - непременно сейчас, пожрать, найти гетеру, избить кого-то, кто не понравился) не имеют противовеса в виде сдерживающей пассионарности, и потому "жизнелюбы" находятся во власти своих несдерживаемых эмоций. Когда любителей жить весело и просто становится много и в руках у них много оружия, поддерживать существующую систему становится трудно. И ведь нельзя сказать, что в Риме в это время не было ни одного волевого полководца или умного дипломата (в огромной стране их хватало!), но вот верных исполнителей было мало.

Диоклетиан понял, что только отсталая провинция может его спасти. Поэтому он разделил заботы по охране границ с тремя сподвижниками, а резиденцию учредил в малоазиатском городе Никомедии, далеко от Рима, и окружил себя войсками из иллирийских, фракийских и

мезийских горцев, еще не потерявших боеспособности. Он создал бюрократию, потому что с полным основанием не доверял растленному обществу. Он возобновил гонение на христиан и манихеев, потому что эти общины жили по своим, а не по его законам. Короче, он использовал инерцию не этноса, ибо таковая иссякла, а культуры, созданной предыдущими поколениями. Но и он капитулировал перед силой вещей, так как стал не главой республики (princeps), а царем государства (dominus).

И все-таки, несмотря на трагичное положение, римская армия удерживала границу по Рейну, вал по Твиду, реке в Шотландии, и неплохо справлялась с нумидийцами и маврами. Тяжелее было на Востоке.

УГАСАНИЕ ИРАНА

Главным противником Рима здесь была Персия. После того как в 260 г. император Валериан потерпел поражение от персидского шаха Шапура I и был взят в плен, Персия, располагая в 50 раз меньшими ресурсами, успешно и непрерывно вела войну в Месопотамии.

Что же уравнивало столь большую разницу в силах? Для ответа на этот вопрос обратимся к анализу истории парфяно-персидской этносоциальной системы и ее фаз.

Древняя Персия, покорившая на западе Вавилон, Малую Азию, Сирию и ЕгипетK6, а на востоке Согдиану и часть Индии, рассматривала себя как мировую империю - Иран, противопоставлявший себя Турану. Иран и Туран населяли близко родственные племена арийцев. Разделяла их не раса или язык, а религия. Персидские цари покровительствовали учению Заратуштры - дуализму, согласно которому мир разделен на почитателей Ормузда, божества света, и поклонников Аримана - владыки мрака. Догматика этого учения сложна, но, к счастью, нам здесь не нужна. Важно лишь само противопоставление Ирана Турану, под которым понимались Средняя Азия и современный Афганистан. Там почитали не Ормузда, а дивов - древних племенных богов, аналогичных эллинским олимпийцам.

Победа Александра Македонского над персами оказалась неожиданно легкой, но туранцы - парфяне под предводительством вождя племени саков Аршака - в III в. до н.э. вытеснили македонян из Ирана, во II в. до н. э. захватили Вавилонию (141 г. до н.э.), в I в. до н.э. нанесли поражение римлянам (53 г. до н. э.) и затем удерживали западную границу до самого падения династииK7.

Парфия была страной феодальной и либеральной. Во главе стояли четыре царские фамилии Пахлавов, ниже - семь княжеских родов, 240 дворянских семей и дехкане - бедное дворянство, обязанное служить в войске. Еще ниже: купцы, городские ремесленники и крестьяне; а еще ниже - рабы. Кроме того, в городах были колонии христиан и иудеев, а в горах и степях - разнообразные племена, каждое со своей верой, обычаями и порядками. И все ведь уживались, не мешая друг другу. Это была единая, многоэтническая система.

Первые 200 лет (250-53 до н. э.) - фаза этнического подъема, которую лаконично обрисовал поэт Бехар:

На западе римляне, саки с востока,
Два бились в твердыню Ирана потока.
Но Парфии войско стояло меж ними.
Вот саки бегут, вот смятение в Риме.
Бойцы Хорасана, Гургана и Рея
Отбросили недругов грудью своеюK8.

Поэт правильно отметил области, бывшие самыми бедными, редконаселенными, но наиболее героичными. Эти области были расположены на окраине древневосточного ареала, вследствие чего гниение разлагавшейся ассииро-вавилонской культуры отравило их минимально.

Второй период - акматическая фаза (50 г. до н.э. - 224 г. н.э.) характеризовался

разнообразием культурных влияний, династическими войнами и отказом от эллинизма ради зороастризма. Но эта смена вех не спасла династию Аршакидов. Для персов они оставались туранцами, чужаками и захватчиками.

В 224 г. один из семи князей, Арташир из Парса, потомок Сасанидов, при поддержке зороастрийского духовенства и местных дехкан разбил войско парфянского царя Артабана V и в 226 г. короновался шахиншахом Ирана. С этого времени ведет начало "союз трона и алтаря". "Чистая религия" была объявлена государственной, и "идолопоклонство" (т.е. племенные культы) подвергнуто гонению. Сабейзм, гностицизм, греческий политеизм, халдейский мистицизм, христианство, буддизм и митраизм должны были склониться перед религией Авесты. Проповедь гностика Мани, дозволенная при Шапуре I в 241-242 гг., закончилась казнью мыслителя при Бахrame I в 276-277 гг.

Только иудейство не подвергалось гонению: ведь евреи были искренними врагами Рима, с которым Иран вел постоянные войны. Короче говоря, в Иране III-IV вв. жить было трудно, но можно. Тяжело было всем, хотя и по-разному, как всегда бывает в инерционной фазе. Вот здесь и кроется разгадка успехов Персии в войне с Римом: Персия была моложе. Когда в Риме уже наступила эпоха солдатских императоров, Персия еще переживала время, эквивалентное империи Августа. Наличие "золотой посредственности" хотя и снижало творческий потенциал, но давало огромные возможности по координации сил гармоничного населения.

КАРТА. ИРАН И СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ДРЕВНОСТИ

Короче говоря, Персия III в. обладала всеми недостатками и всеми достоинствами, которые мы упоминали, говоря о фазе инерционной.

Однако неумолимый ход этногенеза привел Персию (так же как и Рим) к последней фазе развития этноса - обскурации. И хоть случилось это позже и иначе, чем в Риме, логика событий была та же самая.

Шах Кавад (488-531) унаследовал сложную этносоциальную систему, которую его предки старательно поддерживали. Три знатных парфянских рода: Карены - в Армении, Сурены - в Хорасане и Михраны - в Арране, были опорой престола. Мобеды - жрецы и дабири - писцы составляли интеллектуальную прослойку. Азады - свободные служили в коннице. Четвертое сословие платило налоги, обрабатывая землю и разводя скот.

Но чтобы поддерживать эту систему, осложненную наличием малых этносов: дейлемитов, арабов, саков, иудеев, армян, христианских общин несторианского и монофизитского толка, митраистов и гностиков, требовалась постоянная трата пассионарности; и однажды ее перестало хватать.

Началась фаза этнической обскурации - сокращение числа элементов, составляющих этносоциальную систему. Произошло это так. Стихийные бедствия засуха, недород, налет саранчи - вызвали в 491 г. беспорядки, и тогда фаворит шаха, вазир Маздак предложил свою программу, состоящую из двух частей: философской и экономической. Маздак полагал, что царство света и добра - это сфера воли и разума, а зло - стихийности и неразумия. Поэтому надо построить мир разумно: конфисковать имущество богатых и раздать его нуждающимся. Поскольку "нуждающихся" выбирал сам Маздак, то понятно, что в короткое время к существовавшим группам населения (субэтносам) добавилась еще одна - маздакиты, т.е. желавшие жить за казенный счет, пополняя казну конфискациями.

Эта программа (особенно изъятие женщин из гаремов) встретила сопротивление, а недовольство повлекло казни, причем гибли знатные люди, составлявшие конницу - основную силу персидской армии.

В 529 г. царевич Хосрой произвел новый переворот, казнил Маздака, лишил престола своего отца Кавада и перевешал за ноги маздакитов. Но восполнить потери было невозможно.

Нечем было даже наградить участников переворота, лишившихся своего имущества, растраченного Маздаком и его приверженцами. Шах мог предложить им службу в армии за поденную плату... и тем пришлось согласиться, чтобы не нищенствовать. Так в Персии сложилась постоянная армия, а шах стал солдатским императором.

Последние 120 лет протекали трагично. Регулярная армия одерживала победы над греками, эфиопами и тюркютами, но она же оказалась соблазном, повлекшим губительные последствия. Двенадцать конных полков были единственной реальной силой в Иране, и сын Хосроя, Хормизд (579-590), опираясь на армию, довершил дело Маздака: за десять лет он казнил 13 тысяч вельмож и мобедов. Отпали арабы Двуречья, дейлемиты отказались покоряться, оскорбленный спахбед (воевода) Бахрам Чубин восстал, а вельможи Биндой и Бистам, чтобы избежать казни, убили Хормизда.

Бахрам стал шахом, но византийская интервенция вернула престол Хосрою II, оплатившему грекам за помощь в беде истребительной войной (604-628). Но коллизия повторилась. Шах пожелал убить победоносного полководца Шахрвараза, а сам был убит своими приближенными при поддержке несториан. А после этого началась чехарда шахов, пока на престоле Ирана не оказался Иездегерд III. Этот быстро проиграл войну с арабами, бежал в Мерв, не был впущен в город, а зарезан мельником, у которого вздумал переночевать (651).

На этом все кончилось. Халиф Омар, завоевав Персию, стремился не обращать персов в ислам, а собирать с них джизью и харадж - налоги на иноверцев. Чтобы воспрепятствовать чрезмерному обращению, он запретил мусульманам владеть землей на завоеванной территории. Поэтому богатые землевладельцы сохраняли и землю, и религию, платя высокие налоги. Зато бедняки и дехкане, не дорожившие своими клочками земли, охотно переходили в ислам и получали высокооплачиваемые должности, например сборщиков податей. Поэтому большая часть персов добровольно стала мусульманами, а богатые интеллигенты эмигрировали в Индию. Так Иран стал мусульманским, потому что к этому времени персы не имели ни сил, ни желания отстаивать зороастризм от энергичных носителей ислама.

НЕИСТРЕБИМАЯ ЖИЗНЬ

Теперь, уяснив суть римско-иранской коллизии, мы вернемся в Рим и посмотрим, каков был там итог последней фазы этногенеза.

Итог был следующий. От страны начали отлагаться разные ее части. В 274 г. римляне оставили завоевание Траяна - Дакию. В Дакии образовался этнос, который мы называем "румыны". Дело в том, что со времен Траяна до Аврелиана Дакия римлянам была нужна. Там было золото в рудниках, римляне его выкачали и использовали эту страну как место ссылки преступников. Преступники были со всего Ближнего Востока - и македоняне, и греки, и фригийцы, и галаты, и исавры - кто попало. Каждый имел свой язык, но чтобы понять друг друга, они говорили на общем языке - языке начальства, на латинском языке (конечно, нелитературном). И когда римляне уходили из Дакии, то они, естественно, преступников и их потомков там оставили: зачем их брать с собой? Зачем им преступники внутри страны? Своих много! И те жили в горах Карпатах, в степях, в лесах в благодатном климате.

Открыли их совершенно случайно, в конце IX или начале X в. Произошло это открытие из-за осла. Дело в том, что в это время болгары, которые постоянно воевали с Византией, делали набеги, брали добычу и уходили за Балканы. В горах они были недоступны. И вот после такого набега, когда византийские войска преследовали отступивших болгар, а те уходили с нагруженными добычей ослами и лошадьми в горы по тропинкам, какой-то осел взял и заурустел, т.е. стал биться, скидывать вьюк, кричать, вести себя недисциплинированно. И страшно перепуганный погонщик закричал ему: "Torbo, torbo, frater!" ("Успокойся, успокойся, братец!"). А византийский офицер, знавший латынь, образованный человек, записал, что,

оказывается, у этих дикарей есть ромеи, т.е. потомки римлян. Таким образом вскрылось существование румын, которые служили в болгарских войсках.

Потеря Трансильвании для римлян была небольшим ущербом. Гораздо хуже обстояло дело с теми частями империи, которые продолжали оставаться в ее составе. В конце III в. кипела Галлия, где крестьяне устроили восстание и уничтожили все неукрепленные поселки и усадьбы. Это было знаменитое восстание багаудов.

В это же время восстали буколы, т.е. пастухи в дельте Нила в Египте. Их поймать было невозможно, потому что они среди многочисленных протоков были дома. Они не признавали власти римлян и не платили налогов, а убивали всех, пришедших из городов, особенно из Александрии. Война с ними была очень тяжела. Восстали гарманты - это племя тиббу, негроиды, которые живут в Триполитании. Их надо было отгонять. Восстала вся провинция Африка.

Понятно, что система, которая пережила столетие таких постоянных безобразий, трудностей, самоистребления, не может быть резистентной, и поэтому нечего удивляться, что сравнительно небольшие отряды готов, вандалов, свевов (собственно, одного из свевских племен), франков, лангобардов и других германских, а также и славянских племен пронизали всю страну насквозь.

А теперь поставим вопрос: может быть, это падение Римской империи было кризисом рабовладельческой формации? Все было бы очень просто. Конечно, кризис рабовладельческой формации был, и, конечно, рабовладельческое хозяйство было совершенно нерентабельно в этих условиях, но почему-то погибла только западная половина. А восточная уцелела - со всеми теми же законами, со всеми теми социальными институтами, теми же порядками, и тем же кодексом римского права, который был кодифицирован в Константинополе, а не в Риме; и даже долгое время - 1000 лет - носила то же самое название Восточная Римская империя, которую мы сейчас называем Византией.

Вероятно, социальный момент показывает нам одну сторону явления, но когда мы хотим охватить явление целиком, то мы должны брать и другие моменты, в том числе и момент этногенеза. На Западе, где были основные потомки римлян и римские поселения, мы видим полную деструкцию - замену исконно римского этнического состава населяемых областей на совершенно новый. Немецкий историк Т. Моммзен показал, что уже в период начала инерционной фазы, т.е. "Золотого века", всеобщего процветания, ни мужчины, ни женщины в Риме не хотели иметь детей. Противоестественные пороки стали повседневным явлением. Женщины особенно не хотели иметь детей, чтобы не портить фигуру, мужчины - потому что у них было много других занятий^{K10}.

Инстинкт отцовства у римлян ослабел. А с чем вообще связан инстинкт отцовства? Он постоянен для всех людей, всегда стремящихся "родить и вырастить". Но это при нормальном взаимоотношении с пассионарностью. А если пассионарность заметно больше инстинкта самосохранения, то, естественно, можно и пожертвовать своими детьми, как делали римские герои легендарного периода. Один из них послал сына, а потом внука на врага. Их убили! Но они успели вдохновить римлян, которые должны были одержать победу; и римляне победили.

В результате в Риме наступила депопуляция: убыль населения за одно только III столетие была очень большая. Насколько - сказать, конечно, нельзя, потому что, естественно, статистики, во время столь беспокойное, никто не вел, и исследование надежных данных не дает, но вот Испания потеряла половину населения, сколько Галлия - неизвестно, Италия же потеряла очень много^{K11}.

Хозяйство в таких условиях, конечно, развалилось, и рабов уже нечем стало кормить. Их стали сажать на землю и превращать в колонов. Италия стала заселяться захваченными

военнопленными, посаженными на землю, которые, естественно, будучи разноплеменными, как в Дакии, изучали латинский язык, чтобы объясняться со своими соседями и начальством. Кроме военнопленных, заселяли Италию и иммигранты. Например, в Сирии было большое количество крестьян, которые уже настолько изуродовали природу своей страны хищническим, безрасчетным земледелием, что наиболее энергичные из них уезжали в северную Италию и там селились. А так как эти сирийцы были по большей части христиане, то у них были моногамные браки и, следовательно, большие семьи. Они довольно быстро заселили долину По, которая раньше называлась Цизальпийская Галлия, но уже от галлов и от римлян, которые их завоевали, никакого следа не осталось. Там сложилась другая популяция итальянцев, отличная от тех, которые были вокруг Рима, близкая к сирийским семитам, христианская по религии и латинизированная по языку. Вот так из обломков старых складываются новые этносы.

ВОЗВРАЩЕНИЕ УТРАЧЕННОГО "РАЯ"

Таким образом, можно видеть, что утрата этносом пассионарности процесс необратимый, но постепенный. Дети героев, хотя и не все одновременно, превращаются в капризных мальчишек и тупых эгоистов, не умеющих отличить приятное от необходимого.

Что остается от периода обскурации? Остаются реликты - отдельные остатки. Вот таким реликтом, например, были предки румын. Таким реликтом были баски, которые уцелели от доримского периода в своих горах, где их просто не сочли достойными завоевания. Считалось, что Баскония подчиняется Риму, но никто не устанавливал там никаких порядков.

После того как иллирийские легионеры сказали свое слово, остались их потомки, менее пассионарные. Они уцелели в Албании и довольно долго там жили, причем уже не производя никаких великих пертурбаций в окружающем мире. Когда в той же Албании или Басконии появлялся какой-нибудь пассионарный юноша, то ему дома делать было нечего, и баск шел наниматься на службу к французскому или испанскому королю, а албанец - или в республику Венеция, или в Константинополь, кто бы там ни сидел - христианский или мусульманский монарх, все равно. Он шел наниматься в войска, он шел заниматься торговлей, организовывал банду. А те, кто оставался, составляли реликтовые этносы, попадающие в состояние гомеостаза.

Так что же такое этнический гомеостаз? Одно время считалось общепризнанным, что гомеостатические этносы - это просто отсталые племена. Их считали примитивными, неполноценными. Думаю, что эта точка зрения абсолютно неприемлема для нас, потому что она отражает устарелые и уже отброшенные во всем мире концепции расизма. А почему им, собственно, было отставать в развитии, чем они хуже нас? Они не хуже нисколько, к своим условиям применились и адаптировались точно так как мы применились к своим. Разве у нас все такие энергичные, все такие пассионарные, все такие творческие? Слава Богу, нет. Потому что если бы все занимались искусством, наукой и политикой, то для кого нужно было бы писать книги, рисовать картины, строить дома? Должен же быть и потребитель, который сделает что-то другое.

Среди так называемых цивилизованных народов (англичан, французоз, русских, китайцев, да каких угодно) имеется достаточное количество людей того типа, который мы считаем характерным для гомеостаза. Вся проблема в том, что при гомеостазе этот тип гармоничного человека является исключительным: пассионарные особи не уживаются в таких этносах, которые иногда образуют очень примитивные общественные формы, иногда наследуют от прошедшей истории сложные. Иными словами, все эти реликтовые народы - это не начальные, а конечные фазы этногенеза, этноса, растерявшие свой пассионарный фонд и поэтому существующие в относительно благополучном состоянии.

Изменяется ли императив поведения при переходе в гомеостаз? Да, изменяется.

В страшную эпоху обскурации, как мы уже говорили, императивом поведения была

команда: "Будь таким, как мы, простые легионеры, не выпендривайся, императором мы тебя поставим за то, что ты хороший парень, а не за твои заслуги, и будем держать тебя, пока сами того хотим..."

Заметим, что, убивая своих предводителей, носители этой фазы обрекают на гибель и себя, потому что они становятся жертвой любых, даже относительно очень слабых соседей. Их уносит поток природного этногенеза, и остающиеся тихие люди, которые были никому не заметны, воздвигают новый и последний императив коллективов к личности: "Будь сам собой доволен. Живи и не мешай другим, соблюдай все законы, и мы тебя вообще не тронем". В гомеостатическом обществе жить можно, жить легко. Это, можно сказать, возвращение утраченного рая, которого никогда не было. Но кто из нас согласился бы променять полную тревог и треволнений творческую жизнь на спокойное прозябание в таком гомеостатическом коллективе? От скуки помрешь!

Это прекрасно передано у такого бытописателя, как А. Островский. Он описывает, как попал в гомеостаз актер Счастливец. "Все, - говорит, хорошо, тетушка у меня есть, всегда меня накормит, говорит: "Кушай, ты, души своей погубитель", водочки даст: "Выпей, души своей погубитель", "Поголуй, души своей погубитель". "Я, - говорит, - погуляю по садику, водочки выпью, закушу, лягу в светелке наверху. Яблони цветут, дух легкий, птички поют, а мысль - тук-тук-тук, а не повеситься ли мне?" - И пошел этот бедняга Счастливец, как всем известно, опять в бродячие актеры.

Мы знаем на территории Ойкумены большое количество реликтовых этносов, которые потеряли способность к саморазвитию, у которых процесс этногенеза закончился. Их очень много и в тропической Америке, в южной Индии, встречаются они в Африке, есть они в Индонезии, на Малакке, они весьма неактивны и живут спокойно. Прирост населения они регламентируют, чтобы не превышать численности, так как знают, что увеличение численности населения ведет к оскудению региона. Они поддерживают баланс соотношения своего племени с природой - это то, о чем мечтают все цивилизованные государства мира.

У папуасов, например, существовал обычай, что каждый юноша, желающий иметь ребенка, должен убить человека соседнего племени, принести его голову, но при этом узнать его имя, потому что количество имен строго лимитировалось, и только тогда ему давали право на то, чтобы он завел ребенка¹².

Индейцы в Северной Америке вели меж собой жесточайшие межплеменные войны, которые, с точки зрения европейцев, были бессмысленны: земли много, бизонов полно, почему же тогда сиу убивают, например, черноногих, а те, в свою очередь, убивают дакотов, шаены убивают команчей, команчи - шаенов¹³? Зачем? А потому что индейцы Северной Америки великолепно знали, что дары природы не беспредельны, они могут прокормить без ущерба для воспроизводства, нормального, природного, лишь определенное количество людей. Если ты хочешь иметь ребенка, поди убей соседа, а когда освободится место, заводи ребенка. В противном случае они не давали этого делать.

Правда, в Америке не было таких ограничений, как в Новой Гвинее у папуасов. Им этого не требовалось, потому что у них эти войны были постоянно и можно было принести скальп человека из соседнего племени или убить серого медведя гризли - это считалось равноценным, после чего юноша мог стать отцом

семейства. Благодаря этому индейцам удалось поддержать природу Америки вплоть до того момента, когда туда пришли белые, которые ее деформировали, ибо стремились не к гармонии с природой, а к получению прибылей¹⁴.

УТРАТА МЕЧТЫ

Гомеостаз - это еще не конец. Люди в этой фазе подобны подавляющему большинству

трудящихся инерционной фазы, и не только крестьян и ремесленников, а исполнительных чиновников, работающих инженеров, добросовестных врачей и педагогов. Ведь пассионариев отличает не умение, честность и приспособленность к выполняемой работе, а честолюбие, алчность, зависть, тщеславие, ревность, которые толкают их на иллюзорные предприятия, а те могут быть иногда полезными, но крайне редко.

Человек фазы этнического гомеостаза чаще всего - хороший человек, с гармоничным складом психики. Он, как правило, честен, потому что его не терзают страсти и не соблазняют пороки. Он доброжелателен, ибо ему нет необходимости отнимать у соседа то, что для него было бы не необходимостью, а излишком. Он дисциплинирован, так как воспитан в уважении к старшим и их традициям, но все это делает его природным консерватором, непримиримым к любым нарушениям привычного порядка. Короче говоря, гармоничные личности, или, говоря точнее, гармоничные особи - фундамент каждого этноса. Но в критические моменты фундаменту нужны опоры, нужно возведение крепкого строения над собой - "башен", "зданий". С потерей их пассионарной заряженности этноса быть не может. Так и этнос покоится на среднем гармоничном уровне, пока не происходит перестройка его.

И ведь гармоничный человек неглуп. Он умеет ценить подвиги и творческие взлеты, на которые сам неспособен. Особенно нравятся ему герои и гении времен минувших, так как покойники не могут принести никакого беспокойства. И он вспоминает о них с искренним благоговением, что дает право назвать описываемую фазу - "мемориальной". Услужливая память опускает все эпизоды, огорчающие человека, да и этнический коллектив. Не то чтобы тяжелые и позорные события полностью забывались, но вспоминать стараются события приятные, тешащие самолюбие. История постепенно становится однобокой, а потом перерастает из науки в миф. Но и это еще не предел упрощения этнической системы. Память - груз тяжелый, а отбор воспоминаний требует некоторой, пусть небольшой затраты пассионарной энергии. И если этнос-изолят доживает до очередной фазы - глубокой старости, то его члены не хотят ничего ни вспоминать, ни любить, ни жалеть. Их кругозор во времени сокращается до отношений с родителями или, редко дедами, а в пространстве - до тех пейзажей, которые мелькают перед их глазами. Им все равно, вертится ли Земля вокруг Солнца, или наоборот. Да и вообще, им удобнее жить на плоской Земле, ибо сферичность утомляет их воображение.

Субпассионарии этого сорта существуют во всех фазах этногенеза, но их обычно не замечают, потому что уж очень они неинтересны. Но когда они остаются одни, то их называют "примитивными" и "отсталыми", тогда как они просто старые и беззащитные. Но остатки мифов и легенд у них есть, а это показывает, что нами описано не начальное, а конечное состояние этноса, которое называть фазой как-то неудобно.

Однако предрешенность этногенезов - только вероятность. Бездна надежных положений не бывает, ибо всегда возможна регенерация.

XI. Скрытые силы

ЭТНИЧЕСКАЯ РЕГЕНЕРАЦИЯ КАК ПРИНЦИП

Итак, мы рассмотрели все известные в этнической истории фазы этногенеза. Но нельзя считать изложение вопроса законченным, если мы не упомянем еще об одном специфическом свойстве этнического процесса способности к регенерации.

Суть этнической регенерации - это частичное восстановление этнической структуры, наступающее после периода деструкции. Какой характер носит регенерация в зависимости от фазы этногенеза?

В фазе подъема регенерация на уровне этноса не наблюдается, поскольку пассионарность довольно устойчиво растет, что ведет к усложнению структуры этноса.

В акматической фазе уже есть что восстанавливать, поскольку эта фаза подрывает

политическую мощь этноса, его хозяйство, даже часто бывает связана с повышенным уничтожением собственных сограждан, когда они начинают бороться друг с другом.

Принцип "Будь самим собой" - это принцип обоюдоострый, и если один сам по себе и другой сам по себе, то они мешают друг другу и в лучшем случае толкают друг друга локтями, в худшем - шпагами, а в еще худшем - пускают в ход тяжелую артиллерию. И тогда в эти критические моменты оказывается, что ради самосохранения следует восстановить старый принцип подъема - "Будь тем, кем ты должен быть". Тогда все устанавливается, приходит на круги своя. Этнос создает социально-политическую и государственную систему, при которой он существует, и возвращается опять, естественно, к акматической фазе, т.е. опять к взаимоистреблению, но уже через некоторое время, когда условия станут более благоприятными и не столь трагичными.

Яркой иллюстрацией такого рода регенерации является восстановление России после Смутного времени. К началу XVII столетия высокий уровень пассионарного напряжения привел к крайне сильному кризису, поставившему под сомнение сам факт существования огромной страны. Только усилиями ополчения, руководимого нижегородским купцом Мининым и обедневшим князем Пожарским, был водворен хоть какой-то порядок и провозглашен царем юный Михаил Романов, на простых санях привезенный в Москву. Однако уже при Алексее Михайловиче были восстановлены засечные линии против татар, присоединена Украина, шел процесс крестьянской колонизации по Оке и Волге. Но продолжалось это недолго растущая пассионарность вновь заявила о себе страстями раскола, кровью разинского восстания, хованщины, стрелецких бунтов и петровских казней. Пассионарный перегрев снова вступил в свои права, и снова каждый стремился быть оригинальным.

При инерционной фазе, когда идеалом является или римский Цезарь, или идеал джентльмена, или идеал святого, или идеал богатыря, также возможна регенерация. Возможно, что в критический момент найдутся какие-то люди, которые опять поставят во главу угла не свой личный эгоистический интерес, не свою шкуру, а свою страну, как они ощущают ее, свой этнос, свою традицию.

ПРОВЕРИМ СЕБЯ

Османская Турция возникла в результате пассионарного толчка XIV в., который прошел через Русь и Литву, Малую Азию, через Египет, до Абиссинии. Значит, русские и турки - народы сравнительно молодые. Они прожили всего по 600 лет. Турция сначала росла, как тесто на дрожжах. Первые турки, которые основали могущество будущей турецкой империи, - это кучка беглецов из Средней Азии - туркмен, которые убежали от монголов и, обратившись к местным сельджукским султанам, попросили места для поселения. Иконийский султан разрешил им поселиться за своими владениями, около места Бурса - на границе с Никейской империей, впоследствии Византией.

Турки начали, подобно крестоносцам, священную войну - джихад, - за мусульманскую веру и пригласили всех желающих - гази - принять в ней участие. Со всего мусульманского Востока стеклись пассионарные товарищи, которые готовы были сражаться за веру ислама до тех пор, пока у них сабля не затупится, и до тех пор, пока они не получат достаточное количество богатства и жен, потому что на Востоке это тоже считается очень большим достижением.

Им выдавались на захваченных землях очень маленькие участки для сельского хозяйства, которые назывались тимар, - не то чтобы поместье, а такая усадьба, где семья обрабатывает садик сама, но тимариот-спаги (всадник) должен был являться к султану на собственном коне, с собственным оружием и служить в конном войске. Всадниками становились и черкесы, и курды, и еще не разложившиеся арабы, и в большом количестве сельджуки, и туркмены, и малоазиаты, и татары - кто угодно. Каждый, кто произносил формулу ислама, становился турком, а если он

хотел служить в армии, то становился спаги, т.е. воевал и не платил налоги в виде денег, потому что налог он платил своей кровью.

Но пришел XIV век, когда потомки Эргогрула Осман и особенно Урхан перенесли свои военные действия в Европу. В это время одной конницей уже было не обойтись. Нужна была пехота. Тогда они создали новое войско: новый "яны", а войско "чариг" - это то, что у нас называется "янычары".

Турки, войдя в Европу, на Балканский полуостров, стали брать у завоеванных христианских народов дань мальчиками в возрасте от 7 до 14 лет. Мальчиков обращали в ислам, очень хорошо кормили, обучали богословию закону Аллаха, потом военному делу и делали из них пехоту. Жили они в казармах, имели котлы, из которых ели совместную, очень вкусную кашу; им давали сытную пищу. Часть их служила в артиллерии, часть в пехоте. Это была самая лучшая в то время пехота, которая существовала в Европе, не уступавшая швейцарской, даже превосходившая ее.

Атаки рыцарской европейской конницы на ряды янычар захлебывались, персидские кызылбаши также не могли прорвать строй янычар. Боевое товарищество у них было исключительно тесное, несмотря на то, что это были ребята из самых разных областей, даже из разных этносов. Сербь, болгарь, македоняне, греки, албанцы, валахи, т.е. румыны, - все могли стать янычарами, надо было только быть христианином, обращенным в ислам. Потом они стали жениться, семьи заводили, но ночевали у себя в казармах (только с отпускными ходили к женам) и представляли надежнейшую и вернейшую силу султана.

Но раз уж турки вышли на Средиземное море, то нужен флот. На флот набрали авантюристов, пиратов и бродяг по всему Средиземному морю. Это были и итальянцы, и греки, и берберы, приезжали датчане, норвежцы, которые нанимались в турецкий флот, а поскольку у них не было ни веры, ни закона, ни чести, ни совести, то они охотно переходили в мусульманскую религию. Они вообще не имели никакой веры, а христианами были, так сказать, механически.

КАРТА. СОЗДАНИЕ И РАСПАД ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

И они образовали корсарско-пиратский флот на Средиземном море, который свирепствовал так, что Испания в ужасе дрожала, Франция еле-еле держалась, берега Италии постоянно подвергались нападениям, и плавание по Средиземному морю было делом очень опасным. До XIX в. существовали эти корсарские эскадры, базировавшиеся у берегов Туниса, Алжира, Орана и в других портах, и, конечно, на портах Востока. Наиболее знамениты были два флотоводца. Один носил название Барбаросса - рыжая борода, по-мусульмански его звали Хайреддин, а по происхождению он был грек с острова Наксос. Другой прозывался Еульдж Али. Происхождение его темное, кажется, из берберов. Его переименовали из Еульдж, т.е. мародер, в Клыч, т.е. меч. Вообще-то был самый натуральный мародер, хотя и исключительно талантливый адмирал. Испанский, венецианский, имперский и папский флоты терпели поражения от этих головорезов.

Вот так создался османский этнос с турецким языком в основе, как видите, из совершенно разноплеменных субстратов. Объединяющими здесь были военная судьба, государственная судьба, политическое подданство при внешнем признаке - обязательной вере в религию ислама. Но проверять этих людей никто не мог. Они говорили, что они мусульмане, однако пили вино, но особенно за ними никто и не следил. Во время своих удачных походов они набирали огромное количество невольниц, делали их своими женами, а их дети от этих разных невольниц пополняли ряды турок. Таким образом, турецкое государство из маленького княжества вокруг Бурсы превратилось в средиземноморскую державу, в совершенно новую державу, называемую Турция, или, на их языке, Высокая Порта. Сами себя они называли не турками, а мусульманами, а турками считалось туркменское население внутренней части Малой Азии, где было два или

даже три мусульманских государстваL2завоеванных этими османами уже довольно поздно, в XV в., после того как они взяли Константинополь.

Надо сказать, что настоящие турки сопротивлялись этому завоеванию со страшной силой, и когда их подчинили, их тоже заставили служить в войске, но в качестве неполноправных, легковооруженных вспомогательных воинов акинджи, которых употребляли для разведки, для грабежа, для рейдов по тылам, для обслуживания транспорта или для земляных работ, когда нужно было, т.е. их эксплуатировали и не уважали.

А эти турки, которых мы называем османами, а они себя - муслим мусульманами, были совершенно особым этносом. Он прошел все фазы, о которых мы говорили, за исключением фазы обскурации. Он дошел до инерционной фазы тогда, когда внутренняя пассионарность потомков туркменских богатырей, первоначальных борцов за веру и ренегатов, была растрочена. Это все было разбавлено огромным количеством европейских авантюристов, поступавших на службу к турецким султанам и тоже менявших свою религию, которой вообще у них не было, становившихся турками, когда разваливалось османское хозяйство от неудачных войн с Россией.

Россия была единственной страной, которая побеждала турок, а австрийцев и итальянцев турки били, как хотели. Турция потеряла Крым и побережье Черного моря. Войны, которые стоили дорого, были неудачными. Османская империя постепенно стала разлагаться.

Разлагаться еще она стала не только от войн, а и от безобразного ведения хозяйстваL3. Поскольку из крестьян выжимали все соки, то крестьяне вели хозяйство хищнически, и в этом "благодатном полумесяце", который в древности кормил огромное количество народов, появлялось все больше и больше бросовых земель. Крестьяне бежали в города, тоже входили в эти бандитские шайки на море и на суше, потому что это было выгоднее, чем сидеть дома, копать в земле и подвергаться постоянным оскорблениям и ограблениям со стороны чиновников, чужих для них и непонятно откуда взявшихся. Хотя те и назывались турками, но происходили то из поляков, то из немцев, то из итальянцев, то из французов - из кого попало, кто только захотел обвить себе чалмой голову.

Кончилось это страшной катастрофой в XIX в., когда турки вдруг сообразили, что им чего-то не хватает. - Денег! А откуда их взять? Оказывается, есть очень легкий способ - взять в долг, и они стали брать кредит под проценты у французских капиталистов на покрытие чрезвычайных расходов, а чрезвычайных расходов у них было огромное количество после побед Румянцева, Суворова, Кутузова, Дибича, который вошел в Адрианополь, - вообще много расходов было. В конце концов оказалось, что вернуть долг они не могут. И тогда французское правительство пошло навстречу своей французской буржуазии и сказала: "Ну ладно, мы для вас взыщем этот долг". Оно ввело флот в Эгейское море и потребовало таможи во всех портах, разработки соли и других полезных ископаемых как концессии, право сбора налогов где угодно, пока они не вернут долг.

Итак, Турецкая империя, огромная страна оказалась колоссом на глиняных ногах. Она начала разваливаться и падать, а патриоты поехали в Париж и стали там обучаться европейской культуре и цивилизации. Пожив некоторое время в Париже, они возвращались совершеннейшими французами и пытались устроить у себя какое-то подобие бонапартовского режима или даже республиканского. Это были младотурки. Кончилось все тем, что эти младотурки произвели революцию, низвергли султана Абдул-Гамида, заключили его под стражу, вступили в мировую войну на стороне Германии и были разбиты, уничтожены. Хорошего в их управлении не было ничего, хотя они обещали всем свободу, но кончилось это резней армян. Около миллиона армян было вырезано турками, потому что младотурки заявили, что армяне против этого режима. А те действительно были против, потому что никакие недостатки старой организации исправлены не были, и те армяне, которые 500 лет жили под

гнетом турецких султанов, богатели, жирели и беспрепятственно размножались, населяя даже Америку, были жесточайшим образом этими "либералами" убиты.

Турцию вот-вот должны были оккупировать войска Антанты. Англо-французы заняли Константинополь, греки - Смирну и пошли в глубь Турции. И тут случилась регенерация.

Акматическая фаза кончилась в XVI в., с XVII по XX век шел инерционный период. Оказалось, что те турки, которые жили около Константинополя, возле Эгейского моря, в культурных городах, действительно никуда не годны. Они могли только пить кофе, курить трубки, беседовать на любые темы - о погоде, о политике, о городских сплетнях, но защищаться они совершенно не умели.

А вот дикие, обиженные всеми туркмены внутренних нагорий Малой Азии сохранили свой пассионарный запас, потому что их никуда не брали, и пассионарные юноши оставались дома. Им приходилось уныло пасти овец, ссориться с соседними армянами, хотя до резни не доходило, заводить семьи и воспитывать детей.

И когда их поднял Кемаль-паша на войну против захватчиков, англо-французов и греков, то они очень быстро выгнали их из своих пределов и восстановили Турцию в тех границах, которые существуют ныне.

Но здесь мы видим незаконченный процесс: пример этнической регенерации за счет использования неизрасходованной пассионарности "отсталых" окраинных районов. Пассионарность сгорела в самом Стамбуле, но не в провинциях. То же самое произошло в Аравии, но тут доминанта была другая. Арабов подняли против турок, и они, не имея возможности сражаться с регулярной армией, парализовали турецкие тылы, дали возможность англичанам захватить Палестину, продвинуться от Басры на север, в Месопотамию, и разгромить турок.

Таким образом, импульс у арабов оказался тоже сохраненным в начале XX в., и они добились самостоятельности, потому что подчиняться туркам им было очень неприятно.

ВОЛЯ К СПАСЕНИЮ

В фазе обскурации регенерация носит ограниченный характер. Это особенно заметно, когда речь идет о Византии. Уже в XI в. 20-миллионное население империи охладело к интеллектуальным проблемам. Многие предпочитали всем занятиям роскошную жизнь в самом богатом городе тогдашнего мира Константинополе.

И в самом деле, дивные постройки, которые искусные ремесленники украшали предметами чудного ремесла, рынки, полные зерна, мехов из Руси, славянских рабынь, шелков из Багдада и Китая, вин из Греции, коней из Венгрии и Болгарии, школы, где изучали наряду с Гомером и Платоном поэму о храбром Дигенисе Акрите и стихи Романа Сладкопевца, светлые храмы и могучие стены делали из города особый мирок, только вписанный в тело Византийской империи.

А вокруг столицы, по обе стороны Босфора, на опаленных солнцем холмах Фракии и Вифании бродили козы, звенели цикады и загорелые крестьяне обрезали виноград или собирали оливки на арендуемых участках, а то и на полях помещиков. А кое-где полудикие горцы Эпира, Тайгета и Тавра готовили мечи и стрелы для отражения врагов: католиков и мусульман. Роскошь столицы была не для них; им достались в жизни труд и война.

Вот здесь и разгадка внезапного ослабления Византии в XI в., поставившего ее на край гибели. Столица и провинции перестали думать, чувствовать, а значит, и действовать согласно.

Особенно остро это сказалось на бюрократии, которая имела тенденцию пополняться за счет исполнителей, для коих отсутствие инициативы обязательное условие для благополучия и продвижения. В Константинополе возникла школа юристов, главой которой был Михаил Пселл, весьма образованный и ловкий политик. Опираясь на расположение императриц Зои и

Феодоры, юристы взяли в свои руки управление страной, сделали своими руководящими принципами законность и рационализм, ограничили провинциальную аристократию... и за полвека поставили Византию на край гибели.

Живое иррационально. Слишком жесткая система теряет пластичность и при столкновениях с внешними силами ломается. И первыми жертвами становятся талантливые полководцы: здесь это были Георгий МаниакЛ4и Роман ДиогенL53а это время армия была сокращена и частью заменена наемниками из варягов: англосаксов и русских, военный бюджет урезан, крепости запущены, а страна приведена в состояние анархии.

Сицилийские норманны захватили Италию, печенеги вторглись на Балканский полуостров, сельджуки разбили византийцев при Манцикерте и покорили Малую Азию, папа порвал отношения с патриархом, наемные войска вышли из подчинения, и остаток страны сотрясали внутренние войны, причем соперники не брезговали призывать на подмогу врагов... Греческое царство превратилось во Фракийский деспотат.

Спасла провинция. Богатый землевладелец Алексей Комнин законов не знал, а в делах разбирался и защищать себя от врагов умел. Он положил конец беспорядкам в стране и спас ее население от бесчинств иноземцев: сельджуков, печенегов и сицилийских норманнов.

Три поколения Комнинов: Алексей, Иоанн и Мануил вернули Византии большую часть утраченных земель, за исключением нагорий Малой Азии, где обосновались сельджуки, создавшие Иконийский султанат. В Европе же, после победы над венграми в 1167 г., византийская граница прошла по Дунаю и Драве, включая Далмацию.

Победа Комнинов была достигнута путем сверхнапряжения, осуществленного путем мобилизации пассионарных резервов, еще не растраченных в провинциях.

Режим Комнинов - яркий пример этнической регенерации за счет использования пассионарных окраин. Так Византия на сто лет продлила свое славное существование, но разгром византийской армии сельджуками при Мириокефале в 1176 г. и огромные потери среди лучших войск были началом конца. В 1180 г. умер Мануил Комнин, и его современник написал: "Кажется, будто божественной волей было решено, чтобы вместе с императором Мануилом Комнином умерло все здоровое в царстве ромеев и чтобы с заходом этого солнца мы все были погружены в непроглядную тьму"Л6. Он был прав!

Окончательный распад проходил при Ангелах и закончился падением Константинополя в 1204 г. Крестоносцы с потрясающей легкостью взяли и разграбили богатый, многолюдный город, население которого позволяло себя грабить и убивать. Но маленькая Никея и бесплодный гористый Эпир побеждали лучшие войска французских и итальянских рыцарей, пока не вернули себе столицу и захваченные врагами области.

Вспышка патриотизма в Никейской империи оживила на время расшатавшуюся страну, но процесс этнического распада продолжался, и даже мужество Иоанна Кантакузина не смогло его остановитьL7. Византийский народ исчез, растворился, деформировался задолго до того, как османы ворвались в незащищенный, вернее, не имевший воли к защите Константинополь (5 мая 1453 г.).

ПОСЛЕ КОНЦА

Даже тогда, когда этнос распадается и перестает существовать как системная целостность, остаются либо отдельные конвексии, либо отдельные персоны, причем последние оставляют в истории более заметный след. Так, в Константинополе, взятом турками, осталась патриархия в квартале Фанар. Обитатели этого квартала - фанариоты долго жили, пользуясь милостью султанов, уважавших пророка Ису и мать его Мариам. Только в 1821 г., после восстания морейских греков славянского происхождения, безжалостно вырезавших мусульман, султан Махмуд II приказал повесить патриарха и уничтожил последних византийцев, живших уже без

Византии. Но ведь пока они существовали, они помнили о своем прошлом величии и блеске! Пусть даже это не имело значения для истории, но этнограф должен отметить сам факт наличия осколка прошлого, а этнолог обязан это интерпретировать.

А вот отдельные персоны, эмигранты, имели особые судьбы в зависимости от места, куда они попали. Во Флоренции они обучали гуманистов греческому языку и элоквиенции, в Испании портреты грандов рисовал Эль Греко, в Москве учил и действовал Максим Грек и т.д. Этой инерции хватило ненадолго, но эстафета культурной традиции была передана.

Таким же пережитком своего этноса был Сидоний Аполлинарий, уже ставший христианином и епископом Клермонским в 471 г. Он был очень хорошо устроен при варварских королях, но в письмах изливал невероятную горечь, возникшую от недостатка культурного общения. Никто из собеседников не мог оценить его знаний в латинской филологии. Окружавшие его бородатые бургунды были либо заняты войной, либо пьяны.

Наиболее обильный материал по этой фазе, которую можно назвать "мемориальной", имеется в фольклоре и пережиточных обрядах так называемых "отсталых племен". Замечательные произведения устного творчества имеются у алтайцев, киргизов и, вероятно, у амазонских индейцев и австралийских аборигенов, хотя языковые трудности мешают разобраться в последних случаях детально. Но это не беда. Главное то, что эти этносы отнюдь не "отсталые", а чересчур передовые, т.е. уже достигшие глубокой старости. По сути дела, их память - памятник, столь же подверженный разрушительному влиянию времени, как и их наряды, некогда прекрасно сшитые и украшенные, их деревянные дома, называвшиеся "хоромами", их бронзовое оружие, окислившееся и рассыпающееся при прикосновении. Но это еще не конец, ибо воспоминания тоже сила.

Описанные здесь люди мемориальной фазы еще имеют кое-какую пассионарность, мучающую их от сознания безнадежности. А их ближайшее окружение неспособно даже на отчаяние. Им уже ничего не надо, кроме насыщения и тепла очага.

Схемы этногенеза нескольких суперэтносов (фазы)

1. Исходное сочетание этносов и ландшафтов регионов

Императивы - Разнообразны

Перегибы - нет

2.

Императивы - "Надо исправить мир, ибо он плох"

Перегибы - Пусковой момент

3. Подъем

Императивы - "Будь тем, кем ты должен быть"

Перегибы - нет

4.

Императивы - "Не по-вашему, а по-моему"

Перегибы - Переход в акматическую фазу

5. Акматическая (пассионарный перегрев)

Императивы - "Будь самим собой"

Перегибы - нет

6.

Императивы - "Мы устали от великих"

Перегибы - Переход в фазу надлома

7. Надлом

Императивы - "Только не так, как было"

Перегибы - нет

8.

Императивы - "Дайте жить, гады!"

Перегибы - Переход в инерционную фазу

9. Инерционная

Императивы - "Будь таким, как я"

Перегибы

10.

Императивы - "Не будь ты моим благодетелем!"

Перегибы - Переход в фазу обскурации

11. Обскурация

Императивы - "Будь таким, как мы"

Перегибы

12.

Императивы - "Да когда же это кончится!"

Перегибы - Переход к гомеостазу

13. Гомеостаз

Императивы - "Будь самым собой доволен, тролль", "А ведь не все еще погибло!"

Перегибы - Переход к мемориальной фазе

14. Мемориальная

Императивы - "Вспомним как было прекрасно"

Перегибы

15. Вырождение

Императивы - "А нам ничего не надо"

У них идеалы, т.е. прогнозы, заменены рефлексам. Они не могут и, хуже того, не хотят бороться за жизнь, вследствие чего длительность этой фазы очень мала. Их подстерегает вымирание при любых изменениях окружающей среды, а так как она изменяется постоянно, то неуклонное однонаправленное развитие, будь оно возможно, привело бы вид *Homo sapiens* к депопуляции. Но поскольку этого не происходит, то следует заключить, что пассионарные толчки происходят чаще, чем финальные фазы этногенезов.

Новый пассионарный взрыв - мутация, или негэнтропийный импульс, зачинает очередной процесс этногенеза прежде, чем успеет иссякнуть инерция прежнего. Вот благодаря чему человечество еще населяет планету Земля, которая для людей не рай, но и не ад, а поприще для свершений, как великих, так и малых. Так было в прошлом, предстоит и в будущем, во всех регионах земной поверхности.

Коль скоро так, а это действительно так, то можно свести все фазы этногенезов, с учетом времени и места (эпохи и региона), в одну таблицу, каковую мы и сделали для Северного полушария.

Если бы было достаточно сведений, то можно было бы интерпретировать таким же образом этногенезы доколумбовой Америки, Южной Африки и Австралии. Но это дело будущего.

ПРИМЕЧАНИЯ

A1Вернадский В. И. Биосфера //Избр. соч. М., Л., 1960. Т. 5. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1965.

A2Берг Л. С. Климат и жизнь. М., 1947; Он же. Номогенез //Труды по теории эволюции. Л., 1977.

A3Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1966.

A4Toynbee A. J. Study of history. Abridgement of Volumes //By D. C. Somervell. London; New York; Toronto, 1946. I-IV.

A5Шпенглер О. Закат Европы. Пг., 1922.

A6Гумилев Л. Н. Хунну. М., 1960; Хунны в Китае. М., 1974; Древние тюрки. М., 1967; Поиски вымышленного царства. М., 1970.

A7Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

A8Конрад Н. И. Указ. соч. С. 76-78.

B1Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Основы антропологии. М., 1955. С. 252-255.

B2Гумилев Л. Н. О термине "этнос" //Доклады отделения и комиссий Географического общества СССР. Л., 1967. Вып. 3. С. 3-17.

B3Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей //Вопросы философии. 1964. v 2; Агеев А. Г. Народность как социальная общность //Там же. 1965. v 2; Козлов В. И. О понятии этнической общности //Сов. этнография. 1967. v 2; Андрианов Г. В. Проблемы формирования народностей и наций в странах Африки //Вопросы истории. 1967. v 9; Бромлей Ю. В. К характеристике понятия "этнос" //Расы и народы. М., 1971. v 1; Он же. Этнос и этнография. М., 1973. С. 122-123.

B4Гумилев Л. Н. О соотношении природы и общества согласно данным исторической географии и этнологии //Вест. ЛГУ. 1970. v 24. С. 39-49. К этой точке зрения примкнул Ю. В. Бромлей (см.: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 175-176).

B5Алексеев В. П. В поисках предков. М., 1972.

*1К сожалению Л.Н. попал в одну из логических ловушек, описанных еще Аристотелем, примером которых может являться зеноновский парадокс про Ахилла и черепаху (см. также Г. Селье "От мечты к открытию"). Формальная логика часто ведет к неверным выводам в эмпирических и естественных науках. Причиной ошибки Л.Н. является подразумеваемое утверждение о белом цвете кожи у европеоидов. На самом деле пигмента, придающего "белый" цвет коже, не существует в природе. Клетки кожи, кроме меланоцитов, никакого цвета не имеют, то есть они почти прозрачные. Но так как их много, то с толщиной прозрачность уменьшается и слой эпидермиса (наружного слоя кожи) можно представить как "мутный кусочек слюды". Люди с полным отсутствием темного пигмента (меланина) называются альбиносами. Кожа у них розовая из-за просвечивающих сквозь нее сосудов с кровью. Все остальные цвета и оттенки создаются сочетанием разного количества меланина и описанного "розового" цвета. Реакцию потемнения кожи (увеличение синтеза меланина) в результате действия солнечного света, а именно его ультрафиолетового компонента, каждый может наблюдать у себя после солнечных ванн. Биологический смысл этой реакции состоит в создании физического препятствия (темного пигмента) проникновению вглубь кожи ультрафиолетовых лучей, которые могут вызвать нарушения в генетическом аппарате клеток и спровоцировать рак. Таким образом, жертвуя малым - нагреванием темной кожи, которое компенсируется более эффективным потоотделением у негроидов, природа сохраняет большую защиту клеток кожи от канцерогенных факторов. Поэтому нет ничего удивительного, что темнокожие живут на юге, а светлокожие - на севере. (АМ)

*17Обнаружение расы Гримальди в Европе может равным образом свидетельствовать и о миграции негров из Африки. Шерстистые волосы у негроидов - это приспособительный механизм для предотвращения избыточного нагревания кожи головы. Чем гуще и кудрявее волосы на голове, тем труднее солнечным лучам пробиться к коже в непосредственной близости от такого важного органа как головной мозг. Современные генетические исследования и последние палеонтологические находки подтверждают версию "Африка - родина человечества". Установлено путем отслеживания митохондриальной ДНК, которая передается потомству только от матери, что "праЕва" была родом из Африки. Также в Африке найдены наиболее древние останки гоминидов - предков человека. Но нужно учитывать, что чем древнее останки,

тем труднее их найти и идентифицировать. Окончательный ответ по поводу миграций человечества на сей момент неизвестен, несмотря на постоянное пополнение данных по этому вопросу. (АМ)

*18 Койсанская раса - это реальность. Так же неоспоримы особенности строения неба у койсанских народов. Но вызывает большие сомнения утверждение о разговоре на вдохе. Все млекопитающие производят звуки на выдохе, что имеет свой биологический смысл. Дело в том, что акт вдоха является активным действием, а акт выдоха - пассивным. Другими словами, чтобы вдохнуть надо напрячь определенные группы мышц, а чтобы выдохнуть - просто расслабить. Эластичность грудной клетки и диафрагмы, растянутых при вдохе, выполняет работу по выталкиванию воздуха практически без какого-либо участия мышц при обычном нефорсированном выдохе. Таким образом, чтобы говорить на вдохе надо одновременно контролировать два процесса - вдох и разговор, а при выдохе только один процесс - разговор. Крик также легче издавать на выдохе, используя в дополнение к эластичности грудной клетки силу выдыхательных мышц (в случае человека - внутренних межреберных). В противном же случае эластичность грудной клетки препятствовала бы ее резкому расширению, необходимому для крика. Несомненно, что в некоторых языках существуют специфические щелкающие, свистящие и подобные им звуки, которые можно производить только на вдохе. Попробуйте, например, хрюкнуть или цокнуть языком. Но речь-то идет о процессе разговора в целом, а не об отдельных странных для европейцев глухих согласных звуках. Существование каких-либо особых произносящихся на вдохе гласных или звонких согласных звуков, в образовании которых гортань принимает непосредственное участие, представляется очень спорным, тем не менее в койсанских языках присутствует 95 согласных - абсолютный мировой рекорд, в других же языках в среднем 23. (АМ)

*4 Недавними исследованиями установлено, что негры Африки и австралийцы являются самыми генетически далекими расами человечества. Что может свидетельствовать о ранней миграции человечества в Австралию и дальнейшей изоляции австралийцев от остального мира. (АМ)

*5 К этому следует относиться с осторожностью, т.к. рассказы есть рассказы. По крайней мере, документальных подтверждений этих сведений я не встречал. Однако замечал, что некоторые люди, которые не знают слэнга американских трущоб, часто смотрят на видеомagneтoфoнe в ускоренном режиме перемотки зубодробительные голливудские боевики. (АМ)

*6 Без указания источника это звучит несколько голословно. (АМ)

*7 Предложение трудно соотнести с последующим текстом работы, где доказывается, что этнос - это социально-биологическое явление, если не исходить из марксистских представлений о социальных отношениях. (АМ)

В6 Говоря про природный процесс "сам стал...", мы не допускаем антропоморфизма, а просто применяем привычный оборот. Например: "Ручей проложил себе русло и образовал излучину".

В7 Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1965. С. 283.

В8 Берталанфи Л. Общая теория систем - критический обзор // Исследования по общей теории систем. М., 1969, С. 28, след.; Садовский В. Л., Юдин Э. Г. Задачи, методы и приложения общей теории систем // Там же. С. 12, след.: Малиновский А. А. Общие вопросы строения системы и их значение для биологии // Проблемы методологии системного исследования. М., 1970. С. 145-150.

*8 Наверное, печка не совсем удачный пример закрытой (замкнутой) системы, т.к. здесь

обмен энергией с окружающей средой присутствует. (АМ)

В9Колесник С. В. Общие географические закономерности Земли. М., 1970. С. 7.

*9Замкнутые системы, не обмениваются энергией с окружающей средой, что противоречит описанию этногенеза. В дальнейшем Л.Н. прочитав книгу Г.Николис, И.Пригожин. 'Самоорганизация в неравновесных системах'. МИР, М., 1979. пересмотрел это определение и в работе "Слово о науке" напрямую связывал синергетику и этнологию. Таким образом, мы имеет полное право утверждать, что развивающийся этнос является сложной открытой динамической системой, находящейся в неравновесном состоянии (АМ)

В10Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 122-123.

В11Вернадский В. И. Указ. соч. С.283, след.

*10Вероятно существует некоторая семантическая путаница с энергией, которой не избежал и Л.Н. В его работах встречаются два разных по смыслу понятия энергии. Одно из них соответствует энергии, подразумеваемой у "энергичного человека", и является больше понятием психологическим. Другое физическое понятие энергии, измеряемой в джоулях. К сожалению, Л.Н. часто использовал эти понятия взаимозаменяемо, что не совсем корректно. И вот почему. Для биохимических реакций животные используют энергию специальных молекул (таких как АТФ), которые получаются при расщеплении жиров, углеводов, и иногда белков, полученных через пищу. Но количество этих энергетически богатых соединений никаким образом не влияет на особенности характера индивидуума, которые проявляются в "пассионарности". Также как большее количество топлива в баке не увеличивает мощность двигателя. Поэтому частое употребление Л.Н. термина "биохимическая энергия живого вещества" только запутывает из-за опускания корня "гео" (в оригинале "биогеохимическая энергия живого вещества"), так как в настоящее время определение "биохимический" относится к достаточно узкому кругу реакций и проблем, и расширительная трактовка является ошибочной. Термин Вернадского является очень обобщающим понятием, которое относится ко всей биосфере и "живому веществу" Земли в целом. "Живое вещество, выступая в роли геологически самого мощного химического агента, не только и не столько приспособливается к внешней среде, но и само созидает и формирует эту среду, действительно ее преобразует, приспособлявая ее к себе, создавая благоприятные условия для максимального проявления своих геохимических возможностей." В.И. Вернадский. И наверное, все-таки, неправильно применять его к пассионарности, имеющей весьма и весьма опосредованное отношение к инстинкту размножения, примеры коего приведены Л.Н. Стремление "живого вещества" к развитию и распространению является следствием удивительной самовоспроизводящейся структуры - генома. Как только возникла система "ген -> белок", первые организмы получили громадное преимущество для развития. А потом переход от РНК к ДНК, как основной молекуле для хранения информации, в сотни раз увеличил стабильность генома, т.е. снизился уровень мутаций. Никакой дополнительной "энергии" не требуется для того, чтобы живые организмы стремились размножаться неограниченно при благоприятных условиях, т.к. эта программа записана в геноме с самых древних времен. Те, у кого не было такой программы, просто давным давно вымерли - их заменили "неограниченно размножающиеся" виды. Вероятно, что вся "соль пассионарности" заключается в поведенческих реакциях, которыми определяется тип характера человека или, например, собаки (агрессивный, тихий и т.д.). Эти реакции обусловлены специфичным для каждого индивидуума набором нейромедиаторов и соответствующих рецепторов в головном мозге. Воспитание может только модифицировать то, что уже есть. Если человек - трус, то его нельзя сделать героем. Научить преодолевать страх можно, но научить безрассудным поступкам нельзя. А т.к. все эти рецепторы и медиаторы являются белками, то информация о них заключена в генах, которые и могут подвергаться изменениям (мутации и т.д.). Так видится "пассионарность" на основе

современных знаний в биологии и нейрологии. Никаких доказательств "пассионарных" генов или мутаций пока не существует, т.к. вопрос об этом на Западе (где биологическая наука наиболее развита) не ставится. (АМ)

В12В. И. Вернадским подсчитано, что от одной пары слонов за 740-750 лет "получилось бы около 19 миллионов живых слонов" (там же. С. 287).

В13Гумилев Н. С. Поэма начала //Дракон: (Стихотворный альманах). Пг., 1921.

*11Никаких особых полей или аур, которыми многие сейчас увлекаются, обнаружить пока не удалось. Так называемые биотоки существуют, но они имеют обыкновенную биофизическую природу, являясь побочными продуктами деятельности сердца и нервной системы, и далее кожных покровов (откуда снимаются электрокардиограммы, электроэнцефалограммы, миограммы и т.д.) не распространяются, и к психологическим характеристикам субъекта прямого отношения не имеют. Поэтому идею о полях и ритмических колебаниях можно понимать только фигурально. Эта сфера, вероятно, принадлежит к области социальной психологии, а не физики. Как нечто новое и непривычное воспринимается не ритм биотоков, а стереотип поведения, формирующийся на основе наследственности и воспитания. Наверное, существуют психологически совместимые и несовместимые стереотипы, которые и дают явления симпатии и антипатии на этническом и суперэтническом уровнях. Возможен также вариант, что на симпатии и антипатии влияют какие-то аналоги феромонов. (АМ)

*12Одно из наиболее удачных определений пассионарности без привлечения сомнительных терминов. (АМ)

*13Примеры таких генеалогий эллинских племен можно посмотреть на Энциклопедии "Мифика: мифология, фольклор и легенды". (АР)

С1Открытие великой реки Амазонки: Хроники и документы XVI века о путешествиях Франсиско де Орельяны. М., 1963. С. 48, след.

*14Это не совсем так, Исаак Ньютон (1643-1727), был назначен в 1696 г. Смотрителем (Warden), а в 1699 г. Директором (Master) Королевского Монетного двора - крупнейшего и передового по тем временам промышленного предприятия Англии. На посту Директора Ньютон находился бессменно до 1725 г. и при этом за огромные заслуги перед государством был до 1705 г. возведен королевой Анной в рыцарское достоинство. Уходя на покой он добился назначения на пост Директора своего зятя Джона Кондуита (1688-1737) - мужа племянницы Ньютона К. Бартон, - который к тому времени уже несколько лет выполнял обязанности заместителя Директора. Тем самым была обеспечена преемственность управления и мы с полным правом можем говорить о практически 40-летней "эре Ньютона" в руководстве одним из важнейших финансовых учреждений Англии. См. Ю.Л. Менцин. "МОНЕТНЫЙ ДВОР И ВСЕЛЕННАЯ" (Ньютон у истоков английского "экономического чуда")//Вопросы Истории, Естествознания и Техники. 1997. v 4. (АР)

*15Видно, что Л.Н. хорошо понимал ограниченность знаний любого человека. Необходимо согласиться, что поиск причин феномена пассионарности не входил в задачи ученого, т.к. методами исторических и географических наук эту проблему не решить. (АМ)

*16Это не настолько очевидно как кажется. Существуют и другие механизмы изменения генетической информации (например, мультипликация генов), которые часто не подходят под определение мутации. Если это все-таки мутация, то вполне вероятно, что связь с космосом непрямая. К тому же, в 98-99% случаев мутации неблагоприятны или даже летальны для особи. И если какой-то фактор вызывает мутации в определенной географической области, то там должно возникать что-то вроде мора. Красивые "линии толчков", скомпилированные Л.Н., доказательством "космичности" пассионарности служить вряд ли могут, принимая во внимание временные и географические допуски (? 50-100 лет и ? сотни километров). Эти линии могут

быть и совсем не "геодезическими" и иметь разрывы в десятки лет. Микромутация не означает маленькое изменение, которое фенотипически незаметно, этот термин означает степень изменения ДНК. Даже микромутации (точечные) с заменой лишь одного основания ДНК могут быть смертельны для организма. Место любой мутации, даже микро, предсказать нельзя, также как и вызвать какую-либо мутацию в определенном гене, т.к. это стохастический процесс. Поэтому "линии толчков", приводящих к единообразным несмертельным мутациям в разных географических зонах у достаточно многих людей, вызывают сомнения. Что касается других вариантов, то первое, что приходит в голову - биологический агент. Им может быть какой-либо вирус, или прион, или транспозон ("прыгающий ген"). Этот агент может действовать сам или опосредованно, изменяя - активируя или блокируя - определенную область(и) генома, и делать эти изменения постоянными, что может проявиться в пассионарности. Ни доказать, ни опровергнуть эту и сотни подобных теорий нельзя, т.к. основанием служат только логические построения без обязательной проверки экспериментом. Поэтому самое разумное решение - перестать ломать копья, выясняя природу пассионарности без каких-либо реальных данных о ее биологической и молекулярной основе. Не надо заново изобретать флогистон и эфир. Нужно просто принять "пассионарность" как феномен, описанный на основе анализа эмпирических данных за исторический период. (АМ)

*17Очень трудно представить себе в физическом или биологическом смысле "повышенную абсорбцию энергии из внешней среды", ведь животные это не растения. Тут, вероятно, опять спутаны два различных понятия энергии (см. комментарий 12). Если особь будет больше кушать или лучше переваривать, а именно через пищу животные и человек получают энергию для жизни, то совершенно невероятно, что сия особь будет пассионарнее остальных. А вот количество жира или мышц (в зависимости от образа жизни) точно увеличится. Однако по записям папского посланника при монгольском дворе, Плано Карпини, пассионарные татары XIII века в физическом развитии уступают европейцам и их военные победы не могут быть приписаны их физическому состоянию (АМ).

D1Остров Скандза. откуда вышли готы - южная Швеция, долго носившая имя "Готия" (см.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов /Вступ. ст., перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской. М., 1960. С. 68. Прим. 68. С. 190). Иордан ошибочно отождествляет готов с древними готами.

D2См.: Брайчевский М. Ю. Походження Русі. Київ, 1968. С. 152-156.

D3Росомоны - противники готов и союзники гуннов - упомянуты Иорданом в указанной выше книге только один раз в Г 129 (С. 279). Б. Л. Рыбаков считает росомонов ядром будущей русской народности - русов (см.: Советская археология. 1953. XVII. С. 100). Судя по именам Супильда, Сар, Аммий, росомоны не славяне. Упоминаны они и у Захария Ритора, автора VI в. (см.: Пигулеская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М., Л., 1941. С. 84 и 166).

D4Даки - племя, истребленное римлянами. Об этнической его принадлежности достоверных данных нет. Известно, что они граничили с бастарнами (в Карпатах) и гетами (на нижнем Дунае) и входили в состав державы, созданной гетским царем Бурвистой. Эта держава включила Молдавию, Румынию, Болгарию, часть Западной Украины, Буковину, Венгрию и Чехию (см.: Тихонова М. А. Роль западного Причерноморья в сложении культуры Поднепровья //КСИИМК. 1940. Вып. 8. С. 67). Но это объединение оказалось эфемерным. "По словам Страбона, Бурвиста погиб низвергнутый, потому что некоторые восстали против него" (Иордан. Указ. соч. С. 238). Надо полагать, что расширение державы готов еще не было началом подъема этноса, а явилось результатом пассионарного ослабления соседних племен Восточной Европы. В отличие от Бурвисты, Децебал создал в Дакии этнически монолитную державу, сопротивлявшуюся Риму до 107 г. После жестокого подавления даков Траяном завоеванная

территория стала провинцией и была заселена ссыльными из восточных областей империи и семьями легионеров. Уцелевшие от резни даки растворились среди колонистов, как колонны - крепостные (Моммзен Т. История Рима. М., 1949. Т. V. С. 191-194). Последовавшие в III в. войны (сарматские и готские) так опустошили страну, что Аврелиан в 270 г. вывел римские войска из Дакии, но многие колонисты предпочли остаться и подчиниться готам. Однако это были уже не даки, а румыны (см.: Вебер Г. Всеобщая история. М., 1983. Т. 4. С. 450, 506).

D5

*3Взгляд на этого пассионария как на обычного человека содержится в книге Марка Абрамовича "Иисус, еврей из Галилеи" (AP).

D6Наряду с агрессивными течениями, стремившимися возродить "кровавую старину", в I в. появились настроения, благосклонные к творческому контакту с соседями. Некоторое время существовали иудео-христиане - эбиониты: они исчезли после разрушения Иерусалимского храма (см.: Николаев Юрий. В поисках за божеством: Очерки из истории гностицизма. СПб., 1913. С. 77). Современником Христа был известный Аполлоний из Тианы, культ которого бытовал более 300 лет (там же. С. 59) как синкретизм. Попытку объединения ветхозаветного учения с платонизмом предпринял знатный иудей Филон Александрийский. Он ввел в иудейское учение понятие Логоса как "сына Божия" (Вебер Г. Указ. соч. С. 387-388). Именно Филон оставил наиболее подробное описание учения и жизни ессеев, которых по числу было почти столько же, что и фарисеев (см.: Амусин И. Д. Рукописи Мертвого моря. М., 1960. С. 199). Ессии исповедуют "благородную бедность, занимаются ручным трудом и проживают в местах обособленных; рабство они отрицают, Христа не признают" (там же. С. 208). Близкая к есseyству "кумранская община" заимствовала в Иране дуализм, т.е. вечную войну "сынов света" и "сынов тьмы" (там же. С. 172-173). Но самое сильное воздействие на мировоззрение восточных этносов I-III вв. оказал гностицизм, поставивший на место личных родовых богов безликую "Плерому" (полноту всего сущего) и ее проявления - зоны (греч.). Это учение проникло в Иудею, где в талмудическом иудаизме Плерома названа Ейнсоф, а зоны - шехины. Даже учение офитов - поклонников Змея, соблаздившего Еву, имеет аналог в иудаизме (см.: Николаев Юрий. Указ. соч. С. 236-241; 206-215). Значение изучения древних мифологем в том, что их разнообразие показывает резкий подъем "пассионарности" и характеризует фазу этногенеза. О вариациях стереотипов поведения см. ниже.

D7"Письмо Плиния" (X, 97) императору Траяну в 112 г. и ответ Траяна "... не должно разыскивать их, но если они уличены, должно наказывать их. Притом, если человек говорит, что он не христианин и докажет это делом, т.е. призыванием наших богов, то он должен получить прощение, хотя бы существовало подозрение, что он христианин" (цит. по: Вебер Г. Указ. соч. С. 414).

D8Так погиб в 290 г. римлянин Бонифаций (Вонифатий). Месяцеслов. М., 1978. Т. 2. С. 401-402.

D9О десятом фиванском легионе см.: Робертсон Дж. История христианской церкви. СПб., 1890. Т. 1. С. 133.

D10"...И расходятся люди во мнениях о том, почему арабов стали называть арабами" (цит. по: Грязневич П. А. Аравия и арабы //Ислам. М., 1984. С. 122-131).

D11Мюллер А. История Ислама. СПб., 1895. Т. 1. С. 2-3.

D12Там же. С. 43-46.

D13Савеллий, уроженец Ливии, был самым ярким выразителем христианского течения - моделизма, строгого монотеизма, отрицавшего принцип Троичности. Бог, по учению саввеллианцев, един, но выступает в различных модусах, одним из коих был Христос. Это учение было осуждено римским епископом Каллистом I около 220 г., но продолжало

исповедоваться в Сирии и римской Африке (см.: Николаев Юрий. Указ. соч. С. 415). Продолжателем Савеллия был Павел Самосатский, с 260 по 272 г. епископ антиохийский. Он считал Иисуса Христа человеком, рожденным от Духа Святого и воплотившим в себе Логос (Слово). Сирийские епископы низложили Павла как еретика; Павел бежал в Пальмиру, где у него было много единомышленников, но Пальмира в 272 г. была взята римским императором Аврелианом, и "монархиане" (так были названы последователи Савеллия и Павла Самосатского) рассеялись по Сирии и Аравии (см.: Вебер Г. Указ. соч. С. 438-439, 509).

D14 Иисуса Христа Мухаммед считал пророком, а Евангелие - святой книгой. Легко заметить, что его понимание христианства совпадало с монархианством Савеллия и Павла Самосатского. Прочие христианские исповедания были во время правления халифов только терпимы.

D15 Гумилев Л. Н. Древние тюрки. С. 356-357.

D16 Кабус-намэ /Пер. Е.Э. Бертельса. М., 1958.

D17 Синха Н. К.. Банерджи А. Ч. История Индии. М., 1954. С. 99.

D18 Кумарилла восстановил учение о личном Боге и Создателе около 750 г (Беттами и Дуглас. Великие религии Востока. М., 1899. С. 75).

D19 Шанкара, ученый брамин, шиваистский поэт (см.: История Индии в Средние века. М., 1968. С. 198), выдающийся мыслитель VIII в., основатель многих сект и философского учения-веданты (см.: Чаттерджи С., Датта Д. Введение в индийскую философию. М., 1955. С. 53-58; 280-347).

D20 См.: История стран зарубежной Азии в Средние века. М., 1970. С. 95-98 и список литературы.

D21 Босеорт К. Э. Мусульманские династии. М., 1971. С. 243, след.

D22 Гумилев Л. Н. Древние тюрки. С. 349-362, 404-424.

D23 Гумилев Л. Н. Старобурятская живопись. М., 1975. С. 16-17.

D24 Там же.

D25 Там же.

D26 Гумилев Л. Н. Хунны в Китае. С. 180. См. также: Гумилев Л. Н. Величие и падение Древнего Тибета //Страны Востока. М., 1969. Вып. VIII. С. 153-182; Богословский В. А. Очерк истории тибетского народа. Л., 1962. С. 41; Цыбилов Г. Ц. Буддист паломник у святынь Тибета. Пг., 1918. С. 18; Кузнецов Б. И. Тибетская летопись "Светлое зеркало царских родословных". Л., 1961. С. 56.

D27 Гумилев Л. Н. Люди и природа Великой степи //Вопросы истории. 1987. v 11. С. 64-77; Хунну.

D28 Гумилев Л. Н. Троецарствие в Китае //Доклады отделения и комиссий Геогр, об-ва СССР. Л., 1968. Вып. 5. С. 108-127.

D29 Гумилев Л. Н. Хунны в Китае. С. 272.

D30 Гумилев Л. Н. Древние тюрки. С. 504.

D31 Бичурин (Иакинф) Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.; 1950. Т. 1. С. 355.

D32 Гумилев Л. Н. Статуэтки воинов из Туяк-Мазара //Сб. музея антропологии и этнографии. Л.; М.; 1949. Т. XII. С. 243.

D33 Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1966. С. 127.

D34 Дуфу. Стихи //Пер. А. Гитовича. М., 1955. С. 45-46.

E1 Дорст Ж. До того как умрет природа. М., 1968. С. 39.

E2 Там же.

F1 Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чингисхана //Исследования и материалы по

истории России и Востока. Брюссель, 1939. Вып. 1.

F2Цит. по: Босеорт К. Э. Нашествие варваров //Мусульманский мир: (9051150). М., 1951. С. 33.

F3Папа Иоанн XII, в юности Октавиан, сын "сенатора Рима" (т.е. правителя), был избран на престол в 955 г. шестнадцати лет от роду. Ватиканский двор стал вертепом продажных женщин. То, что папа охотился, играл в кости, волочился и пьянствовал, куда ни шло. Но он давал пиры с возлияниями в честь древних богов и предлагал гостям пить в честь сатаны! Это шокировало римлян даже больше, чем связь папы с наложницей своего отца, с ее сестрой и ее племянницей. Иоанн XII был отрешен в 963 г., но боролся за власть, мучил пленных и умер в 964 г. от паралича в доме одной из своих дам (Вебер Г. Всеобщая история. М., 1893. Т. 6. С. 79-85).

F4Императора Генриха IV погубила откровенность его жены - Евпраксии Всеволодовны, которую Генрих принуждал к участию в тайных оргиях - "черных обедах". Русская женщина не стерпела немецкого кощунственного разврата и убежала в Каноссу, откуда папа (зафиксировав ее показания и дав отпущение) отправил княжну под надежным конвоем домой в Чернигов. Там она постриглась в монахини и скончалась 9 июля 1109 г. (Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 126-127)

F5Усама ибн Мункыз. Книга назидания. М., 1958. С. 208.

F6Осокин Н. Первая инквизиция и завоевание Лангедока французами. Казань, 1872.

F7Филипп Август женился на датской принцессе Ингеборг. Когда же она с богатым приданым приехала в Париж, он прогнал ее под предлогом "непреодолимого отвращения", но имущество ее присвоил. Короля осудили и папа, и народ. В конце концов ему пришлось стать мужем датчанки, фактически или формально.

*19История Франции во времена Столетней войны изложена похожим образом и в статье П. Уварова, "Париж? Это где-то во Фландрии..." - (АР)

*20Подробности захвата Британии англосаксонскими племенами отражены в статьях О. Дмитриевой "Островной вариант" и "Белый дракон над Англией" (АР)

F8Это легендарная версия, но она точнее отражает характер создавшейся коллизии, чем фактическая история покорения свободных кельтов и казни их вождей в 1282-1283 гг. Эдуард II родился в Уэльсе и получил от отца титул принца Уэльского, но восстания кельтов продолжались до 1295 г.

F9См.: Вебер Г. Указ. соч. М., 1894. Т. 8. С. 839.

F10См.: История Византии. М., 1967. Т. I. С. 195.

G1Литература по митраизму громадна. Известны и описаны иранский, киликийский и римский митраизмы. Митраизм был главным соперником христианства в I тыс. н.э. Восточный вариант митраизма обнаружен у тибетцев и монголов (см.: Гумилев Л. Н. Древнемонгольская религия //Доклады Геогр. об-ва СССР. Л., 1968. Вып. 5. С. 31-38; Кузнецов Б. И., Гумилев Л. Н. Бон (древняя тибетская религия) //Доклады Геогр. об-ва СССР. Л., 1971. Вып. 15. С. 72-90).

G2Таким образом в Ленинград попала карта легендарной страны Шамбала и карта мира, включавшая Америку. Оказалось, что Шамбала - не мистическая область злых богатырей, а Селевкидское царство в Сирии и Иране во II в. до н.э. (см.: Гумилев Л. Н., Кузнецов Б. И. Две традиции древнетибетской картографии //Вестник ЛГУ. 1969. v 24. С. 89-101).

G3Пер Гюнт - герой одноименной драмы Г.Ибсена (1828-1906).

G4Заболоцкий Н. Избранное. М., 1960. С. 19. (В печатном тексте в последней строке приведенного отрывка - опечатка.)

G5Гумилев Н. Поэма начала //Дракон: альманах стихов. СПб., 1921. С. 33.

G6Сухое изложение этого события см.: Вебер Г. Всеобщая история. М., 1892. Т. 3. С. 315.

G7Аргументацию этого тезиса см.: Арсеньев И. От Карла Великого до Реформации. М.,

1909. Т. 1. С. 87.

G8Осокин Н. Первая инквизиция и завоевание Лангедока французами. С. 194.

G9Там же С. 195.

G10Главными и общедоступными работами по вариантам исмаилизма являются: Сиасет-намэ: Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька / Перевод, введение и изучение памятника и примечания Б. Н. Заходера. М.; Л., 1949; Беляев Е. А. Мусульманское сектантство. М., 1957; Петрушееский И. П. Ислам в Иране. Л., 1966; Бертелье А. Е. Насир-и-Хосров и исмаилизм. М., 1959.

G11Политическую историю карматов см.: Мюллер А. История ислама. СПб., 1895. Т. II-III.

G12Усама ибн Мункыз. Книга назидания. М., 1958. С. 201

G13Беляев Е. А. Мусульманское сектантство. С. 60.

G14Цит. по: Бертелье А. Е. Насир-и-Хосров и исмаилизм. С. 262.

G15Там же. С. 263. Стихотворный перевод Л. Н. Гумилева.

H1Жерсон создал теорию, согласно которой Вселенский собор выше папы, и написал трактат "О низлагаемости папы" (см.: Вебер Г. Всеобщая история. М., 1894. Т. 8. С. 200).

H2Оттокар II - последний славянский король Чехии, потомок крестьянина Пшемысла, выбранного в короли и завещавшего как реликвию свои лапти потомкам. Оттокар II и его двор увлеклись блестящим церемониалом рыцарской Германии. Оттокар II усердно строил города для немецких колонистов, чем ограничил права крестьян и чешской знати. Присоединив в 1252 г. Австрию, он превратил Богемское королевство в этническую (германо-славянскую) химеру. Рудольф I Габсбург, заключив союз с венграми и половцами, разбил Оттокара II на Мархском поле в 1278 г. Оттокар пал в бою (Вебер Г. Указ. соч. Т. 7. С. 709-711).

H3Пассионарный толчок, поднявший славянство и византийство, был в I в., а германо-французский - в IX в. Отсюда несходство в традициях и фазах этногенеза, что ускорило надлом суперэтнического поля.

H4Король Вацлав (Венцеслав) IV в 1409 г. издал Кутногорский декрет, по которому во всех важных университетских делах чехи имеют три голоса, а "тевтоны", т.е. иностранцы, - только один. Тогда немецкие профессора покинули Пражский университет, ректором коего стал Ян Гус (см.: Хрестоматия по истории Средних веков /Под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина. М., 1950. Т. II С. 134-139).

H5О национальном подъеме чехов существует огромная литература не только на русском, но еще больше на иностранных языках (как старая, так и новая), приводить ее здесь нецелесообразно.

H6

H7...В воскресенье 17 марта (1420 г.) по приказанию папского легата, находившегося в то время вместе с Сигизмундом, королем римским и венгерским, в городе Вратислава был объявлен на проповедях по храмам крестовый поход против богемцев, особенно против ревнителей причащения чашей, как против еретиков и врагов церкви римской" (Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. М., 1962. С. 50).

H8Трачевский А. Учебник русской истории. СПб., 1900. Ч. 1. С. 180.

H9Карл V (1500-1558) 6 мая 1521 г. издал в Вормсе эдикт о провозглашении Лютера еретиком, но не был поддержан князьями, рыцарством и городами. Лютер публично сжег папскую буллу с требованием отречения от своего учения и в письме к одному из своих друзей Спалатину объявил папу Льва X антихристом (Хрестоматия. М., 1950. Т. III. С. 111-112). Надо отметить, что "формула отлучения от церкви", возникшая в XIII в. и постоянно употреблявшаяся в XVI-XVIII вв., содержит повод для такого обвинения: "Взываю к тебе, сатана, со всеми посланниками, да не примут они покоя, пока не доведут этого грешника до вечного стыда, пока

не погубят его вода или веревка... Предписываю тебе, сатана, со всеми твоими посланниками, чтобы, как я гашу теперь эти светильники, так ты погасил свет его очей" (там же. С. 213). Трудно дать в руки врагов папства более веский аргумент о союзе папы с дьяволом.

Н10См.: Джившегов А. Германия после Тридцатилетней войны: Книга для чтения по истории нового времени. М., 1911. Т. II. С. 307-346. При этом примечательно, что погибло 3/4 населения - 40% городского и 60% сельского (12-13 млн). В этой связи интересна депопуляция Чехии. В 1420 г. чехов было 3 млн, а в 1620 г. после битвы на Белой Горе - всего 800 тыс. человек (Трачевский А. Указ. соч. С. 180). Это показывает, что лозунги Реформации были не причиной, а индикатором смены знака или надлома, т.е. начала упрощения системы. Проверим этот вывод на примере Галлии (см.: Урянис Б. Ц. Рост населения в Европе. М., 1941. С. 33-43). В I в. до н.э. население этой страны насчитывало 6-7 млн человек, а во II в. н.э. после жестокого завоевания Цезарем, восстаний и гражданской войны против Нерона - 8 млн. человек. Вторжение германцев в IV-V вв., казалось бы, должно было повести к обезлюдению этой страны, но около 1000 г. при первых Капетингах население достигло 9 млн., в три раза превысив население Германии, где между Эльбой и Реной обитало 3 млн (в 1328 г.), но победу в Столетней войне одержала Англия, где находилось всего 3 млн (там же. С. 57). Население Франции после объединения ее Людовиком XI составляло всего 15 млн (там же. С. 43). Даже эти отрывочные данные позволяют сделать вывод, что характеристика фаз определяется естественным процессом этногенеза, а не культурными сдвигами и кризисом, хотя последние часто совпадают с ними.

Н11Данте Алигьери. Божественная комедия. Ад /Пер. Лозинского. М.; Л., 1950.

Н12М. Я. Сюзюмов в очерке "Трагедия иконоборчества" (История Византии. М., 1967. Т. 2. С. 54-56) показал мировоззренческие противоречия малоазиатов и греков. Иконоборцы считали почитание икон идолопоклонством, утверждая, что икона - материализация истинной реальности, отображение сверхчувственного мира; связь изображения с прототипом осуществляется не естеством, а благодаря божественной энергии. И они обвинили иконоборцев в манихейской тенденции - отрицании причастности материи к Божеству. Позднее, в конце фазы надлома, при императоре Феофиле, в Малой Азии появилось движение еще более крайнее, уже не христианское - павликианство. Павликиане считали всю материю творением сатаны, грабили монастыри и города, а пленных юношей и девушек продавали арабам. Так они боролись с материальным миром (там же. С. 77).

Н13Этническая пестрота в Багдадском халифате повела к многочисленным беспорядкам, из коих наиболее опасными были восстания зинджей (869-883) и карматов (890-906). Для подавления мятежей халиф Мутасим (833-842) учредил гвардию гулямов - тюркских удальцов, которых покупали в степях Евразии и в Африке. Они служили в коннице. Тюрки предпочитали своих вождей халифам и, почувствовав свою силу, стали низвергать и убивать халифов. Запуганное население Багдада подчинялось тюркам, а все области отпали, за исключением Ирака и Западного Ирана. Политическое единство было утрачено навеки, но суперэтническая целостность - мусульманский мир - сохранилась.

Л1Обобщенное описание индейцев см.: Стингл М. Индейцы без томагавков. М., 1971. Необходимую библиографию см. там же. См. также предисловие Ю. Аверкневой (с. 9-17) к русскому изданию этой книги.

Л2Инка Гарсиласо де ла Вега. История государства инков. Л., 1974.

Л3Мигель Леон-Портилья. Философия нагуа. М., 1961. С. 144-146.

Л4Кинжалов Р., Белов А. Падение Теночтитлана. Л., 1956.

Л5Парке Г. История Мексики. М., 1949. С. 136.

Л6Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. М., 1974. 336 с

J7Завоевание Ирландии англичанами длилось с 1155 по 1487 г. с переменным успехом. В 1487 г. ирландцы поддержали восстание сторонников Белой розы и были разбиты Генрихом VII Тюдором (Вебер Г. Всеобщая история. М., 1894. Т. 8. С. 851). Дальнейшая борьба проходила в рамках единой государственной (но не этнической) системы, вплоть до возвращения Ирландией самостоятельности путем гражданской войны в 1919 г.

J8Гумилев Л. Н. Древние тюрки. С. 329-349.

J9Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М., Л., 1951. С. 38.

J10Гумилев Л. Н. Хунну. С. 88; Хунны в Китае. С. 11.

J11Гумилев Л. Н. Истоки ритма кочевой культуры Срединной Азии: (Опыт историко-географического синтеза). Народы Азии и Африки. 1966. v 4. С. 85-94; Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии. История СССР. 1967. v 1. С. 53-66; История колебаний увлажнения Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980. С. 32-47.

J12Три версии происхождения тюрков содержится в китайских анналах (переводы на русский, французский, немецкий языки); обобщение и критику источников см.: Гумилев Л. Н. Древние тюрки. С. 21-24.

J13Там же.

J14Бичурин (Иакинф) Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. С. 301.

J15Малов С. Е. Указ. соч. С. 36-37.

J16Гумилев Л. Н. Изменения климата и миграции кочевников //Природа. 1972. v 4. С. 44-52.

J17Это выражение приписано Балдуину Фландрскому, первому императору Латинской империи (1204-1205) (Панченко Б. А. Латинский Константинополь и папа Иннокентий III. Одесса, 1914. С. 5-6).

J18Монофизиты Сирии, или яковиты; их община основана в середине VI в. епископом Эдессы Яковом Барадеем. К этой церкви примкнули армяне и сирийцы, противниками ее были несториане и римский патриархат; Константинопольская патриархия искала компромисса, но безрезультатно (История Византии. М., 1967. Т. 1. С. 280).

J19Монофелитство - попытка примирения монофизитов с православием; признание наличия у Иисуса Христа двух естеств, но единой божественной воли. Авторство доктрины принадлежит константинопольскому патриарху Сергию (VII в.). Учение монофелитов было отвергнуто и монофизитами, и православными, но нашло приверженцев в горах Ливана. В XII в. их община объединилась с католической церковью.

J20Grousset R. Histoire des Croisades. Paris, 1934-1936. Vol. 3.

J21Куглер Б. История крестовых походов. СПб., 1895. С. 404.

J22Мюллер А. История ислама. СПб., 1896. Т. 3. С. 259.

J23Галстян А. Г. Армянские источники о монголах. Извлечение из рукописей XIII-XIV вв. М., 1962. С. 53.

J24Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. С. 214-215.

J25Панченко Б. А. Указ. соч. С. 5-6.

J26Грязневич П. А. Аравия и арабы //Ислам. М., 1984. С. 128-129.

J27Там же. С. 122.

I1Буассье Г. Общественное настроение времен римских цезарей /Пер. В. Я. Яковлева. Пг., 1915. 295 с.

I2Сергеенко М. Е. Жизнь Древнего Рима. М.; Л., 1964. Гл. 7. "Бани". С. 144-160.

I3Роскошь пиров, даваемых богатеями, хорошо описана Петронием в "Пире Трихмальхиона", но нам важнее знать, чем и как питались бедняки и рабы. Главной пищей римлян был хлеб с приправами соленых маслин, уксуса и дешевой пресноводной рыбы; богат

был ассортимент овощей: лук, чеснок-порей, щавель, укроп, горчица, сельдерей, тмин и "на сладкое" - инжир, яблоки, груши. Горячей пищей была бобовая или чечевичная каша - "растительное мясо", восполняющее недостаток в белках. Мяса было мало; свинина считалась лакомством, а молоко и творог были в изобилии только у пастухов, гонявших стада от Калабрии до Самниума. Слабое вино с водой играло ту же роль, что у нас чай (Сергеенко М. Е. Указ. соч. С. 121-127).

I4Первоначально римское войско было ополчением; воин в походе получал от государства паек, единообразное вооружение и небольшое жалованье, из которого вычиталась стоимость оружия и пайка. Рабы и бедняки в армию не допускались. Во II в. до н.э. консул Марий повысил солдатское жалованье и привлек в армию "пролетариев". Для солдат был установлен срок службы: сначала 16, а потом 20 лет. Армия оторвалась от народа (Суздальский Ю. П., Селецкий Б. Л., Герман М. Ю. На семи холмах: Очерки культуры древнего Рима. М., 1965. С. 119-122). Август превратил легионы в постоянное войско, оплачиваемое государством. Тогда (в I в.) начались солдатские мятежи.

I5Транквилл Гай Светоний. Жизнь двенадцати цезарей //Источники античности. М., 1989. С. 409-520.

I6Орлов М. А. История сношений человека с дьяволом. СПб., 1904. С. 132-135.

I7Лозинский С. Г. Роковая книга средневековья (Предисловие к книге) //Монахи Шпренгер Я. и Инститорис Г. Молот ведьм /Пер. с латинского Н. Цветкова. М., 1932. С. 31.

I8Там же. С. 8-10

I9Там же.

I10Здесь и ниже см.: Гумилев Л. Н. Древние тюрки.

I11Дорст Ж. До того как умрет природа. С. 137.

I12Стингл М. Индейцы без томагавков.

I13См.: Дуглас У. О. Трехсотлетняя война. Хроника экологического бедствия. М., 1975. С. 153.

I14Урданис Б. Ц. Рост населения в Европе. С. 20. (Данные приведены по: Beloch. Die Bevolkening der griehischenromischen Welt. Leipzig, 1886).

I15Цит по: Дуглас У. О. Трехсотлетняя война. С. 161.

K1Гумилев Л. Н. Троецарствие в Китае. С. 108-127.

K2Гумилев Л. Н. Хунны в Китае.

K3В старинном смысле слова - "победоносный полководец". Этим титулом легионеры наградили Германика в 16 г. за победу над германцами на равнине у р. Везер.

K4Юлий Виндекс был потомком аквитанских царей (Вебер Г. Всеобщая история. Т. 4. С. 202). Примечательно, что все противники Нерона были уроженцами западных провинций, а восточные симпатизировали ему.

K5Домициан свирепо истреблял образованных людей, но опирался на войско и городскую чернь. Узнав об убийстве Домициана, преторианцы убили много людей, не замешанных в заговоре. Разгул убийств усмирил только Траян в 98 г. (Вебер Г. Указ. соч. С. 269-273)

K6Кир, называемый историками Кир II Великий, (?-530 г. до н.э.) первый царь с 558 г. до н.э. государства иранцев Ахеменидов. Завоевал Мидию, часть Кавказа, Малую Азию, часть греческих городов и Среднюю Азию - Туран до Памира. В 539 г. покорил Вавилон и Месопотамию. Во время похода против саков в Туран погиб. Кир и его наследник Камбиз были "цари города Аншана", т.е. эламиты. По смерти Камбиза вся покоренная страна восстала против насильственного объединения. Победителем своих соперников оказался перс Дарий Ахеменид, потомки которого царствовали на Ближнем Востоке до похода Александра Македонского. Связь царей Аншана с Ахеменидами сомнительна.

К7Парфянское завоевание Ирана следует рассматривать как начало нового витка этногенеза, синхронного хуннскому. Фирдоуси в "Шах-намэ" не рассматривает парфян как освободителей, а его поэма - рифмованная хроника, отражавшая историософию его времени.

К8Бехар. Стихотворения /Пер. с перс. Л. Н. Гумилева. М.; Л., 1959. С. 187.

К9"Царствование Хормизда ибн Нуширвана продолжалось 12 лет. Когда он сел на царство, опытных людей унизил и всех писцов великих, и священнослужителей, и людей, которых отец его возвеличивал, всех до одного убил!" (цит. по: Гумилев Л. Н. Подвиг Бахрама Чубины. Л., 1962. С. 15).

К10Моммзен Т. История Рима. М., Л., 1948. Т. 3.

К11Начиная со II в. население Рима неуклонно сокращалось. При Траяне (II в.) насчитывалось около 2 млн. человек; при Константине (IV в.) - около 0,3 млн; при взятии Рима Аларихом (V в.) - около 0,1 млн; через 100 лет, при освобождении Рима от власти готов Велизарием - около 0,06 млн, из коих только 6 римских фамилий (Урданис Б. Ц. Рост населения в Европе. М., 1941. С. 63-64).

К12Дамм Г. Канака (Люди южных морей). М., 1964. С. 180.

К13Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. М., 1974. С. 312.

К14Там же. С. 221-226.

L1Кызыл - красный, баш - голова. Туркмены из Азербайджана - шииты, объединенные в 1501 г. шейхом Исмаилом ибн Хайдаром и завоевавшие весь Иран. Они красили бороды хной и носили красные шапки (Босвор К. Э. Мусульманские династии. М., 1971. С. 227).

L2Караман в центральной Анатолии (1256-1483). Кара-Коюнлу - "черный баран" в Ираке (1380-1468) и Ак-Коюнлу - "белый баран" в восточной Анатолии (1378-1508).

L3Смирнов В. Д. Кучибей Гомюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции. СПб., 1873. С. 266 и след.

L4Георгий Маниак - талантливый византийский полководец, побеждавший арабов в Месопотамии в 1032 г. и в Сицилии, был там оклеветан своими бездарными помощниками и отозван в столицу. Зная, что его ждет, Маниак поднял восстание в 1043 г., но в выигранной битве был убит случайной стрелой (История Византии. М., 1967. Т. 2. С. 270-271).

L5Роман Диоген - талантливый полководец, принадлежал к каппадокийской знати и, следовательно, был противником клики синклитиков (бюрократов). В 1067 г. он возглавил заговор против императрицы Евдокии, был приговорен к смертной казни, освобожден Евдокией, сослан к себе домой, возвращен из ссылки, стал мужем императрицы и императором - 1 января 1068 г. В 1071 г., преданный деятелями оппозиции, Роман был разбит при Маницкерте сельджуками и попал в плен, откуда был вскоре выпущен. Дома его встретили как врага, разгромили с помощью иностранных наемников, взяли в плен и ослепили столь мучительно, что он умер в 1072 г. (там же. С. 283-288).

L6Там же. С. 333.

L7Кантакузин - "великий domestik" - главнокомандующий византийской армией, регент при Михаиле V (1341), вождь аристократической партии в гражданской войне 1341-1355 гг. С 1347 по 1354 г. - император Иоанн VI. Отрекшись от престола, умер монахом в 1383 г.